

II МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**ЗИМНЯЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ СНО**

ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И
ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**СБОРНИК
СТАТЕЙ**

2-4 ДЕКАБРЯ 2022г.

Издательство Скифия-принт, Санкт-Петербург, 2023

ББК 66.49

УДК 327

3-62

Редакционная коллегия: Кузьмин И. А., Попов Д. И., Габриелян М. О., Альмуков Т. М., Матяшова Д. О., Харин А. О. (Санкт-Петербургский государственный университет)

Рецензенты: Барышников Д. Н., Худолей К. К., Павлов А. Ю., Цветкова Н. А., Федоров Н. В., Лихачев К. А., Голубев Д. С., Чихачев А. Ю., Маркушина Н. Ю., Тулунов Д. С. (Санкт-Петербургский государственный университет)

3-62 Зимняя конференция СНО: вызовы региональной и глобальной безопасности: сборник статей Второй международной студенческой научной конференции 2–4 декабря 2022 г. / И. А. Кузьмин и др. [ред.].— СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023.— 316 с.

ISBN 978-5-00197-097-2

Настоящий сборник включает статьи, подготовленные участниками Второй международной студенческой научной конференции «Зимняя конференция СНО: вызовы региональной и глобальной безопасности», прошедшей 2–4 декабря 2022 года на Факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Публикуемые исследования студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов из университетов Санкт-Петербурга и других городов России и мира основаны на докладах, представленных в рамках секций и круглых столов конференции, и посвящены широкому спектру вопросов, связанных с актуальными проблемами международной безопасности, её региональным и глобальным измерениями, а также иными аспектами.

ISBN 978-5-00197-097-2

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ»

- Файзеева Милана Руслановна, Попов Дмитрий Игоревич*
Вопросы безопасности в латвийской арктической стратегии
на современном этапе 7
- Чернева Татьяна Сергеевна, Чжан Юй*
Тенденции развития российско-китайского сотрудничества
в Арктике в рамках региональной интеграции ШОС..... 17

СЕКЦИЯ «КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

- Беспалов Константин Александрович*
Основы становления кибербезопасности НАТО..... 27
- Дроздова Анна Дмитриевна, Ратникова Анна Алексеевна*
«Золотой щит» ШОС: сказка или реальность? 36
- Иванова Елизавета Сергеевна*
Опыт Швейцарии в обеспечении кибербезопасности: основные
программы и инструменты 46
- Ляшкевич Мария Васильевна*
Влияние использования инструментов международного
политического маркетинга в социальных сетях на глобальную
и региональную безопасность..... 55
- Матвеева Дарья Владимировна*
Развитие концепции кибербезопасности Китая в современных
международных отношениях 66
- Никитина Ксения Андреевна*
Когнитивная безопасность в контексте совершенствования
методов ведения информационных войн 75

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА МОРЕ: ПОЛИТЭКОНОМИЯ, ТЕХНОЛОГИИ, СТРАТЕГИИ»

Китов Владислав Николаевич

Стратегия администрации Джо Байдена по морскому сдерживанию Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (на примере AUKUS) 85

Машенин Андрей Владиславович, Никандрова Екатерина Валерьевна

Анализ оборонных стратегий талассократий на примере Великобритании 94

Субботин Илья Александрович

Универсальный флот? Стратегия и развитие военно-морских сил ФРГ на современном этапе 104

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ОСОБЕННОСТИ, ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ, ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ»

Барабанова Елизавета Максимовна

Межгрупповой антагонизм как общественная норма: роль социологических аспектов конфликтов в формировании стратегий дипломатических интервенций. 115

Головко Николай Максимович

Деятельность Международной конференции региона Великих озер (МКРВО) по урегулированию вооруженных конфликтов в Демократической Республике Конго 127

Nurgazinova Dana

Water Security in Central Asia: Transboundary Water Management in the Kyrgyzstan-Tajikistan Conflict 135

Фадина Яна Сергеевна

Каталонский сепаратизм как результат нестабильной политической обстановки в Испании и угроза для существования государства. 143

СЕКЦИЯ «ВЕПОНИЗАЦИЯ НЕВОЕННЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ»

Абахтимова Дарья Олеговна

Позиция Германии относительно проекта «Северный поток» в исторической ретроспективе. 152

<i>Карпушева Виктория Алексеевна</i>	
Роль экологической безопасности в политике Исландии как малого государства	162
<i>Луценко Анастасия Николаевна</i>	
Шотландский сепаратизм как угроза энергетической безопасности Великобритании	172
<i>Стрельцов Леонид Евгеньевич</i>	
Секьюритизация мексиканской миграционной проблемы в контексте американской национальной безопасности	182
<i>Харламова Екатерина Максимовна</i>	
Польский вариант разрешения миграционного кризиса в Европе и стратегия реализации миграционной политики (2015–2022 гг.) .	191

СЕКЦИЯ «НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

<i>Иванов Глеб Иннокентьевич</i>	
Инструменты ЕС в сфере управления конфликтами и их применение	200
<i>Килунов Илья Константинович</i>	
Опыт Бенилюкса в обеспечении военной безопасности как пример для возможного общеевропейского проекта	211
<i>Смирнова Анастасия Николаевна</i>	
Секьюритизация миграции в политике Европейского союза.	220
<i>Христов Симеон Веселинов</i>	
Минилатеральный подход и энергетическая безопасность государств — участников инициативы «Трех морей»	230

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

<i>Безотосова Анастасия Руслановна</i>	
Проблема снижения ядерных рисков в деятельности «ядерной пятерки»	239

SECTION “SECURITY DISCOURSES IN CONTEMPORARY POLITICAL THEORY AND PRACTICE”

<i>Gabrielian Maksim Olegovich</i>	
Historical Memory as the Possible Subject of Securitization Case of the “Mnemonic Security Dilemma” in the Contemporary US-Chinese Rivalry	248
<i>Kondrin Maksim Dmitrievich</i>	
Securitization of Separatism: Comparative Analysis of Russian and Spanish Cases	257
<i>Novolodskaya Alisa Alekseevna</i>	
The Concept Of Human Security in India	265
<i>Smirnov Egor Vladimirovich</i>	
Migration-Related Securitization in the Discourses of the Left and the Right: Italian General Elections — 2022	274
<i>Khamatdinova Alina Olegovna</i>	
Empathy and Fear: The Role of the Emotional Aspect of Moral Reasoning in the Construction of Security Discourses.....	286
<i>Chepurnaeva Olga Yurievna</i>	
The Role of the Small States’ Politics of Neutrality in Ensuring Modern International Security on the Example of Austria and Switzerland.....	295

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

<i>Иванов Глеб Иннокентьевич</i>	
Политика Великобритании в сфере ядерного оружия, нераспространения и контроля над ядерным оружием на современном этапе	304

СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ»

Файзеева Милана Руслановна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет креативных индустрий,
Бакалавриат

Попов Дмитрий Игоревич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук,
Магистратура

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛАТВИЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

SECURITY ISSUES IN THE LATVIAN ARCTIC STRATEGY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Настоящая статья посвящена образу безопасности в формирующейся латвийской арктической стратегии. Чтобы оценить важность этих вопросов в дискурсе Латвии об участии в арктических процессах, авторы выявляют основные черты подхода Риги к Арктике на современном этапе и их восприятие в латвийском обществе. Работа основана на подходе неоклассических реалистов к изучению международных отношений, а также концепции комплексов региональной безопасности Копенгагенской школы. В результате исследования определено, что в арктической стратегии Латвии представлено широкое понимание безопасности, связанной с Арктикой через неделимость безопасности Северной Европы или евроатлантического пространства.

Ключевые слова: Латвия, Арктика, Балтийский регион, региональные комплексы безопасности, неоклассический реализм, Эдгар Ринкевич.

Abstract. This article deals with the the security problem in the emerging Latvian Arctic strategy. To assess its importance in Latvia's discourse about its participation in Arctic processes, the authors identify the main features of Riga's approach to the Arctic at the present stage and its perception in Latvian society. The work is

based on the approach of neoclassical realists to the study of international relations, as well as the concept of regional security complexes of the Copenhagen School. As a result of the study, Latvia's Arctic strategy presents a broad understanding of security related to the Arctic through the indivisibility of the security of Northern Europe or the Euro-Atlantic space.

Keywords: Latvia, Arctic, Baltic Region, Regional Security Complex, Neoclassical Realism, Edgars Rinkēvičs.

Введение

В последнее время Арктика привлекает внимание стран, расположенных далеко от Крайнего Севера. Однако помимо вопросов глобального потепления, в условиях геополитической нестабильности и повышения конфликтности системы международных отношений начинает широко использоваться образ угроз в Арктике, что может влиять на национальную безопасность различных государств.

Подобные дискуссии в настоящий момент можно наблюдать в Латвии. Она входит в НАТО и ЕС, которые связаны с арктической тематикой, что делает возможным проецировать угрозу в Арктике всему альянсу на угрозу национальной безопасности Латвии. К тому же в последние десятилетия можно отметить тесное сотрудничество стран Балтии с государствами Северной Европы, например, в рамках инициативы Nordic-Baltic Eight (NB8), попытки формирования единого региона вокруг Балтийского моря, с общей идентичностью и общим пониманием угроз. Случай Латвии, таким образом, становится актуальным как пример восприятия безопасности в Арктике неарктическими государствами и отражение общих тенденций, когда в арктическую деятельность через структуры НАТО и ЕС вовлекается все большее число государств, которые могут изменить расстановку сил в регионе, важном для российской внешней политики.

Степень изученности арктического направления латвийской политики на данный момент минимальна, поскольку оно начало проявляться совсем недавно и четких тенденций еще не выявлено. Существуют лишь статья Е. Долженковой и Д. Мохорова о роли Латвии в Арктике в контексте перспектив сотрудничества [1], работа М. Варгулиса о рисках и возможностях Латвии как малой страны в Арктическом регионе [2] и исследование М. Файзеевой и Д. Попова о предпосылках формирования латвийской арктической политики [3], поэтому изучение отдельного аспекта безопасности в стратегии Латвии в отношении Арктики является значимым.

Наше исследование посвящено рассмотрению дискурса об арктической безопасности в Латвии. Мы определим, насколько важны подобные вопросы в формирующейся латвийской арктической стратегии, как обра-

зуется связь безопасности в Заполярье с национальной безопасностью самой Латвии. Для достижения этой цели мы анализируем подход Риги в отношении ее деятельности в Арктике, определяя значимость в нем аспектов безопасности, и изучаем восприятие арктической тематики в латвийском обществе.

Под арктической стратегией Латвии мы понимаем комплекс различных заявлений руководства страны, отдельных публикаций и записок органов государственной власти и научных центров, в которых прослеживаются потенциальные интересы Риги в отношении Арктики. Таким образом, источниками работы становятся публикации на порталах латвийского МИД и других учреждений, на официальных страницах в социальных сетях соответствующих органов и политических деятелей, а также материалы периодической печати и программы латвийских партий, в которых находит отражение мнение общества в отношении арктических вопросов, что важно для понимания, насколько правительственный курс совпадает с запросами латвийцев.

Мы опираемся на подход неоклассических реалистов для изучения внешней политики государств, частью которой является нарождающаяся арктическая политика Латвии в контексте проблемы безопасности. Согласно ему, решение руководства страны определяется как реакция на системные стимулы, под которыми в нашем случае понимается повышение конфликтности международных отношений и активизация арктической деятельности различных государств в соответствии с образом лидеров, стратегической культурой страны, взаимоотношением государства и общества и внутренними институтами [4, р. 34]. Таким образом, данный подход, сочетающий в себе понимание национальных интересов государства, подробный анализ внутренних факторов, при рассмотрении государства в системе международных отношений позволит выявить сущность риторики о безопасности в Арктике для Латвии.

Кроме того, для понимания связи латвийской безопасности с Арктикой стоит обратиться к концепции комплексов региональной безопасности, предложенной представителями Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузаном и О. Вэвером [5, р. 3]. Согласно их подходу, общие угрозы могут стать основанием региональной интеграции, если каждое государство региона будет связывать свою безопасность с безопасностью других. Именно в рамках этой концепции возможно рассматривать Латвию не только как часть Балтийского региона, но и более широкого комплекса безопасности от Арктики до Балтики, принадлежность к которому для латвийского руководства может становится актуальной в условиях их членства в НАТО, обращению к североευропейской идентичности.

Безопасность в Арктике как системный стимул для формирования арктической стратегии Латвии

Вплоть до начала 2023 г. Латвия не выпустила своей арктической стратегии. О возможном участии страны в арктической политике впервые сказано в отчете об эстонской арктической политике, подготовленном в 2014 г. Международным центром по исследованиям в области обороны. В нем были представлены рекомендации, которые касались Латвии именно в контексте внешних вызовов для ее безопасности: обращалось внимание на важность для нее стабильности в регионе, которую могут осуществить ЕС и НАТО, а главной угрозой в Арктике объявлялась Россия [6, р. 23]. В качестве же оправдания участия Латвии в арктических вопросах называли ее включенность в северо-европейское региональное сотрудничество, так что Латвия воспринималась частью этого регионального комплекса безопасности.

К этому времени начинают проследиваться заявления о влиянии российской активности в Арктике на положение Латвии, опять же в контексте безопасности. Например, в 2016 г. депутат латвийского Сейма от Союза зеленых и крестьян обращал внимание МИД страны на необходимость следить за событиями в Арктике, что показывало их значимость для латвийского общества. В 2017 г. об угрозе Латвии со стороны России в Арктике заявил министр обороны страны Раймонд Бергманис, представитель той же партии, объяснив это тем, что своими действиями в данном регионе РФ создает новые точки для противостояния, отвлекает союзников Латвии от других проблем [7].

С другой стороны, дискурс о значимости безопасности в Арктике прослеживается в конкретных примерах внешнеполитической активности Латвии, прежде всего, в ее взаимодействии с североευропейскими партнерами, безопасность которых Рига не отделяет от своей. Так, информация о том, что глава МИД Эдгар Ринкевич в октябре 2019 г. посещал Арктический форум в шведском Умео, активно распространялась через официальные аккаунты МИД и самого министра в социальных сетях. В своих выступлениях он затрагивал разные сюжеты, связанные с Арктикой, в первую очередь — вопросы безопасности и мира в регионе [8], при этом подчеркивая скорее международные интересы, а не прямую связь с латвийской внешнеполитической стратегией. В то же время Э. Ринкевич подчеркивал роль ЕС как интеграционного объединения и арктических, и неарктических стран, которая должна со временем увеличиваться [8]. Так, в повестке встречи глав МИД Латвии и Исландии в феврале 2020 г. арктические вопросы также оказались важными, причем Э. Ринкевич напрямую обозначил интересы своей страны в Заполярье и обратил внимание на те же вопросы безопасности, не раскрывая их подробно [9].

Наконец, именно на одной из подобных встреч — между главами МИД Латвии и Финляндии — Э. Ринкевич объявил мировому сообществу, что в 2022 г. Латвия будет готовить заявку на участие в Арктическом совете в качестве страны-наблюдателя. Отметив влияние процессов в Арктике на проблемы безопасности, экономики и экологии в Балтийском регионе, он, однако, выделил вопросы изменения климата, цифровизацию и логистику в качестве приоритетов Латвии вместе с возможностью углубления региональной кооперации [10]. Таким образом, угрозы в Арктике как воспринимаемые системные стимулы приводят к рассмотрению других тем в арктической стратегии Латвии, которые также соотносятся с ее стратегической культурой, зеленым курсом и цифровизацией, что должно подчеркнуть принадлежность страны к европейскому сообществу.

Арктика и безопасность в планах внешнеполитической активности МИД Латвии

Связь латвийской национальной безопасности с Арктикой, как и потенциальное участие Латвии в арктических делах в целом, можно проследить по ежегодным докладам МИД о планах внешнеполитической активности. Впервые Арктика в них упоминается в 2013 г. в контексте проблемы глобального потепления [11], затем арктическая повестка вновь поднимается только в докладе по итогам 2018 г., где уже четко обозначается проблема милитаризации, что, согласно документу, напрямую влияет на безопасность Латвии и ее союзников [8]. В добавление к этому сказано о экологических вызовах, таянии льдов в Арктике, что ведет к негативным изменениям в Балтийском море, на побережье которого находится Латвия. При этом потепление подается в докладе и с положительной стороны, оно предоставляет возможность активной добычи полезных ископаемых и развития транспорта, к чему Латвии, стране — члену ЕС и относительно близкой к Заполярью, следует подключаться [12].

В докладе 2019 г. часть об Арктике становится более существенной, с перечислением и возможностей — добыча природных ресурсов, транспорт, и угроз — глобального потепления и геополитического противостояния, в котором особую роль Латвия отводит КНР, подчеркивая ее экономическое присутствие. Но Риге рекомендуется активнее участвовать в международном сотрудничестве в Заполярье, вместе с другими членами ЕС [13]. Именно Европейский Союз, его инициативы и проекты подаются как рамка для подключения Латвии к арктическим процессам, но не комплекс безопасности.

В докладе по итогам 2020 г. Э. Ринкевич отмечал, что Арктика, стратегическое значение которой повышается, напрямую становится частью внешнеполитической стратегии республики через участие страны в кооперации

с Северной Европой. И хотя конкретные цели латвийской арктической политики министр на этот раз не обозначил, он заявил, что начинается подготовка заявки на участие Латвии в Арктическом совете в качестве страны-наблюдателя [14].

В связи с этим летом 2021 г. МИД подготовило информационное сообщение о готовности республики стать наблюдателем в Арктическом совете, в котором обозначались приоритеты будущей политики страны в рамках 4 направлений: геополитическом, экологическом, экономическом и научном [10]. Вновь особое внимание уделялось вопросам безопасности, подчеркивалась связь ситуации в Арктике со стабильностью в Балтийском регионе, но говорилось и о необходимости сотрудничества по арктическим вопросам с Россией, которая на тот момент председательствовала в Совете и через которую Латвия могла получить прямой доступ в Заполярье. Тем не менее, в отчете МИД за 2021 г. пункт о планах Латвии вступить в Арктический совет остался без подробного описания и в контексте многих других планов в рамках многосторонней дипломатии [15].

Помимо отчетов МИД, тема Арктики поднималась в ежегодных сборниках Латвийского института международных дел, исследования которого во многом коррелируют с реальным внешнеполитическим курсом страны. Именно этот институт еще в 2014 г. выпустил специальный сборник, посвященный восприятию и стратегиям «арктичности» в субарктической Европе. В нем опубликована статья М. Варгулиса о возможностях Латвии в Арктике [2], в которой показано, что Латвия встает в один ряд с другими потенциальными участниками арктических процессов. В то же время Заполярье описывается как важная часть евроатлантической архитектуры безопасности, к которой Латвия принадлежит, в связи с энергетическими вызовами и новыми угрозами, исходящими от РФ, в условиях украинского кризиса.

В дальнейшем в ежегодных сборниках по латвийской внешней политике и политике безопасности Арктика упоминается лишь в 2017 г., причем опять вместе с угрозами со стороны России. При этом Арктика как источник газа связывается с решением энергетических проблем страны, что расширяет толкование безопасности [16]. Подобную тенденцию можно видеть и в сборнике 2019 г., где в числе угроз называются и милитаризация, активность России в регионе, и изменение климата, влияющее на Балтийский регион. Особое место отводится связи безопасности Латвии с безопасностью ее союзников, прежде всего в рамках NB8, а также предлагаемого комплекса безопасности Арктики, Балтийского и Северного морей [17]. В 2020 г. в сборнике опубликована статья об арктических сценариях для Латвии, ее авторы сосредотачиваются на общих вопросах, многие из которых связываются с безопасностью в разных трактовках (геополитическое и геоэкономическое столкновение Запада и РФ, изменения климата, ресурсы), но перспективы Риги сводятся к общеевропейскому подходу

к Арктике [18]. Последнее раскрывается в публикациях следующих двух лет: в 2021 г. подчеркивается роль Латвии в арктической стратегии НАТО [19], что связывает ее политику в регионе с военной безопасностью, а в 2022 г. показано, как через платформу ЕС будет возможно участие Риги в экологических и научных вопросах, тогда как аспект безопасности раскрывается через связь региона с Балтийским морем и сотрудничеством по линии NB8 [20]. Таким образом, в публикациях Латвийского института международных дел представлен постоянно меняющийся взгляд на безопасность в Арктике, связь которой с латвийской безопасностью оправдывается принадлежностью страны к единому региону Арктики и Балтики.

Восприятие вопросов безопасности в Арктике латвийским обществом

Итак, теперь рассмотрим, как дискурс о связи безопасности Латвии со стабильностью в Арктике принимается обществом. Это демонстрирует его значимость во время парламентских выборов в стране осенью 2022 г.: во время избирательного процесса партии как выразители интересов различных частей общества обращаются к той повестке, которая важна для граждан страны, поэтому упоминание арктических вопросов может доказать, что латвийцев волнуют арктические угрозы.

Тем не менее, ни одна партия напрямую не упоминала этот вопрос в своей программе и публикациях в социальных сетях. Можно лишь косвенно определить, как приоритеты и ценности партий сочетаются с видением арктической повестки со стороны нынешнего правительства. Партия «Новое Единство», представители которой возглавляют кабинет и МИД, рассматривает национальную безопасность через евроатлантическое сотрудничество и, в особенности, кооперацию с Северной Европой [21]. Аналогично видение и их основного партнера — партии «Национальное объединение», которая прямо заявляет о США как стратегическом партнере, а об РФ — как угрозе, что распространяется на разные области, а также считает важным решение экологических проблем [22], что затрагивает Арктику. Последний пункт также находит отражение в программе партнера этих двух партий в новом правительстве — «Объединенном списке» Зеленой партии и сторонников регионализма, для которых характерно внимание к проблемам окружающей среды [23]. В целом через призму экологического курса и сопоставимости Латвии с североευропейскими державами могут рассматривать арктический курс и системные оппозиционные партии — Союз зеленых и крестьян [24] и «Прогрессивные» [25], так что и они не предлагают каких-то альтернатив проводимой Ригой политике в отношении Арктики. Наконец, несколько отличается подход новых партий — правой партии «Латвия на первом месте» [26] и русскоязычной пар-

тии «Стабильность!» [27], но и они не ставят под сомнение принадлежность Латвии к евроатлантическому комплексу безопасности, лишь предлагают сосредоточиваться на внутренней повестке, что показывает незаинтересованность латвийских избирателей в масштабных внешнеполитических проектах, таких как усиление активности Риги в Арктике.

Аналогично и в латвийских СМИ отсутствовало широкое освещение арктической темы, хотя различия между медиа, ориентированной на русскоязычную часть населения и на латышей, можно обнаружить. Для первых в большей степени характерно саркастическое отношение к арктической политике Латвии (сравнивается с позицией Чехии, еще более отдаленной от Заполярья [28]), хотя часто в них просто пересказывается материал МИД [29]. При этом образ Арктики подается через известные еще с советских времен культурные аллюзии [28], чтобы заинтересовать читателей, убедить их, что Арктика им близка. Подобный образ далекой от Латвии Арктики можно заметить и в прогосударственных СМИ, где Заполярье упоминается в контексте российской угрозы, противодействия ей со стороны НАТО, а также общей политики ЕС [9]. Прямая связь Латвии с Арктикой доказывается через экспедиции, исследования, но она все равно оказывается далекой, суровой землей, к которой Латвия не имеет прямого отношения.

Выводы и прогнозы

Таким образом, обращение руководства Латвии к проблеме безопасности в Арктике до сих пор остается достаточно размытым и определяется прежде всего системными факторами, актуализацией экологических проблем во всем мире или украинским кризисом, через который воспринимается активность РФ в Заполярье. В результате восприятие угрозы в Арктике включает разные сюжеты, связывается с энергетическими проблемами или угрожающим Латвии изменением климата на Балтийском море, но все эти вызовы объединяются восприятием Латвией себя частью более широкого комплекса безопасности Арктики и Балтийского региона, евроатлантического пространства в целом. Именно через неделимость национальной безопасности Латвии и безопасности ее союзников — стран Северной Европы, ЕС и НАТО — и оправдывается заинтересованность Риги в арктической повестке.

В то же время при формулировании приоритетов Латвии в Арктике эти общие образы угроз национальной безопасности постепенно заменяются поиском возможностей для нее участвовать в арктических процессах, собственной деятельности страны в регионе, в связи с чем руководство страны обращается к более конкретным проектам в сфере транспорта, добычи полезных ископаемых, где более важным становятся потенциальные партнеры, но не угрозы. Однако в 2022 г., после обострения конфликта на Украине и повышения кон-

фликтности международных отношений, кооперация с Россией, о которой говорилось в 2021 г. при формулировании латвийской стратегии, не представляется возможной, теперь наиболее значимым становится дискурс об угрозе со стороны РФ на разных направлениях. Вместе с тем, во внутривластной борьбе и общественных дискуссиях обращение к безопасности в Арктике и арктической тематике в целом остается минимальным, что говорит о неудачной попытке секьюритизировать угрозы национальной безопасности Латвии в Заполярье, предпринимаемой руководством республики.

Библиография

1. *Dolzhenkova E., Mokhorov D.* Latvia's role in the Arctic. Cooperation prospects // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. No. 1. P. 12–46.
2. *Vargulis M.* Latvia in the Arctic: A Case Study of Risks and Opportunities for Small Sub-Arctic Countries // Perceptions and Strategies of Arcticness in Sub-Arctic Europe. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2014. P. 193–215.
3. *Файзеева М. Р., Попов Д. И.* Арктическая политика Латвии: предпосылки формирования // Арктика и Север в контексте развития международных процессов. Архангельск: САФУ, 2022. С. 12–17.
4. *Ripsman N. M., Taliaferro J. F., Lobell S. E.* Neoclassical Realist Theory of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2016. 196 p.
5. *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
6. *Tuohy E.* Cooperation and Conflict in the Arctic: A Road Map for Estonia. Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2014. 61 p.
7. Министр обороны Латвии: Россия угрожает нам в Арктике // EurAsia Daily. 05.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/05/ministr-oborony-latvii-rossiya-ugrozhaet-nam-v-arktike> (дата обращения: 18.01.2023).
8. *Edgars Rinkēvičs* // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/edgarsrinkevics> (дата обращения: 18.01.2023).
9. *Rinkēvičs cer, ka Arktika nekļūst par lielvalstu sacensību vietu* // TVNET. 18.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tvnet.lv/6902725> (дата обращения: 18.01.2023).
10. Minister of Foreign Affairs: In 2022, Latvia is preparing to for the role of an observer in the Arctic Council // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/article/minister-foreign-affairs-2022-latvia-preparing-apply-role-observer-arctic-council> (дата обращения: 18.01.2023).
11. Annual Report by the Minister of Foreign Affairs 2013–2014 // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/media/2227/download> (дата обращения: 18.01.2023).
12. Annual Report of the Minister of Foreign Affairs 2018 // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/media/2223/download> (дата обращения: 18.01.2023).

13. Annual Report of the Minister of Foreign Affairs 2019 // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/media/2222/download> (дата обращения: 18.01.2023).
14. Annual Report of the Minister of Foreign Affairs 2020 // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/article/annual-report-minister-foreign-affairs-accomplishments-and-further-work-respect-national-foreign-policy-and-european-union-2020> (дата обращения: 18.01.2023).
15. Annual Report of the Minister of Foreign Affairs 2021 // Ārlietu ministrija [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/article/annual-report-minister-foreign-affairs-accomplishments-and-further-work-respect-national-foreign-policy-and-european-union-2021> (дата обращения: 18.01.2023).
16. Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2017. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2017. 255 p.
17. Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2019. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2019. 238 p.
18. *Eichmanis J.* Arctic Scenarios: a Latvian Perspective // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2020. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2020. P. 186–195.
19. Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2021. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2021. 245 p.
20. Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2022. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2022. 231 p.
21. Jaunā Vienotība [Электронный ресурс]. URL: <https://jaunavienotiba.lv/> (дата обращения: 18.01.2023).
22. Nacionālā Arvienība [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nacionalaarpvieniba.lv/> (дата обращения: 18.01.2023).
23. Arvienotais saraksts [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apvienotaisaraksts.lv/> (дата обращения: 18.01.2023).
24. Zaļo un Zemnieku Savienība [Электронный ресурс]. URL: <https://zls.lv/> (дата обращения: 18.01.2023).
25. Progresīvie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.progresivie.lv/> (дата обращения: 18.01.2023).
26. Партия «Латвия на первом месте» [Электронный ресурс]. URL: <https://latvijapirmajavieta.lv/ru/> (дата обращения: 18.01.2023).
27. Партия «Стабильность!» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.partijastabilitatei.lv> (дата обращения: 18.01.2023).
28. Уведу тебя я в тундру... Зачем Латвия собралась в Арктику? // Baltijas balss. 13.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://bb.lv/statja/nasha-latvija/2021/07/13/uvezu-tebu-ya-v-tundru-zachem-latviya-sobralas-v-arktiku> (дата обращения: 18.01.2023).
29. С какой стороны ждать угрозу Латвии? Отвечает Ринкевич // Baltnews. 03.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://lv.baltnews.com/riga_news/20190103/1022612459 (дата обращения: 18.01.2023).

Чернева Татьяна Сергеевна,

Чжан Юй

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Аспирантура

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АРКТИКЕ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ШОС

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE ARCTIC WITHIN THE REGIONAL INTEGRATION OF THE SCO

Аннотация. В настоящей статье определены основные направления современных тенденций развития российско-китайских отношений в Арктике, обуславливающих систему регионального взаимодействия государств в долгосрочной перспективе. Проанализированы условия формирования нового регионального управления и возможность интеграции «новых» акторов — организаций (ШОС) в кризисных условиях международной и региональной нестабильности в вопросах безопасности посредством открытого сотрудничества ведущих стран — партнеров организации с учетом ухудшающихся отношений между арктическими странами (Канада, Дания (включая Гренландию и Фарерские острова), Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и Соединенные Штаты) в результате начала РФ СВО в феврале 2022 года.

Ключевые слова: региональная и международная безопасность, российско-китайские отношения, международные организации, система альянсов, стратегическое сдерживание.

Abstract. This article identified the main directions of modern trends in the development of Russian-Chinese relations in the Arctic, which determine the system of regional interaction between states in the long-term perspective. The conditions for the formation of a new regional administration are analyzed and the possibility of integrating “new” actors — organizations (SCO) in crisis conditions of international and regional instability in security matters through open cooperation of the leading partner countries of the Organization given the deteriorating relations between the Arctic countries (Canada, Denmark (including Greenland and the Faroe Islands), Finland, Iceland, Norway, Russia, Sweden and the United States of America) as a result of the launch of the Russian Federation JWO in February 2022.

Keywords: regional and international security, Russian-Chinese relations, international organizations, system of alliances, strategic deterrence.

26 января 2018 года Китайской Народной Республикой была опубликована Белая книга об арктической политике страны. Этот документ показал, насколько интересен и важен регион для Китая, а также продемонстрировал цели, задачи и обозначил принципиальные позиции китайской стороны в арктическом вопросе. Исходя из Белой книги, Китай определяет стратегическое положение и ценность Арктического региона в четырех основных областях: экономике, научно-техническом сотрудничестве, охране окружающей среды и военной безопасности [1].

Декларируемый книгой концепт напрямую коррелирует с положениями «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» — основополагающего документа в области реализации политики России в Арктике в настоящее время. Именно этот документ становится главным в выстраивании новой арктической повестки Российской Федерации, так как отражает актуальную оценку значения региона, а также впервые определяет ориентацию на повышение качества жизни проживающих там людей, которая выделяет приоритетные направления развития каждой территории в составе Арктической зоны, в первую очередь включающих в себя экономический и, как следствие, научно-технологический аспект, а также вопрос военного характера в контексте обеспечения национальной безопасности государства в рамках Арктического региона [2].

Можно определить, что стратегический интерес РФ и КНР в Арктике основывается на двух положениях: 1) устойчивое развитие экономики; 2) обеспечение военной безопасности. Относительная географическая близость Китая к Арктическому региону и большая заинтересованность в управлении и развитии этой зоны являются основой для тесного и плодотворного сотрудничества России и КНР в реализации своих стратегических интересов на взаимовыгодной основе [3, с. 1–16].

Актуальность настоящего исследования обусловлена главным образом событиями после февраля 2022 года, а именно после начала Специальной военной операции (далее — СВО), когда положение Российской Федерации в международном пространстве резко ухудшилось из-за проведения антироссийской политики западными странами в качестве ответной меры на проводимую операцию, затрагивая в том числе и ситуацию в Арктической зоне.

Целью проводимого исследования является выявление и анализ основных направлений развития сотрудничества России и Китая в Арктике, определяющих положения, необходимые для интеграции «новых» акторов (ШОС) и формирования нового регионального управления в кризисных условиях международной и региональной безопасности и стабильности.

Авторы используют структурно-функциональный метод для определения значения, роли и места российско-китайского сотрудничества в рамках возможного объединения в Арктике как ключевого фактора общерегиональной системы управления Арктическим регионом; историко-генетический метод, позволяющий выявить исторические предпосылки и причины для появления возможного российско-китайского арктического союза (в краткосрочном периоде); системный подход для выявления значения и места Арктического региона в политическом дискурсе и стратегическом значении для стран в рамках нормативно-правовой системы государств и общей характеристики ведущих направлений российско-китайского сотрудничества в Арктике с целью определения закономерных тенденций, которые в дальнейшем позволят обосновать систему взаимовыгодных паритетов в рамках Арктического региона, трансформацию регионального взаимодействия государств, а также, как следствие, интеграцию иных стран — участниц организации (ШОС) в систему регионального управления Арктикой.

Приостановление деятельности стран — участниц Арктического совета весной 2022 года при председательстве РФ стало одним из ключевых моментов в формировании новой арктической повестки. Попытки де-факто исключить Россию из данной гуманитарной организации по вопросам охраны окружающей среды и устойчивого развития [4], а также проведение учений НАТО «Cold Response 2022» («Холодный ответ 2022»), морская часть которых проводилась в Норвежском море, определяют новые контуры уже не гуманитарного и социально-экономического сотрудничества в Арктике, а военно-политического противостояния [5]. Особенно если учитывать реализуемые в настоящее время ответные меры на проведение СВО другими арктическими странами в решении вопроса о присоединении прежде нейтральных Финляндии и Швеции к Североатлантическому альянсу.

Нынешнее положение Арктики не может оставаться в контексте открытого гуманитарного и научно-технологического диалога. Современная ситуация резко сократила дистанцию между интересами Запада, в первую очередь, США, и интересами «не Запада» — прежде всего, Российской Федерации, а также Китайской Народной Республики. Интерес НАТО к региону определяет необходимость реорганизации российско-китайского партнерства в рамках конкретных институционализованных объединений.

Также резко ухудшающаяся ситуация в Южно-Китайском море с конца 2021 года [6] требует от КНР принятия решений в вопросах устойчивого экономического развития и обеспечения военной безопасности в пределах своих границ. Для КНР, являющейся одной из крупнейших судоходных держав мира, в условиях нарастающей конфронтации поиск альтернативных путей перемещения грузов имеет решающее значение.

Это подтверждает стратегия экономического развития «Один пояс, один путь», выдвинутая в 2010-х годах КНР, а именно инициатива «Ледовый Шелковый путь». Это не просто использование Северного морского пути в качестве транспортно-логистической магистрали (преимущественно для перевозки каких-либо грузов), который обычно характеризуется как самый короткий морской путь между Европой и Азией, самый безопасный и не имеющий ограничений по размеру судна в отличие от маршрута через Суэцкий канал. Северная ветвь китайской инициативы «Один пояс, один путь» включает в себя целое множество взаимодействий и подразумевает сотрудничество с Российской Федерацией в Арктике в различных областях, в первую очередь в экономической (энергетические проекты) и научно-технологической [7].

Китайская Народная Республика является крупнейшим потребителем энергоносителей, поэтому вопрос наличия или дефицита сырья всегда актуален. В силу того, что вдоль Северного морского пути находятся весьма перспективные для разработки месторождения углеводородов, в данной сфере уже происходит активное взаимодействие между Россией и Китаем в рамках стратегии «Ледовый Шелковый путь».

Основной задачей для Китая в Арктическом регионе, которая в целом совпадает с российскими интересами освоения Северного морского пути, является развитие морских маршрутов в рамках стратегии Нового Шелкового пути.

Китайская сторона акцентирует свое внимание на весьма слабом развитии российской инфраструктуры вдоль Северного морского пути, что отрицательно сказывается на пропускной способности портов Российской Федерации. Кроме того, Пекин видит проблему дефицита денежных средств по причине направленных против России санкций Запада. Все это является серьезным препятствием в продуктивном использовании СМП, а также в успешном самостоятельном освоении данного маршрута Россией [8]. Такое положение дел стимулирует российскую сторону к поиску китайских инвестиций.

В свою очередь совместный проект с Китаем для России имеет не меньшее значение. В.В. Путин в 2017 году на международном форуме «Один пояс, один путь» заявил, что российско-китайские проекты в рамках сопряжения ЕАЭС и Нового Шелкового пути имеют возможность создать новую транспортную конфигурацию Евразийского континента, что будет способствовать оживлению экономической активности. Инвестиции Китая, его опыт, технологии и знания помогут российской стороне в социально-экономическом развитии северных регионов (которое на данный момент является ключевым направлением в арктической политике РФ), результатом чего ста-

нет модернизация портов, создание необходимой инфраструктуры (в том числе строительство железных дорог), расширение маршрутов для судоходства, увеличение количества рабочих мест, повышение производственных мощностей региона, формирование инвестиционной привлекательности в целом [9].

Проект «СПГ — Ямал» является образцом китайско-российского сотрудничества в освоении ресурсов Арктики. Он представляет собой крупномасштабный инвестиционный проект по разведке и добыче, включающий добычу природного газа и конденсата, переработку газа, производство и сбыт сжиженного газа, а также транспортировку.

Также важной объединяющей тенденцией в развитии российско-китайского сотрудничества в Арктике является научно-техническое сотрудничество, особенно в области разработок оборудования и установок для добычи и переработки углеводородов, технологий в области инфраструктурного развития арктических регионов, что представляет особый интерес в первую очередь для России. Но для КНР важнейшим направлением научно-технического сотрудничества может выступить атомное ледоколостроение [10].

Российская Федерация является безусловным лидером в этой отрасли, что главным образом гарантирует ей полный контроль над СМП и возможность свободного прохода в Арктической зоне, тогда как успехи КНР в ледоколостроении ограничены. В марте 2019 года китайская компания China General Nuclear Power Group была назначена разработчиком первого китайского атомного ледокола. До этого в Поднебесной надводные корабли с атомной силовой установкой не проектировали и не строили, было создано несколько атомных субмарин.

В июне того же года председатель Си Цзиньпин и президент Владимир Путин подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства координации в новую эпоху». Подписание двухстороннего соглашения о сотрудничестве также является признаком того, что китайские и российские компании активно реализуют инициативу «Один пояс, один путь», строят «Ледяной шелковый путь» и активно участвуют в коммерциализации арктического водного пути [11].

В этом сотрудничестве для Китая главное — приобрести опыт как в создании кораблей подобного класса, так и ядерных энергетических установок. Последние, по мнению специалистов, с теми или иными изменениями и доработками будут использоваться на китайских атомных авианосцах, а также на других кораблях, в том числе гражданских.

Вопрос развития военно-морского флота, в том числе атомных субмарин, выходит для КНР на первый план в рамках программы модернизации

НОАК [12], и развитие данного направления в контексте российско-китайского сотрудничества также может стать одним из ключевых направлений, объединяя в себе экономическую, научно-технологическую и военную составляющую стратегических интересов стран. А арктическое пространство может стать базой для развития этого сотрудничества.

Время открытости и реформ для Китая закончилось, что подтверждают итоги XX съезда Коммунистической партии Китая, определяя новые ориентиры политики КНР во главе с Си Цзиньпином, которые декларируют развитие и обновление с опорой на внутренние ресурсы [13]. Ресурсы, которые необходимо увеличивать и развивать, и сотрудничество с Россией в этом направлении становится одним из ведущих, в том числе в Арктике.

В современных условиях Арктика перестала быть местом диалога. Теперь это площадка для более решительного подхода к реализации внешней политики. И действия США с другими арктическими странами (союзниками по альянсу) ставят вопрос о необходимости создания баланса сил в регионе, что имеет важнейшее значение в первую очередь для России, а затем и для Китая.

Уникальное географическое положение и окружающая среда Арктики — это особая зона для стратегического предупреждения. Для стран, обладающих ударным потенциалом ядерного оружия, ракеты, запущенные из Северного Ледовитого океана, могут покрыть почти все Северное полушарие, а воздушные пути, особенно баллистические, являются самыми короткими, что обеспечивает чрезвычайно сильное военное сдерживание.

Благодаря использованию системного и структурно-функционального методов в результате проведенного исследования нам удалось выявить и определить основные направления развития сотрудничества России и Китая в Арктике, которые определяют необходимые для интеграции «новых» акторов и формирования нового регионального управления в кризисных условиях международной и региональной безопасности и стабильности с учетом экономических, военно-политических и научно-технологических интересов и приоритетов стран, которые, в первую очередь, исходят из необходимости сохранения собственного экономического развития и военной безопасности государств.

Природная среда также обеспечивает естественное прикрытие для стратегических ядерных подводных лодок. Контроль над Арктическим регионом позволит контролировать ситуацию с глобальной безопасностью, энергетическую безопасность и ситуацию с безопасностью воздушных и морских проходов, а его военно-стратегическая ценность является уникальной.

Для реализации своих стратегических интересов в Арктике Российская Федерация и КНР могут взаимодействовать в рамках Шанхайской организа-

ции сотрудничества (ШОС) как наиболее подходящей платформы для интеграции в арктическое пространство, позволяющей развивать как двустороннее экономическое, научно-техническое и военное сотрудничество в рамках отдельных инициатив, так и на общем уровне всех стран — участниц организации в долгосрочной перспективе.

Формат ШОС видится более подходящим для интеграции и сотрудничества, так как он изначально обладал серьезным милитаризованным потенциалом. ШОС не является военно-политическим альянсом в традиционном понимании теории альянсов, но выступает совершенно новой моделью трансформации, что позволяет развивать в рамках организации как военный потенциал, так и сопутствующие интересы участников, уже сейчас проявляющих особый интерес к арктической зоне, например, Индия [14].

Россия и Китай достаточно эффективно взаимодействуют в рамках ШОС. Им принадлежит особая роль в формировании институтов коллективной безопасности в Евразии на основе организации. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай видит в России главного партнера по ШОС, что открывает возможности для поиска вариантов взаимодействия с Москвой по предотвращению новых угроз, в Арктическом регионе в том числе.

Главным образом «создание ШОС способствует более эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противостоянию новым вызовам и угрозам» [15], что подтверждает особую необходимость в развитии сотрудничества по ранее определенным направлениям между государствами-членами в рамках организации в условиях современного международного кризиса, в том числе в Арктике. Тем самым создается форма паритета в условиях Арктического региона и постоянно растущих рисков и угроз, выходящих далеко за пределы украинского кризиса, создается система сдерживания на основе Организации с учетом взаимовыгодного сотрудничества участников в вопросах экономического, военно-политического и научно-технологического сотрудничества.

Практическую реализацию совместных инициатив стран — участниц ШОС в вопросах безопасности можно также проследить за пределами основной структуры организации, начиная с 2005 года, когда стартовала первая совместная тренировка военных сил России и Китая («Мирная миссия — 2005»).

Сохраняя подобную инициативу правительств стран, в том числе в целях достижения главных задач организации: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе..., совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия..., поощрение эффективного региональ-

ного сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной...» [15], государства — участники организации продолжают проводить совместные военные учения в рамках сотрудничества и в настоящее время.

При этом важно, что основные положения Хартии Шанхайской организации сотрудничества также подтверждают и декларируют организацию не как военно-политический альянс, а как институт и механизм, посредством которого «Договаривающиеся Стороны, уважая принципы государственного суверенитета и территориальной целостности, принимают меры по недопущению на своей территории любой деятельности, противоречащей этим принципам» [15, с. 4]; «договаривающиеся Стороны прилагают усилия в рамках ШОС для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, укрепляют координацию и сотрудничество в таких областях, как защита и повышение роли Организации Объединенных Наций, поддержание глобальной и региональной стабильности, продвижение международного процесса контроля над вооружениями, предотвращение распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также проводят регулярные консультации по этим вопросам» [15, с. 7].

Роль экономического сотрудничества необходимо определять как основу взаимодействия стран, что особенно актуально для Арктики и Арктической зоны РФ, которая способна стать необходимым плацдармом для развития крупномасштабных энергетических проектов, привлекая инвестиции и научно-технологический потенциал для развития участников ШОС, возмеща и уравнивая уход западных партнеров.

Выдвинутая еще в 2006 году идея о создании Энергетического клуба ШОС как механизма, который объединит производителей, транзитеров и потребителей энергоресурсов, подтверждает важность и особую востребованность развития экономического потенциала организации, особенно актуальной при условии интеграции на территории Арктики.

Анализ взаимодействия РФ и КНР в рамках ШОС указывает на то, что в условиях дальнейшего обострения международной обстановки и усиления международного кризиса открываются новые возможности для качественного прорыва в российско-китайских стратегических отношениях — и Арктика является одним из первых и главных направлений реализации этих возможностей, а также развития арктического пространства путем интеграции новых институционализированных структур и участников, которые выступают, главным образом, основополагающей системой сдерживания и разрешения рисков и угроз в регионе, а также станут необходимой платформой для паритетного управления и диалога для всех заинтересованных сторон в Арктическом регионе.

Библиография

1. 中国的北极政策》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 07.10.2022).
2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.: В редакции Указа Президента Российской Федерации от 12.11.2021 № 651 // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 12.10.2022).
3. Цзяньмин Л. Анализ китайско-российского сотрудничества в Арктике: рамочный фундамент, интересы, политика и возможности // Евразийская экономика. 2019. № 4. С. 1–16.
4. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine // U.S. Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 02.10.2022).
5. Exercise Cold Response 2022 — NATO and partner forces face the freeze in Norway // North Atlantic Treaty Organization review [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (дата обращения: 14.10.2022).
6. A year on from AUKUS, doubts grow about its future as China muscles up // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/15/a-year-on-from-aukus-doubts-grow-about-its-future-as-china-muscles-up> (дата обращения: 14.10.2022).
7. 经国务院授权 三部委联合发布推动共建“一带一路”的愿景与行动 / 中央政府门户网站[Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-03/28/content_2839723.htm (дата обращения: 01.10.2022).
8. 中俄共建“冰上丝绸之路”:概念、目标、原则与路径 // 中国知网[Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-DOZY201904005.htm> (дата обращения: 09.10.2022).
9. Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54496> (дата обращения: 07.10.2022).
10. Калфаоглу Р. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. № 2. 2018. С. 108–128.
11. 中俄签署北极海运公司合作协议 // 中国远洋海运集团有限公司 [Электронный ресурс]. URL: https://www.coscoshipping.com/art/2019/6/7/art_6864_103989.html (дата обращения: 14.10.2022).
12. 如期实现建军一百年奋斗目标 // 中华人民共和国国防部 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.cn/jmsd/2022-11/05/content_4925199.htm (дата обращения: 05.11.2022).
13. 中国共产党第二十次全国代表大会在京闭幕 习近平主持大会并发表重要讲话 // 中华人民共和国中央人民政府 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/22/content_5720918.htm (дата обращения: 22.10.2022).

14. India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development // Ministry of Earth Sciences, Government of India [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).
15. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 07.10.2022).

СЕКЦИЯ «КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

Беспалов Константин Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НАТО

FUNDAMENTALS OF THE FORMATION OF NATO CYBERSECURITY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить основные этапы становления кибербезопасности НАТО. Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена политика НАТО по включению информационного пространства в сферу деятельности Североатлантического альянса, которая начала активно развиваться с начала XXI века в связи с появлением новых угроз, прежде всего, в информационном пространстве. Изучив документы о развитии киберобороны НАТО и проанализировав становление мозговых центров НАТО по обеспечению кибербезопасности, автор делает выводы о том, каким образом информационная сфера стала одним из ключевых аспектов безопасности Организации Североатлантического договора.

Ключевые слова: НАТО, кибербезопасность, киберзащита, киберугроза, кибератака.

Abstract. This article aims at identifying the main stages of the formation of NATO cybersecurity. To achieve that, the author has scrutinized NATO's policy of including the information space in the sphere of the North Atlantic Alliance, which has been actively developing since the beginning of the 21st century due to the emergence of new threats, primarily in the information space. Having studied the documents on the development of NATO's cyber defense and analyzed the formation of NATO's cyber security think tanks, the author draws conclusions about how the

information sphere has become one of the key aspects of the security of the North Atlantic Treaty Organization.

Keywords: NATO, cyber security, cyber defense, cyber threat, cyber attack.

Введение

Современный мир живет в условиях глобализации — явления, которое стирает границы между государствами, воздействует на экономику, политическое и социальное устройство стран, а также оказывает влияние на международные отношения [1]. Одним из двигателей глобализации является развитие информационных технологий. Их стремительный рост не только упрощает жизнь миллионов людей, позволяя быстрее обмениваться информацией, но и чреват невиданными угрозами безопасности отдельных людей и целых государств. В частности, уровень развития Интернета и компьютерных технологий вынуждает и граждан, и государства уделять все больше внимания обеспечению кибербезопасности.

НАТО как оборонительный альянс адаптируется под изменяющийся мировой порядок и, следуя глобальным тенденциям, корректирует политику по обеспечению безопасности союзников. Если в XX веке упор был сделан на военный потенциал НАТО, то сейчас одним из ключевых направлений развития оборонительных сил альянса является киберпространство. За последнее время изменился масштаб и уровень угроз, с которыми сталкивается Североатлантический альянс. Поэтому его кибероборона, во-первых, появилась, во-вторых, в значительной степени эволюционировала. Кроме того, в последние годы значительно увеличилось количество кибератак, а ущерб от них несопоставим с тем, который был в начале века. Помимо прочего, напряженная международная обстановка и сложные отношения между НАТО и Российской Федерацией требуют совершенствования кибербезопасности в том числе. Эти и многие другие факторы привели к возрастанию роли вопросов обеспечения безопасности в информационном пространстве в мировой политике.

Так, проблематика кибербезопасности НАТО — одного из крупнейших акторов на международной арене, сегодня находится в числе наиболее важных, актуальных для изучения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных этапов становления кибербезопасности Североатлантического альянса.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Определить угрозы, которые подтолкнули НАТО к выделению информационной сферы в одну из областей обеспечения безопасности;

2. Рассмотреть основные события, которые определили состояние кибербезопасности НАТО на 2022 год: относительно доктринального оформления политики в киберсфере и формирования соответствующих институтов;
3. Выделить этапы становления кибербезопасности НАТО.

Реакция НАТО на изменение мирового порядка и появление киберугроз

Организация Североатлантического договора была создана в 1949 году для коллективной обороны — вооруженное нападение на любого члена НАТО означает нападение на всех членов альянса и приводит к реализации коллективного реагирования, в том числе с использованием вооруженных сил [2]. Главную угрозу для НАТО на протяжении почти всей второй половины XX века представлял Советский Союз. Этот период характеризовался противостоянием Востока и Запада, продолжительной холодной войной между СССР и США, а также гонкой вооружений. Состоявшая из двенадцати членов Организация Североатлантического договора за период холодной войны значительно расширила состав участников и географию коллективной обороны, присоединив Грецию, Турцию, ФРГ и Испанию.

Однако окончание холодной войны в конце 1980-х гг. и распад Советского Союза поставили вопрос о дальнейшей судьбе НАТО в постбиполярном мире. Вместо того, чтобы распуститься, НАТО расширила свой членский состав, начала участвовать в операциях по обеспечению безопасности и военных операциях «вне зоны действия» и более широко сотрудничать со странами, не входящими в НАТО, посредством партнерских отношений. Кроме того, НАТО адаптировалась к новым угрозам безопасности, таким как международный терроризм после событий 11 сентября 2001 г. и кибератаки.

Впервые альянс столкнулся с серьезными кибератаками в 1999 году во время косовского кризиса [3]. Так называемые «патриотические хакеры» из Сербии на несколько дней заблокировали электронную почту НАТО. Также веб-сайт альянса неоднократно переставал работать. Эти инциденты не оказали негативного влияния на операции НАТО в Косово и воспринимались как ограниченные по масштабу и возможности нанесения ущерба, но они произошли в то время, когда политические и военные опасения по поводу кибербезопасности росли [4].

В 2002 году саммит НАТО в Праге определил необходимость укрепления НАТО своих возможностей по защите от кибератак, таким образом, включив киберзащиту в политическую повестку дня альянса [5]. Кроме того, лидеры стран-союзниц выразили готовность усилить возможности по оказанию противодействия информационным атакам.

После теоретического осмысления важности киберпространства последовали первые практические шаги по организации кибербезопасности альянса. В 2003 году началась реализация первого всеобъемлющего проекта НАТО в области кибербезопасности. Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты располагается в Бельгии и защищает собственные сети НАТО, обеспечивая централизованную и круглосуточную поддержку киберзащиты.

Доктринальные основы становления кибербезопасности НАТО

С 2006 года начинается активная работа над документами, которые заложили основу деятельности НАТО в киберпространстве. Важно отметить, что эта работа продолжается, она также призвана отвечать угрозам, с которыми сталкивается Североатлантический альянс. Так, после саммита НАТО 2006 года появилась программа киберобороны. Она была направлена на создание потенциала НАТО по реагированию на компьютерные инциденты для обнаружения, предотвращения и ответа на киберугрозы. Кроме того, на Рижском саммите 2006 г. было отдельно отмечено, что интерес НАТО к кибербезопасности отражает растущую обеспокоенность по поводу социальной, политической и военной уязвимости, которую создает усиливающаяся зависимость от киберпространства.

Толчком к более серьезному развитию кибербезопасности альянса стали кибератаки на государственные и частные учреждения Эстонии в 2007 году. Из-за хакерских атак на некоторое время был заблокирован доступ на сайты президента Эстонии, министерства иностранных дел, парламента и других ведомств [6]. Несмотря на то, что НАТО уже начала работу по реагированию на киберугрозы, события в Эстонии выявили несостоятельность этих действий и вызвали значительное расширение оперативных возможностей в данной области. Этот инцидент помог по-настоящему оценить масштабы киберугроз [7].

Киберугрозы представляли собой вызов имиджу и репутации НАТО, ее способности обеспечивать безопасную связь для поддержки военных операций, проводимых Североатлантическим союзом, ее способности эффективно функционировать, когда киберпространство представляет собой новое поле битвы или область военного конфликта, а также способность членов НАТО вносить вклад в цели и миссии Североатлантического союза.

Взросшее осознание киберугроз можно увидеть в итогах Бухарестского саммита в 2008 году. Этот саммит важен принятием первой Политики в области киберзащиты, в которой подчеркивалась «необходимость для НАТО и стран защищать ключевые информационные системы; обмениваться пере-

довым опытом; предоставлять возможности для оказания помощи союзным государствам, по запросу, для противодействия кибератаке» [8].

Важным событием в процессе становления кибербезопасности НАТО стал саммит в Лиссабоне в 2010 году, по итогам которого альянс принял «Стратегическую концепцию обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора». Согласно этому документу, обеспечение безопасности киберсистем относится к числу приоритетных направлений деятельности альянса. В концепции подчеркивается необходимость «совершенствовать... способность предотвращать и обнаруживать кибератаки, защищаться и ликвидировать ущерб от них» [9].

Далее началось усиленное включение киберпространства в политику НАТО, в первую очередь, путем документального оформления намерений членов альянса активизировать защиту своих сетей. В июне 2011 года министры обороны стран НАТО утвердили вторую Политику НАТО в области киберзащиты. В этом документе изложено видение скоординированных усилий в области киберзащиты в рамках всего Североатлантического союза в контексте быстро меняющейся среды угроз и технологий [10]. Кроме этого, в 2011 году НАТО начала формулировать концепцию групп быстрого реагирования. Они отвечают за оказание содействия государствам-членам, которые обращаются за помощью в случае кибернападения.

Ключевым событием в процессе становления кибербезопасности НАТО является саммит НАТО в Уэльсе в 2014 году. По его итогам союзники одобрили новую Политику киберзащиты. В этом документе киберзащита была признана частью основной задачи НАТО по коллективной обороне, это означает, что кибератака может быть основанием для ссылки на статью 5 учредительного договора НАТО. Установлено, что «решение о том, когда кибернападение приводит к введению в действие статьи 5, будет приниматься Североатлантическим союзом в каждом отдельном случае» [11]. Участники прошедшего саммита признали, что киберпространство — сфера оперативной ответственности НАТО, что подразумевает формирование соответствующих командных структур, привлечение необходимых сил и средств [12]. Союзники также признали, что международное право применяется в киберпространстве [13]. Так киберпространство полноценно включилось в сферу деятельности альянса, став частью коллективной обороны.

Доктринальное оформление деятельности НАТО в киберпространстве завершилось в 2016 году, когда по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве киберпространство было признано областью операций, в которой НАТО должна защищать себя так же эффективно, как в воздухе, на суше и на море [14]. Однако Североатлантический альянс продолжает обновлять документы, регулирующие работу по обеспечению кибербезопасности. Так,

например, в феврале 2019 года министры обороны стран НАТО одобрили Руководство НАТО, в котором излагается ряд инструментов для дальнейшего укрепления способности НАТО реагировать на значительные вредоносные кибератаки [10]. Кроме того, в 2021 году союзники одобрили новую всеобъемлющую политику киберзащиты для поддержки трех основных задач НАТО: коллективной обороны, антикризисного управления и совместной безопасности, а также ее общей позиции сдерживания и обороны.

Мы видим, что за последние 20 лет члены НАТО проделали огромную работу по внедрению киберсферы в свою деятельность для укрепления безопасности союзников. Однако все это было бы бесполезным без создания механизмов и институтов, работающих в целях защиты киберпространства стран — членов НАТО.

Институциональные основы становления кибербезопасности НАТО

ИТ-инфраструктура НАТО охватывает более 60 различных мест — от политической штаб-квартиры в Брюсселе, через военные командования, до мест проведения операций НАТО [15]. Для защиты такого объема данных необходимы современные технологии и надежные центры.

Первым институтом, работающим для защиты сетей НАТО, стал упоминавшийся ранее Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты, созданный в 2003 году. Он является основным источником технических и оперативных знаний и возможностей НАТО в области киберзащиты. Центр работает для защиты структур НАТО (например, штаб-квартиры НАТО) и миссий, а также помогает членам НАТО устранять угрозы кибербезопасности для их систем информационных технологий. Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты является частью Агентства связи и информации НАТО, которое поддерживает операции альянса, соединяет информационные и коммуникационные системы НАТО и защищает ее сети.

Новые институты, так же, как и стратегии, возникали в ответ на новые угрозы кибербезопасности союзников. Так, после кибератак на электронные ресурсы Эстонии НАТО ответила учреждением в 2008 году Центра по сотрудничеству в сфере киберобороны в Таллине. Он является аккредитованным НАТО исследовательским и учебным центром, занимающимся образованием, исследованиями и разработками в области киберзащиты. Центр предоставляет ценный опыт в области киберзащиты и организует киберучения с участием как членов НАТО, так и ее союзников и партнеров. Крупнейшими учениями, проводимыми Центром, являются «Locked Shields» и «Cyber Coalition». В них принимают участие тысячи специалистов

НАТО по киберобороне, которые отрабатывают реальные ситуации, связанные с киберугрозами.

На саммите НАТО 2018 года в Брюсселе лидеры стран НАТО договорились создать новый Центр операций в киберпространстве в рамках усиленной командной структуры НАТО. Центр обеспечивает ситуационную осведомленность и координирует оперативную деятельность альянса в киберпространстве.

Естественно, для обеспечения профессионалами и высококвалифицированными сотрудниками всех институтов, занимающихся кибербезопасностью, необходимы учебные заведения и центры подготовки. В структуре НАТО было создано несколько специализированных учреждений. Школа НАТО в городе Обераммергау, Германия, проводит обучение по вопросам киберзащиты в поддержку операций, стратегии, политики, доктрины и процедур Североатлантического союза. Академия связи и информатизации НАТО, которая создана в Оэйрасе, Португалия, обеспечивает подготовку персонала НАТО по киберзащите. Наконец, Оборонный колледж НАТО в Риме, Италия, способствует развитию у обучающихся стратегического мышления по военно-политическим вопросам, в том числе вопросам киберзащиты.

Помимо институтов, непосредственно занимающихся кибербезопасностью, в НАТО выстроена структура принятия решений, в которой каждое подразделение имеет свою зону ответственности. Так, Совет по управлению киберзащитой является главным органом НАТО, осуществляющим надзор за деятельностью альянса в области киберзащиты. Он состоит из руководителей политических, военных, оперативных и технических штабов НАТО, отвечающих за киберзащиту. Они координируют деятельность по киберзащите в штаб-квартире НАТО и связанных с ней командованиях и агентствах [4]. Совет по управлению киберзащитой работает в тесной связке с Комитетом по оборонной политике и планированию в усиленном формате. Данная структура была создана в 2010 году, ее главной задачей является управление процессом планирования.

Таким образом, процесс принятия решений по вопросам кибербезопасности в НАТО выглядит следующим образом. Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты уведомляет Совет по управлению киберзащитой о выявленных им угрозах, которые могут вызвать озабоченность по поводу коллективной обороны. Совет, в свою очередь, информирует Комитет по оборонной политике и планированию и сотрудничает с ним, если требуется участие на более высоком уровне. Североатлантический совет сохраняет за собой полномочия объявлять, является ли кибератака «вооруженным нападением» в соответствии с Североатлантическим договором.

Выводы

Изучив документы о развитии киберобороны НАТО и проанализировав становление мозговых центров НАТО по обеспечению кибербезопасности, мы приходим к выводу о том, что информационная сфера стала одним из ключевых аспектов безопасности Организации Североатлантического договора по нескольким причинам. Во-первых, с окончанием холодной войны и распадом Советского Союза НАТО стала самым сильным и влиятельным военно-политическим блоком в мире и с учетом этого была вынуждена переориентироваться. Во-вторых, перед НАТО и всем миром возникли новые вызовы и угрозы, такие как международный терроризм и кибератаки, что требовало эффективного реагирования. В-третьих, информационная сфера начинала играть все более важную роль в международных отношениях, политике и военных действиях. Все это привело к становлению кибербезопасности НАТО, которое проходило в несколько этапов. С 1999 по 2006 гг. Североатлантический альянс начал обсуждать вопросы, связанные с киберобороной и предпринял первые шаги для обеспечения безопасности в этой сфере из-за того, что столкнулся с кибератаками. С 2006 по 2016 гг. НАТО постепенно включали информационную сферу в область своей деятельности, окончательно признав применимость статьи 5 Учредительного договора к кибератакам и создав сеть центров по защите информационных сетей. Наконец, с 2017 года по настоящее время альянс занимается дополнением и обновлением документов о киберзащите, а также поддержанием актуальности структур, обеспечивающих кибербезопасность в соответствии с изменяющимися угрозами безопасности союзников.

Библиография

1. Шапошников А. М. Финансовая глобализация как один из элементов глобализации: теоретический подход и основные проявления // Академическая публицистика. 2019. № 4. С. 156–166.
2. Североатлантический договор [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/SID-36F4D09C-731D53FD/natolive/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 19.01.2023).
3. Healey J., Jordan K. NATO's Cyber Capabilities: Yesterday, Today, and Tomorrow. Atlantic Council. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/142274/022712_ACUS_NATOSmarter_IBM.pdf (дата обращения: 19.01.2023).
4. Fidler D., Pregent R., Vandurme, A. NATO, Cyber Defense, and International Law // St. John's Journal of International and Comparative Law. Vol. 4, № 1, pp. 1–25. Articles by Maurer Faculty. 2013.
5. Cyber defence [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.01.2023).

6. Атака хакеров на Эстонию шла не из России, а со всего мира: эксперт // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20070606/66760771.html> (дата обращения: 22.01.2023).
7. NATO Builds Its Cyberdefenses // New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2011/02/28/opinion/28iht-edabrial28.html> (дата обращения: 23.01.2023).
8. Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 20.01.2023).
9. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора: утв. главами государств и правительств в Лиссабоне [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 20.01.2023).
10. Морозов В. В., Соловьева М. Г., Чечеватова Е. М. Эволюция, современное состояние кибербезопасности и организации коллективных сил киберобороны стран — участников НАТО // Актуальные проблемы защиты и безопасности. Труды XXIV Всероссийской научно-практической конференции. СПб, 2021. С. 139–148 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=46476599> (дата обращения: 22.01.2023).
11. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 20.01.2023).
12. Оганесян А. Г. Киберстабильность: подходы, перспективы, вызовы / А. Г. Оганесян // Международная жизнь. 2018. № 4. С. 139–196.
13. Карасев П. Эволюция киберобороны НАТО // Российский совет по международным делам. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evolyutsiya-kiberoborony-nato/> (дата обращения: 20.01.2023).
14. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 20.01.2023).
15. Fact Sheet — NATO Cyber Defence (April 2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/4/pdf/2104-factsheet-cyber-defence-en.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

Дроздова Анна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

Ратникова Анна Алексеевна

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
Факультет автоматизации и интеллектуальных технологий
Магистратура

«ЗОЛОТОЙ ЩИТ» ШОС: СКАЗКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

IS THE “GOLDEN SHIELD” OF THE SCO A FAIRY TALE OR A REALITY?

Аннотация. В статье рассматривается проблема кибертерроризма, которая является большой угрозой международной безопасности, а также анализируется деятельность стран — участниц ШОС в данной области. Для осуществления поставленной цели авторами были рассмотрены публикации СМИ, научные труды российских и китайских ученых, принятые документы и соглашения государств — членов ШОС в области кибербезопасности. Опираясь на данные источники, были сделаны выводы о том, что ШОС, а также структура РАТС являются активными субъектами в борьбе с кибертерроризмом. В ходе работы авторы не только рассматривают кибертерроризм как фактор современной террористической угрозы, но и делают выводы о возможных перспективах развития сотрудничества государств — членов ШОС в области противодействия данной проблеме.

Ключевые слова: противодействие кибертерроризму, кибербезопасность, киберугроза, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), перспективы развития ШОС, Региональная антитеррористическая структура (РАТС ШОС).

Abstract. This article examines the problem of cyberterrorism, which is a major threat to international security, and also analyzes the activities of the SCO member states in this area. To achieve this goal, the authors reviewed media publications, scientific works of Russian and Chinese scientists, adopted documents and agreements of the SCO member states in the field of cybersecurity. Based on these sources, conclusions were drawn that the SCO, as well as the structure of the RATS, are active actors in the fight against cyberterrorism. In the course of the work, the authors not only consider cyberterrorism as a factor of the modern terrorist threat, but also draw conclusions about possible prospects for the development of cooperation between the SCO member states in countering this problem.

Keywords: countering cyberterrorism, cybersecurity, cyber threat, Shanghai cooperation organization (SCO), SCO development prospects, Regional Anti-Terrorist Structure (SCO RATS).

Введение

Противодействие кибертерроризму является одной из важнейших проблем международной безопасности. Интернет может использоваться террористами для распространения своих взглядов и убеждений в различных социальных сетях, вербовки людей, привлечения финансирования, более тщательной подготовки и планирования мероприятий, угрожающих жизни и здоровью граждан. Кроме того, компьютерные технологии используются не только в сфере коммуникации людей друг с другом, но и для управления важными объектами инфраструктуры, получив незаконный дистанционный доступ к которым, террористы могут нанести огромный ущерб экономике страны и жизням людей. Вот почему проблема кибертерроризма становится все острее и требует решения и правового регулирования, которым, несомненно, должно заниматься каждое государство по отдельности, а также, что не менее важно, — международные организации.

Актуальность данной проблемы в настоящее время вызвана не только стремительно развивающимися информационными технологиями, но и начавшейся пандемией COVID-19. Многими государствами в 2020 году был введен режим самоизоляции и карантин. Повсеместно отменялись крупные мероприятия, закрывались торговые центры, границы государств, усиливался контроль в пограничной зоне и общественных местах, в том числе санитарно-эпидемиологический, — все это способствовало переходу в онлайн-режим работы не только обычных граждан, но и различных террористических группировок. Теперь, когда пандемия научила людей лучше и эффективнее использовать интернет-пространство и технологии, можно ожидать от преступников еще больше угроз.

Особое внимание вопросу противодействия кибертерроризму уделяют страны, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее — ШОС), которая с каждым годом становится все более активным субъектом международных отношений.

Целью данного исследования является определение степени эффективности работы ШОС в области противодействия международному кибертерроризму и наличия возможностей для дальнейшего расширения сотрудничества в данной сфере.

Для достижения данной цели авторами были поставлены следующие задачи:

1. Дать ответ на вопрос, что такое кибертерроризм;

2. Проанализировать представляемую им опасность и деятельность ШОС в борьбе с данной угрозой, ее инструментальные возможности;
3. Рассмотреть возможные перспективы развития сотрудничества государств — членов ШОС в исследуемой сфере.

Кибертерроризм как фактор современной террористической угрозы

Впервые термин «кибертерроризм» употребил в середине 1980-х гг. сотрудник американского Института безопасности и разведки Б. Коллин, подразумевая под этим словом террористические действия в виртуальном пространстве [1]. В законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, регулирующие безопасность в киберпространстве, как и само понятие кибертерроризма, но в юридической науке встречаются различные определения данного термина. Почему так трудно однозначно дать определение кибертерроризму [2]? Это связано с тем, что порой очень сложно отличить кибертерроризм от информационного криминала и других преступлений, совершенных в киберпространстве. Кибертеррорист отличается от киберпреступника тем, что последствия его действий характеризуются крайне высокой степенью опасности, идеологически мотивированы, часто главной целью является принуждение государства изменить политическую линию.

По мнению исследователей, выделяется два вида кибертерроризма: 1) совершение террористических действий с помощью компьютеров, информационных технологий и компьютерных сетей (что является терроризмом в так называемом чистом виде), 2) непосредственно использование киберпространства, сети Интернет террористическими группировками в собственных целях, но не для совершения терактов [3].

Интернет может использоваться террористами для распространения своих взглядов и убеждений, вербовки людей, привлечения финансирования, более тщательной подготовки и планирования мероприятий, угрожающих жизни и здоровью людей, следовательно, проблема кибертерроризма становится все опаснее. Так, по словам Александра Бортникова, директора Федеральной службы безопасности России, в 2012 году «идеологические установки террористической организации «Аль-Каида» позволяют ей эффективно вербовать новых участников, а большое использование современных информационных технологий делает процесс радикализации населения более массовым» [4].

К тому же стоит учитывать и тот факт, что для террористов кибератаки имеют явные преимущества перед физическими, поскольку они могут проводиться дистанционно, анонимно и вместе с тем сравнительно дешево, так

как в этом случае не требуется значительных денежных вложений в персонал, оружие или взрывчатые вещества.

В зависимости от масштабов действий и организации террористических и хакерских атак может быть серьезно нарушена работа жизненно важных объектов страны. Например, в 2015 году кибератаке на национальную электросеть была подвергнута Украина. Из-за данного обстоятельства более 600 тысяч жителей страны были лишены электричества [5].

Стоит учитывать, что на международном уровне кибертерроризм может стать серьезным инструментом преступников, целью которых является вмешательство как во внутренние дела государства, так и во внешние путем дезорганизации имеющихся международных связей. Например, в 2009 году вирус Stuxnet вывел из строя 20% иранских ядерных центрифуг. Позднее данный акт стали относить к глобальному плану США по нападению на критическую инфраструктуру целой страны [6].

Достаточно полным представляется следующее определение кибертерроризма: это противоправная атака или же угроза атаки на компьютеры, сети и информацию, которая находится в них, совершенная для принуждения страны к достижению социальных, экономических или политических целей со стороны международных групп или тайных агентов [2].

Как же действуют кибертеррористы? Они ориентируются, в первую очередь, на вывод из строя важных объектов информационной, технической инфраструктуры стран. Одним из способов достижения данной цели можно считать разработку, создание и введение в эксплуатацию компьютерных вирусов. Кибертеррористы могут также заниматься кражей важных паролей, доступа к промышленным, а также к любым другим предприятиям и организациям. Одним из таких примеров кибертерроризма можно считать операцию «Красный октябрь». В ходе кибершпионажа угрозе подверглось большое количество разных государственных структур, дипломатических ведомств, газовых и нефтяных компаний, а также исследовательских институтов и даже аэрокосмическая отрасль. Таким образом, деятельность кибертеррористов приобрела огромный масштаб [5].

Хакерские атаки на правительственные и корпоративные веб-сайты также являются одним из видов кибертерроризма. Подобные атаки стали распространенным явлением в последнее время. Совершаются они для того, чтобы или блокировать сайты, или размещать свою собственную пропагандистскую информацию. Например, международная сеть хакеров «Anonymous», существующая с 2003 года, после объявления Россией 24.02.2022 о начале специальной военной операции, начала массово атаковать различные сайты Российской Федерации с публикацией своей информации на них, в частности, страницы Роскомнадзора, Пенсионного фонда

России, Федеральной антимонопольной службы, а также информационные ресурсы Крыма. Под многочисленные атаки попали и крупные российские компании, такие как «Газпром», «Лукойл», «Яндекс».

Таким образом, вопрос безопасности общества и проблема кибертерроризма являются достаточно актуальными в настоящее время. Они требуют решения и правового регулирования, которым, несомненно, должно заниматься каждое государство по отдельности, а также, что не менее важно, — международные организации.

Противодействие кибертерроризму в рамках ШОС

Шанхайская организация сотрудничества является многосторонним объединением, которое провозгласило в Хартии среди ключевых целей установление безопасности и поддержание стабильности на большой части Евро-Азиатского пространства. Члены ШОС предпринимают активные меры по созданию защищенного информационного пространства. Так, в Концепции сотрудничества стран — участниц ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая была принята 15.06.2001, установлено, что одним из приоритетных направлений сотрудничества является именно борьба с кибертерроризмом [7]. Значительный вклад в борьбу с кибертерроризмом был внесен организацией в июне 2009 года. Тогда страны — участницы ШОС единогласно утвердили Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, которое вступило в законную силу уже через 6 месяцев, в 2010 году [8]. В данном документе были установлены важнейшие угрозы в области обеспечения международной информационной безопасности: во-первых, разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны; во-вторых, информационный терроризм; в-третьих, информационная преступность; в-четвертых, использование доминирующего положения в информационном пространстве в ущерб интересам и безопасности других государств; в-пятых, распространение информации, которая наносит вред общественно-политической и социально-экономической системам, а также духовной, нравственной и культурной среде других государств; в-шестых, угрозы безопасному, стабильному функционированию глобальных и национальных информационных инфраструктур, которые имеют техногенный и (или) природный характер [8]. Это соглашение стало одним из первых подобных форм документов во всей мировой практике.

Немного позднее в рамках ШОС была создана специальная отдельная структура, целью которой является противодействие терроризму в Интернете и информационном пространстве в целом. Данной структурой явля-

ется Региональная антитеррористическая структура (далее — РАТС) ШОС [9]. Перед ней стоят следующие первостепенные задачи и функции:

- поддержание рабочих связей с компетентными органами стран — участниц ШОС и иными международными организациями, которые занимаются проблемами борьбы, противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму;
- помощь в подготовке и проведении различных антитеррористических, оперативно-розыскных и иных мероприятий и учений по борьбе с терроризмом заинтересованным в данном вопросе странам — участницам ШОС;
- участие и разработка проектов соглашений и других международно-правовых документов, которые касаются вопросов противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму;
- непосредственный сбор и анализ поступающей в РАТС информации от стран-участниц, а также создание и наполнение банка данных;
- непосредственная подготовка и проведение различных научных и практических семинаров, собраний, лекций, конференций, любое другое содействие, необходимое при обмене опытом в вопросах, связанных с противодействием терроризму, а также сепаратизму и экстремизму [3].

Работа РАТС является достаточно плодотворной. Так, благодаря этому органу в январе 2015 года странами — участницами ШОС был внесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН Международный кодекс поведения в области информационной безопасности, являющийся первым международным документом, посвященным нормам и правилам поведения в информационной среде.

На международном конгрессе «Доверие и безопасность в цифровом будущем», который состоялся в 2018 году, бывшим секретарем ШОС Владимиром Норовым был отмечен тот факт, что «только за 2018 год, в рамках противодействия использованию глобальной сети Интернет в террористических и экстремистских целях, благодаря оперативной работе РАТС ШОС был ограничен доступ к более чем 165 тысячам интернет-ресурсов, а также была пресечена деятельность более 3 тысяч членов террористических и религиозно-экстремистских образований» [10].

В 2019 году государствами — членами ШОС были проведены учения по борьбе с кибертерроризмом.

15–16 июня 2022 года на форуме в Самарканде РАТС ШОС были одобрены различные предложения по противодействию кибертерроризму, также было отмечено, что растет квалификация киберпреступников, и их уровень теперь настолько высок, что для борьбы с ними нужно привлекать спецслужбы и создавать новые средства защиты.

Можно сделать вывод о том, что ШОС ставит перед собой задачу борьбы с кибертеррористами в глобальном масштабе. Члены международного комьюнити осознают, что без создания глобальных норм, а также правил поведения в ИКТ-среде сегодня невозможно обеспечение полной безопасности группы государств. В ноябре 2016 года состоялся Шанхайский форум, посвященный общественным отношениям, в ходе которого Ван Кайвэн, являющийся заместителем Генерального секретаря ШОС, заострил внимание на том, что одним из приоритетов деятельности организации в области информационной безопасности можно по праву считать создание международной информационной среды, характеризующейся сотрудничеством, миром и гармонией [11].

Однако насколько реалистична с практической точки зрения возможность создания аналога «Золотого щита» КНР, распространяющегося если не на весь мир, то на группу государств ШОС? «Золотой щит» представляет собой систему информационных барьеров, которые фильтруют сетевую информацию всех пользователей через «информационное сито», контролируемое операторами (провайдером), аффилированными с органами государственной власти и специальными службами Китая [12]. Проект создания подобного механизма, действующего в рамках ШОС, неоднократно обсуждался членами организации, однако остался нереализованным [13]. Сказывается недостаток финансирования сферы информационных технологий в ряде стран ШОС, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие взаимодействия с другими региональными организациями, ведущими успешную работу по борьбе с кибертерроризмом. Также представляется трудным процесс утверждения «правил игры» в киберпространстве, согласно которым все участники международных отношений могли бы себя вести, так как в этом вопросе встречаются противоречия не только на глобальном уровне, между Западом и Россией, но и между членами ШОС. Государства, входящие в ШОС, несмотря на принятие мер, способствующих координации совместных усилий в борьбе с кибертерроризмом, часто говорят о собственных национальных интересах в организации.

Несмотря на указанные трудности, ШОС достигла значительных результатов в создании правовой базы и в практической деятельности в области противодействия кибертерроризму. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что ШОС набирает вес и авторитет, а также расширяет свой состав участников. Эти положительные изменения можно использовать для того, чтобы в системе информационного взаимодействия был установлен некий баланс сил. В данном случае странам, входящим в ШОС, важно объединять свои усилия, а также эффективно взаимодействовать друг с другом и наращивать собственный технологический потенциал в ИКТ-сфере [14].

Перспективы сотрудничества

Крайне важным предложением, реализация которого способствовала бы минимизации недостатков работы органов ШОС в области кибербезопасности, представляется инициатива секретаря Совета безопасности РФ Н. П. Патрушева. В мае

2019 года он предложил создать многозадачный центр по борьбе с новыми проблемами и киберугрозами, который будет функционировать на основе РАТС ШОС [14]. Эта идея обсуждалась также на 22-м заседании Совета РАТС ШОС, состоявшемся в сентябре 2022 года в Самарканде. Кроме того, в центре внимания участников Совета были следующие вопросы в области обеспечения кибербезопасности: умная логистика, цифровая таможня, технологии и сервисы нового поколения, управление Интернетом и построение безопасного информационного пространства.

Анализ возможностей взаимодействия в области кибертерроризма и информационной безопасности в рамках реализации проектов ШОС позволяет сделать вывод о том, что в сетевом пространстве существуют перспективные направления в области совершенствования законодательной составляющей и практической части, что предполагает работу в следующих областях:

- улучшение старых и создание новых законодательных актов, регулирующих проблемы в сфере кибербезопасности;
- закрепление необходимых понятий в законодательствах государств — членов ШОС, в том числе уголовных, и мер ответственности за совершение преступлений;
- развитие отношений стран — участниц ШОС в вопросе экстрадиции киберпреступников;
- совместная подготовка высококвалифицированных специалистов в области информационной безопасности и общих исследовательских центров с целью предотвращения возможных кибертеррористических актов и атак [15].

Выводы

На сегодняшний день в международных отношениях огромное значение имеет проблема обеспечения безопасности в информационной среде, поскольку пока не представляется возможным создание глобального и безопасного интернет-пространства. Эффективные инструменты, с помощью которых будет возможно создание и поддержание благоприятной ситуации в киберпространстве, могут разработать международные организации. Плодотворные усилия в этой области предпринимают страны — участницы Шанхайской организации сотрудничества.

В рамках ШОС сформированы основные концептуальные правовые основы в области обеспечения кибербезопасности, предприняты практические шаги, способствующие достижению этой цели. Несмотря на успехи, достигнутые государствами — членами ШОС в вопросе противодействия кибертерроризму, создание регионального «Золотого щита» в ближайшее время не является возможным по существенному количеству объективных причин.

Однако учитывая заявления стран — участниц ШОС, звучавшие в ходе саммита в Самарканде, что сотрудничество в сфере противодействия кибертерроризму между членами организации может интенсифицироваться.

Библиография

1. *Бураева Л. А.* Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 35–37.
2. *Гайнетдинова А. К.* Перспективы развития сотрудничества в сфере противодействия кибертерроризму в рамках ШОС / А. К. Гайнетдинова, Е. Ю. Сизых // Global and Regional Research. 2019. Т. 1. № 1. С. 171–175.
3. *Усилинский Ф. А.* Кибертерроризм в России: его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 6–11.
4. *Диденко А. И.* Противодействие кибертерроризму // Отечественная юриспруденция. 2016. № 2. С. 21–26.
5. *Аккаева Х. А.* Международный кибертерроризм как политический феномен // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 138–140.
6. *Бураева Л. А.* Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 188–190.
7. Концепция сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 05.06.2005 // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667> (дата обращения: 04.11.2022).
8. Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности от 02.06.2011 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 04.11.2022).
9. *Гришкевич О. В.* Шанхайская организация сотрудничества как региональная международная организация // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2008. № 4(12). С. 114–118.
10. Секретариат ШОС принял участие в работе Инфофорума Россия — Китай 2019 // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Новости от 26.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20191026/589517.html> (дата обращения: 04.11.2022).
11. Один из приоритетов ШОС — стремление создать международную информационную среду, для которой характерны мир, сотрудничество и гармония // Секре-

- тариат Шанхайской организации сотрудничества. Новости от 27.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20161127/160697.html> (дата обращения: 04.11.2022).
12. 文 | 外交部涉外安全事务专员 程国平。全球网络反恐格局中的中国力量 // China Academic Journal. 2021年. 第1期. 第26–33页 页 (Гопин В. Ч.). Влияние Китая на глобальный ландшафт кибертерроризма // China Academic Journal. 2021. № 1. С. 26–33).
 13. 蒋也好, 刘雪迪。上海合作组织与网络恐怖主义 区域治理//区域与全球发展。2021年. 第2期. 第20–33页 (Ехао Ц., Сюеди Л.). Шанхайская организация сотрудничества и региональное управление кибертерроризмом // Региональное и глобальное развитие. 2021. № 2. С. 20–33).
 14. Gao Ю. Противодействие кибертерроризму в рамках ШОС / Ю. Гао // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12(76). С. 3700–3705. doi 10.35775/PSI.2021.76.12.035
 15. 高焱迅。上合组织区域经济合作: 驱动力、阻碍因素与路径选择// China Academic Journal. 2022年. 第4期. 第98–105页 (Чжисюнь Г.). Региональное экономическое сотрудничество ШОС: движущие силы, препятствия и выбор пути // China Academic Journal. 2022. № 4. С. 98–105).
 16. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года от 10.07.2015 // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YpGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNewBneO.pdf> (дата обращения: 04.11.2022).

Иванова Елизавета Сергеевна

Волгоградский государственный университет
Институт истории, международных отношений и социальных технологий
Бакалавриат

ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПРОГРАММЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

SWITZERLAND EXPERIENCE IN CYBERSECURITY: PRINCIPAL PROGRAMS AND TOOLS

Аннотация. Статья посвящена опыту Швейцарии в сфере кибербезопасности. Ставится следующая цель исследования: охарактеризовать политику Швейцарии по обеспечению кибербезопасности на современном этапе. В ходе исследования были отмечены основополагающие программы политики Швейцарии в области кибербезопасности как на внутривнутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровнях, были определены институты, имплементирующие данные программы, и установлены результаты реализации данной политики на период 2021–2022 гг. На основе выполненных задач делается вывод об отличительных чертах политики Швейцарии в указанной сфере.

Ключевые слова: кибербезопасность Швейцарии, киберриски, кибератаки, стратегии, защита, информационная среда.

Abstract. The article is devoted to the Swiss experience in the field of cybersecurity. The aim of the research work is to characterize Switzerland's cybersecurity policy at the current stage. In this study, the fundamental programs of Switzerland's cybersecurity policy were noted both at the domestic and foreign policy levels, the institutions implementing these programs were identified, and the results of the policy implementation for the period of 2021–2022 were established. Based on the completed tasks, the conclusion is drawn about the distinctive features of Switzerland's policy in the mentioned area.

Keywords: cybersecurity in Switzerland, cyberrisks, cyberattacks, strategies, protection, information environment.

Введение

Сегодня Интернет, искусственный интеллект и другие технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Они упрощают ряд процессов, однако вместе с этим мир сталкивается с новыми вызовами. Страны, в том числе Швейцария, активизируют возможности для противодействия кибератакам, информационным войнам. Следовательно, актуальность данного исследования

заключается в том, что киберпреступления являются одной из глобальных проблем, дестабилизирующих обстановку на государственном и международном уровнях, и их предотвращение — важная задача. Швейцария уже сделала значительные шаги по обеспечению кибербезопасности, продолжая дальше укреплять эту сферу.

Объектом исследования является деятельность Швейцарии в области кибербезопасности. Предметом выступает политика Швейцарии по обеспечению кибербезопасности с 2018 г. по настоящее время.

Цель исследования: охарактеризовать политику Швейцарии по обеспечению кибербезопасности на современном этапе.

Для достижения обозначенной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Отметить основополагающие программы политики Швейцарии в области кибербезопасности.
2. Определить институты, имплементирующие данные программы.
3. Установить результаты реализации данных положений на период 2021–2022 гг.

Новизна исследования предполагает рассмотрение проблемы на современном этапе, с учетом результатов первой половины 2022 г., характеристику принятых программ для противодействия угрозам и их результатов, формулирование прогноза развития системы информационной безопасности в стране.

Теоретико-методологической базой исследования служат: структурно-функциональный подход, историко-генетический и историко-сравнительный методы. Структурно-функциональный подход позволяет выявить элементы политики обеспечения кибербезопасности в Швейцарии и их функции. Историко-генетический метод помогает проследить этапы развития концепций Швейцарии, стратегий в данном вопросе. Историко-сравнительный метод делает возможным сопоставить те или иные стратегии, программы, их положения и результаты.

Источниковая база содержит статистические данные таких органов власти, как Федеральный совет Швейцарии, Министерство иностранных дел, Федеральное министерство обороны, гражданской защиты и спорта, Федеральное статистическое управление, а также отчеты контактного пункта — Национального центра кибербезопасности.

Действующие программы Швейцарии в сфере обеспечения кибербезопасности

Для характеристики того, как именно обеспечивается кибербезопасность в Швейцарии, важно отметить положения, существующие на современном этапе и регламентирующие данную политику.

В 2018 г. была принята Национальная стратегия по защите Швейцарии от киберрисков (NCS) [1], направленная на десять сфер действия: формирование навыков и знаний, ситуация угрозы, обеспечение устойчивости, стандартизация/регулирование, урегулирование инцидентов, регулирование кризисов, правоохранные органы, киберзащита, активное позиционирование Швейцарии в международной политике кибербезопасности, общественное воздействие и повышение осведомленности [2]. Кроме того, отмечается, что Швейцария намерена бороться с киберрисками при сотрудничестве «с деловыми кругами, кантонами и высшими учебными заведениями» [3]. В 2018 г. Федеральный совет принял план реализации данной стратегии на 2018–2022 гг., отмечающий задачи, проекты, которые необходимо имплементировать в рамках NCS [4]. Так, подчеркивается, что данная стратегия охватывает разные сферы и широкий круг субъектов, участвующих в обеспечении защиты информационной среды, действия нацелены на создание устойчивых структур для борьбы с кибератаками, развитие навыков в информационной сфере и обмена опытом между акторами для повышения уровня осведомленности при возникновении угроз.

Данному документу предшествовала Национальная стратегия по защите Швейцарии от киберрисков от 2012 г. [5], провозглашавшая семь областей деятельности. Несмотря на то, что обе программы ставят одну и ту же цель, в нескольких вопросах Стратегии имеют различия. Во-первых, в Стратегии от 2018 г. был расширен круг акторов, подверженных киберугрозам — к ним отнесли: малые и средние предприятия, население в целом и т.д., в то время как в Стратегии от 2012 г. внимание акцентировалось на критической инфраструктуре, которая была в зоне риска кибератак. Во-вторых, выделим вопрос по обороне информационной среды: Стратегия от 2018 г. определяет ответственность вооруженных сил в этом аспекте. В-третьих, был расширен не только круг акторов, которые могут оказаться под киберугрозой, но и в целом области деятельности. Изменились как количество пунктов, так и сама их формулировка. Как было отмечено ранее, NCS от 2018 г. определила десять сфер, а в Стратегии от 2012 г. их насчитывалось семь: исследование и разработки, анализ рисков и уязвимостей, анализ ландшафта угроз, повышение уровня компетентности, международные отношения и инициативы, непрерывность и антикризисное управление, правовые основы [6, р. 3]. Следовательно, ряд положений Национальной стратегии по защите Швейцарии от киберрисков от 2018 г. расширили Стратегию от 2012 г., дополнив ее актуальными сферами.

Ответственным за реализацию Стратегии является Национальный центр кибербезопасности (NCSC) — первый контактный пункт по вопросам, связанным с киберпространством [7]. Он был создан Федеральным советом во главе с Федеральным делегатом по кибербезопасности. В данный центр

поступают сообщения о происшествиях в информационном пространстве, которые анализируются, а затем предоставляются рекомендации по ситуации. Ввиду того, что в современном мире кибербезопасность становится все более важной на всех уровнях — глобальном, региональном, местном, NCSC играет важную роль в обеспечении защиты проведения как внешней, так и внутренней политики. Так, он нацелен на обеспечение безопасности разных сфер жизни, например, экономической (бизнес, различные предприятия), культурно-образовательной (образовательные учреждения), политической (администрация), населения в целом и т.д.

Международная деятельность Швейцарии по обеспечению кибербезопасности

Следует подчеркнуть, что Швейцария обеспечивает кибербезопасность не только посредством внутривнутриполитических программ. Государство также отражает этот вопрос во внешнеполитических концепциях и сотрудничает с региональными и международными акторами.

Важным документом в проведении такой политики выступает Стратегия внешней политики Швейцарии на 2020–2023 гг. Данная стратегия охватывает несколько приоритетных направлений на ближайшие четыре года, среди них: мир и безопасность, процветание, устойчивое развитие, цифровизация [8]. Последний пункт отмечает, что Швейцария нацелена на развитие своей цифровой внешней политики, чтобы способствовать разработке новых подходов к поиску решений и, соответственно, достижению поставленных целей по обеспечению безопасного функционирования информационной сферы.

Помимо этого, частью обозначенной выше Стратегии является Стратегия цифровой внешней политики Швейцарии на 2021–2024 гг., которая устанавливает четыре конкретные области действия: цифровое управление, процветание и устойчивое развитие, кибербезопасность, цифровое самоопределение. Необходимо обратить внимание на сильные стороны Швейцарии: придерживаясь принципа нейтралитета, государство готово стать посредником в решении вопросов по информационному пространству [9, р. 5], которые могут усложняться ввиду изменяющихся международных отношений.

Швейцария также вносит вклад в разработку международных программ по защите информационной среды, например, участвуя в процессах уровня ООН — в Группе правительственных экспертов ООН [10] по вопросам предотвращения киберугроз, обеспечения безопасности на глобальном уровне. Швейцария председательствует в Рабочей группе открытого состава, которая тоже нацелена на поддержание киберстабильности [11]. Кроме того, Швейцария поддерживает инициативу по разработке Программы действий ООН по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве [12].

Более того, Швейцария реализует меры по обеспечению киберстабильности и в региональном масштабе. Государство, хоть и не являясь членом ЕС, следует Общему регламенту по защите данных (GDPR) [13]. Он применим в случаях, если, например, компания имеет региональный офис в ЕС (это может быть филиал, дочерняя компания и т.д.) при условии деятельности от имени швейцарской материнской компании. Другим обстоятельством является то, что та или иная компания не учреждена в ЕС, но предлагает товары или услуги в ЕС или наблюдает за поведением людей в интернете (использование cookie-файлов) [14, р. 1]. Согласно Общему регламенту по защите данных, при обработке данных должны учитываться такие принципы защиты, как законность, принцип назначения, транспарентность, принцип точности данных, принцип минимизации данных и ограничения их хранения, целостность и конфиденциальность, подотчетность [14, р. 2].

Оценка результатов

По данным Федерального статистического управления Швейцарии, количество киберпреступлений за 2021 г. увеличилось на 24% по сравнению с 2020 г. [15]. Заместитель главы Национального центра кибербезопасности Макс Клаус подчеркивает, что зачастую атаки происходят волнами. Подразделяя их на типы, можно выделить: кражу данных, перевод на мошеннические сайты, прямые атаки [16]. Также, согласно статье информационного агентства Швейцарии SWI Swissinfo.ch, в период 2020–2021 гг. было зафиксировано больше взломов хакерами, которые впоследствии требовали выкуп за возвращение тех или иных данных [17]. Предполагается, что такой скачок числа киберпреступлений связан с периодом пандемии 2020–2021 гг., когда роль информационно-коммуникационных технологий значительно возросла, следовательно, появились новые угрозы для безопасности.

В первой половине 2021 г. большинство отчетов в Национальный центр кибербезопасности было о формах мошенничества. В контактный пункт поступило 10 234 сообщения о киберинцидентах. В свою очередь, Национальный центр кибербезопасности нацелен на расширение управления уязвимостями. Например, NCSC оказал поддержку на этапе тестирования инфраструктуры для COVID-сертификатов для диагностики тех или иных уязвимостей в системе безопасности [18, р. 4].

Согласно составленной Национальным центром кибербезопасности оценке выполнения Национальной стратегии по защите Швейцарии от киберрисков от 2018 г., на 2022 г. все меры в значительной степени имплементируются с соответствующими результатами. Тем не менее, прошло не так много времени для более точной характеристики реализации эффективной защиты информационной среды [19, р. 38].

В качестве результата был приведен факт того, что Стратегия способствовала улучшению сотрудничества между Конфедерацией и кантонами, что в свою очередь оказало положительное влияние на увеличение уровня осведомленности [19, р. 33–34]. В сфере критически важной инфраструктуры ее операторы стали также более информированными в вопросах защиты от киберугроз, однако отмечаются различия между секторами: в отраслях с очень большим количеством участников и фрагментированной структурой уровень осведомленности, вероятно, не так высок, как в секторах, где обмен информацией более налажен [19, р. 34–35]. Говоря об экономике, важно подчеркнуть, что крупные международные предприятия обладают лучшим механизмом защиты от киберрисков по сравнению с малыми и средними компаниями. Тем не менее, подчеркивается, что организации продолжают вкладывать средства для укрепления защиты информационной среды [19, р. 36–37]. Более того, до сих пор сохраняется определенное различие между теми или иными категориями населения в их цифровых навыках и доступных компьютерных инструментах. При этом Национальный центр кибербезопасности выступает для населения частью руководства по деятельности в информационной среде [19, р. 35].

Кроме этого, одним из примеров практических действий Швейцарии в управлении киберрисками является ситуация, возникшая в январе 2022 г., когда серверы Международного комитета Красного Креста (МККК) подверглись серьезной кибератаке. Ответив на запрос, Национальный центр кибербезопасности Швейцарии оказал помощь организации в ликвидации данной проблемы [20, р. 2]. Подчеркивается оперативность в принятии решений данным контактными центром и их результативность.

Выводы

В ходе исследования были выполнены поставленные задачи. Были отмечены основополагающие программы политики Швейцарии в области кибербезопасности, которые подразделяются на два типа: внутривнутриполитические и внешнеполитические. К первым относится Национальная стратегия по защите Швейцарии от киберрисков, а ко вторым — Стратегия внешней политики Швейцарии на 2020–2023 гг., Стратегия цифровой внешней политики Швейцарии на 2021–2024 гг. Участие в Группе правительственных экспертов ООН и Рабочей группе открытого состава и следование Общему регламенту ЕС по защите данных также подчеркивают стремление к достижению киберстабильности как внутри своей страны, так и в мире.

Был также определен институт, который является ответственным за имплементацию положений по кибербезопасности — Национальный

центр кибербезопасности (NCSC). Данный контактный пункт играет ключевую роль в обеспечении функционирования информационной разных сфер жизнедеятельности.

Были установлены результаты реализации данных программ: на период 2021–2022 гг. намеченные планы имплементируются, однако для более точной оценки необходим больший промежуток времени, так как программы рассчитаны на 4–5 лет.

Таким образом, цель исследования была достигнута. Программы и их практические меры актуализируются и имплементируются с учетом изменений как на уровне страны, так и мировом уровне: Национальная стратегия по защите Швейцарии от киберрисков расширила ряд областей, которые были утверждены в Стратегии от 2012 г. Политика в информационной сфере нацелена на защиту киберпространства. Предполагается, что в среднесрочной перспективе будет обеспечена еще более эффективная защита информационной среды, что в значительной степени уменьшит количество киберинцидентов.

Библиография

1. National strategy for the protection of Switzerland against cyber risks (NCS) 2018–2022 // National Cyber Security Centre NSCS. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncsc.admin.ch/ncsc/en/home/strategie/strategie-ncss-2018-2022.html> (дата обращения: 01.11.2022).
2. Areas of action // National Cyber Security Centre NSCS. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncsc.admin.ch/ncsc/en/home/strategie/handlungsfelder.html#1038206974> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Le Conseil fédéral adopte la deuxième stratégie nationale de protection de la Suisse contre les cyberrisques // Le Conseil fédéral [Электронный ресурс]. URL: <https://www.admin.ch/gov/fr/accueil/documentation/communiqués.msg-id-70482.html> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Implementation plan // National Cyber Security Centre NSCS. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncsc.admin.ch/ncsc/en/home/strategie/umsetzungsplan.html> (дата обращения: 01.11.2022).
5. National strategy for Switzerland's protection against cyber risks // Eidgenössisches Departement für Verteidigung, Bevölkerungsschutz and Sport VBS. 2012. 42 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map/Switzerlands_Cyber_Security_strategy.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
6. National Strategy for the Protection of Switzerland against Cyber Risks. NCS implementation plan // Federal Department of Finance FDF, Federal IT Steering Unit FITSU. 2013. 29 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.news.admin.ch/news/message/attachments/30610.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

7. The National Cybersecurity Centre // National Cyber Security Centre NSCS. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncsc.admin.ch/ncsc/en/home/ueber-ncsc/das-ncsc.html> (дата обращения: 01.11.2022).
8. Foreign Policy Strategy 2020–23 // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/implementing-foreign-policy/aussenpolitischestrategie.html> (дата обращения: 01.11.2022).
9. Digital Foreign Policy Strategy 2021–24 // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. Bern, 2020 42 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eda.admin.ch/content/dam/eda/en/documents/publications/SchweizerischeAussenpolitik/20201104-strategie-digitalaussenpolitik_EN.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
10. Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security // The United Nations Office for Disarmament Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/disarmament/ict-security/> (дата обращения: 01.11.2022).
11. Open-ended Working Group // The United Nations Office for Disarmament Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/disarmament/open-ended-working-group/> (дата обращения: 01.11.2022).
12. Eleven norms of responsible state behaviour in cyberspace // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/fdfa/aktuell/newsuebersicht/2021/04/uno-cyber-normen.html> (дата обращения: 01.11.2022).
13. European General Data Protection Regulation GDPR // Switzerland Global Enterprise [Электронный ресурс]. URL: <https://www.s-ge.com/en/european-data-protection-regulation> (дата обращения: 01.11.2022).
14. GDPR — Information Sheet // Switzerland Global Enterprise. 2019. 7 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.s-ge.com/sites/default/files/static/downloads/european-general-data-protection-regulation-gdpr-s-ge-2019–03.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).
15. Police crime statistics (PCS) 2021. More than 30,300 digital offences in 2021 // Federal Statistical Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/news/whats-new.assetdetail.21324074.html> (дата обращения: 01.11.2022).
16. Jump in cyber attacks during COVID-19 confinement // SWI swissinfo.ch, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/jump-in-cyber-attacks-during-covid-19-confinement/45818794> (дата обращения: 01.11.2022).
17. More Swiss firms facing cyber-attacks and ransom demands // SWI swissinfo.ch, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/more-swiss-firms-facing-cyber-attacks-and-ransom-demands/47009868> (дата обращения: 01.11.2022).
18. Semi-annual report 2021/1 (January — June). Information assurance. Situation in Switzerland and internationally // National Cyber Security Centre NCSC. 2021. 36 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncsc.admin.ch/dam/ncsc/en/dokumente/dokumentation/lageberichte/NCSC_2021–1_HJB_EN.pdf.download.pdf/NCSC_2021–1_HJB_EN.pdf (дата обращения: 01.11.2022).

19. Évaluation de l'efficacité de la stratégie nationale de protection de la Suisse contre les cyberrisques pour les années 2018 à 2022 // Centre national pour la cybersécurité (NCSC). 2022. 64 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncsc.admin.ch/dam/ncsc/fr/dokumente/strategie/wirksamkeits%C3%BCberpruefung_ncs_2022-03-28-fr.pdf.download.pdf/wirksamkeits%C3%BCberpruefung_ncs_2022-03-28-fr.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
20. 2022 Submissions from Member States. Resolution 76/19 on “Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security, and advancing responsible State behaviour in the use of information and communications technologies” // The United Nations Office for Disarmament Affairs, Federal Department of Foreign Affairs FDFA, State Secretariat, International Security Division ISD. 2022. 3 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2022/06/switzerland-int-ict-sec-2022.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

Ляшкевич Мария Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ГЛОБАЛЬНУЮ И РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

THE IMPACT OF THE USAGE OF INTERNATIONAL POLITICAL MARKETING TOOLS IN SOCIAL MEDIA ON GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать современные инструменты международного политического маркетинга в социальных сетях и определить их влияние на глобальную и региональную безопасность в контексте российско-украинского конфликта. На основе анализа были исследованы существующие контрстратегии относительно международного политического маркетинга в социальных сетях, а также определена роль акторов международных отношений в разработке информационных стратегий.

Ключевые слова: международный политический маркетинг, социальные сети, российско-украинский конфликт, информационные стратегии.

Abstract. This article aims at analyzing modern tools of international political marketing in social media and determining their impact on global and regional security within the Russian-Ukrainian conflict. Based on the analysis, the existing counter-strategies regarding international political marketing in social networks are studied, and the role of actors in international relations in the development of information strategies is defined.

Keywords: international political marketing, social media, Russian-Ukrainian conflict, information policy.

Введение

В настоящее время, в эпоху развития информационного и цифрового общества, наблюдается рост в количественном и качественном плане инструментов формирования и проведения политики, в том числе на международном уровне. Одним из таких инструментов является политический маркетинг — относительно новое явление политической сферы жизни общества, который также переживает существенные изменения под воз-

действием информатизации и цифровизации. Это является основной причиной, по которой исследователи затрудняются дать общепринятое научное определение данному понятию. Для раскрытия этого термина необходимо обратиться к основным чертам и характеристикам этого явления.

Политический маркетинг синтезирует рыночный маркетинг и политическую науку. Он адаптирует и видоизменяет инструменты и методы коммерческого маркетинга для достижения политических целей и задач. Основная концепция экономического маркетинга 4P (product, place, price, promotion) применима и к политическому маркетингу. Политический продукт заключается в достижении политических целей, например, в формировании определенного имиджа актора. Местом называют площадки, на которых «производители политического продукта» могут встретиться с потенциальными «потребителями». К ним можно отнести телевидение, места проведения митингов, Интернет и др. Продвижение — это инструменты политического маркетинга, с помощью которых о политическом продукте узнают потенциальные потребители. Например, инструментами продвижения являются PR, реклама и др. Цена в политике определяется тем, как политический продукт измнит жизнь потенциальных потребителей такого вида продуктов.

Международный политический маркетинг является подвидом политического маркетинга. К основным политическим целям использования такого инструмента можно отнести:

- формирование имиджа и позиционирования актора для укрепления своей позиции на международном поле;
- разработка инструментов влияния на других акторов международных отношений для создания выгодных ситуаций и достижения необходимых решений;
- влияние на внутреннюю аудиторию акторов по вопросу их отношения к международной политике, проводимой этим актором;
- контроль и воздействие на формирование мировой повестки СМИ.

Роль социальных сетей в международном политическом маркетинге обуславливается их уникальными чертами. Их транснациональный характер, уникальные алгоритмы, позволяющие демонстрировать контент определенным аудиториям (целевым аудиториям), возможность получать обратную связь от ЦА и анализировать статистику маркетинговых кампаний в режиме онлайн способствовали росту использования социальных сетей в маркетинговых стратегиях для продвижения «политических продуктов». У каждой социальной сети есть свои уникальные черты, которые по-разному влияют на восприятие информации их пользователями. По этой причине к каждой отдельно выбранной платформе необходимо разрабатывать разные стратегии международного политического маркетинга.

Таким образом, международный политический маркетинг в социальных сетях основан на применении различных инструментов продвижения международного политического продукта для достижения политических целей.

Анализ инструментов международного политического маркетинга в социальных сетях на примере российско-украинского конфликта

Характерная черта российско-украинского конфликта заключается в активном применении информационных технологий. Это проявляется в ограничении распространения данных в медиaprостранстве посредством Интернета и через другие каналы связи. Также можно отметить наличие черт информационной войны, выражающейся в росте количества фейковой информации для дискредитации и ослабления позиции противника. Особую роль в информационном противостоянии играют социальные сети, которые являются одними из самых гибких ресурсов построения прямых связей между «производителем информации» и ее «потребителями».

Анализ роли таких онлайн-платформ проводился с декабря 2021 г., когда впервые на международном уровне стали звучать заявления о необходимости прекратить военные учения Российской Федерации, проходящие на границе с Украиной, до начала апреля 2022 г., т.е. во время эскалации конфликта.

Киберпространство, включающее в том числе социальные сети, обладает особой силой, присущей именно этому виду системы. Дж. Най выделяет несколько видов целей киберсилы в зависимости от расположения киберпространства (внешнего или внутреннего) и применяемых инструментов. При этом процессы достижения цели делятся на мягкие и жесткие. Например, если власть стремится реализовать свои цели во внутреннем киберпространстве, то с точки зрения информационных инструментов возможно использование мягкой стратегии в качестве установления норм и правил распространения информации и жесткой стратегии в виде запрета использования ресурсов; с точки зрения физических инструментов мягкая стратегия заключается в строительстве инфраструктуры, а жесткая — в масштабном контроле со стороны государства. Что касается внешнего киберпространства, то для достижения целей власти в нем также используются информационные (жесткая стратегия — использование кибератак; мягкая — формирование общественного мнения при помощи информационных ресурсов) и физические инструменты (мягкая стратегия — мирные протесты против организаций, деятельность которых заключена в обеспечении работы информационных технологий; жесткая — уничтожение инфраструктуры, поддерживающей работу ИТ) [1]. Таким образом, можно заметить, что международный политический маркетинг по своим характерным

чертам может быть соотнесен с использованием информационных ресурсов в рамках мягкой стратегии и влияния на внешнее киберпространство.

Знания о том, какие инструменты международного политического маркетинга используются, позволяют выстраивать контрстратегии в информационном противостоянии.

При анализе социальных сетей были выделены следующие виды инструментов для реализации международного политического маркетинга:

1. Формирование трендов в социальных сетях при помощи комментариев

Некоторые социальные сети обладают функцией показа трендовых тем, интересующих пользователей, выявленных на основе активности вокруг аккаунтов и публикаций. Такими функциями обладают TikTok, Twitter, Instagram¹, а также локальные социальные сети, например, российская платформа Вконтакте. Для того, чтобы распространить определенную точку зрения и выйти в тренды для охвата наибольшего количества аудитории, используются боты — программы, искусственно ведущие аккаунты в социальных сетях, своим поведением имитирующие настоящих пользователей. Программы реагируют на ключевые слова — заданное слово или хештег — и согласно коду лайкают, репостят или же оставляют комментарии.

2. Хештеги

В российско-украинском конфликте хештеги также стали активным инструментом политического маркетинга. Так, например, по хештегу #stophatingrussians на начало апреля 2022 г. было опубликовано более 400 видео более чем 180 пользователями на платформе YouTube. Несколько таких видео было размещено на официальном канале Россотрудничества (официальное название — Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству). По сравнению с другими видео на данной платформе, ролики с этим хештегом стали одними из самых популярных и комментируемых, что говорит об успешном проведении маркетинговой стратегии. Кроме того, данные видео стали распространяться в других социальных сетях, в особенности в телеграм-каналах.

3. Инфлюенсеры

Инфлюенсеры являются одними из главных источников распространения информации и формирования общественного мнения, т.к. их целевая аудитория обладает повышенным уровнем доверия.

¹ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

В США в Белом доме 10 марта 2022 года провели мероприятие для инфлюенсеров, работающих в TikTok, YouTube и Twitter, чтобы проинформировать о том, как необходимо освещать информацию в социальных сетях, и ответить на интересующие вопросы. Конференция была проведена сотрудниками Совета национальной безопасности и пресс-секретарем Белого дома Дж. Псаки. Преимущественно участники мероприятия были «тиктокерами», т.к., по исследованию Белого дома, именно в TikTok освещение информации относительно российско-украинского конфликта приобрело более масштабный характер, нежели в других социальных сетях.

4. Реклама

Реклама является наиболее таргетированным вариантом достижения маркетинговых целей, однако политика социальных сетей четко регламентирует возможности публикации политической рекламы, поэтому данный инструмент нечасто используется в международном политическом маркетинге.

Одним из ярких примеров является деятельность Федерального бюро расследований США. Так, в конце января — начале февраля 2022 г. с официального аккаунта ФБР на Facebook² было запущено 4 рекламных кампании [2]. Все рекламные объявления имели одинаковый текст: «Информация, предоставляемая ФБР населением, является наиболее эффективным средством борьбы с угрозами. Если вы располагаете информацией, которая может помочь ФБР, просим вас обратиться к нам». Все объявления вели на официальный сайт ФБР США, на специализированные страницы «Counterintelligence Program» г. Нью-Йорка, г. Хьюстона и г. Вашингтона, округ Колумбия (все страницы имели перевод на русский язык).

5. Публикации с вирусным эффектом

Публикации с вирусным эффектом — это такие посты, которые пользователи ввиду различных причин (как, например, высокий интерес к теме) стремятся распространить, тем самым стимулируя передачу информации с высокой скоростью. Создание таких вирусных публикаций стало частью международного политического маркетинга в социальных сетях в рамках российско-украинского конфликта.

Примером такого поста стала публикация лаконичного поста: на черном фоне белыми буквами надпись «загуглите «Буча» google Bucha» [3]. Этот пост стал стремительно распространяться, в том числе в других социальных сетях. Например, телеграм-канал «Отдел стиль жизни» [4] репостнул скрин-

² Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

шот этой картинке с телеграм-канала «Мегастиль» [5]. Оба канала не являются политическими, но тем не менее стали цепочкой в распространении вирусного поста.

6. Подмена контента с целью обойти код социальных сетей

Онлайн-платформы обладают рядом правил, согласно которым запрещено публиковать контент определенного характера. В частности, на платформе YouTube реклама политического характера должна сопровождаться тщательной проверкой согласно местным юридическим требованиям.

Например, на канал @cisstandup подписано более 56 тысяч человек [6]. Основной контент — юмористические короткие видеоролики в формате Shorts, пользующиеся высоким спросом у пользователей. Этот канал публикует видеоролики с плашкой поверх видео с информацией, что в комментарии к видеоролику закрепили ссылку, тем самым стремясь распространить информацию, не проходящую модерацию YouTube. В середине их видеоролика «Почему русские угрюмые» появляется плашка с текстом «Телеграм архив с видео с жесткими кадрами с Украины в ЗАКРЕПЕ» [7]. В комментарии оказался закрепленный комментарий «Наш тг с видео с Украины» со ссылкой на канал в Телеграме «Спецоперация РФ, Украина, ЛДНР» [8]. Видео собрало более 60 тысяч лайков, что говорит о высоком показателе охвата пользователей YouTube, которые могли перейти по ссылке в обход смоделированных правил платформы, т.к. социальная сеть не допускает распространение контента, где демонстрируется насилие. Стоит отметить, что телеграм-канал является закрытым, и для доступа к нему необходимо запросить подтверждение администратора.

7. Холодные методы продвижения

Холодные методы продвижения используются для того, чтобы искусственно заставить людей потреблять определенный контент. К холодным методам продвижения можно отнести рассылку, приходящую в личные сообщения. Такие рассылки стали приходить на почту mail, gmail и др., т.к. отследить авторов таких писем сложнее, чем в социальных сетях. Так, например, российские пользователи стали жаловаться на спам-рассылки с почтового адреса, принадлежащего домену Stoprussia.com [9]. Письма имеют антироссийскую направленность. Домен обслуживается в США, в штате Канзас. Кроме того, в сети Интернет начала распространяться информация о сообщениях и звонках с номеров телефонов, начинающихся с +1 и +380. С их помощью якобы распространялась информация о жертвах среди украинского населения и ответственности российских граждан за данную военную операцию. Известны случаи звонков ботов, которые распространяли сооб-

шение, записанное голосом украинского президента Владимира Зеленского [10]. Главная цель холодных методов продвижения — стимулировать людей подписываться на телеграм-каналы, т.к. Telegram — одна из немногих сетей, которая не обладает системой рекомендаций.

Таким образом, в рамках российско-украинского конфликта были использованы различные инструменты международного политического маркетинга в социальных сетях, в том числе такие, которые ранее не использовались. Некоторые из них оказались уникальными, не присущими коммерческому маркетингу, т.к. показали эффективность в достижении политических целей, в частности, в формировании определенного общественного мнения, что не так результативно в бизнесе. Следовательно, стали оформляться черты, характерные только для политического маркетинга, что стало новым явлением в развитии данной сферы.

Анализ инструментов контрстратегий международного политического маркетинга в социальных сетях на примере российско-украинского конфликта

Международный политический маркетинг является мягким инструментом информационного воздействия в киберпространстве, который сложно контролировать оппозиционной стороной. Следует обратить отдельное внимание на роль немаркетинговых инструментов, применяемых государствами, которые также стали неотъемлемой частью российско-украинского противостояния. Согласно модели Дж. Ная, помимо мягкой силы применения информационных инструментов для формирования общественного мнения (с использованием маркетинговых инструментов) применялись другие информационные инструменты внутреннего и внешнего киберпространства, а также физические инструменты для реализации цели во внутреннем киберпространстве.

К контрстратегиям международного политического маркетинга относятся:

1. Маркетинговая контрстратегия, которая включает в себя экстенсивный метод, при котором все большее количество социальных групп вовлекается в сферу ее влияния.
2. Установление норм и стандартов цифровой сферы.
3. Контроль международным актором интернет-компаний.
4. Кибератаки.
5. Атаки на системы управления.

Выбор метода зависит от силы актора международных отношений.

Органы власти Российской Федерации с начала активной фазы российско-украинского конфликта заблокировали социальные сети Facebook,

Instagram, принадлежащие компании Meta¹, признанной экстремистской на территории Российской Федерации, а также платформу Twitter [11]. Это было сделано на фоне политики социальных сетей, которые стали играть особую роль в российско-украинском конфликте. Twitter ограничил доступ к правительственным аккаунтам Российской Федерации, чтобы устранить «информационный дисбаланс», как было заявлено руководством компании. Компания Meta² значительно изменила свои алгоритмы для ограничения распространения информации с российской стороны: так, например, стали ограничиваться появления российских СМИ в рекомендациях сетей, закрылся доступ к просмотру подписчиков и подписок у профилей в закрытых аккаунтах, а также были разрешены публикации, призывающие к насилию против российских войск и политического руководства страны. Асимметричность возможностей использовать инструменты политического маркетинга на платформах российской стороной привело к тому, что преимущество было отдано жестким физическим методам: было решено заблокировать данные социальные сети и в то же время перенести маркетинговую стратегию на локальные платформы — Вконтакте, Telegram и др. Например, аккаунт Правительства Санкт-Петербурга опубликовал 11 марта 2022 года пост о том, что продолжит делиться информацией на платформах «Вконтакте» и «Одноклассники» [12]. Кроме того, активно разрабатываются отечественные аналоги известных социальных сетей. Вместо Instagram³ пользователям предлагают попробовать сервисы Now и др. Депутат Санкт-Петербургского регионального отделения партии «Единая Россия» Сергей Боярский в своем аккаунте Telescope выложил видео с обучением работы в отечественных социальных сетях, что говорит о выработке новой международной политической маркетинговой стратегии [13]. Министерство образования и науки Российской Федерации попросило вузы перенести свой контент с YouTube на отечественные платформы Rutube и VK.Video [14].

В.В. Путин подписал закон об ответственности за фейки о работе госорганов РФ за рубежом, что стало еще одним ограничивающим фактором распространения информации, в том числе дезинформации. Фейковые публикации часто имеют вирусный эффект ввиду того, что информация оформлена с целью вызвать отклик у пользователя, что приобретает эффект «расшаривания». Для предотвращения работы данного маркетингового

¹ Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

инструмента было введено правовое ограничение на территории Российской Федерации. В результате этого закона, такие платформы, как TikTok, опасаящийся распространения ложных кадров на территории России в коротких видео, и Spotify, платформа для прослушивания музыки и подкастов, решили об ограничении распространения контента.

Отличительной чертой конфликта между Россией и Украиной является активное участие неполитических акторов в рамках реализации политических стратегий. При этом зачастую использование маркетинговых инструментов обусловлено давлением общественного мнения или же коррелируется с целью самопиара. Другими словами, политические события становятся удобной платформой для продвижения собственного «бренда» и своих идей.

Бизнес вынужден подстраиваться под реалии нового времени. Например, швейцарская компания Zurich Insurance отказалась от использования в социальных сетях в качестве логотипа букву Z, чтобы не идентифицировать свой бренд как связанный с военными действиями на Украине [15].

Компания UNIQLO, оставшаяся на российском рынке после ухода других гигантов индустрии одежды, все-таки была вынуждена покинуть рынок ввиду того, что в социальных сетях стали распространяться хештеги #BoycottUNIQLO [16].

Илон Маск на фоне ограничений, вводимых Twitter, выложил пост с вопросом «Is a new platform needed?» (Нужна ли новая платформа?), тем самым увеличив упоминаемость своего имени, т.к. твит завирусился [17].

Apple запретила российским пользователям просматривать свою весеннюю презентацию продукции на платформе YouTube [18].

Вывод

Подводя итог, можно сделать вывод, что социальные сети стали отдельным фронтом информационной войны в российско-украинском конфликте. Использование вышеперечисленных инструментов маркетинга позволяет достичь основных международных политических целей: формирование имиджа и позиционирования актора для укрепления своей позиции на международном поле; влияние на других акторов международных отношений для создания выгодных ситуаций и достижения необходимых решений; влияние на внутреннюю аудиторию акторов по вопросу их отношения к международной политике, проводимой этим актором; контроль и воздействие на формирование мировой повестки СМИ. Тем не менее, маркетинг является мягким инструментом информационного воздействия в киберпространстве, который сложно контролировать оппозиционной стороной. Более действенным, но жестким методом предотвращения работы маркетинговых стратегий про-

тивной стороны является блокировка и введение норм и правил, ограничивающих действие социальных сетей и распространение информации в них. Кроме того, еще одной отличительной чертой российско-украинского конфликта стало участие неполитических акторов в реализации своих международных маркетинговых стратегий с использованием политики в качестве основы развития своего бренда, узнаваемости и пр.

Организация Meta признана экстремистской по решению суда, деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

Библиография

1. Nye, Jr. J. S. *Cyber Power* / J. S. Nye, Jr. Boston, 2010. P. 30.
2. Реклама от страницы «FBI — Federal Bureau of Investigation» [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/ads/library/?active_status=all&ad_type=all&country=ALL&view_all_page_id=72092591211&search_type=page&media_type=all (дата обращения: 01.11.2022).
3. Pomeranian_pug: Инстаграм-аккаунт [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/pomeranian_pug (дата обращения: 03.11.2022).
4. Отдел стиль жизни: Телеграм-канал [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/lifestylewhat/8541> (дата обращения: 03.11.2022).
5. Мегастиль: Телеграм-канал [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/megastil/3041> (дата обращения: 03.11.2022).
6. Cisstandup: YouTube-канал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCK6XgEOWQ3Mzpb0vrKMNxWA> (дата обращения: 03.11.2022).
7. Почему русские угрюмые: YouTube-видео Cisstandup [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/shorts/chYY-qrRpwY> (дата обращения: 03.11.2022).
8. Спецоперация РФ, Украины, ЛНДР: Телеграм-канал [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/+_Gqk9t3YjLo3OGQy (дата обращения: 03.11.2022).
9. Россияне стали получать спам-рассылки с адреса Stoprussia.com // Губернские ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://kgvinfo.ru/novosti/obshchestvo/rossiyane-stali-poluchat-sпам-rassylki-s-adresa-stoprussia-com/> (дата обращения: 03.11.2022).
10. Спам за мир // Comnews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comnews.ru/content/219253/2022-03-15/2022-w11/spam-za-mir> (дата обращения: 03.11.2022).
11. Соцсети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены в России [текст] // 1 канал [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-03-21/424239-sotsseti_facebook_i_instagram_priznany_ekstremistskimi_i_zapresheny_v_rossii (дата обращения: 03.11.2022).
12. Spbgov: Инстаграм-аккаунт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/Ca97wRQMYI6/> (дата обращения: 11.11.2022).
13. sergeyboyerskiy24 // Telescope [Электронный ресурс]. URL: <https://telesco.pe/sergeyboyerskiy24/79> (дата обращения: 03.11.2022).
14. Минобрнауки попросило вузы перенести свой контент с YouTube на VK.Video и Rutube // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/14258583> (дата обращения: 03.11.2022).

15. Zurich Insurance отказалась от логотипа Z в соцсетях // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14196007> (дата обращения: 03.11.2022).
16. Uniqlo backpedals on Russia, suspends business in the country amid international boycott threats // Yahoo News [Электронный ресурс]. URL: <https://news.yahoo.com/uniqlo-backpedals-russia-suspends-business-203041535.html> (дата обращения: 03.11.2022).
17. Elon Musk asks “is a new platform needed?” after Twitter free speech criticism threats // Fox Business [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foxbusiness.com/politics/elon-musk-new-platform-needed-twitter-free-speech> (дата обращения: 03.11.2022).
18. Russia-Ukraine war| Apple Bans Russian Users From Watching Its Spring Presentation Amid Russia’s Invasion // Republic World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.republicworld.com/technology-news/mobile/apple-bans-russian-users-from-watching-its-spring-presentation-amid-russias-invasion-articleshow.html> (дата обращения: 08.11.2022).

Матвеева Дарья Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

DEVELOPMENT OF CHINA'S CYBERSECURITY CONCEPT IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В настоящее время информационная безопасность стала одной из главных составляющих национальной безопасности и тесно связана с международной и экономической безопасностью. На примере КНР в данной статье рассматривается развитие национальной стратегии обеспечения кибербезопасности, ее особенности и недостатки на сегодняшний день. Кроме того, изучена конфронтация с США как традиционным гегемоном в развитии и управлении международным цифровым пространством, рассмотрены инструменты влияния двух стран на мировое киберсообщество. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Китай — кибердержава, которая конкурирует с США, что ведет к разделению международного киберпространства на два блока.

Ключевые слова: КНР, международная кибербезопасность, США, цифровая война, цифровой суверенитет, глобальное управление.

Abstract. Nowadays, information security has become one of the important components of national security and is closely linked to international and economic security. Using the example of the PRC, this article examines the development of the national cyber security strategy: its features and shortcomings. In addition, the confrontation with the United States as a traditional hegemon in the development and management of the international digital space is studied, the instruments of influence of the two countries on the global cyber community are considered. The conducted research allows to conclude that China is a cyberpower that competes with the United States, which leads to the division of international cyberspace into two blocks.

Keywords: PRC, international cyber security, USA, digital war, digital sovereignty, global governance.

Введение

Возникновение и увеличение числа угроз в сфере международного киберпространства повышает необходимость осуществления совместных мер по обеспечению кибербезопасности. Однако при отсутствии единого

международного органа и закона могущественные государства распространяют свое влияние в формирующемся международном киберпространстве и свое видение управления глобальным цифровым сообществом. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день Китай стремится стать настоящей «цифровой державой» и уже достиг значительных результатов в этом направлении. Так, например, в 2021 г. КНР создала крупнейшую сеть 5G в стране, а в 2022 г. объем цифровой экономики Китая составлял приблизительно 40% от ВВП [1]. Количество интернет-пользователей из КНР превысило 1,05 млрд а такие крупные компании, как Alibaba, Tencent Holdings, Huawei, China Mobile, уже занимают ведущие позиции в мировой экономике.

Таблица 1.

Национальный индекс кибермоцци 2022: Топ-10 кибердержав

Место	Страна
1	США
2	КНР
3	РФ
4	Великобритания
5	Австралия
6	Нидерланды
7	Южная Корея
8	Вьетнам
9	Франция
10	Иран

Источник: [2].

Развитие концепции цифровой безопасности КНР

В Китае огромное влияние на развитие кибербезопасности оказывают Коммунистическая партия Китая и военные структуры, что является отличительной чертой страны. Можно утверждать, что как только Интернет появился в Китае, он сразу стал «закрытым». В 1990 г. появилась первая доменная зона — «.cn», которая перешла под управление правительственного ведомства CNNIC. С 1998 по 2003 гг. был создан и введен в эксплуатацию государственный проект «Золотой щит» для фильтрации нежелательного контента в Интернете [3, с. 126]. В цифровом пространстве КНР используются китайские интернет-ресурсы, зачастую к зарубежным сайтам доступ бывает ограничен. В стране действует жесткая цензура и пропаганда

государственных ценностей, практически невозможно зарегистрироваться на какой-либо интернет-платформе без указания личных данных. Более того, действующая система фильтрации контента не только создает черные списки сайтов, но и может блокировать IP-адреса по ключевым словам, например, Фалуньгун, Тяньаньмэнь, уйгуры, Тибет и др. Также подвергаются цензуре некоторые СМИ, критикующие власть.

В 2012 г., с приходом к власти Си Цзиньпина, контроль за киберпространством был ужесточен, началось продвижение политики по развитию внутреннего рынка в сфере ИКТ [4, р. 10]. Важным шагом на данном этапе развития стало создание в 2014 г. руководящей группы по кибербезопасности и информационным технологиям (с 2018 г. — Центральная комиссия по кибербезопасности и информатизации (ССАС)) с исполнительным органом — Управлением по вопросам киберпространства Китая (Администрация киберпространства Китая) (САС) [4, р. 11]. Кроме того, активно продолжали развиваться законы в этой области. На сегодняшний день можно выделить три закона, которые являются основой системы правового регулирования цифрового пространства и данных. Первый из них — Закон «О кибербезопасности КНР», вступивший в силу в 2017 г., в 2021 г. были изданы Закон «О безопасности данных» и Закон «О защите персональных данных» [5]. Согласно законодательству, операторы, сотрудники компаний, провайдеры обязаны проводить постоянный мониторинг баз данных и сетей для своевременного предотвращения киберугроз. В Китае данные компаний являются национальным активом, использование которого должно регламентироваться в соответствии с законодательством КНР. Частные компании обязаны хранить свои данные на китайских серверах, а в случае необходимости отправки информации за пределы страны должны получать официальное разрешение от правительства [3, с. 132]. Подобные ограничительные меры вызывают трудности и критику у тех, чей бизнес продолжает оставаться на территории КНР.

В качестве примера влияния правительства на частные компании можно упомянуть ситуацию с сервисом такси Didi. В 2021 г. агрегатор такси Didi Global должен был выйти на нью-йоркскую фондовую биржу, однако власти КНР были обеспокоены возможностью передачи данных о китайских пользователях в США. В связи с этим приложение Didi было удалено из онлайн-магазинов, а в отношении компании началось расследование по причине нарушения использования и сбора личных данных [6]. Другой пример — компания Apple. В свое время, чтобы не потерять китайский рынок, она передала данные пользователей и ключи шифрования китайской компании Guizhou-Cloud Big Data [7].

Более того, актуальным примером политической цензуры в Китае является ситуация с трансляцией матча Чемпионата мира по футболу 2022 г.

в Катаре. Китайское телевидение вырезало сцены с сидящими рядом и без масок болельщиками, в то время как в Китае продолжались протесты против ковидных ограничений [8]. Кроме того, отсутствие масок у зрителей на чемпионате обсуждалось в статье китайского пользователя «10 вопросов». В тексте политика «нулевого ковида» ставилась под сомнение, но статья была вскоре удалена [9].

Концепция «цифрового суверенитета» и конфронтация с США

Однако Китай не останавливается на распространении своего кибервливания только внутри страны. Благодаря своему цифровому развитию, КНР активно продвигает концепцию «цифрового суверенитета» в качестве единого международного подхода к киберпространству. Впервые она была озвучена на Первой всемирной интернет-конференции (Учженьский Саммит) [10, с. 256]. Была поставлена цель — создание «сообщества киберпространства с единой судьбой». Согласно этой цели, содействие открытости и сотрудничеству в международном киберпространстве должно сопровождаться правом каждого государства выбирать свою модель развития Интернета, без вмешательства других стран и с ограничением влияния неправительственных организаций в развитие международного цифрового пространства. Можно утверждать, что КНР стремится воссоздать национальные границы государств в киберпространстве. Также 7 ноября 2022 г. была опубликована Белая книга о «Совместном создании сообщества единой судьбы в киберпространстве», в ней перечислялись достижения Китая в развитии цифровых технологий и были закреплены четыре принципа: уважение киберсуверенитета каждого государства, поддержание мира и безопасности, содействие открытому сотрудничеству, а также превращение киберпространства в сообщество интересов, работающее на благо всего человечества [11]. КНР также подчеркивает, как важно сокращать технологический разрыв между странами и предлагает развивать сетевую инфраструктуру для повышения благосостояния. Как отмечалось в Белой книге, КНР активно сотрудничает со всеми государствами, чтобы создать «сообщество единой судьбы в киберпространстве» [12]. Так, Поднебесная принимает участие в саммитах БРИКС, ООН и ШОС, заключает как двусторонние, так и многосторонние соглашения с другими странами.

Такое активное участие в построении цифрового общества не может не вызывать беспокойства у традиционного глобального гегемона — США. Конфронтация двух стран осложняется разными подходами к управлению международным киберпространством. Если Китай придерживается концепции «киберсуверенитета», то в США рассматривают более открытую модель управления глобальным Интернетом с активным вовлечением неправительственных акторов, например, таких как ICANN, IETF, Google и др., наравне

с суверенными государствами [13, с. 12]. Данные и информация не могут подвергаться регулированию или быть ограничены.

Таблица 2.

Сравнение моделей управления США и КНР глобальным киберпространством

	США	КНР
Модель управления киберпространством	Децентрализованная модель управления киберпространством	Централизованная модель управления киберпространством
Международные площадки	Форум по управлению Интернетом (IGF)	Учженьский Саммит
Роль неправительственных акторов	Негосударственные акторы принимают участие в развитии цифрового пространства наравне с суверенными государствами ICANN, IETF, Google и др.	Негосударственные акторы могут выполнять лишь консультативные функции в принятии решений, доминирующий международный орган — ООН, государства — главные акторы

Источник: [13].

«Цифровая холодная война»

На сегодняшний день КНР и США стремятся распространять свою модель и влияние в мире, однако можно утверждать, что способы ведения «цифровой холодной войны» этих стран довольно схожи. На данный момент между двумя державами существует соперничество в развитии инструментов кибервойны, а также конфронтация за место на мировом рынке.

Биполярность киберпространства проявляется в формировании альтернатив в лице АБИИ, ШОС, БРИКС, кроме того, прослеживается в гонке за развитие технологий. США стремится сдерживать КНР и исключить ее цифровые компании из международного рынка [14, с. 223]. Например, в 2020 г. правительство США запрещало использование китайских приложений TikTok, WeChat. В том же году была создана инициатива «Clean Network», которая подразумевает ограничение деятельности КНР на рынке цифровых технологий. В 2022 г. Huawei, ZTE и несколько других компаний попали под санкции [15]. США запретили ввозить их продукцию в связи с угрозой американской национальной безопасности.

Такие ограничения подкрепляют желание Китая стать независимым от внешнего рынка. Принимаются различные программы по укреплению

национальной экономики и развитию собственных технологий. Например, согласно проекту «Сделано в Китае 2025», планируется достичь 70% локализации производства к 2025 г. Проект «Китайский стандарт — 2035» выступает следующим этапом и предполагает распространение цифровых технологий Китая по всему миру [16]. Для стабилизации мировой торговли и увеличения потребления на внутреннем рынке в 14-й пятилетний план Китая была также включена стратегия «двойной циркуляции». Кроме того, желая распространять свое цифровое влияние на другие страны, Китай выдвинул концепцию «цифрового шелкового пути» — это всесторонний проект, направленный на цифровизацию проекта «Один пояс — один путь», развитие сотрудничества стран в области инновационных технологий [16].

Таблица 3.

Альтернативные структуры и технологии

АБИИ	МВФ
CIPS	SWIFT
Digital silk road, Great Firewall	The Clean Network
BeiDou	GPS
HarmonyOS	IOS, Android
Huawei (5G)	Nokia, Ericsson (5G)
Baidu, Sohu, Youdao	Google, Yahoo, MSN Search
WeChat, Tencent QQ	WhatsApp, Facebook Messenger
Bilibili, Youku	YouTube
China Union Pay	MasterCard
360 market	App Store, Google Play
Sina Weibo	Facebook*, Twitter
Xiaohongshu	Instagram*

Примечание: * Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Источник: Составлено автором.

Однако соперничество проявляется не только в ограничении развития технологий и выход конкурентов на мировой рынок, но и в инструментах ведения кибервойны. Военный совет ЦК КПК играет важную роль в обеспечении кибербезопасности Китая [17, с. 161]. Можно говорить о секьюритизации цифрового пространства, поскольку китайское правительство считает, что развитие информационных технологий позволит достичь превосходства в военной сфере и успеха в случае кибервойны. Главными методами для ведения цифровой войны Китай считает суперЭВМ, обеспечение сетевой безопасности силовых структур, сбор разведывательной инфор-

мации, радиоэлектронную борьбу и физическое уничтожение [18, с. 123]. Китайское правительство уверено, что успешная разработка инструментов ведения цифровой войны способствует достижению экономических и политических целей [19, с. 203]. Например, в 2020 г. тайваньские специалисты в сфере цифровой безопасности заявляли о вмешательстве КНР в выборы на острове с помощью искусственного интеллекта [20]. Более того, нарастающая конфронтация в мировом цифровом пространстве прослеживается в выводе, сделанном на мадридском саммите НАТО 2022 г.: «системное соперничество» с КНР — стратегический вектор НАТО [21].

Кроме того, две страны часто обвиняли друг друга в кибератаках. Например, во время пандемии правительство США публично заявило, что китайские хакеры, связанные с правительством КНР, украли социальные пособия по борьбе с коронавирусной инфекцией на 20 млн долларов [22].

Заключение

КНР является кибердержавой, которая все больше и больше распространяет свое экономическое и цифровое влияние через торговые отношения и участие в международных организациях и союзах, таких как ООН, ШОС, БРИКС и др., через свои программы, например, «цифровой шелковый путь», а также продвигает собственную концепцию «киберсуверенитета» в качестве стандарта управления мировым цифровым пространством. Несмотря на значительные успехи Китая в разработке собственной стратегии кибербезопасности, большинство законов о данной сфере нуждаются в дополнениях, поскольку существует неопределенность во многих ключевых понятиях и положениях. Кроме того, структура госаппарата КНР по обеспечению кибербезопасности функционирует не лучшим образом, поскольку степень полномочий госучреждений четко не определена [4, р. 15], поэтому ожидается дальнейшее реформирование этой сферы в рамках новых пятилетних планов. К тому же, несмотря на жесткий контроль за национальным цифровым пространством Китая, развитие технологий и появление новых киберугроз также предполагают постоянное обновление законодательной базы и методов защиты.

Вопреки стремлению развить автономный внутренний рынок технологий, сохраняется проблема взаимозависимости Китая от зарубежных экономических партнеров, а также трудности с продвижением отечественных производителей из-за санкций других государств. Так, например, несмотря на амбициозный план «Сделано в Китае 2025», к 2020 г. КНР достигла лишь 16% самообеспечения [18, с. 123].

КНР и США в современных условиях продвигают разные модели управления мировым киберпространством, но используют похожие инструменты ведения «цифрового соперничества». Растущий интерес КНР к разработке

инструментов кибервойны может усугубить конфронтацию с США и привести к «гонке вооружений» в данной сфере. Что не соответствует стратегии кибербезопасности Китая, согласно которой необходимо устранить возможность появления конфронтации в киберпространстве.

Библиография

1. Белая книга: цифровая экономика стала главным двигателем экономического роста Китая // Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20221107/36dcd40fdedd4beaa5724cd0669f2104/c.html> (дата обращения: 01.12.2022).
2. *Voo J., Hemani I., Cassidy D.* National Cyber Power Index 2022 // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/national-cyber-power-index-2022> (дата обращения: 02.12.2022).
3. *Меньшиков П. В., Михина Л. К.* Система противодействия угрозам информационной безопасности КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 1. С. 124–139.
4. *Lee J.* Cyberspace Governance in China: Evolution, Features and Future Trends // *Asie Visions* 2022. Vol. 129. 34 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications/notes-de-lifri/asie-visions/cyberspace-governance-china-evolution-features-and-future> (дата обращения: 06.12.2022).
5. China: The interplay between the PIPL, DSL, and CSL // DataGuidance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dataguidance.com/opinion/china-interplay-between-pipl-dsl-and-csl> (дата обращения: 06.12.2022).
6. В Китае удалено приложение для вызова такси Didi Chuxing из онлайн-магазинов за нарушение закона о сборе данных // *Russian.people.cn* [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0705/c31516-9868410.html> (дата обращения: 04.12.2022).
7. Apple пошла на уступки в Китае // *Telecom Daily* [Электронный ресурс]. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2018/07/23/apple-poshla-na-ustupki-v-kitae> (дата обращения: 29.11.2022).
8. В Китае трансляции матчей ЧМ-2022 начали подвергать цензуре из-за болельщиков // *Матч!* [Электронный ресурс]. URL: https://matchtv.ru/football/championat_mira/matchtvnews_NII733009_V_Kitaje_translacii_matchej_ChM_2022_nachali_podvergat_cenzure_iz_za_bolelshhikov (дата обращения: 29.11.2022).
9. 10 вопросов: Перевод заблокированной в Китае статьи об антиковидных мерах // ЭКД! [Электронный ресурс]. URL: <https://ekd.me/2022/11/10-voprosov-kitajskij-blogger-raskritikoval-protivokovidnye-mery-ego-akkaunt-zablokirovali/> (дата обращения: 01.12.2022).
10. *Михалевич Е. А.* Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 254–264 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46153801> (дата обращения: 06.11.2022).
11. Информационное бюро Государственного совета выпустило «Белую книгу» «Совместная работа по созданию сообщества судьбы в киберпространстве», 中华

- 中华人民共和国国家互联网信息办公室 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-11/07/c_1669458669381346.htm (дата обращения: 08.11.2022).
12. В Учжэне, провинция Чжэцзян, открылась выставка Всемирной интернет-конференции «Свет Интернета». 2022 год 新闻中心。浙江新闻 [Электронный ресурс]. URL: https://news.hangzhou.com.cn/zjnews/content/2022-11/08/content_8394890.htm (дата обращения: 08.11.2022).
 13. Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Пискунов Д. А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48023138> (дата обращения: 03.11.2022).
 14. Столетов О. В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 221–237 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49174207> (дата обращения: 03.12.2022).
 15. США запретили ввоз оборудования Huawei и ряда других компаний из Китая // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2022/638138309a794776115de50b> (дата обращения: 05.12.2022).
 16. Цифровой Шелковый путь: возможности и вызовы для постсоветской Евразии // Евразия эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/tsifrovoy-shelkovyuy-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlya-postsovetskoy-evrazii/> (дата обращения: 04.12.2022).
 17. Разумов Е. А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156–170 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32330244> (дата обращения: 07.11.2022).
 18. Кашин В. Б., Кокошин А. А. О подходах руководства КНР и китайских силовых структур к противоборству в киберпространстве // Военная мысль. 2022. № 6. С. 119–127.
 19. Каткова Е. Ю., Юнюшкина А. С. Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210>
 20. Sunday Times: Китай отрабатывает на Тайване приемы ведения кибервойны // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-01-06/Sunday-Times-Kitaj-otrabativaet-na> (дата обращения: 06.12.2022).
 21. Маршрут восстановлен? Итоги саммита НАТО в Мадриде // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/marshrut-vosstanovlen-itogi-sammitya-nato-v-madride/> (дата обращения: 06.12.2022).
 22. Hackers linked to Chinese government stole millions in Covid benefits, Secret Service says // NBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/tech/security/chinese-hackers-covid-fraud-millions-rcna59636> (дата обращения: 06.12.2022).

Никитина Ксения Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Аспирантура

КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

COGNITIVE SECURITY IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARFARE METHODS ADVANCEMENT

Аннотация. Статья представляет собой попытку раскрыть содержание когнитивной безопасности. Автор анализирует контекст развития новых методов, применяемых в современном геополитическом противоборстве. Обозначен переход к когнитивному измерению войны и его отличительные особенности. Изложены различные определения когнитивной войны и подходы к определению когнитивной безопасности. Автор делает вывод о том, что концепция когнитивной безопасности зависит от представлений о когнитивной войне.

Ключевые слова: информационные войны, когнитивная война, информационно-психологическая безопасность, когнитивная безопасность, стратегия безопасности.

Abstract. The article is an attempt to understand the gist of the concept of cognitive security. The author analyzes the context of new methods, which are implemented in the modern geopolitical rivalry. The transition to cognitive domain of war with its distinctive features is identified. Various definitions of cognitive warfare and approaches to the definition of cognitive security are described. The author makes a conclusion that current understanding of cognitive security is determined by the concepts of cognitive warfare.

Keywords: information warfare, cognitive warfare, information-psychological security, cognitive security, security strategy.

Введение

В условиях развития цифровых технологий и становления глобального информационного пространства восприятие большинства социально-политических явлений и процессов опосредовано этим пространством. Государства как основные акторы международных отношений стремятся к урегулированию глобального информационного пространства и обеспечению информационной безопасности общества. В связи с повсеместной цифрови-

зацией и распространением социальных сетей возрастает влияние информационной среды на психику и модели поведения человека. Изучением особенностей мышления человека, проблемами применения полученных знаний для развития информационных технологий и контроля над поведением общества занимаются когнитивные науки. Разработки когнитивистики подвержены риску милитаризации, что подразумевает возникновение более совершенных методов информационного противоборства, представляющих угрозу национальной безопасности. Современные информационные операции выходят на новый уровень — уровень атак на сознание человека, что свидетельствует об актуальности проблемы когнитивной безопасности.

Находясь на стыке различных наук, когнитивная безопасность как новая область исследований соответствует общему тренду междисциплинарности и конвергенции наук и технологий, а также нуждается в концептуализации.

Цель данного исследования — определить концептуальное значение термина «когнитивная безопасность» с учетом развития передовых методов ведения информационных войн XXI века. В ходе исследования были выявлены процессы и явления, дающие импульс к развитию новых методов, применяемых в информационном противоборстве; обозначены отличительные особенности когнитивного измерения ведения боевых действий; проведен анализ определений когнитивной войны; представлены подходы к определению когнитивной безопасности.

Предпосылки к модернизации методов ведения информационных войн

Необходимость обращения исследователей к проблеме когнитивного измерения безопасности связана с несколькими технологическими тенденциями XXI века.

Во-первых, массовая цифровизация и растущее влияние социальных сетей приводят к развитию так называемой алгокогнитивной культуры — культуры общества, которому присуща алгоритмическая наполненность. В обществе, насыщенном алгоритмами, происходит деградация когнитивных функций, дерационализация, формирование всеобщей цифровой зависимости и социальная фрагментация, что обеспечивает более точечные возможности манипуляции психоэмоциональными факторами. Человек становится более уязвимым для влияния алгоритмов социальных сетей, которыми управляют информационные корпорации. Учитывая глобальность алгокогнитивной культуры, становится возможным создание алгоритмов для так называемых «когнитивных диверсий» [1, с. 33].

Во-вторых, в рамках перехода к новому технологическому укладу происходит развитие когнитивистики, возрастает влияние нейротехнологий

на все аспекты жизни человека. С учетом того, что злоупотребление нейротехнологиями для контроля над поведением человека уже неоднократно фиксировалось в истории (в 1950–1960-е гг.), применение подобных технологий для достижения военных целей не исключено и в будущем. Например, устройства, разработанные для улучшения памяти человека и изначально носящие исключительно мирный характер, могут использоваться для внедрения или уничтожения воспоминаний противника. Эксперты по нейроэтике считают, что следующим полем боевых действий станет мозг человека [2].

Дополнительным обстоятельством, дающим импульс к развитию новых методов информационной войны, является NBIC-конвергенция, под которой понимается взаимовлияние нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. NBIC-конвергенция предоставляет возможности для обеспечения глобальной безопасности при помощи искусственного интеллекта и управления морально-этическими установками различных сообществ при помощи технологий [3, с. 112]. В частности, К. Шваб, описывая происходящие технологические изменения, отметил: «Военный сектор и развитие новых технологий ведения войны существуют в своей собственной, относительно изолированной области» [4, с. 72]. В связи с этим противодействие злонамеренному применению современных технологий усложняется.

Таким образом, формируются условия для возникновения новых методов военных операций и нетрадиционных видов оружия, связанных с когнитивными функциями мозга.

Трансформация информационного противоборства: когнитивное измерение

Воздействие на информационную среду противника с целью повлиять на механизм принятия решений и защита своей информационной среды от негативного влияния извне составляют суть информационного противоборства. Идея манипулирования информацией и вепонизации общественного мнения не является новой. Эволюция этой идеи включает в себя следующие стадии развития методов ведения информационных войн: пропаганда, психологические операции, кибероружие, информационные операции (операции влияния), когнитивные методы [5].

В основе перехода от информационных операций к когнитивным методам лежит мысль о том, что на процесс принятия решений можно оказывать влияние не только при помощи распространения информации и регулирования ее потоков, но и через непосредственное воздействие на сознание и управление мыслительными процессами противника. Когнитивные функции мозга отвечают за рациональное и интуитивное восприятие информа-

ции, в результате которого происходит принятие решений, формируется поведение человека. Применение когнитивных методов предполагает эксплуатацию конфликтного потенциала мозговых функций (дуальности мышления) и использование когнитивных диссонансов [6]. Иными словами, новшество когнитивных методов заключается в том, что в ходе операции противник стремится к контролю реакции на информацию отдельных личностей и поведения целевых групп.

Одно из первых упоминаний когнитивных методов ведения войны обнаруживается в докладе Центра науки и международных отношений им. Белфера, посвященном «русской угрозе» странам Прибалтики. По мнению авторов доклада, источником стратегии с применением когнитивных методов служит российский подход к обеспечению безопасности в информационном пространстве, при котором наблюдается преобладание информационно-психологических аспектов над цифровыми [7, p. v]. Утверждается, что Россия применяет когнитивные методы в странах Прибалтики уже несколько лет. Авторы также считают, что Россия преследует цель вмешаться в мысли граждан и «изменить не только то, как избиратели голосуют, но и то, как они думают» [7, p. 32]. Исходя из этого предположения было сформулировано следующее определение. Когнитивная война (*cognitive warfare*) — это стратегия, предполагающая изменение мышления целевой аудитории при помощи информационных средств. Основные методы такой стратегии включают в себя распространение нарративов, направленных на подрыв внутренней политической стабильности.

Другими западными исследователями (например, А. Берналем) когнитивная война трактуется как «вепонизация общественного мнения извне с целью влияния на государственную политику и дестабилизации общественных институтов» [5]. Можно утверждать, что такое понимание когнитивной войны не в полной мере раскрывает характеристики когнитивных методов и их отличие от информационных операций.

Более точное определение предложено Ф. дю Клузелем в рамках конференции НАТО. На конференции речь шла о когнитивном измерении войны (*cognitive domain*), которое выделяется наряду с такими пространствами боевых действий, как сухопутная территория, морская акватория, воздушное, космическое и цифровое пространства. Когнитивное измерение основано на глобальной связи разумной деятельности всего человечества посредством технологий. Когнитивные методы ведения войны (когнитивная война) — это нетрадиционные формы войны, в рамках которой цифровые инструменты применяются для воздействия на когнитивные процессы и эксплуатации отклонений в мышлении противника с целью вызвать искажение мыслей, повлиять на принятие решений и предотвратить определенные дей-

ствия противника на индивидуальном и коллективном уровне. Когнитивные методы представляют собой сочетание психологических, социальных и технологических инструментов воздействия на сознание человека [8].

С точки зрения технологий когнитивные методы воздействия подразумевают массовое использование данных о поведении, которые каждый из пользователей оставляет в сети неосознанно, без личного согласия [9]. Долгосрочные эффекты от применения таких методов включают изменение мировоззрения противника таким образом, что под угрозой оказываются душевное спокойствие, уверенность, конкурентоспособность и процветание [10], то есть дестабилизация противника достигается за счет манипуляции психоэмоциональным состоянием.

Применение когнитивных методов не ограничивается работой с данными. Отмечается, что будущие конфликты в когнитивном измерении будут возникать в цифровом виде, а затем приобретут физическое измерение в непосредственной близости от политических центров [11, р. 25]. Когнитивное измерение боевых действий предполагает дальнейшую разработку современных видов бесконтактного оружия, которое выделяется на фоне прочего тем, что его действие не поддается обнаружению и предотвращению. Принцип действия нейрооружия (*neurostrike weapon*) может быть основан на импульсном микроволновом излучении. Результат применения нейрооружия — неврологические симптомы, повреждения мозга [12]. Следует упомянуть, что на данный момент о разработке подобного оружия известно мало.

Важно заметить, что еще до разработки концепции когнитивной войны структурами НАТО особый вклад в изучение когнитивных методов внесли китайские ученые, которые ввели понятие «сила, чтобы контролировать разум». Цель когнитивных операций, согласно представлениям китайских ученых, заключается в установлении контроля над разумом противника. Операции в когнитивном измерении рассматриваются как «инструмент управления знаниями, эмоциями и сознанием общества и политической элиты» [13, р. 31]. Также китайский подход определяет следующие стратегические цели, которые преследуют когнитивные операции: воздействовать на ценности, национальный дух, идеологию, культурные традиции и верования; подталкивать противника к отказу от определенного пути развития [13].

Ключевое свойство когнитивных методов — их адаптивность к традиционным измерениям войны, соответственно, они могут использоваться в рамках любых стратегий. В конечном итоге применение когнитивных методов трансформирует современное геополитическое противостояние — информационная война приобретает вид войны когнитивной.

Феномен когнитивной войны: цели, методы, особенности

Для описания трансформации информационной войны в когнитивную целесообразно воспользоваться определениями русскоязычных исследователей, поскольку понятие «cognitive warfare» на Западе носит прагматический характер, а подход отечественных ученых к проблеме когнитивной войны опирается на другой критерий смысловой значимости. Когнитивная война, как разрабатываемая структурами НАТО концепция, является инструментом достижения целей, в то время как отечественные ученые подходят к определению когнитивной войны с социокультурной точки зрения.

Наиболее полно концепция когнитивной войны разработана А. М. Ильницким, ученый называет ее «ментальная война, направленная на уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества» [14, с. 24]. Методы ментальной войны включают в себя воздействие на психозоциональные факторы противника в сочетании с технологиями. В рамках ментальной войны стоят задачи изменения образа мыслей, самосознания, ценностей общества. Иными словами, геополитическое противостояние разворачивается как крупномасштабная борьба ценностных установок, в ходе которой происходит лишение противника субъектности и его самоликвидация.

Основное отличие ментальной войны от войны информационно-психологической — это реализация операций с учетом снижения значимости объективных фактов в пользу апелляции к эмоциям. Следует заметить, что определение А. М. Ильницкого совпадает с китайскими представлениями о целях когнитивных операций в том, что акцент делается на идеологическую составляющую, которая подвергается наибольшему воздействию. Также выделяются следующие уровни ментальной войны: тактический, операционный, стратегический. Западные определения когнитивной войны следует отнести к операционному уровню, рассчитанному на определенные аудитории и срок длительностью в несколько месяцев.

К методам когнитивной войны также следует отнести: манипуляции историческими сведениями, сокрытие или замена реальной информации ложной, снижение уровня образования общества. Эти методы способствуют достижению цели снизить понимание противником геополитических процессов, скрыть истинную динамику и действующих лиц исторических событий. Поскольку объектом воздействия являются когнитивные процессы, не исключается нарушение мыслительных способностей человека при помощи не только информационных, но и наркотических средств [15, с. 80].

В связи с тем, что когнитивная война направлена на перехват управления мышлением противника с последующим влиянием на принятие решений,

в процессе когнитивных операций происходит создание новой ментальной модели в голове противника и перепрограммирование его поведения. Создание необходимого образа ситуации обеспечивается «эмоциональным заражением» общественности, которое обозначает переключение аудитории на такой режим мышления, при котором оценка происходящего дается на основе примитивной дихотомии «свой — чужой» [16, с. 8]. Когнитивные операции предполагают использование эмоционального давления с целью снижения рационального мышления противника. С учетом таких задач Г. Почепцов предлагает рассматривать когнитивную войну как гибридную войну с целью захвата рефлексивного управления противником. Под рефлексивным управлением понимается установление контроля над восприятием событий [17].

Представленные определения когнитивной войны позволяют выявить ключевые общие признаки этого феномена, а именно: психоэмоциональное воздействие с применением цифровых и когнитивных технологий (контроль восприятия, образа мыслей и реакции, а также манипуляции сознанием противника); вовлечение социокультурной составляющей (борьба ценностей); тотальный характер (атакам подвержены любые группы общества), выраженный в нефизических атаках. Победа в когнитивной войне обозначается самоликвидацией противника путем изменения его картины мира и социокультурного поля.

Концепция когнитивной безопасности

На основе анализа феномена когнитивной войны можно выделить следующие угрозы безопасности в когнитивной сфере:

- когнитивные атаки;
- дестабилизация общественных институтов, влияющих на формирование общественного мнения, и структур, участвующих в принятии политических решений;
- деструктивное влияние на социокультурную сферу.

Данные угрозы позволяют рассматривать следующие подходы к когнитивной безопасности: подход с точки зрения защиты когнитивных функций, операционный подход (разрабатывается преимущественно западными исследователями), социокультурный подход, оборонительный подход.

Смысл когнитивной безопасности в ракурсе когнитивных функций подразумевает обеспечение психоэмоциональной устойчивости всех членов общества. Когнитивная безопасность призвана обеспечить защиту от принуждения к образу мыслей, который является чужим и несвойственным мировоззрению и ценностям человека [16, с. 14].

Операционный подход обоснован трактовками когнитивного измерения со стороны структур НАТО. Когнитивную безопасность можно рассма-

тривать как меры противодействия сочетанию методов информационной войны, кибератак, психологических операций и социальной инженерии [18]. В этом смысле обеспечение когнитивной безопасности тесно переплетается с технологическими аспектами, а именно — с применением технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для моделирования процессов познания и обнаружения различных угроз безопасности. Важно заметить, что в операционном смысле когнитивная безопасность может включать в себя меры наступательного характера [19].

Социокультурный подход к когнитивной безопасности предполагает масштабную стратегию по защите образовательной системы, духовных основ общества и его историко-культурного наследия. В данном случае когнитивная безопасность направлена на обеспечение защиты и единства мировоззренческих основ внутри государства с опорой на идеологию. В узком смысле социокультурный подход предполагает меры противодействия идейно-ценностной экспансии, защиту от навязывания мнений, дестабилизирующих систему управления государством [20].

Оборонительный подход к обеспечению когнитивной безопасности представляет собой создание комплекса мер противодействия когнитивным операциям, защиту психофизиологической сферы человека от пагубного влияния когнитивных технологий (недопущение автоматизации мыслительных процессов), обеспечение психологической устойчивости общества [20].

В целом проблема раскрытия термина «когнитивная безопасность» заключается в его зависимости от определения когнитивной войны, когнитивных операций и угроз в когнитивном измерении. Поскольку на данный момент не существует консенсуса относительно концепции когнитивной войны, многообразии определений позволяет придавать понятию то значение, которое соответствует целям исследования. Общий смысл когнитивной безопасности состоит в создании обширной стратегии противодействия методам, нацеленным на изменение сознания, управление образом мыслей, подрыв мировоззренческих установок.

Заключение

Такие процессы и явления, как формирование алгокогнитивной культуры, вепонизация достижений когнитивистики и не поддающаяся государственному контролю конвергенция NBIC-технологий, обеспечивают формирование когнитивного измерения геополитического противостояния. Операции в когнитивном измерении существенно отличаются тем, что они являются синергией информационных, психологических и технологических методов, поражающих сознание. Когнитивные операции, суть которых — установление контроля над образом мыслей, являются частью стратегии когнитивной

войны, которая в структурах НАТО разрабатывается с точки зрения практического применения. В среде русских и китайских ученых когнитивной войне придается экзистенциальное значение борьбы за ценности и устойчивость общества. Значение когнитивной безопасности определяется представлениями о когнитивной войне. В целом основная идея когнитивной безопасности включает в себя защищенное состояние когнитивного измерения общества, то есть обеспечение устойчивости социокультурного поля общества к деструктивному влиянию, и защиту сознания каждого члена общества.

Библиография

1. *Коктыш К., Ренард-Коктыш А.* Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 26–46.
2. *Requarth T.* This Is Your Brain. This Is Your Brain as a Weapon // Foreign Policy. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/09/14/this-is-your-brain-this-is-your-brain-as-a-weapon-darpa-dual-use-neuroscience/> (дата обращения: 14.01.2023).
3. *Прайд В. В., Медведев Д. А.* Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1. С. 97–116.
4. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
5. *Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., O Madreperla.* Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought // NATO and Johns Hopkins University: Baltimore MD. 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
6. *Pappalardo D.* “Win the War Before the War?”: A French Perspective on Cognitive Warfare // War on the Rocks. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://warontherocks.com/2022/08/win-the-war-before-the-war-a-french-perspective-on-cognitive-warfare/> (дата обращения: 14.01.2023).
7. *Backes O., Swab A.* Cognitive Warfare: The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States // Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-11/CognitiveWarfare.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
8. *Claverie B., Du Cluzel F.* “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare // Claverie B., Prébot B., Beuchler N., Du Cluzel F. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. NATO Collaboration Support Office, 2022. P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (дата обращения: 14.01.2023).
9. *Savin L.* NATO Developed New Methods of Cognitive Warfare // Katehon. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/en/article/nato-developed-new-methods-cognitive-warfare> (дата обращения: 14.01.2023).
10. *Claverie B., Du Cluzel F.* The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата обращения: 14.01.2023).

11. *Du Cluzel F.* Cognitive Warfare // Innovation Hub. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (дата обращения: 14.01.2023).
12. *McCreight R.* Neuro-Cognitive Warfare: Inflicting Strategic Impact via Non-Kinetic Threat // Small Wars Journal. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/neuro-cognitive-warfare-inflicting-strategic-impact-non-kinetic-threat> (дата обращения: 14.01.2023).
13. *Charon P., Jeangène Vilmer J.-B.* Chinese Influence Operations: A Machiavellian Moment. Report by the Institute for Strategic Research. Paris: Ministry for the Armed Forces, 2021. P. 654.
14. *Ильницкий А. М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–34.
15. *Ренко С. И.* Когнитивная война. М.: Академия геополитики, 2013. 200 с.
16. *Почепцов Г.* Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. «ОМІКО», Лондон. 2019. 390 с.
17. *Pochepctsov G.* Cognitive Attacks in Russian Hybrid Warfare // Information & Security: An International Journal. 2018. No. 41. P. 37–43.
18. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 14.01.2023).
19. *Norton B.* Behind NATO’s “cognitive warfare”: “Battle for your brain” waged by Western militaries // The Grayzone. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> (дата обращения: 14.01.2023).
20. *Ильницкий А. М.* Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–36.
21. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / Под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб: ИД «Петрополис», 2017. 300 с.

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА МОРЕ: ПОЛИТЭКОНОМИЯ, ТЕХНОЛОГИИ, СТРАТЕГИИ»

Китов Владислав Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА ПО МОРСКОМУ СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ AUKUS)

THE JOE BIDEN ADMINISTRATION'S MARITIME CONTAINMENT STRATEGY FOR CHINA IN THE INDO-PACIFIC (BASED ON AUKUS EXAMPLE)

Аннотация. В рамках данной работы проводится анализ подходов действующей администрации США Джо Байдена в отношении Китайской Народной Республики. Ключевой особенностью данного подхода по сравнению с предыдущими администрациями Барака Обамы и Дональда Трампа стал больший акцент на военно-морском сдерживании КНР, важным инструментом которого выступает система оборонно-разведывательных альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе. Помимо ранее созданных форматов, одним из них стал созданный США, Великобританией и Австралией 15 сентября 2021 г. оборонный альянс AUKUS, на примере которого четко прослеживаются основные черты политики США в отношении Китая. Отдельное внимание в работе уделяется тому, как создание AUKUS вписывается в современные дебаты о сущности американо-китайского противостояния. В частности, в рамках неореалистической парадигмы и концепции «Ловушка Фукидида», введенной Аллисоном Грэмом.

Ключевые слова: США, КНР, AUKUS, Индо-Тихоокеанский регион, оборонный альянс, военно-морское сдерживание, наступательный реализм, «Ловушка Фукидида».

Abstract. Within the framework of this paper, the strategy of the current US Administration of Joe Biden in relation to the People's Republic of China is analyzed. A key

feature of this approach, compared to the previous two administrations of Barack Obama and Donald Trump, has become a greater emphasis on naval deterrence of the People's Republic of China, an important tool of which is the system of defense and intelligence alliances in the Indo-Pacific region. In addition to the previously created formats, one such was the US, UK and Australia, established on September 15, 2021, the AUKUS defense alliance, on which the main features of US policy towards China are clearly traced. The work focuses on how the creation of AUKUS fits into the current debate about the essence of the US-China standoff. In particular, within the neo-realist paradigm and the G. Allison's concept of "Thucydides Trap".

Keywords: US, PRC, AUKUS, Indo-Pacific region, defense alliance, naval deterrence, offensive realism, "Thucydides Trap".

Введение

Одним из важнейших результатов президентства Дональда Трампа стало обострение американско-китайских отношений, вследствие чего Китайская Народная Республика окончательно превратилась в одного из ключевых стратегических соперников США на международной арене. Нынешний президент США Джо Байден, также обеспокоенный интенсивным ростом влияния Китая, во многом продолжил курс, начатый Д. Трампом, вследствие чего вопрос американско-китайского противостояния затрагивается в повестке его администрации. Однако если при прошлой администрации в отношении КНР в основном использовались экономические и дипломатические меры воздействия («торговые войны», введение санкций за подавление протестов в Гонконге в 2019–2020 гг.), то нынешняя стратегия США заключается в основном в военном сдерживании Китая. В этой связи особую роль приобретает Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), который из-за роста военного присутствия КНР становится главной ареной для американско-китайского противостояния.

Специфика географического ландшафта Индо-Тихоокеанского региона обуславливает то, что как для внешнеполитических приоритетов Китая (по установлению региональной гегемонии), так и для американского сдерживания Пекина морское пространство приобретает важнейшее значение. Вследствие чего одним из ключевых инструментов противодействия Китаю при администрации Д. Байдена выступают морские военно-политические альянсы. Одной из главных инициатив нынешнего президента США стало создание AUKUS — трехстороннего оборонного альянса с Соединенным Королевством и Австралией.

Новизна данного исследования обуславливается повышенной актуальностью рассматриваемых событий, таких, как создание альянса 15 сентября 2021 г. и публикация Стратегии национальной безопасности США 12 октя-

бря 2022 г. Несмотря на то, что в русскоязычной и англоязычной научной среде уже существует ряд исследований, посвященных роли AUKUS в стратегии США, многие из них отражают ситуацию на момент создания самого альянса в 2021 г., в данном же исследовании приводятся предварительные итоги после года существования альянса, а также вводится в оборот новейшая источниковая база. К примеру, Временное стратегическое руководство по национальной безопасности 2021 г., Индо-Тихоокеанская стратегия США 2022 г. и Стратегия национальной безопасности США 2022 г.

В контексте методологии особого внимания заслуживают такие представители неореалистической парадигмы, как Д. Миршаймер, С. Уолт, Г. Аллисон, которые акцентировали внимание на природе конфликтов в международной структуре. В частности, Д. Миршаймер и С. Уолт рассматривали вопрос того, какую реакцию действующего гегемона может вызывать экономический рост других великих держав, что является особенно актуальным в свете американо-китайских отношений в последние десятилетия. Г. Аллисон, в свою очередь, ввел в оборот концепцию «Ловушка Фукидида», которая описывает сценарии перехода гегемонистского статуса от одной державы к другой и систематический характер исторических конфликтов, например, возможный вооруженный конфликт между США и КНР.

Сравнение стратегии Д. Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе со стратегиями администраций Б. Обамы и Д. Трампа

Следует отметить, что стратегия Д. Байдена, обусловленная беспокойством из-за стремительного экономического роста КНР, а также ее притязаний на региональную гегемонию в Южно-Китайском море, является во многом преемственной со времен администраций Б. Обамы и Д. Трампа. В частности, во время президентства Б. Обамы ИТР приобрел особо важное значение в контексте внешней политики США и сдерживания Китая, расширившись от «Азиатско-Тихоокеанского региона» и включив в себя Австралию, Японию, Индию и морские территории между ними [1, р. 22]. Однако несмотря на то, что курсы Б. Обамы «Возвращение в Азию» и «Поворот на Восток» были во многом направлены на расширение сотрудничества с КНР, эффект они имели обратный; американо-китайское соперничество увеличилось, в частности, из-за политики Вашингтона по укреплению системы военно-политических союзов со странами региона. Стратегия Д. Трампа во многом продолжила курс, начатый Б. Обамой, уделяя особое внимание Индо-Тихоокеанскому региону, при этом сделав акцент на морском сдерживании. Подтверждением этого может служить, например, переименование Тихоокеанского командования ВС США в Индо-Тихоокеанское, полноценный запуск формата QUAD в ноябре 2017 г. и размещение амери-

канской системы ТНААД в Южной Корее [2, р. 47]. Вследствие этого американо-китайские отношения приобрели более конфронтационный характер, который сохранился к моменту прихода Д. Байдена к власти.

Таким образом, стратегия Д. Байдена во многом представляет собой синтез стратегий его предшественников, сохранив конфронтационный характер отношений с Китаем, свойственный Д. Трампу, при этом уделяя такое же большое внимание военно-политическим союзам, как при администрации Б. Обамы. В этом контексте особого внимания заслуживают стратегические документы, опубликованные администрацией Байдена.

Документы по внешнеполитической стратегии США в ИТР, опубликованные администрацией Д. Байдена

Первым из таких документов стало «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», опубликованное в марте 2021 г., спустя 7 недель после прихода Д. Байдена к власти. В частности, в документе подчеркивалось, что для обеспечения национальной безопасности необходимо «возглавлять и поддерживать стабильную и открытую международную систему, опирающуюся на прочные демократические союзы», в особенности в Индо-Тихоокеанском регионе, где существует необходимость «сдерживания противников и защиты интересов США... из-за чего присутствие США в регионе будет наиболее сильным» [3].

Исходя из документов, для достижения данной цели администрация Д. Байдена делает большую ставку на развитие разведывательных и оборонных альянсов в регионе, в особенности QUAD и «Пять Глаз», а также развитие двухсторонних отношений США со странами региона, такими как Вьетнам, Таиланд, Филиппины и Индонезия [4, р. 139].

Одной из подобных инициатив, направленных на увеличение военной мощи и присутствия США в регионе, стало формирование США оборонного альянса AUKUS вместе с Австралией и Великобританией 15 сентября 2021 г. Создание подобного союза наглядно иллюстрирует намерение США не позволить КНР установить региональную гегемонию в Индо-Тихоокеанском регионе (особенно в Южно-Китайском море).

Особая роль альянса в дальнейшем подкреплялась в других стратегических документах США. В частности, в «Индо-Тихоокеанской стратегии США» от февраля 2022 г., где говорилось о том, что через партнерство в рамках AUKUS США планирует объединить «новыми способами своих союзников из Индо-Тихоокеанского региона и Европы» [5]. Положения, касающиеся AUKUS, также присутствовали в «Стратегии национальной безопасности США» от октября 2022 г. В частности, в ней говорилось о том, что «свобода и открытость Индо-Тихоокеанского региона может быть

достигнута только в случае создания коллективного потенциала в регионе... альянсы QUAD и AUKUS будут иметь ключевое значение для решения проблем региона» [6].

Несмотря на то, что альянс на данный момент переживает консультационный этап, который длится 18 месяцев с момента создания AUKUS, его члены уже заявили о ряде проектов военно-политического характера, к которым относится: строительство Австралией 8 атомных подводных лодок по технологиям США, оснащение австралийских вооруженных сил американскими крылатыми ракетами и развитие сотрудничества между союзниками в разработке гиперзвуковых боевых систем [7]. Помимо этого, через два месяца после создания альянса между его участниками было подписано трехстороннее Соглашение по обмену информацией о военно-морских ядерных силовых установках [8].

Реакция Китая на формирование AUKUS

Создание альянса стало неожиданностью как для противников США, так и для их союзников. В частности, его формирование вызвало острую негативную реакцию со стороны КНР. С сентября 2021 г. различные должностные лица и представители Китая неоднократно выступали с открытой критикой AUKUS на различных международных форумах. Например, 28 сентября 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И в ходе 11-го раунда стратегического диалога между Китаем и ЕС выступил с осуждением альянса, утверждая, что он несет «три скрытые опасности региональному миру и стабильности, а также международному порядку» [9]. К ним относятся:

- 1) опасность возрождения холодной войны, связанная с тем, что альянс можно рассматривать как военный блок англосаксонских государств, который обострит географическую напряженность;
- 2) опасность активизации гонки вооружения, которая побудит страны региона, в том числе и Китай, к наращиванию военной мощи и потенциальному развязыванию военного конфликта в ИТР;
- 3) опасность распространения ядерного оружия, связанная с тем, что обеспечение безъядерных государств, таких как Австралия, ядерными материалами, в частности, атомными подводными лодками, несет значительные риски для стабильности региона и противоречит Договору о безъядерной зоне южной части Тихого океана (Договор Раротонга) от 1986 г. [9].

Также летом 2022 г. посол КНР Ли Сонг обратился в МАГАТЭ с требованием создания специального комитета для обсуждения деятельности альянса и создания гарантий безопасности, не противоречащих действующему Договору о нераспространении ядерного оружия [10].

Помимо публичного осуждения альянса, Китай также прибегнул к ряду активных действий, вызванных реакцией на создание AUKUS. К ним относятся: существенное увеличение расходов на оборону в 2022 г. на 7,1 процент, что составляет 1,45 трлн юаней, или 230 млрд американских долларов [11, р. 419]. Помимо этого, весной 2022 г. Китай подписал пакт о безопасности с Соломоновыми островами [12]. Иначе говоря, КНР не готова отказаться от планов по установлению региональной гегемонии, в связи с чем обстановка в Индо-Тихоокеанском регионе продолжит обостряться.

Создание AUKUS с точки зрения неореалистической парадигмы международных отношений

Возвращаясь к одной из ключевых целей работы, мы бы хотели разобрать, как Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Байдена вписывается в существующие теории международных отношений. По нашему мнению, особого внимания заслуживают работы теоретиков наступательного реализма, в особенности Д. Миршаймера и С. Уолта.

Так, например, Миршаймер в 2001 г. в своей работе «The Tragedy of Great Power Politics» отмечал, что экономический рост Китая так или иначе не всегда будет происходить мирным путем, и в конечном итоге американо-китайское противостояние существенно обострится [13, р. 401]. И если Китай «продолжит свой экономический рост в течение следующих десятилетий, США и Китай, вероятно, будут участвовать в интенсивной конкуренции в области безопасности со значительным потенциалом для войны» [14]. В более поздних работах (например, «Can China Rise Peacefully?» от 2014 г.) Миршаймер отмечал, что главной ареной данного противостояния станет именно Азиатско-Тихоокеанский регион, в особенности Южно-Китайское море, где Китай пытается установить собственную региональную гегемонию [15].

Другой теоретик «наступательного реализма» С. Уолт в своей публикации «The world wants you to think like a realist» утверждает: «Государства будут реагировать на угрозы, в первую очередь пытаясь «переложить ответственность» на кого-то другого, и если это не удастся, они попытаются сбалансировать угрозу либо путем поиска союзников, либо путем наращивания своих собственных возможностей» [16]. Таким образом, роль «союзников» и «альянсов», по мнению С. Уолта, имеет ключевое значение во внешнеполитическом курсе США. Помимо этого, Уолт, как и Миршаймер, утверждал, что «подъем Китая является критическим событием и, вероятно, будет источником конфликта с Соединенными Штатами» [16].

При этом С. Уолт уделяет особое внимание «идеологическому характеру» данных союзов, которые заключается в том, что США зачастую стремятся получить поддержку демократических государств для осуществления

своей внешней стратегии. Мы считаем, что при администрации Д. Байдена данный фактор стал иметь более важное значение, что подтверждается ранее упомянутыми стратегическими документами США, опубликованными в последние пару лет («Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» Байдена, «Индо-Тихоокеанская стратегия США» и «Стратегия национальной безопасности США»).

В них неоднократно отмечалось, что для США «демократические союзы позволяют представить общий фронт, выработать единое видение и объединить силы для привлечения к ответственности таких стран, как Китай» [3], «в послевоенную эпоху укрепление в регионе путем создания прочных договорных союзов Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами и Таиландом заложило основы безопасности, которые позволили расцвести региональным демократиям» [5].

Также для США «инвестиции в демократические институты» имеют особый характер, так как они позволяют обеспечить «свободный доступ к Южно-Китайскому морю» для стран региона [6]. Таким образом, создание AUKUS может рассматриваться как союз «демократических англосаксонских государств» для сдерживания авторитарного Китая в ИТР, в частности, в Южно-Китайском море.

AUKUS в контексте наступательного реализма также может рассматриваться как инструмент стратегии офшорного балансирования, согласно которой действующий гегемон может сохранить свое господство и лидерство в других регионах без существенного увеличения военного присутствия в них, путем обеспечения поддержки и развития партнерства со своими союзниками в данных регионах, в частности, поощрением их участия в сдерживании держав, несущих угрозу гегемону [17]. В рамках AUKUS США как гегемон использует офшорное балансирование для сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе через увеличение сотрудничества с Австралией путем обмена военно-морских ядерных технологий и обеспечением ее атомными подводными лодками.

Помимо сторонников наступательного реализма, формирование AUKUS также можно рассмотреть через теории структурного реализма, в особенности через концепцию «Ловушка Фукидида», введенную Г. Аллисоном, согласно которой подъем великой державы неизбежно приведет к противостоянию с действующим гегемоном, которое с большой вероятностью приобретет военный характер [18]. В доказательство автор приводит множество исторических примеров, первым из которых является рост влияния Афин, перешедший, в конечном итоге, к военному конфликту со Спартой в ходе Пелопоннесской войны. Таким образом, формирование AUKUS с точки зрения данной концепции может спровоцировать рост гонки вооружений,

в том числе ядерных, которая существенно обострит ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе и возможно приведет к военному конфликту между Китаем и США [19, р. 2].

В заключение можно утверждать, что создание AUKUS органично вписывается в неореалистическую парадигму, в особенности в теории наступательного и структурного реализма, так как одной из ключевых целей создания данного оборонного альянса является стремление США сдерживать влияние Китая в рамках Индо-Тихоокеанского региона. Помимо этого, формирование альянса также иллюстрирует основные черты стратегии администрации Д. Байдена. К ним относятся: переход с экономического сдерживания Китая на военно-политическое, увеличение роли союзников и альянсов, а также идеологический характер подобных альянсов.

Библиография

1. *Лексютина Я. В.* Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 22–34.
2. *Косарев А. С.* Концепт «альянс демократий» в Индо-Тихоокеанском регионе во внешней политике администрации Д. Трампа / А. С. Косарев, О. Ю. Курныкин // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2021. № 18. С. 46–48.
3. Interim national security strategic guidance // Executive Office of the President. Washington DC, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
4. *Батюк В. И.* Индо-тихоокеанская стратегия США и Евразии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1(109). С. 135–153.
5. Indo-Pacific Strategy of United States // The White House. Washington, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House. Washington, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
7. The AUKUS agreement. House of Commons Library, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
8. Байден одобрил соглашение об обмене данными о ядерных силовых установках в рамках AUKUS // ТАСС: Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12978361> (дата обращения: 17.01.2023).
9. U.S.-Britain-Australia Nuclear Submarine Cooperation Poses Three Hidden Dangers // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://au.china-embassy.gov.cn/eng/jbwzlm/xw/202109/t20210929_9557865.htm (дата обращения: 17.01.2023).

10. Китай выступает за создание спецкомитета по AUKUS в рамках МАГАТЭ // РИА Новости. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220808/aukus-1808170409.html> (дата обращения: 17.01.2023).
11. *Aulia J.D., Sahide A.* Regional Stability Rivalry in the Indo Pacific Region: China's Interests in Responding the AUKUS Trilateral Pact // *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*. 2022. Vol. 9. No. 9. P. 412–423.
12. China signs security deal with Solomon Islands, alarming neighbors // *The Washington Post*. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/20/solomon-islands-china-security-agreement/> (дата обращения: 20.01.2023).
13. *Mearsheimer J.J.* The tragedy of great power politics. New York: WW Norton & Company, 2001. P. 555.
14. *Mearsheimer J.* The rise of China will not be peaceful at all // *The Australian*. 2005. Vol. 18. No. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/The-Australian-November-18-2005.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
15. *Mearsheimer J.J.* Can China Rise Peacefully? // *The National Interest*. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (дата обращения: 20.01.2023).
16. *Walt S.M.* The world wants you to think like a realist // *Foreign Policy*. 2018. Vol. 30 [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/05/30/the-world-wants-you-to-think-like-a-realist/> (дата обращения: 20.01.2023).
17. *Мирушаймер Д., Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования // *Россия в глобальной политике*. 2016. Т. 14. № 5. С. 74–90.
18. *Allison G.* The Thucydides trap: are the US and China headed for war? // *The Atlantic*. 2015. Vol. 24. No. 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (дата обращения: 20.01.2023).
19. *Julienne M.* AUKUS Rocks the Boat in the Indo-Pacific, and it's not Good News // *Lettre du Centre Asie*. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/julienne_aukus_indopacific_2021.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

Машенин Андрей Владиславович

Никандрова Екатерина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

АНАЛИЗ ОБОРОННЫХ СТРАТЕГИЙ ТАЛАССОКРАТИЙ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ANALYSIS OF DEFENSE STRATEGIES OF THALASSOCRACIES ON THE EXAMPLE OF GREAT BRITAIN

Аннотация. В статье рассматривается такая форма пространственной организации власти, как талассократия. Для понимания этого явления авторы проводят анализ морской политики европейских государств, в частности, Великобритании. Авторы задействуют терминологический аппарат явления, который применялся и продолжает применяться к данному понятию. Описываются и обобщаются отличительные особенности талассократических государств на протяжении различных периодов истории. Показывается, что анализ современной морской политики Великобритании и ее оборонной стратегии с учетом геополитических факторов остается актуальным.

Ключевые слова: талассократии, оборонные стратегии, технологическое развитие, морские державы, Соединенное Королевство.

Abstract. The paper considers such a form of spatial organization of power as thalassocracy. In order to comprehend this phenomenon authors analyze the maritime policy of European states, in particular, the UK and its terminological apparatus, which was applied to this concept. In the study, the authors focus on European states, in particular, the UK. It is shown that the analysis of the modern maritime policy of the UK and its defense strategy, taking into account geopolitical factors, is still relevant.

Keywords: thalassocracies, defense strategies, technological development, maritime powers, United Kingdom.

Введение

Талассократия — это особая форма пространственной организации власти, при которой большая часть деятельности государства связана с морем. Особенность государства с подобной направленностью власти заключается в том, что экономика, политика и даже культурная жизнь государства строится на умелом использовании такого богатого природного ресурса, как море [1]. Стоит отметить, что деятельность данных государств связана не только

с использованием морских ресурсов, но и с морским судоходством, а также контролем морских пространств и прибрежных регионов с целью получения выгоды из особенности своего географического положения.

В процессе развития государств с такой организацией власти морская торговля, военные походы «за море», освоение новых земель и создание в прибрежных районах колоний были основными сферами их деятельности. Существенное отличие талассократии — это слабый контроль территории материка вдали от береговой линии. Как правило, весь контроль осуществляется через цепочку существующих прибрежных городов, поселений и укреплений, а также портов, которые являются опорными точками входа и выхода по отношению к метрополии — главному городу.

Этот тип цивилизаций динамичен, подвижен, быстро развивается и активно эволюционирует, а следовательно, склонен к технологическому развитию. В приоритеты такой цивилизации входят торговля, дух индивидуального предпринимательства и кочевничество, которое особенно ярко проявляет себя в форме мореплавания.

В нашем исследовании мы хотим сделать акцент на европейских государствах, в частности, Великобритании. Несмотря на то, что, согласно З. Бжезинскому, Великобритания не является на данный момент геостратегической фигурой «по контрасту» с Францией или Германией [2], можно говорить о переходе Великобритании как игрока, руководствующегося геополитическими мотивами, на более локальный уровень. В современной морской политике Соединенного Королевства можно выделить направления и инициативы, причинами которых до сих пор могут являться геополитические императивы, а в поведении Великобритании на море также могут проявляться типичные для талассократий особенности.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выяснить, насколько сильно современные оборонные стратегии в рамках морской политики государств, которых с точки зрения геополитического учения можно отнести к талассократиям, основаны на свойственных этим государствам геополитических особенностях, а также выявить, какие из этих особенностей не потеряли свою значимость.

Актуальность исследования заключается в том, что талассократические государства — это в большинстве своем страны Запада, к которым относятся США и страны Европы. Данные страны имеют большой авторитет и оказывают огромное влияние на многие процессы, происходящие на международной арене. Эти государства продвигают свой режим торговой демократии и размещают свои военные базы на территориях других государств, распространяя свою гегемонию. Исследователи часто приводят в пример достаточно фиксированный список государств, претендовавших на мировое лидерство в разные

временные периоды. По мнению Джорджа Модельски, в выделенных им пяти долгих циклах истории доминирующие позиции занимали Португалия, Нидерланды и Великобритания [3]. Эти государства традиционно относили к государствам талассократического типа.

Новизна исследования заключается в применении геополитического подхода к рассмотрению современных оборонных стратегий тех государств, которых в рамках геополитической теории можно было бы охарактеризовать как талассократические.

История развития талассократий

Проблема талассократий привлекла внимание греческих авторов не позднее V в. до н.э. Талассократия считалась залогом могущества государств, могла обеспечить им лидирующие позиции в греческом мире. Фукидид, размышляя об истоках морского могущества, предполагал, что первыми гегемонии на море добились минойцы [3].

Уникальное географическое расположение острова Крит является очень выгодным, так как остров располагается на пересечении множества морских торговых путей, соединяющих самые развитые государства того времени. Это позволило критянам экспортировать товары, которые представляли собой не только материальные объекты, но еще и ценные умения, знания и технологии.

Пример афинской талассократии показывает необходимость морской инфраструктуры и флота, постепенная переориентация военного потенциала в морском направлении имела не последнее значение для победы Афин в греко-персидских войнах. В Пирее был основан новый порт для боевых кораблей, способность которых на высокой скорости таранить корабли противника была доказана в сражении у Саламина в период второй греко-персидской войны. Политика развития морской силы, поддерживаемая сначала Фемистоклом, а затем Периклом, в конечном счете превратила Делосскую симмахию в Афинскую архэ — державу [4].

Типичными примерами талассократии в средневековой Европе являлись Венеция и Генуя, независимые города-государства. Венеция, расположенная на островах в лагуне Адриатического моря, и Генуя, окруженная со всех сторон Лигурийским хребтом, не располагали значительными земельными ресурсами, их мужское население в своем большинстве вынуждено было заниматься рыболовством, а позднее мореходством.

В XVII веке произошло столкновение двух набирающих силы морских держав: Нидерландов и Англии. В оборонных стратегиях государств такого типа крайне важен статус морских территорий, находящихся как непосредственно в их зоне влияния, так и за ее пределами, поскольку эти территории рассматриваются ими как гарант собственной безопасности. Нидерланды,

отстаивавшие принципы свободной торговли и свободы плавания, крайне болезненно реагировали на любые ограничения возможностей торговли и рассматривали их как экзистенциальную угрозу, в то время как Англия воспринимала стремление Нидерландов распространять и развивать торговые связи по морю как часть морской экспансии, которая влекла за собой угрозу. Именно поэтому Навигационный акт 1651 года, дававший Англии власть регулировать торговлю внутри своих колоний и предписывавший, чтобы английская торговля проводилась только на английских судах, стал поводом для начала англо-голландской войны.

Примечательно, что в данном примере видна и другая особенность талассократий — опора на флот как в торговле, так и в обеспечении безопасности. В период с 1649 по 1651 годы Англия почти удвоила размер флота — с 39 до 80 кораблей. Не исключено, что именно паритет по военно-морской мощи мог быть фактором, сподвигшим Англию на проведение такой агрессивной политики [5]. С течением времени желание Великобритании иметь доминирующее положение на море, в том числе в отношении военно-технических характеристик кораблей, только укрепились. Так, Лондон крайне болезненно воспринял начало строительства военно-морского флота в Германской империи на рубеже XIX–XX вв. (принятие флотских законов 1898 и 1900 гг. [6]), что привело к гонке вооружений, выразившейся в обоюдном желании превзойти флот соперника как в качественном, так и в количественном отношении, с учетом использования нового линкора «Дредноута». Здесь проявляется не только опора талассократий на сильный и конкурентоспособный флот, но и необходимость мобилизации флота для возможной защиты своих колоний от вторжений других держав.

Оборонные стратегии Великобритании как талассократии

Таким образом, среди ряда общих особенностей талассократий наиболее выделяются опора на флот в различных сферах жизни государства и «колониальность», выражающаяся в распространении своего влияния в международных масштабах за счет закрепления в стратегически выгодных пунктах, в частности, строительство портов, военных баз и прочих элементов логистической или военной инфраструктуры, позволяющей создать сеть опорных пунктов талассократии в отдаленных местах для расширения как торгового, так и военного присутствия.

Обозначенные выше общие особенности талассократических государств стоит соотнести с принципами, изложенными в работе А. Т. Мэхэна [7]. Одним из принципов Мэхэна является широкое распространение колониальных владений талассократий, их ярко выраженная «колониальность». Колонии, базы, удерживаемые прибрежные территории, будучи стратегически важными,

критически необходимы для построения морской мощи, поэтому Мэхэн подчеркивал в том числе и значимость строительства США Панамского канала для сообщения между двумя океанами, что давало возможность обрести морскую мощь. Другой принцип — опора на флот, его силу. Показателен пример Великобритании, вышедшей из «блестящей изоляции» вследствие угрозы для ее интересов на море: появление усиленного флота Германии, ее соперничество за колонии, проявившееся во вмешательстве во время англо-бурских войн. Опасения по поводу смещения баланса вследствие развития флота Германии и немецкие притязания на колонии как факторы, повлиявшие на поведение Великобритании, подтверждают наличие свойственных талассократии признаков.

В качестве примера одного из наиболее ярких претендентов на статус талассократии в рамках геополитического учения рассмотрим нынешнюю Великобританию. Для понимания того, насколько современная морская политика Соединенного Королевства как талассократии определяется геополитическими императивами, проанализируем проводимую ей морскую политику как с точки зрения разработки концепций, идей, стратегий, так и с точки зрения фактически принимаемых решений, в том числе конкретных действий по наращиванию морской мощи.

Проводимая Великобританией морская политика, концепции и стратегии поведения на море были сформулированы в Национальных стратегиях морской безопасности Великобритании, выпущенных в мае 2014 г. [8] и августе 2022 г. [9]. Важно отметить то, как с течением времени поменялась отправная точка стратегии морской безопасности Великобритании — само определение морской безопасности. В 2014 году морская безопасность определялась как «продвижение и защита национальных интересов Великобритании, внутри страны и за рубежом, посредством активного управления рисками и возможностями в морской сфере и за ее пределами, с целью укрепления и расширения процветания, безопасности и жизнестойкости Великобритании и содействия формированию стабильного мира». Таким образом, данное определение делало акцент на учете в первую очередь национальных интересов Великобритании. В Стратегии 2022 года определение изменилось: «Безопасность на море — это соблюдение законов, постановлений и норм для обеспечения свободного, справедливого и открытого морского пространства». Определение стало более кратким, вместе с тем безопасность стала определяться с правовой точки зрения, в то время как национальные интересы упомянуты не были, что, тем не менее, не исключает их важности.

Стратегия 2014 года подчеркивала курс на сближение с НАТО, приоритет участия в НАТО, ЕС, СМФ, названных в тексте тремя военными союзами. Определялось пять основных принципов, кратко сформулированных как «понимание», «оказание влияния», «предотвращение», «защита» и «ответ».

Большое внимание уделялось понятию морской сферы (maritime domain), которая включает в себя «все области и объекты на море, под ним, относящиеся к морю, океану или другому судоходному водному пути, прилегающие к нему или граничащие с ним, включая всю связанную с морем деятельность, инфраструктуру, людей, грузы, а также суда и другие транспортные средства».

В Стратегии 2022 года большое внимание было уделено усилению партнерских связей в рамках НАТО и AUKUS в качестве ответа на угрозы. Определялись пять стратегических целей: «защита родины», «реагирование на угрозы», «обеспечение процветания», «отстаивание ценностей» и «поддержание безопасности и устойчивости в океане». Вместе с тем подчеркивались сильные экономические, логистические и технологические связи Великобритании, обеспечиваемые главным образом за счет моря, акцентировалась важность сохранности «морской сферы». Помимо данных целей, можно отметить упомянутое в Национальной стратегии 2022 года внимание к Индо-Тихоокеанскому региону, а именно поддержанию процветания, безопасности и стабильности партнерства. Это связано с упоминаемой в Стратегии концепции Глобальной Британии, встречающейся в документе Бориса Джонсона «Комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития. Глобальная Британия в эпоху конкуренции» [10], а также упоминаемой в речи министра иностранных дел Великобритании Доминика Рааба от 17 марта 2021 г. [11]. «Глобальная Британия» — комплексная концепция, определяемая скорее через действия Великобритании, ее отношение к другим регионам. Так, например, в рамках данной концепции демонстрируется следующий подход Лондона: «поддержание открытости Великобритании как общества и экономики, подкрепленное переходом к более твердой позиции в области безопасности и сдерживания». Учитываются интересы граждан Великобритании в Евро-Атлантическом регионе, в рамках воздействия и распространения влияния учитываются как военная сила, так и мягкая сила, что подкрепляется заявлением Доминика Рааба о конкурентности Великобритании, подкрепляемой авторитетом. Таким образом, «Глобальная Британия» сочетает в себе как применение непрямого влияния, так и улучшение индивидуальных и союзных оборонительных способностей для поддержания стабильности, безопасности в интересующих ее территориях.

В то время как политика Великобритании в отношении оборонительных союзов развивается, что можно видеть на примере активной интеграции в рамках НАТО, AUKUS, тенденции к удержанию территорий, расположенных вне непосредственной зоны распространения ее суверенитета, могут терять свою силу. Так, например, английское влияние внутри Содружества может периодически ослабевать, что проявляется в ряде политических действий некоторых членов Содружества после недавней смены власти в Соединенном

Королевстве. Особенно показательным стало стремление Антигуа и Барбуда вынести на референдум решение о переходе к республиканской форме правления [12]. Несмотря на демонтаж былой колониальной империи, стоит принимать во внимание контроль Великобритании в Британских заморских территориях, в рамках данных территорий находятся и военные базы, в том числе базы Актротитири и Декелия на Кипре, называемые суверенными военными базами [13]. Более того, английские военные базы сегодня размещены на таких территориях, как Гибралтар, Фолклендские острова (военно-морская база Mar Harbor), о. Вознесения (RAF Ascension Island) [14]. Указанные выше места размещения баз ВМС Великобритании часто оспариваются другими странами, вследствие чего эти территории обладают высоким конфликтным потенциалом, поэтому Великобритании необходимо иметь боеспособный Королевский флот для поддержания стабильности в данных зонах.

Необходимость обладания боеспособным флотом нашла свое отражение в формировании современного курса британской обороны и безопасности, который был обозначен в Белой книге по обороне 2010 г. и Обзоре политики обороны и безопасности 2015 г. [15]. Основными направлениями данного курса стали автономизация и активизация британской оборонной политики. Была принята программа перевооружения и реформирования вооруженных сил и систем безопасности, в рамках которой планировались унификация корабельного состава, расширение ударных и десантных возможностей, усиление подводной составляющей. Достаточно амбициозные цели, однако, не были достигнуты. Так, возникли проблемы со строительством британских авианосцев типа «Queen Elizabeth» вследствие технологических несовершенств, а также дефицита кадров. Отказ от указанного принципа унификации был решением, продиктованным экономическими факторами, а именно высокой стоимостью ударных единиц, фрегатов «Type-26». Между тем в достаточной мере был реализован проект многозадачных офшорных патрульных кораблей типа «River», был запущен проект по обновлению подводного флота — замена ПЛАРБ типа «Vanguard» на лодки типа «Drednought».

Королевский флот использовался как инструмент внешней политики как до запуска данных изменений, так и во время них, что подтверждают операция в Сьерра-Леоне в 2000 г., вторжение в составе коалиционных сил в Ирак в 2003 г., интервенция в Ливию 2011 г., а также использование «дипломатии канонерок» в отношении Аргентины в 2012 г. Несмотря на достаточно небольшой вклад в перечисленных выше действиях, тенденция к опоре на ВМС сохраняется, поскольку именно осознание необходимости усиления морской присутствия Великобритании с учетом прошлой пассивности флота приблизила упомянутые выше программы по модернизации, автономизации и активизации британской оборонной политики. Факт обновления флота Великобритании,

сопровождающийся достаточно глубокими изменениями военно-морских возможностей, подчеркивает важность силы военно-морского флота для Великобритании как талассократии.

Выводы

Таким образом, даже несмотря на видимый уход от своей «колониальности», Великобритания предпринимает меры по распространению влияния, имеющего комплексную природу. Инструментарий для закрепления влияния на различных территориях в рамках объединений или альянсов может включать в себя как использование мягкой силы, в том числе задействование авторитета, идеологического влияния, активного участия в различных многосторонних межправительственных организациях и оборонных альянсах, так и размещение военных баз как опорных оборонительных пунктов. Принимая во внимание данные методы, можно говорить о распространении Великобританией своего влияния массивом методов, «диффузией влияния» в рамках трансформации своей тенденции к «колониальности», зачастую свойственной талассократиям.

Роль военно-морского флота для Великобритании как талассократии по-прежнему велика, историческая тенденция к использованию Королевского флота как инструмента внешней политики, в том числе распространения влияния и проекции силы, сохраняется. Несмотря на менее активную индивидуальную деятельность, склонность к применению флота в рамках союзнических операций, Соединенное Королевство обеспокоено состоянием своего флота, вследствие чего предпринимает меры по его совершенствованию. Актуальность военно-морской мощи, выражаемой как в количественных, так и в качественных показателях, для Великобритании как для талассократического государства велика.

В оборонных стратегиях Великобритании подчеркивается жизненная необходимость доступности морских ресурсов и контроля над морскими территориями, вследствие чего можно говорить о такой необходимости как вневременном условии его существования как талассократии. Зачастую большинство экономических, логистических связей талассократий осуществляются морским путем, именно поэтому вопросы правового регулирования морского пространства, свободы передвижения в море, свободы торговли, поддержания безопасности важнейших торговых узлов представляются для государств талассократического типа первостепенными. Это подтверждается стремлением Соединенного Королевства поддерживать безопасность и стабильность на море как в глобальном, так и в локальном измерении при помощи силовых и несиловых методов воздействия. Между тем английское восприятие внешней обстановки достаточно гибко, в зависимости от международной обстановки возможна переориентация взглядов и определения собственной

безопасности. Достаточно большое количество условий для распространений влияния Соединенного Королевства динамично, и Великобритания оценивает риски и угрозы для своей морской безопасности.

Библиография

1. Григорюк Т. В. «Минойская талассократия»: содержание понятия // Путь в науку. 2004. № 9. С. 3–6.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 256 с.
3. *Modelski G. Long Cycles and International Regimes* // E-International Relations. 15.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2012/10/15/long-cycles-and-international-regimes/> (дата обращения: 24.01.2023).
4. Гуцин В. Р. Талассократия, империя и демократия в Афинах / Под ред. Э. Д. Фролова // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 13. С. 13–32.
5. Allison G. *Destined for War*. London: Scribe Publications, 2018. 400 p.
6. Синегубов С. Н. Подготовка к принятию флотской новеллы 1906 г. в Германии и германо-английские отношения // Геополитика и военная стратегия в XX в. 2008. № 6. С. 262–272.
7. Mahan A. T. *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*. Boston: Little, Brown & Co., 1890. 557 p.
8. National Strategy for Maritime Security. May 2014 // HM Government [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/322813/20140623-40221_national-maritime-strat-Cm_8829_accessible.pdf (дата обращения: 24.01.2023).
9. National Strategy for Maritime Security. August 2022 // HM Government [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1100525/national-strategy-for-maritime-security-web-version.pdf (дата обращения: 24.01.2023).
10. Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // HM Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 24.01.2023).
11. Глобальная Британия в эпоху конкуренции // HM Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/a-force-for-good-in-a-competitive-age-foreign-secretary-speech-at-the-aspen-security-conference.ru> (дата обращения: 24.01.2023).
12. Antigua and Barbuda to hold republic referendum within three years, says PM // The Guardian. 11.09.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/11/antigua-and-barbuda-republic-referendum-within-three-years-pm-queen-death> (дата обращения: 24.01.2023).

13. Overseas Territories. The Ministry of Defence's Contribution // HM Government [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/27626/overseas_territories.pdf (дата обращения: 24.01.2023).
14. Чихичин Ю. С. Royal Navy как инструмент внешней политики Великобритании // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5. С. 184–190.
15. Шкробтак И. Британская морская стратегия: реальность и перспективы // РСМД. 29.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/britanskaya-morskaya-strategiya-realnost-i-perspektivy/> (дата обращения: 19.02.2023).

Субботин Илья Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЛОТ? СТРАТЕГИЯ И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

AN ALL-PURPOSE NAVY? STRATEGY AND DEVELOPMENT OF THE GERMAN NAVAL FORCES AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье предпринята попытка определить целевое предназначение военно-морских сил ФРГ в рамках общей концепции бундесвера и установить степень их боеготовности на современном этапе. Для достижения цели в первую очередь был изучен опыт реформирования вооруженных сил ФРГ как единой системы, с акцентом на доктринальной составляющей. Изучив задействование ВМС ФРГ на двух стержневых доктринальных направлениях и сопоставив концептуальное развитие ВМС и бундесвера в целом, автор приходит к выводу о парадоксальной самобытности германской военно-морской стратегии, отличающейся особой многовекторностью. Однако является проблемой выявленная ограниченность ресурсов и возможностей, что негативно влияет на способность ВМС выполнять все больший спектр предписанных ему задач.

Ключевые слова: бундесвер, военно-морские силы ФРГ, германская военно-морская стратегия, военная реформа, модернизация ВМС, украинский кризис, Индо-Тихоокеанский регион.

Abstract. This article aims at defining the intended purpose of the German Navy as part of the general concept of the Bundeswehr and at estimating the degree of its combat readiness at the present stage. To achieve that, first of all, the author has scrutinized the experience of reforming the German armed forces as a whole, with an emphasis on the doctrinal component. Having studied the engagement of the German Navy in two main doctrinal dimensions and compared the conceptual development of the Navy to such of the Bundeswehr as a whole, the author comes to the conclusion about the paradoxical uniqueness of the German naval strategy, characterized by a specific multi-vector nature. The problem, however, is the reduced restraint of resources and capabilities, which negatively affects the ability of the Navy to perform an increasing range of tasks assigned to it.

Keywords: Bundeswehr, German Navy, German naval strategy, military reform, modernization of the Navy, Ukrainian crisis, Indo-Pacific region.

Введение

Объединение Германии послужило отправной точкой масштабных реформ в вооруженных силах ФРГ. Потрясения последних десяти лет вынуждают федеральное правительство уделять все большее внимание бундесверу, и, в частности, военно-морским силам, которые представляются в концептуальных документах ВС ФРГ и в германском политическом лексиконе довольно универсальным инструментом: на ВМС возлагается широкий спектр разных по характеру задач. При этом на современном этапе расстановка приоритетов в военно-морской стратегии лишь частично совпадает с векторами развития бундесвера в целом, а следовательно, стратегия ВМС отличается некоторой «самобытностью». Данное расхождение представляет все больший интерес в условиях ускоренного реформирования (модернизации) бундесвера, начатого в 2022 г. Наконец, проблема развития германских ВМС на современном этапе недостаточно рассмотрена в исследовательской литературе.

Так что обращение к стратегии и состоянию германских военно-морских сил является актуальным и содержит элемент научной новизны.

Цель настоящего исследования заключается в определении особенностей стратегии ВМС ФРГ на современном этапе.

Для достижения обозначенной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть основные векторы реформирования бундесвера с 1990 г. по настоящее время.
2. Рассмотреть направления, характер и динамику задействования ВМС ФРГ на современном этапе на предмет выявления общего и специфичного в концептуальном развитии ВМС и германских ВС в целом.
3. Проанализировать структуру и материально-техническое состояние ВМС ФРГ в исследуемый период.
4. Оценить степень способности ВМС решать возлагаемые на них задачи.

В ходе исследования нами применялся системный подход, что обосновывает характер выделенных задач. Также стоит уточнить, что решение второй задачи, помимо анализа эмпирических данных, требует проведения комплексного сравнения и предусматривает следующее. Для установления отличительных черт стратегии производится сопоставление значения доктринальных элементов (в данном случае — приоритетов внутреннего/внешнего измерения политики безопасности) в двух отношениях: 1) бундесвер как целое — ВМС (какой элемент преобладает), 2) элемент 1 — элемент 2

в рамках концепции ВМС (в каком именно соотношении и динамике находятся оба элемента). Таким образом, проводится двухуровневое сравнение.

Реформирование бундесвера и его концепция: рамочные условия

После объединения Германии имели место две реформы (два кластера реформ) бундесвера. Первая реформа началась в 1990-х гг. и продолжалась до середины 2010-х гг. Основными направлениями ее реализации были:

- 1) сокращение численности ВС (в 2011 г. отменена служба по призыву; общее число солдат сократилось почти в три раза к 2015 г., и стало менее 180 тысяч человек [1]);
- 2) ускоренное перевооружение;
- 3) профессионализация армии (опора на солдат контрактной службы и добровольцев); и как следствие,
- 4) сокращение военных расходов. В целом бундесвер был реформирован в «армию интервенций» (Armee im Einsatz), ориентированную прежде всего на зарубежные миссии и борьбу с асимметричными угрозами, но не на территориальную оборону [2, с. 68].

В условиях обострения противоречий на фоне украинского кризиса 2014 г. федеральное правительство приняло решение снова реформировать бундесвер. При решающем вовлечении Урсулы фон дер Ляйен в 2016 г. публикуется новая Белая книга [3] и выдвигаются три направления модернизации армии:

- 1) финансовое (увеличение бюджетных ассигнований);
- 2) материально-техническое (количественное наращивание и качественное улучшение материальной базы — техники и др.);
- 3) численное (наращивание личного состава ВС).

Некоторый прогресс был достигнут: за 6 лет оборонные расходы выросли в 1,5 раза [4], численность ВС возросла, пусть и незначительно. Катализатором реформы выступили события на Украине 2022 г., в частности, был создан «Особый фонд» в 100 млрд евро для перевооружения армии, ускорилась работа над первой Национальной стратегией безопасности.

В общем и целом, во второй половине 2010-х — начале 2020-х гг. концепт бундесвера стал меняться в обратном направлении — заметен возврат к концепции «армии территориальной обороны»: международные обязательства сохранялись, но бундесвер сокращал активность в зарубежных миссиях [5, с. 163], и приоритет снова был отдан национальным рубежам. В настоящий момент ярким подтверждением этого является решение о прекращении миссии бундесвера в Мали.

Как видно, при реформировании ВС ФРГ осевым был вопрос о предназначении (концепции) бундесвера: должна ли армия защищать страну

от непосредственной угрозы в Европе (*внутреннее измерение политики безопасности*), или же приоритет должен быть отдан точечным зарубежным миссиям, стабилизации и урегулированию кризисов в любой точке глобуса (*внешнее измерение политики безопасности*).

Специфика развития ВМС ФРГ: внутреннее и внешнее измерение политики безопасности на море

Дихотомия «внутреннего» и «внешнего», таким образом, является ключевым маркером при выявлении особенностей германской военно-морской стратегии. Принадлежность к общей системе бундесвера не означает, что тенденции в концептуальном развитии ВМС ФРГ полностью идентичны таковым в случае с германской армией в целом (прежде всего сухопутными войсками как ее ядром). То, что декларируется касательно бундесвера как единого организма (к примеру, планы Урсулы фон дер Ляйен или положения Белых книг), может не отразиться в той же мере на военно-морских силах.

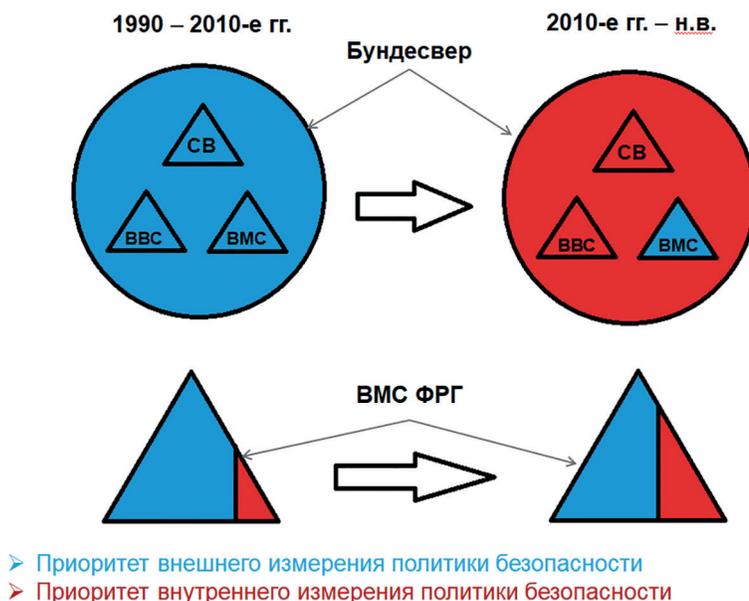

Рисунок 1. Внутреннее и внешнее измерения политики безопасности в концепциях бундесвера и ВМС ФРГ

Источник: составлено автором.

Так, до начала второй реформы (т.е. до середины 2010-х гг.) бундесвер и ВМС как его составная часть имели примерно равную концепцию. «Территориальная оборона» перестала быть концептуальным стержнем — и наоборот, росло значение зарубежных миссий. ВМС ФРГ участвовали в более чем десяти различных миссиях и операциях с 1990 г., на 2023 г. участие ВМС продолжается двух миссиях («Sea Guardian» и UNIFIL), а также ВМС ФРГ являются составной частью четырех постоянных оперативных объединений флотов НАТО [6]. Все большее значение приобретал Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Однако во второй половине 2010-х гг. отмечается концептуальное расхождение. В концепции бундесвера, как было отмечено, начинает преобладать внутреннее измерение политики безопасности (это прежде всего отразилось на активности сухопутных войск (СВ) и военно-воздушных сил (ВВС)). И хотя в рамках стратегии ВМС также обнаружилась тенденция увеличения важности европейского направления, именно внешнее измерение политики безопасности на море — задействование вне зоны ответственности ЕС и НАТО — продолжило преобладать (см. рис. 1).

Для пояснения изложенных выше положений стоит рассмотреть задействование ВМС ФРГ на двух ключевых направлениях: индо-тихоокеанском и европейском.

ИТР с годами становился все более важным для ФРГ регионом. Основной причиной является, очевидно, огромное значение мировой торговли для германской экономики, ориентированной на экспорт. Так как важнейшие торговые пути замыкаются в ИТР, обеспечение их безопасности является принципиальной задачей. Ценностный фактор — поддержка и защита демократии и прав человека — также имеет значение. Уже в Белой книге 2016 г. отмечается важность поддержания безопасности морских торговых коммуникаций [3, s. 41], а в 2020 г. составляется отдельный документ «Руководящие принципы политики в Индо-Пацифике» [7]. Помимо большого спектра приоритетов невоенного характера (защита окружающей среды, политика прав человека, мультилатерализм и др.), акцент делается на таких интересах Германии, как обеспечение свободы судоходства [7, s. 11], борьба с терроризмом, пиратством и нелегальной торговлей оружием [7, s. 36–37]. В целях защиты данных интересов предусматривается вовлечение военно-морских сил [8, с. 64]. Также важную роль играют сдерживание КНР и обмен опытом в ходе совместных учений со странами — членами AUKUS и НАТО. Символической и первой в своем роде является миссия фрегата «Бавария», совершившего в 2021–2022 гг. длительный поход из Средиземного моря до Японии и параллельно принявшего участие в военно-морских учениях. Даже в условиях военной реформы, которая должна вернуть бундесвер «назад в Германию», составляются многообещающие планы: ежегодное присут-

ствии ВМС ФРГ в ИТР и установление германского контингента, согласно заявлению генерального инспектора бундесвера Эберхарда Цорна в 2022 г., на уровне «соединения из большого числа боевых кораблей» [9], участие в учениях на территории Австралии в 2023 г. и логистическая кооперация с «партнерами по ценностям» и странами АСЕАН, что важно в условиях отсутствия у ВМС собственных баз снабжения в ИТР, в отличие, к примеру, от Франции [8, с. 65].

Что касается европейского военного театра, его значение было и остается второстепенным в рамках военно-морской стратегии (преобладает внешний элемент, в первую очередь ИТР), хотя с 2014 г. и особенно с 2022 г. прослеживается обратная тенденция. Причинами второстепенности являются, во-первых, распределение ответственности в пользу СВ и ВВС (новейшие вооружения в состоянии обеспечить контроль за территориальными водами с суши) и, во-вторых, рамочные условия, а именно фактор НАТО — союзники по блоку фактически «закрывают» Балтийское и Северное море от проникновения любых враждебных элементов, и в случае окончательного вступления Швеции и Финляндии в Альянс Балтийское море фактически станет «озером НАТО». Основными задачами ВМС на данном направлении являются защита торговых путей и с 2014 г. сдерживание России. Именно ухудшение отношений с Россией и деградация европейской архитектуры безопасности привели к тому, что значение европейского театра в военно-морской стратегии стало резко возрастать. Еще до событий 2022 г. в командных кругах ВМС отмечалась необходимость сперва обеспечить защищенность ближнего фланга, а уже затем «ориентироваться глобально» [10], росла критика малого внимания к региону в прошлом. Разумеется, начало спецоперации и превращение «российской угрозы» безопасности ФРГ из потенциальной в реальную, равно как и разрушение трубопроводов «Северный поток» в Балтийском море осенью 2022 г. ускорили концептуальное переориентирование военно-морских сил, однако о капитальной «переоценке ценностей» говорить еще рано.

Таким образом, в настоящий момент в военно-морской стратегии ФРГ значение внутреннего измерения политики безопасности действительно возрастает, однако первостепенным остается все же внешний компонент, прежде всего — ИТР.

Состояние ВМС ФРГ и его факторы: проблема «перенапряжения»

Способны ли германские военно-морские силы решить все возложенные на них задачи в сложившихся условиях, то есть при одновременном вовлечении и на европейском театре, и вне его? В первую очередь следует обратиться к структуре ВМС.

ВМС ФРГ делятся на три структурных подразделения: Оперативный дивизион I, Оперативный дивизион II и Командование авиации ВМС, в свою очередь подразделяющиеся на 5-ю и 3-ю («Граф Цеппелин») эскадрильи [11]. Дивизион I состоит из 5 корветов, 12 тральщиков, 6 плавучих баз, 6 подводных лодок, 3 служебных судов и 1 десантного судна, дивизион II — из 11 фрегатов, 3 судов обеспечения, 2 танкеров и 3 буксиров. Таким образом, Оперативный дивизион I предназначен прежде всего для береговой обороны и действий на малом удалении от континента, так как для операций в отдаленных регионах имеющиеся судна не подходят технически. Дивизион II, напротив, технически ориентирован именно на участие в зарубежных миссиях вне зоны непосредственной ответственности ФРГ и союзников. Схожее функциональное разделение можно отметить и в случае с эскадрильями морской авиации. 5-я эскадрилья является вертолетной и оснащена машинами Sea Lynx Mk88A, Sea King Mk41 и NH-90 Sea Lion, а 3-я располагает многоцелевыми самолетами P-3C Orion и Dornier 228, которые способны вести авиаразведку и противолодочную борьбу. Таким образом, структурное деление ВМС соответствует спектру установленных задач.

Тем не менее, имеется множество проблем, негативно (или как минимум неоднозначно) влияющих на боеспособность ВМС. Во-первых, число боевых кораблей само по себе невелико. К тому же количество фрегатов по сравнению с 2017 г. стало меньше: если тогда на службе состояли 13 фрегатов, то на начало 2023 г. — только 11. Два фрегата класса F-122 были выведены из строя по причине устаревания в 2019 и 2022 гг. Во-вторых, низкие темпы перевооружения. Реализация германо-французской программы по замене P-3C Orion (Maritime Airborne Warfare System, MAWS) планировалась только к 2035 г. [12, с. 19]. В качестве промежуточного решения, однако, было решено закупить американские P8-A, что было воспринято французской стороной как саботаж совместного проекта и фактически прекратило его существование [13]. Передовой многоцелевой боевой корабль MKS-180 (F-126) поступит на вооружение не раньше 2028 г. [14], причем особенности его строительства уже вызвали острую дискуссию среди германской политической элиты. В-третьих, несовершенны сами механизмы модернизации, что касается и бундсвера в целом. Ключевое значение здесь имеет Федеральное ведомство по вооружению, информационной технике и эксплуатации бундсвера (Bundesamt für Ausrüstung, Informationstechnik und Nutzung der Bundeswehr, BAAINBw), которое подвергается критике за чрезмерный бюрократизм, что делает невозможным своевременную разработку и поставку новых видов вооружения [15]. Как следствие, велика доля устаревшей и неисправной техники. В 2017 г. лишь пять из тринадцати фрегатов и одна из шести подводных лодок были готовы к эксплуатации [16].

В-четвертых, налицо недостаток личного состава. На начало 2023 г. в ВМС ФРГ служат 16 тысяч человек — это самый малочисленный род войск. Из-за этого к работе в ВМС вынужденно привлекаются гражданские специалисты, внедряется «вахтовый метод» службы — экипажи боевых кораблей, находящиеся на дежурстве, подлежат ротации, что также негативно сказывается на общей боеспособности [12, с. 20]. Наконец, сказывается общая недофинансированность бундсвера (даже с учетом «Особого фонда» в ближайшее время не будет достигнута «двухпроцентная цель» НАТО) [17]. Имеющийся приоритет модернизации СВ и ВВС лишь усугубляет проблему.

Специфичен фактор лоббизма и коррупции. В германском политическом лексиконе закрепилась т.н. «береговая мафия» — группа депутатов бундестага (преимущественно члены СДПГ) от северных земель, на территории которых расположены крупные верфи. Индикатором роли «береговой мафии» как фактора развития ВМС является процесс разработки и строительства уже упомянутого фрегата F-126. С одной стороны, во второй половине 2010-х гг. со стороны этой «мафии» поддерживались усилия министерства обороны по перевооружению во многом устаревающих фрегатов класса F-125 на северогерманских верфях, что представлялось более выгодным и простым по сравнению с дорогостоящим и пилотным проектом MKS-180 [18]. С другой стороны, когда в 2020 г. контракт о строительстве MKS-180 был заключен с нидерландской верфью Damen, представители северогерманских верфей критически восприняли этот шаг и даже начали судебное разбирательство с целью пересмотра принятого решения. В конце концов ситуация была улажена включением военно-морского строительства в разряд «ключевых национальных технологий», а также постановлением бюджетного комитета бундестага, предписывающим правительству следить за достаточным участием немецкой военно-морской промышленности в этом проекте [19]. Как видно, в оборонной сфере имеют место протекционистские настроения.

Наконец, большую роль играет наднациональный фактор, а именно членство Германии в ЕС и НАТО. Ограниченный боевой потенциал ВМС ФРГ является одновременно и причиной, и следствием того, что военно-морская концепция предусматривает опору на силы союзников, т.е. не рассматриваются самодостаточные операции, и в случае масштабного конфликта ставка делается на выполнение лишь вспомогательных функций в рамках объединенного флота. Уверенность в вовлечении «старших» союзников исключает возникновение действенных стимулов развивать самодостаточные национальные военно-морские силы. Не стоит забывать, что германская военная доктрина и по ценностным соображениям не может допустить односторонних действий — сказывается историческая память.

Таким образом, развитие германских военно-морских сил осложнено весомым набором негативных факторов, ликвидация которых потребует решительного вовлечения федерального правительства.

Выводы

На данный момент военно-морская стратегия ФРГ предполагает успешное и гибкое задействование ВМС одновременно как на национальных рубежах (в европейских рамках), так и в дальних, зарубежных миссиях вне зоны непосредственной ответственности Германии и ее союзников. Второй элемент концептуально доминирует, в отличие от общей концепции бундесвера, предусматривающей фактически возврат к «армии территориальной обороны». Несмотря на это, имеется тренд к увеличению удельной значимости европейского измерения в рамках военно-морской стратегии, что связано с агрессивными, по мнению руководства ФРГ, действиями России. Таким образом, можно говорить о «догоняющем характере» концептуального развития ВМС. Возникает парадоксальная ситуация, когда стратегия ВМС как части системы германских вооруженных сил де-факто отстает от концепции самой системы. Это может быть связано как с военно-техническими особенностями исследуемого рода войск как такового, так и с мотивами экономического (защита свободы торговли как основы благосостояния экономики ФРГ) и политического характера (стремление утвердиться посредством присутствия в далеких водах наравне с «крупными» игроками).

Соответственно, теперь в приоритете, независимо от удельной значимости, одновременно два измерения политики безопасности — и внутреннее, и внешнее. В таких условиях требования к ВМС лишь возрастают: даже при большем внимании к европейскому театру не будет сокращена активность в дальних регионах, к примеру, в ИТР, о чем свидетельствуют новейшие планы. Настоящее намерение достичь «всего и сразу» создает угрозу перенапряжения военно-морских сил, так как налицо несоответствие фактических возможностей имеющимся целям и амбициям. С большей вероятности двойственность стратегии ВМС сохранится в ближайшем будущем: определенно, будет произведено дальнейшее переориентирование на внутреннее измерение политики безопасности, однако активность в ИТР и других районах среднего шара сохранится, причем сохранится и приверженность рамочному характеру задействования ВМС (в зависимости от направления, кооперация с членами НАТО и ЕС, АУКУС). Еще больше расширится спектр задач. Как итог, на данный момент ВМС ФРГ, безусловно, можно считать «универсальным флотом» в теории, но никак не на практике.

Библиография

1. Anzahl der Soldaten und Soldatinnen bei der Bundeswehr von 2000 bis 2022 // Statista. 15.11.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/38401/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr-seit-2000/> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Власов Н. А. Отказ от призывной системы комплектования бундесвера: причины и последствия // Военно-исторический журнал. 2020. № 6. С. 67–71.
3. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr // Bundesministerium der Verteidigung. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (дата обращения: 31.10.2022).
4. Die Trendwende Finanzen // Bundeswehr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/modernisierung-bundeswehr/verteidigungshaushalt-trendwende-finanzen> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Власов Н. А. Зарубежные миссии бундесвера: проблема периодизации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 160–163.
6. Marine im Einsatz // Bundeswehr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/einsatz> (дата обращения: 21.01.2023).
7. Leitlinien zum Indo-Pazifik // Auswärtiges Amt. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2380500/33f978a9d4f511942c241eb4602086c1/200901-indo-pazifik-leitlinien-1—data.pdf> (дата обращения: 29.11.2022).
8. Чихачев А. Ю., Гуляев Е. В. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5. С. 59–67.
9. Deutschland will Militär-Präsenz im Indo-Pazifik ausweiten // Frankfurter Allgemeine. 31.08.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/deutschland-will-seine-militaer-praesenz-im-indo-pazifik-ausweiten-18283013.html> (дата обращения: 31.10.2022).
10. Strategie im Raum und Zeit: Neue Herausforderungen für Deutschland, NATO und EU im Ostseeraum // GIDS [Электронный ресурс]. URL: <https://gids-hamburg.de/zweite-strategietagung-1/> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Organisation der Marine // Bundeswehr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation> (дата обращения: 21.01.2023).
12. Синдеев А. А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: проблемы военно-морских сил // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 7. С. 18–21.
13. Germany purchases seven additional Boeing P-8A Poseidon and buries MAWS project // Aviacionline. 04.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aviacionline.com/2022/06/germany-purchases-seven-additional-boeing-p-8a-poseidon-and-buries-maws-project/> (дата обращения: 21.01.2023).
14. Zeitplan für die Mehrzweckkampfschiffe 180 // Europäische Sicherheit & Technik. 18.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://esut.de/2020/11/meldungen/24100/zeitplan-fuer-die-mehrzweckkampfschiffe-180/> (дата обращения: 20.01.2023).

15. Bundeswehr: Modernisierungsbremse Beschaffungsamt? // Deutsche Welle. 05.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/de/bundeswehr-modernisierungsbremse-beschaffungsamt/a-61994433> (дата обращения: 31.10.2022).
16. Bundeswehr: Materiell sehr bedingt einsatzbereit! // Statista. 01.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/infografik/13097/anzahl-der-einsatzfaehigen-waffensysteme-der-bundeswehr/> (дата обращения: 25.11.2022).
17. Deutschland verfehlt Zwei-Prozent-Ziel der Nato — trotz Bundeswehr-Sondervermögen // Der Spiegel. 15.08.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nato-deutschland-verfehlt-zwei-prozent-ziel-trotz-bundeswehr-sondervermoegen-a-a08147ba-541e-41a1-9d42-ebf0d46c3ec3> (дата обращения: 31.10.2022).
18. Küsten-Politiker werben um neue Korvetten // Frankfurter Rundschau. 27.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fr.de/politik/kuesten-politiker-werben-neue-korvetten-11050489.html> (дата обращения: 31.10.2022).
19. Bundestags-Haushaltsausschuss billigt neue Kriegsschiffe MKS180 // Augen geradeaus! 17.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://augengeradeaus.net/2020/06/bundestags-haushaltsausschuss-billigt-neue-kriegsschiffe-mks180/> (дата обращения: 21.01.2023).

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ОСОБЕННОСТИ, ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ, ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ»

Барабанова Елизавета Максимовна

Миланский государственный университет
Факультет политических, экономических и социальных наук
Магистратура

МЕЖГРУППОВОЙ АНТАГОНИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ НОРМА: РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КОНФЛИКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЕНЦИЙ

INTERCOMMUNAL ANTAGONISM AS A SOCIAL NORM: THE ROLE OF THE SOCIOLOGICAL ASPECTS OF CONFLICTS IN DEVISING THE STRATEGIES FOR DIPLOMATIC INTERVENTION

Аннотация. В статье предпринята попытка применения теории формирования общественных норм к анализу сообществ, находящихся в состоянии вооруженного конфликта. При использовании обозначенной теории автором были сформулированы четыре социологических измерения (поведение, ожидания, нормы, опорная сеть), которые составили основу для аналитической рамки, предложенной к применению в исследовании конфликтующих сообществ. Предложенная модель может быть использована для социологического анализа межгрупповых конфликтов на предмет выявления характеристик конфликтующих сообществ, которые должны стать одним из определяющих параметров в формировании стратегий дипломатической деятельности по урегулированию конфликтов.

Ключевые слова: урегулирование международных конфликтов, социология конфликтов, дипломатия, общественная норма, общественное поведение, эмпирические и нормативные ожидания, опорная сеть.

Abstract. In the article, an attempt has been made to apply the theory of social norms to the analysis of communities in a state of armed conflict. With the help of the aforementioned theory, four sociological dimensions (behavior, expectations,

norms, reference network) have been formulated, which formed the basis for the analytical framework proposed for use in the study of conflicting communities. The proposed model can be used for the sociological analysis of intergroup conflicts in order to identify the characteristics of conflicting communities, which should become one of the defining parameters in the formation of tailored strategies for diplomatic activities aimed at conflict resolution.

Keywords: international conflict resolution, the sociology of conflicts, diplomacy, social norms, social behavior, empirical and normative expectations, reference network.

Введение

Одной из важнейших характеристик послевоенного развития международной системы стали качественные трансформации, произошедшие в сфере вооруженных конфликтов. Так, эволюция вооруженных конфликтов после окончания Второй мировой войны характеризовалась существенным увеличением их числа, ужесточением характера локальных кризисов, зачастую возникающих на религиозно-этнической почве, преобладанием параметров проблем идентичности и восприятия в формировании конфликтных отношений, увеличением количества акторов конфликтов, интернационализацией внутренних конфликтов и трансформацией их внешнего контекста [1].

Таким образом, *актуальность* исследования обусловлена значительным возрастанием интенсивности современных вооруженных конфликтов, выступающих в качестве существенных дестабилизирующих факторов в развитии международных отношений.

Изменения, произошедшие в сфере вооруженных конфликтов, обусловили постепенную трансформацию деятельности по урегулированию конфликтов, в ходе эволюции которой были сформулированы новые приоритеты, цели, задачи и подходы к миротворчеству. Как следствие, на современном этапе своего развития миротворчество переросло из действий, предпринимаемых исключительно для прекращения огня, в комплексную отрасль деятельности, направленной на глубинную трансформацию общественно-политических систем, восприятий и идентичностей, преодоление внутригрупповой и межгрупповой ненависти, устранение структурных причин конфликтов [2, 3]. В подобных условиях особую значимость приобретают инструменты, позволяющие применять комплексный, многосторонний подход к разрешению современных вооруженных конфликтов. Безусловно, одним из таких инструментов является мультитрековая дипломатия.

В то время как значительное число современных исследователей в области управления конфликтами отмечают теоретическую состоятельность и целостность концепции мультитрековой дипломатии как инструмента

миротворчества [4, 5], практическая реализация дипломатических инициатив по урегулированию конфликтов характеризуется сниженной эффективностью и отсутствием существенных успехов. Предположительно, подобное положение дел позволяет говорить не о несостоятельности мультитрековой дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов, но о несовершенстве механизмов практической имплементации теоретически слаженного подхода. Таким образом, путь к совершенствованию практики миротворчества и повышению ее успешности, вероятно, лежит не в отказе от мультитрековой дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов, но в оптимизации ее прикладного использования.

Необходимым условием совершенствования прикладного использования мультитрековой дипломатии в качестве инструмента урегулирования конфликтов является определение факторов, которые оказывают непосредственное воздействие на зарождение и течение конфликта и, следовательно, должны учитываться при формировании стратегий дипломатических интервенций. Настоящее исследование основывается на предположении, что одним из подобных факторов являются социологические особенности формирования норм в конфликтующих сообществах.

При использовании социологической теории формирования норм, предложенной Кристиной Бикьери [6], автором будут проанализированы и сформулированы возможные конфигурации процессов образования общественных норм, относящихся к зарождению и развитию межгрупповых конфликтов. В частности, в рамках четырех измерений исследования (поведение, ожидания, нормы и опорная сеть) будут проанализированы такие социологические концепции, как независимое и взаимозависимое поведение, общественные, эмпирические и нормативные ожидания, опорная сеть, личные нормативные представления. Итогом настоящей работы станет концептуализация и таксономизация возможных конфигураций указанных явлений и последующее определение приоритетов и структуры распределения ролей в рамках дипломатических стратегий, соответствующих той или иной конфигурации общественных норм.

Таким образом, исследование обладает *научной значимостью*, поскольку предлагает к рассмотрению малоизученный аспект социологического измерения зарождения конфликтов, а именно особенности формирования общественных норм, легитимизирующих межгрупповые конфликты. В то же время исследование обладает прикладной значимостью, так как его итоги могут быть использованы для повышения эффективности практической реализации стратегий мультитрековой дипломатии в урегулировании конфликтов.

В свою очередь, *новизна* исследования заключается в оригинальности предложенной модели анализа конфликтов, а именно социологического

анализа паттернов нормообразования в сообществах, участвующих в вооруженных конфликтах. В дальнейшем предложенная концепция может быть использована в качестве призмы для анализа конкретных конфликтов и последующего формулирования особенностей стратегий дипломатических интервенций в указанные конфликты. Так, при опоре на предложенную концепцию и при использовании количественных методов (опросы, инференциальная и описательная статистика, анализ общественных сетей и т.д.) станут возможными исследования, направленные на соотнесение конкретных кейсов вооруженных конфликтов с предложенной таксономией вариаций общественных норм и определение подходящих стратегий участия мультитрековой дипломатии в разрешении исследуемых конфликтов.

Область применения предлагаемой модели

Прежде всего необходимо обозначить границы применения предлагаемой в рамках исследования модели для социологического анализа конфликтов. Оговоримся, что основополагающим фактором для определения применимости модели к тому или иному конфликту является его происхождение: модель наиболее применима к конфликтам, основанным на столкновении идентичностей. Так, в рамках конфликтных противостояний идентичность сторон зачастую формируется при помощи дихотомического противопоставления по линии «Мы — они» или «Свой — чужой (другой)», т.е. при помощи зарождения принципиального антагонизма. В свою очередь, предлагаемая модель, в рамках которой принципиальный антагонизм по умолчанию рассматривается в качестве общественно формируемой нормы, направлена на выявление социологических особенностей паттернов нормообразования в конфликтующих сообществах. Следовательно, применение ее будет наиболее эффективно в тех случаях, когда принципиальный антагонизм носит общественно сконструированный характер, а столкновение идентичностей лежит в основе конфликта.

Кроме того, предлагаемая модель хоть и носит теоретический характер, потенциально может обладать высокой степенью практической применимости в случае, если уже осуществляемая деятельность мультитрековой дипломатии по урегулированию рассматриваемого конфликта, соответствующего установленным параметрам применимости модели, является неуспешной или обладает сниженной эффективностью. В таком случае применение разработанной в данном исследовании модели будет направлено на выявление не принятых во внимание социологических особенностей конфликтующих сторон и формулирование дополнительных практических рекомендаций по адаптации дипломатической деятельности в рамках процесса миротворчества.

Примером подобной ситуации может служить израильско-палестинский конфликт. При использовании концептуальной модели по квантификации параметров эффективности мультитрековой дипломатии было установлено, что деятельность мультитрековой дипломатии по урегулированию данного конфликта на глубинном уровне и в среднесрочной/долгосрочной перспективах обладает сниженной степенью эффективности: за время развертывания миротворческого проекта в данном конфликте по некоторым направлениям деятельности улучшения не наблюдалось, в то время как по другим направлениям наблюдалось общее ухудшение ситуации и нарастание конфликтности [7]. Учитывая весьма длительную продолжительность как самого конфликта, так и усилий по его разрешению, можно предположить, что неуспешность миротворческих действий мультитрековой дипломатии может быть обусловлена упущением некоторых значимых факторов развития конфликта на современном этапе, одним из которых может являться социология нормообразования в Израиле и Палестине. Существует вероятность, при которой применение разработанной теоретической модели к анализу израильского и палестинского общества позволит сформулировать новые, ранее не использованные практические подходы к разрешению конфликта.

Схожим образом предложенная социологическая модель по определению паттернов нормообразования может быть применена и к другим конфликтам, основанным на идентичности, в рамках которых принципиальный антагонизм сторон является общественной нормой. В частности, модель может быть эффективно применена к анализу некоторых конфликтов на Африканском континенте, таких как, например, конфликт в Центрально-африканской республике, в Эфиопии, в Мозамбике и т.д. Примечательно, что, учитывая особенности африканского контекста, данные конфликты, наряду с другими противостояниями на континенте, обладают транснациональным измерением и в рамках процесса «заражения» [8] увеличивают степень общей дестабилизации в регионе. Таким образом, анализ данных конфликтов и последующее определение соответствующих дипломатических стратегий по их урегулированию представляют существенную эмпирическую значимость.

Социологические измерения исследования

Независимое и зависимое поведение

Поведение представляет собой первое из измерений исследования, представляющих социологическую значимость в процессе формирования стратегий дипломатического вмешательства в урегулирование конфликтов. В контексте настоящего исследования интерес представляют две категории поведения: независимое и зависимое.

Так, независимое поведение можно охарактеризовать как действия, мотивацией которых служат исключительно личные интересы и/или потребности [6].

В свою очередь, взаимозависимое поведение представляет собой кондициональный паттерн предпринимаемых действий, которые полностью или частично обусловлены и опираются на деятельность, взгляды, обычаи других людей и существующее общественное мнение [6].

В данном случае анализ поведенческих паттернов в том или ином сообществе, охваченном конфликтом, должен быть направлен на выявление степени кондициональности и взаимозависимости личностного поведения. Так, выявленные показатели для данных параметров в конкретном сообществе, вовлеченном в конфликт, должны учитываться при формировании дипломатических стратегий по урегулированию конфликтов, поскольку степень кондициональности поведения в том или ином сообществе будет оказывать прямое воздействие на предполагаемое содержание дипломатической деятельности по разрешению конфликта.

Эмпирические и нормативные ожидания

Вторым измерением исследования, представляющим значимость для формирования стратегий дипломатических интервенций в конфликт, являются различные конфигурации т.н. ожиданий. В рамках статьи интерес представляют две разновидности общественных ожиданий: эмпирические и нормативные.

Так, эмпирические ожидания олицетворяют собой представления индивида о том, каким образом другие члены сообщества поступили бы (обычно поступают) в той или иной ситуации [9].

С другой стороны, нормативные ожидания являются двуступенчатыми, поскольку являются представлениями индивида о мнении других членов сообщества в отношении того, каким образом данный индивид должен поступить в той или иной ситуации [9]. Таким образом, нормативные ожидания содержат в себе вторичный, оценочный компонент и, следовательно, деятельность по искоренению и/или трансформации подобных ожиданий должна отличаться от деятельности, направленной на изменение эмпирических ожиданий, и носить более комплексный характер.

Дескриптивные и общественные нормы

Третьим измерением исследования, представляющим значимость для процесса формирования дипломатических стратегий по урегулированию конфликтов, являются нормы. В рамках настоящей статьи важность представляет анализ двух типов норм: дескриптивных и общественных.

Примечательно, что конфигурация норм напрямую вытекает из соотношения общественных ожиданий. Так, дескриптивные нормы предписывают

модели поведения, основанные исключительно на эмпирических ожиданиях, в то время как общественные нормы предписывают модели поведения, основанные на конъюнктуре нормативных и эмпирических ожиданий [9]. Следствием подобных отличий, с нашей точки зрения, должно стать различное содержание деятельности, предпринимаемой по искоренению и/или трансформации того или иного вида деструктивных норм, существующих в конфликтующих сообществах. Заметим при этом, что именно общественная норма как параметр социологических исследований конфликтов представляет собой непосредственный вызов для процесса миротворчества, поскольку искоренение и изменение деструктивных общественных норм, таких как межгрупповой антагонизм, требует изменения как эмпирических, так и нормативных ожиданий.

Опорная сеть

Наконец, четвертым социологическим измерением исследования, представляющим значимость для процесса формирования дипломатических стратегий по урегулированию конфликтов, является т.н. опорная сеть.

Так, опорная сеть представляет собой круг лиц, чье мнение несет в себе значимость при принятии конкретного индивидуального решения и формировании паттернов личностного поведения [9]. Отметим, что при исследовании конфигурации опорных сетей, которые могут восприниматься в качестве драйверов зарождения и развития межгрупповых конфликтов, целесообразным представляется использовать следующие вопросы в качестве аналитической рамки:

- Насколько обширна опорная сеть в количественном отношении?
- Насколько обширна опорная сеть в качественном отношении: кто включен в опорную сеть в том или ином сообществе?
- Насколько гетерогенна опорная сеть: существует ли единый паттерн опорной сети или она варьируется от одного члена сообщества к другому?
- Насколько сильно воздействие, оказываемое мнением опорной сети на принятие индивидуальных решений?
- Равное ли воздействие оказывают все ее члены на процесс принятия индивидуальных решений?

Таким образом, исследование опорных сетей в конфликтующих сообществах может опираться на следующие предлагаемые нами параметры: а) количественное измерение опорной сети; б) качественное измерение; в) степень гетерогенности; г) степень воздействия, оказываемого на процесс принятия индивидуальных решений; д) иерархия опорной сети. Конкретную конфигурацию вышеуказанных параметров в различных конфликтующих

сообществах, с нашей точки зрения, необходимо считать одним из определяющих параметров в процессе формирования стратегии дипломатического вмешательства в тот или иной конфликт.

В обобщенном виде обозначенные социологические измерения исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Измерения социологического исследования конфликтующих сообществ

Параметр	Конфигурация	
Степень кондициональности (взаимозависимости) поведения	Преимущественно независимый паттерн поведения	Преимущественно взаимозависимый (зависимый) тип поведения
Превалирующий тип ожиданий	Преимущественно эмпирические ожидания	Преимущественно нормативные ожидания
Превалирующий тип норм	Преимущественно дескриптивный тип норм	Преимущественно общественный тип норм
Конфигурация опорной сети	Количественное измерение	Сколько членов в среднем включает в себя опорная сеть
	Качественное измерение	Кем представлена опорная сеть: члены семьи/друзья/коллеги/академическое сообщество/политические лидеры/местные племенные лидеры/лидеры гражданского общества
	Степень гетерогенности	Высокий/низкий уровень гетерогенности опорной сети
	Степень воздействия	Низкая/средняя/высокая степень воздействия опорной сети на процесс принятия личностных решений
	Иерархия	Строго иерархическая/Мягко иерархическая/Плоская модель организации опорной сети

Иерархическая модель определения дипломатических стратегий

Операционализация рассмотренных ранее социологических параметров конфликтующих сообществ позволила сформировать иерархическую модель для определения стратегий дипломатических интервенций в конфликты, представленную ниже.

Рисунок 1. Иерархическая модель для определения стратегий дипломатических интервенций

Отправной точкой для анализа сообщества, находящегося в состоянии межгруппового конфликта, необходимо считать определение степени кондичональности индивидуального поведения.

При выполнении аналитического шага № 1 возникает первое разветвление. В зависимости от того, какому сценарию следует выявленный процесс нормообразования в том или ином сообществе, мы предлагаем к рассмотрению соответствующие рекомендации для дипломатической деятельности по урегулированию межгрупповых конфликтов, в рамках которых принципиальный антагонизм является нормой.

Сценарий 1. Заметим, что выявление преобладания независимого типа поведения в сообществе представляет собой ситуацию с наименьшим числом вызовов для дипломатических акторов с точки зрения искоренения деструктивных, конфликтных паттернов поведения. В подобном случае очевидной рекомендацией для деятельности дипломатических акторов станет преимущественно концентрированное, точечное воздействие на отдельных членов сообщества, деятельность которых служит драйвером продолжения и/или развития конфликта. Примечательно, однако, что в сообществах с преимущественно независимым типом поведения межгрупповые конфликты, как правило, не являются следствием принципиального антагонизма сторон как общественной нормы, поскольку отсутствующая кондициональность действий не допускает формирования устоявшейся общественной нормы. Следовательно, если социологический анализ сообщества позволяет выявить преобладание независимого типа поведения, акторам дипломатии следует использовать иные каналы урегулирования конфликта.

Сценарий 2. Обнаружение высокой степени кондициональности индивидуального поведения означает необходимость продолжения аналитической деятельности и перехода к исследованию паттернов нормообразования в конкретном сообществе. В данном случае возникает еще одно разветвление, в рамках которого может быть обнаружено преобладание эмпирических или общественных норм.

Сценарий 2.1. Как было замечено ранее, выявление преимущественно дескриптивного характера норм в конкретном сообществе означает, что процесс нормообразования в данном сообществе происходит при опоре, в основном, на эмпирические ожидания. То есть в данном сообществе формирование норм опирается на агрегацию индивидуальных представлений о том, каким образом другие члены сообщества обычно поступают в той или иной ситуации. Таким образом, деятельность акторов дипломатии, направленная на урегулирование конфликтов в подобных сообществах, должна быть направлена на изменение существующих устойчивых ассоциаций, т.н. «схем», и связанных с ними представлений о распространенных паттернах поведения, т.е. «скриптов» [8].

Сценарий 2.2. Сценарий, при котором в сообществе, вовлеченном в межгрупповой конфликт, преобладает общественный тип норм, содержит

наибольшее число вызовов и затруднений для дипломатической деятельности по искоренению принципиального антагонизма и урегулированию конфликта. Так, поскольку общественные нормы являются производными как эмпирических, так и нормативных ожиданий, искоренение подобного типа норм требует трансформации/искоренения как первого, так и второго типа ожиданий. Таким образом, если иррациональный, принципиальный антагонизм является общественной нормой, для его искоренения необходимо сначала осуществить деятельность по трансформации эмпирических ожиданий, а затем — нормативных. В данном случае деятельность акторов дипломатии должна включать в себя, во-первых, создание устойчивого потока контрпримеров, т.е. паттернов поведения, противоположных тем, что поддерживают и легитимизируют существующую общественную норму. Во-вторых, важным аспектом дипломатической деятельности должно стать стимулирование изменений среди наиболее влиятельных членов опорной сети. В-третьих, значимым направлением деятельности должно стать оказание административной и ресурсной поддержки «лидерам-первопроходцам» [10], т.е. членам сообщества, которые не следуют существующим общественным нормам и паттернам поведения либо первыми иницируют общественные изменения [10]. Так, придание огласки деятельности подобных лидеров мнений должно быть направлено на постепенное преодоление страха изменений, присутствующего у большинства других членов сообщества. В совокупности данные аспекты дипломатической деятельности при последовательной и целенаправленной работе приведут к постепенному искоренению существовавших эмпирических и нормативных ожиданий и, как следствие, деструктивной общественной нормы в виде принципиального антагонизма, являющегося драйвером межгруппового конфликта.

Заключение

В настоящем исследовании была разработана и предложена к использованию операциональная модель по анализу процессов нормообразования в различных сообществах. Предполагается, что данная модель может быть использована для социологического анализа сообществ, вовлеченных в межгрупповые конфликты, где принципиальный антагонизм является одновременно общественно-образованной нормой и драйвером развития конфликтных действий.

Применение предложенной операциональной модели позволит выявить определенную конфигурацию четырех социологических параметров, включенных в модель, и использовать выявленную социологическую конфигурацию для разработки практических рекомендаций для дипломатической деятельности по урегулированию конфликта, в который вовлечено рассма-

триваемое сообщество. Представляется, что использование модели позволит повысить практическую эффективность дипломатической деятельности по урегулированию конфликтов.

Отметим, что дальнейшие исследования могут быть направлены на проведение социологического анализа конкретных сообществ, вовлеченных в конфликт, при использовании различного рода качественных методов, включая этнографические исследования, а также качественные интервью. Соотнесение полученных результатов подобных исследований с предложенными параметрами операциональной модели позволит заложить теоретическую основу для формулирования практических рекомендаций по повышению эффективности дипломатической деятельности по разрешению межгрупповых конфликтов.

Библиография

1. Голубев Д. С. К проблеме концептуализации феномена интернационализованного внутригосударственного конфликта: о недостаточности изучения роли внешних государственных акторов // Общество: политика, экономика, право. 2018. Вып. 65. № 12. С. 13–20.
2. *Bercovitch J., Jackson R. Conflict Resolution in the Twenty-First Century: Principles, Methods, and Approaches*, 4th edition. Ann Arbor: The University of Michigan press, 2012. 226 p.
3. *Miall H. Conflict Transformation: A Multi-Dimensional Task* / Austin A., Fischer M., Ropers N. (eds.) // *Transforming Ethnopolitical Conflict: the Berghof Handbook*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 67–90.
4. *Montville J. V. Transnationalism and the Role of Track Two Diplomacy* // Thompson W.S., Jensen K.M. *Approaches to Peace: An Intellectual Map*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1991. 440 p.
5. *Rubin A. Political-Elite Formation and Transition to Democracy in Pre-State Conditions: Comparing Israel and the Palestinian Authority* // *Government and opposition*. 2009. Vol. 44. No. 3. P. 262–284.
6. *Bicchieri C. Norms, conventions and the power of expectations* / Ed. by N. Cartwright // *Philosophy of social science*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 208–229.
7. *Барабанова Е. М. Эффективность мультитрековой дипломатии в процессе урегулирования международных конфликтов: израильско-палестинский кейс* // Первый Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений: сборник научных статей по итогам конференции. Санкт-Петербург. 2023 (в печати).
8. Голубев Д. С. Пространственно-временная кластеризация внутригосударственных вооруженных конфликтов: альтернативные подходы к объяснению явления // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 30–34.
9. *Bicchieri C. Norms, preferences, and conditional behavior* // *Politics, Philosophy & Economics*. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 297–313.
10. *Bicchieri C. Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure and Change Social Norms*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 229 p.

Головки Николай Максимович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РЕГИОНА ВЕЛИКИХ ОЗЕР (МКРВО) ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

INITIATIVES OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE OF THE GREAT LAKES REGION ON THE SETTLEMENT OF ARMED CONFLICTS IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность Международной конференции региона Великих озер по урегулированию вооруженных конфликтов в Демократической Республике Конго и предпринимается попытка оценки ее эффективности. В работе обзревается институциональные структуры организации. При помощи теоретического подхода трансформации конфликта Джона Ледераха выявляются причины, по которым некоторые из инициатив данной организации оказались провальными и не смогли оказать полноценного влияния на трансформацию конфликта в Демократической Республике Конго.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, Африка, трансформация конфликта, Международная конференция региона Великих озер, конголезский конфликт.

Abstract. This article examines the initiatives of the International Conference of the Great Lakes Region on the settlement of armed conflicts in the Democratic Republic of the Congo and attempts to assess their effectiveness. The paper reviews the institutional structures of the organization. With the help of John Lederach's theoretical approach to conflict transformation, the reasons why some of the initiatives of this organization were unsuccessful and could not have a full impact on the transformation of the conflict in the Democratic Republic of the Congo are revealed.

Keywords: armed conflicts, Africa, conflict transformation, International Conference of the Great Lakes Region, Congolese conflict.

Термин «Регион Великих озер» (Great Lakes Region) первоначально происходил от названия пресноводных озер и речных бассейнов в центральной и восточной частях Африки. Однако в рамках данного исследования под названием «Регион Великих озер» будут пониматься такие страны, как

Руанда, Бурунди, Уганда и Демократическая Республика Конго, где происходят многочисленные конфликты, на протяжении десятилетий подрывающие стабильность и безопасность региона.

Под вооруженными конфликтами в Демократической Республике Конго (ДРК) в данной работе понимается нестабильность на востоке страны, в частности, в провинциях Северное Киву, Южное Киву и Итури. Наиболее значимыми повстанческими движениями являются такие группировки, как М23, Объединенные демократические силы (часть Исламского Государства (запрещенная в РФ организация) в Центральной Африке) и Демократический фронт освобождения Руанды. В аналитической структуре работы используется теория трансформации конфликта, представленная Джоном Полом Ледерахом.

Определение трансформации конфликта Ледераха: трансформация конфликта заключается в том, чтобы предвидеть эскалацию и деэскалацию социального конфликта и реагировать на них как на возможность для создания процессов конструктивных изменений, которые снижают уровень насилия, повышают справедливость в непосредственном взаимодействии и социальных структурах и реагируют на реальные проблемы в человеческих взаимоотношениях [7].

Конечная цель трансформации конфликтов состоит в том, чтобы помочь группам, обществам, а также странам перейти от насильственных и разрушительных конфликтов к конструктивным и мирным конфликтам. Это означает, что конфликты не только неизбежны в человеческих обществах, но и часто желательны, когда они хорошо проводятся. Таким образом, справедливость, свобода и более равноправные и интегрированные отношения могут быть достигнуты благодаря хорошо организованным конфликтам.

Трансформация конфликта направлена на создание потенциала и оказание поддержки структурным изменениям, а не просто на достижение мирных соглашений, она затрагивает конфликт как на стадии до насилия, так и после него, признавая, что причины и последствия насильственного конфликта находятся за пределами мест боевых действий, в то время как разрешение конфликта, с другой стороны, происходит на стадии после насилия. То есть, в отличие от разрешения конфликта, которое стремится положить конец преобладающему конфликту, трансформация конфликта пытается найти не только способ положить конец непосредственному конфликту, но и заглянуть за его пределы и задать вопрос о том, как создать будущее, свободное от разрушительного конфликта.

В рамках своего подхода Ледерах также выделяет три «трека действующих лиц», на которые необходимо воздействовать в рамках целостного подхода к трансформации конфликта [7].

Трек I — Высшее руководство

Данный уровень состоит в основном из ключевых политических, военных и религиозных лидеров конфликта. Благодаря своему высокому положению они находятся на позициях силы. Критика со стороны Лидераха взаимодействия только с высшими руководителями заключается в том, что они обычно должны поддерживать имидж силы, что затрудняет им принятие чего-либо меньшего, чем их публично заявленные цели, и, следовательно, достижение компромисса. Также важен тот факт, что они не ощущают на себе ежедневные тяготы вооруженного конфликта, в отличие от других уровней.

Трек II — Руководство среднего уровня

Это те, кто выполняет руководящие функции, но формально не связан с правительством или основными участниками конфликта. Лидерах утверждает, что именно лидеры среднего звена обладают наибольшим потенциалом для создания инфраструктуры, которая может поддерживать процесс миростроительства в долгосрочной перспективе. Это связано с тем, что они не только намного многочисленнее лидеров высшего уровня, но также, вероятно, имеют отношения как с лидерами высшего уровня, так и значительные связи с низовыми уровнями. К ним относятся руководители неправительственных организаций среднего звена (НПО), государственных учреждений, религиозные лидеры, академическая интеллигенция и т.д.

Трек III — Низовой уровень (grassroots)

Здесь руководство включает тех, кто вовлечен в местные общины, членов НПО коренных народов, осуществляющих проекты по оказанию помощи, должностных лиц здравоохранения и руководителей лагерей беженцев. Этот уровень представляет большинство населения, в т.ч. ту часть населения, которое изо дня в день испытывает на себе последствия конфликта, и, таким образом, несет наибольшую ответственность и имеют наибольшие возможности для преобразования своих собственных конфликтов.

Международная конференция региона Великих озер (МКРВО) является межправительственной организацией стран африканского района Великих озер. Ее создание было основано на признании того, что политическая нестабильность и конфликты в этих странах имеют значительное региональное измерение и, следовательно, требуют согласованных усилий в целях содействия устойчивому миру и развитию. В состав организации входят одиннадцать государств, а именно: Ангола, Бурунди, Центральноафриканская Республика, Республика Конго, Демократическая Республика Конго, Кения, Уганда, Руанда, Судан, Танзания и Замбия.

История основания организации началась в 2000 году, когда Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, как указано в его резолюциях

1291 [9] и 1304 [2], призвал к проведению международной конференции по вопросам мира, безопасности, демократии и развития в районе Великих озер. Позднее в том же году в Найроби, Кения, под эгидой Организации Объединенных Наций и Африканского союза был создан Секретариат международной конференции.

В ноябре 2004 года, уже после завершения Второй Конголезской войны, одиннадцать глав государств и правительств стран-членов в Дар-эс-Саламе, Танзания, единогласно приняли Декларацию о мире, безопасности и развитии в районе Великих озер. Эта Дар-эс-Саламская декларация представляла собой политическое заявление с намерением устранить коренные причины неразрешимых конфликтов и препятствий на пути развития на основе регионального и инновационного подхода [3].

Главы государств и правительств вновь собрались в Найроби в 2006 году для подписания Пакта о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер. Пакт включал Дар-эс-Саламскую декларацию, программы действий и протоколы. Это ознаменовало окончание подготовительного этапа и положило начало периоду реализации. Пакт воплощает стремление глав государств решить проблемы региона, и его цели включают: (1) осуществление предложений, содержащихся в Дар-эс-Саламской декларации, соглашениях, программах действий, региональном механизме последующей деятельности и специальном фонде реконструкции и развития; (2) создание условий безопасности, стабильности и устойчивого развития между государствами-членами. Саммит глав государств и правительств, который собирается раз в два года, осуществляет надзор за осуществлением пакта.

МКРВО была создана в ответ на меняющийся характер вызовов безопасности и признание того, что транснациональное сотрудничество необходимо для реагирования на общие угрозы. Границы в районе Великих озер остаются проницаемыми. Такие проблемы, как вынужденное перемещение населения, незаконный оборот оружия, терроризм, организованная преступность и широко распространенное насилие, имеют трансграничные причины и последствия. То, что происходит в одной стране, вызывает шоковые волны во всем регионе. Кроме того, Конференция рассматривает такие вопросы, как окружающая среда, права человека, ВИЧ/СПИД и безопасность городской среды. МКРВО утверждает, что в своей деятельности руководствуется двумя принципами [1]. Во-первых, устойчивое решение проблемы мира, стабильности и развития в районе Великих озер должно основываться на ответственности самих стран этого региона. Во-вторых, МКРВО основывается на партнерстве с заинтересованными сторонами, в частности, с Группой друзей и специальных посланников, которая оказывает финансовую, дипломатическую, техническую и политическую поддержку.

Сопредседателями Группы друзей и специальных посланников являются Канада и Нидерланды. Другими членами группы являются Австрия, Бельгия, Китай, Дания, Европейский союз, Финляндия, Франция, Габон, Германия, Греция, Святой Престо, Ирландия, Италия, Япония, Кувейт, Люксембург, Нигерия, Норвегия, Португалия, Российская Федерация, Южная Африка, Испания, Швеция, Швейцария, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки.

Для обеспечения надлежащего осуществления своих проектов и протоколов МКРВО собирает экспертов и органы власти из стран-членов для проведения регулярных встреч. Дважды в год Региональный межведомственный комитет (РИМС) в качестве Исполнительного совета МКРВО оценивает достигнутый прогресс. Саммит глав государств, который является высшим органом, проводится не реже одного раза в два года. В случае чрезвычайной ситуации председатель Саммита может созвать внеочередной саммит «Тройки». Это чрезвычайное совещание включает председателя Саммита, его предшественника и его преемника и, таким образом, включает представителей трех стран-участниц.

На национальном уровне каждое из государств-членов создало Национальный координационный механизм, также включающий представителей гражданского общества, с тем чтобы обеспечить последующую деятельность и выполнение решений, принятых Саммитом.

Краткосрочными целями МКРВО было преобразование региона в пространство для устойчивого мира и безопасности путем оказания всесторонней поддержки национальным мирным процессам в регионе, укрепления двустороннего и регионального сотрудничества, обеспечения безопасности для предотвращения, управления и мирного урегулирования конфликтов, продвижения общей политики положить конец распространению стрелкового оружия и легких вооружений и обеспечение защиты уязвимых групп.

В рамках попыток поддержания мира в регионе организация регулярно проводит мирные конференции, стараясь наладить диалог между повстанцами и властями ДРК. Так, на встрече в городе Гома с 6 по 24 января 2008 года конференция собрала 1500 делегатов из всех общин и социальных слоев в Северном и Южном Киву. Участие традиционных деревенских старост и других лидеров общин способствовало разоружению или интеграции 22 вооруженных групп в национальную армию, что свидетельствует о сильном желании на местном уровне прекратить боевые действия [8].

В 2012 году во время эскалации конфликта в Северном Киву и обострения противоречий между ДРК и Руандой МКРВО играла активную роль в урегулировании разногласий между сторонами, а на президента Уганды Й. Мусевени была возложена обязанность переговоров с про-руандийским крылом

группировки М23 («Движение 23 марта»). По итогам ряда саммитов была создана группа военных наблюдателей от стран МКРВО под командованием представителя Танзании со штаб-квартирой в центре сбора разведанных в городе Гома [6].

Говоря о влиянии деятельности организации непосредственно на трансформацию конфликта, стоит отметить, что как поддержка военных усилий, так и дипломатические и политические усилия МКРВО по принудительному разоружению не обеспечивают решения коренных причин конфликта, а лишь пытаются устранить насильственный аспект конфликта, который во многих случаях возникает вновь. Вспышки насилия чаще всего происходят в наиболее богатых природными ресурсами регионах. Нерегулируемая добыча полезных ископаемых в Демократической Республике Конго является одним из самых больших препятствий на пути к миру в стране. Это само по себе указывает на то, что одной из причин формирования этих вооруженных групп были ресурсы, которые дипломатические, политические усилия, а также военные усилия не затрагивают, и до тех пор, пока горнодобывающие компании продолжают работать в атмосфере конфликта, которая позволяет им обменивать полезные ископаемые на оружие, мир в ДРК остается труднодостижимым.

При создании инфраструктуры для установления мира важно, чтобы все государства, участвующие в конфликте, имели определенный уровень вовлеченности и были искренне заинтересованы в установлении мира. В случае конголезского конфликта данный фактор является крайне осложненным ввиду того, что некоторые из государств-участников (в частности, Руанда и Уганда) имеют собственные интересы в Демократической Республике Конго. Более того, Руанда неоднократно обвинялась в прямой поддержке повстанцев тутси-баньямуленге из группировки М23, ведущей партизанскую войну против центрального правительства в Киншасе. Финансовая, военная и политическая поддержка М23 со стороны Руанды подтверждалась на самом высоком уровне, в том числе и группой экспертов ООН [5]. С 2018 года также наблюдается охлаждение в отношениях между Угандой и Руандой, пиком которого стало стягивание войск к границам в марте 2019 года. Атмосфера взаимного недоверия и прямые действия по дестабилизации политической ситуации в Демократической Республике Конго сводят на нет любые усилия по трансформации конфликта.

Конфликт между группировкой М23 и центральным правительством Демократической Республики Конго на данный момент находится в стадии эскалации. 3 ноября 2022 г. в обращении к нации президент ДРК Феликс Чисекеди назвал ситуацию на востоке страны «катастрофической», объявил о массовом наборе молодежи на военную службу и призвал создавать отряды самообороны для разгрома действующих на востоке страны незаконные

вооруженные формирования. Днем ранее на восток ДРК для усиления бурундийского контингента решено было направить кенийских военнослужащих по линии Восточноафриканского сообщества. 29 октября 2022 г. М23 захватила стратегический город Киванджа, а также Ругари и Ручуру в Северном Киву, тем самым отрезав Гому, столицу Киву, от севера провинции. Чисекеди неоднократно обвинял Руанду в разжигании конфликта и в поддержке повстанцев, правительство Руанды, в свою очередь, выдвигает встречные претензии, в частности, по поводу удержания в плену руандийских военнослужащих и в нарушении своего воздушного пространства ВВС ДРК [4].

В конце ноября 2022 г. в Анголе, которая, как один из членов МКРВО, стала одной из переговорных площадок по урегулированию конголезского кризиса, президент Демократической Республики Конго Феликс Чисекеди, глава Бурунди Эварист Ндайишимийе и руководитель МИД Руанды Венсан Бирута договорились о немедленном прекращении огня на востоке ДРК и отводе формирований М23 с занятых территорий на исходные позиции. Ни руандийский лидер Поль Кагаме, ни руководство М23 не присутствовали на встрече, и менее чем через сутки боевые действия возобновились [4].

Таким образом, несмотря на изначальные позитивные тенденции по оказанию влияния на трансформацию конфликта со стороны МКРВО благодаря задействованию неформальных лидеров общин и учета специфики местных трансграничных взаимоотношений, на сегодняшний день ввиду полного отсутствия доверия между основными сторонами переговоров и налаженных неформальных связей между Руандой, Угандой, Бурунди и рядом антиправительственных повстанческих движений в Конго, а также их прямой поддержки, сводятся на нет любые попытки по трансформации конфликта по линии Международной конференции региона Великих озер.

Библиография

1. ICGLR website // ICGLR Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icglr.org/index.php/en/background> (дата обращения: 23.12.2022).
2. UN SC Resolution 1304. The situation concerning the Democratic Republic of the Congo // UNSCR [Электронный ресурс]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1304> (дата обращения: 23.12.2022).
3. Dar-es-Salaam Declaration on Peace, Security, Democracy and Development in the Great Lakes Region // UN website. UN Peacemaker [Электронный ресурс]. URL: <https://peacemaker.un.org/greatlakes-daressalaam-declaration2004> (дата обращения: 23.12.2022).
4. DRC fighting resumes. M23 say ceasefire deal doesn't affect them // Aljazeera. 25.11.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/11/25/drc-fighting-resumes-m23-say-ceasefire-deal-doesnt-affect-them> (дата обращения: 23.12.2022).

5. *Peyton N., Holland H.* U.N. experts: Rwanda has intervened militarily in eastern Congo // Reuters. 04.08.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/un-experts-say-rwanda-has-intervened-militarily-eastern-congo-2022-08-04/> (дата обращения: 23.12.2022).
6. *Сидорова Г.М.* Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата). М.: Восточная литература, 2015. 527 с.
7. *Lederach J.* Little Book of Conflict Transformation. Intercourse: Good Books, 2003. 76 p.
8. *Rotich G.K.* African Regional Initiatives In Conflict Management: Icglr Mediation In The Dr Congo-m23 Rebels Conflict In North Kivu In 2012. Nairobi: University of Nairobi, 2013.
9. UN SC Resolution 1291. The situation concerning the Democratic Republic of the Congo // UNSCR [Электронный ресурс]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1291> (дата обращения: 23.12.2022).

Nurgazinova Dana

KIMEP University
College of Social Sciences
Department of International Relations and Regional Studies
Bachelor Program

WATER SECURITY IN CENTRAL ASIA: TRANSBOUNDARY WATER MANAGEMENT IN THE KYRGYZSTAN-TAJIKISTAN CONFLICT

ВОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАНСГРАНИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В КЫРГЫЗСКО-ТАДЖИКСКОМ КОНФЛИКТЕ

Abstract. The disintegration of the Soviet Union resulted not only in independence to Central Asian states, but also in territorial issues, undermining the stability in Kyrgyzstan and Tajikistan. This article explores the role of water and transboundary water management in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict. Driven by the economic and Ahmed Abukhater's needs-based approaches, the author discovers that water remains a crucial resource for Kyrgyzstan and Tajikistan due to the agricultural character of economies, poverty, and rapid population growth. Moreover, outdated inter-state legal systems that reflect Soviet water allocation regimes and poor governance exacerbate the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict resolution.

Keywords: Kyrgyzstan-Tajikistan conflict, transboundary water management, Central Asia, needs-based approach, Soviet water allocation system.

Аннотация. Распад Советского Союза повлек за собой не только независимость государств Центральной Азии, но и территориальные проблемы, подрывающие стабильность в Кыргызстане и Таджикистане. В данной статье исследуется вопрос распределения воды и трансграничного управления водными ресурсами в кыргызско-таджикском конфликте. Руководствуясь экономическим подходом и потребностно-ориентированным подходом Ахмеда Абухатера, автор обнаруживает, что вода остается важнейшим ресурсом для Кыргызстана и Таджикистана из-за сельскохозяйственного характера экономики, бедности и быстрого роста населения. Более того, устаревшие межгосударственные правовые системы, отражающие советские схемы водораспределения, и плохое управление усугубляют урегулирование кыргызско-таджикского конфликта.

Ключевые слова: кыргызско-таджикский конфликт, трансграничное управление водными ресурсами, Центральная Азия, потребностно-ориентированный подход, советская система водораспределения.

The disintegration of the Soviet Union in 1991 portended the emergence of the newly independent states with a wide range of political, economic, territorial, and social challenges. Among these challenges are territorial disputes, which continue to exacerbate the security in the Central Asian region. The symbolic value of the borders between Soviet Republics transformed into an issue that needed to be resolved by the newly independent states of Central Asia. One of the most infamous cases is a modern conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan.

The Kyrgyzstan-Tajikistan conflict incorporates struggle over control of economic resources like water, infrastructure (canals, roads), and fundamental components of the state like territorial borders. Kyrgyzstan and Tajikistan engage in the conflict starting in the 1930s. Exacerbated by the poverty in the Batken region, the conflict had seen a recent escalation in 2019, which marked the active involvement of the military personnel and employment of heavy arms, in contrast to previous “ketmen wars”, known for the predominant usage of the agricultural instruments [1]. In April 2021, violence occurred over the camera installation on the “Golovnoi” water distribution point, which divides the Isfara river flow. Furthermore, about 70% of borders are not demarcated, provoking ambiguity and affecting the dialogue between belligerents. Since adversaries engage in conflict over control of water infrastructure, transboundary water management might contribute to sustainable conflict resolution.

Consequently, the following questions about transboundary water management in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict arise. What role does water play in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict during the post-Soviet era (1991–2022)? How does existing transboundary water management interrelates with the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict?

This study adopts two theoretical frameworks. The first theoretical paradigm is related to the economic-related violence in the conflict. This implies that adversaries engage in the conflict not due to ethnic grievances, but rather for economic benefits. Ahmed Abukhater’s needs-based approach [2] is a second theoretical framework. Having analyzed the Israel-Jordan Water Treaty and the Lesotho Highlands Water Project (LHWP) Treaty cases, Abukhater directs the research beyond the hydro-hegemony discussion, arguing for the advancement of environmental equity with an interest-based approach [2]. The primary idea advanced by the scholar is transforming the role of water resources as a cause of conflict into a propeller of peace. According to him, a needs-based approach should include not only the current utilization of water resources but encompass possible trends of future usage [2].

While some studies examine various causes of the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict, few scholars attempted to theoretically conceptualize the role of water in this confrontation. The scientific novelty of this paper lies in the application of Ahmed

Abukhater's theoretical framework to the water conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan, and this offers some insights into the conceptual understanding of the case. The discussion of Central Asian transboundary water legal regulations paves the way to developing possible conflict resolution measures, comprising the shift from a rights-based approach to needs-based water management.

Literature review

Literature on the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict is only gaining prominence in Central Asian studies. Nevertheless, some central themes can be identified. The Kyrgyzstan-Tajikistan conflict stems from the Soviet times [1, 3, 4, 5]. In 1935, the Soviet government launched land management works on collective farms (*kolhozy*), and the commission revealed issues of mismanagement and transboundary nature. Landowners complained about illegal usage of their lands by neighboring collective farms [5]. Violent confrontations occurred in 1969, 1970, and 1975, when rapid population growth and growing need for water supply, the voluntary expansion of cultivated areas, and the construction of the canal for farm sustainability received no proper response from Soviet officials [1]. This rejects the notion of the 'post-Sovietality' of the conflict, as proposed by Sullivan [6].

Multiethnic transborder communities are an inextricable component of the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict [1, 6, 7, 8]. Madeleine Reeves in her ethnographical study of Batken region communities in Central Asia discusses the relationship between state and sovereignty in the context of domestic lives: "people frequently laugh at the idea that friends, kin, or workmates from nearby villages might just have become citizens of different states" [7]. In addition to this, socio-economic conditions like poverty and rapid population growth also contribute to the complexity of the case [4, 7].

Gaps in legal frameworks are other factors eroding successful transboundary management and conflict resolution [3, 4, 5]. Kyrgyz and Tajiks share about 40 water channels, and the two states are defying the strong need for transboundary water regulation, as demonstrated in the absence of law, social organization, and agreement on this issue [3]. Moreover, during the process of border demarcation and delimitation, Tajikistan appeals to 1924–1926 maps, while Kyrgyzstan refers to 1958–1959 maps, leading to a direct conflict over conceptual framework [3, 5].

The issue of water resources occupies a considerable place in the debate on the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict. While one group of authors [3, 5] share an idea of water scarcity as a cause, another group [1, 4] identify water mismanagement as a central issue. Ormonaliev writes that ethnoterritorial conflicts between Central Asian states stem from the scarcity of land and water, ethnopsychology, and drug transits [5]. Meanwhile, Kyrgyzstan and Tajikistan face water shortages related only to technical and economic obstacles, while the natural water shortage is pres-

ent only in downstream states of Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan [4]. Reeves takes an immediate stance in the debate by focusing on the lack of access to natural resources [7].

With the disintegration of the Soviet Union, border demarcation was seen as a solution to territorial conflicts. Nevertheless, while the border demarcation is popular among some scholars like Peña-Ramos, Bagus, Fursova [8], others perceive this process as destructive for the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict resolution [1, 3, 5, 7]. Although Peña-Ramos et al. acknowledge the complexity of the border demarcation due to the presence of multiethnic communities, they recommend completing the border demarcation process, since the concise establishment of borders allows infrastructure construction [8]. In contrast to this argument, Toktomushev proposes the human and sensitive approach because fortification and strict border delimitation produce more violence and aggravates conflict in the context of multiethnic networks in the region [1]. Reeves corroborate the risks of the border demarcation by pointing to the case of “felling trees on sacred place”, when modern state practices suppress local traditions and lifestyles [7].

The role of water in the conflict

Water resources play a crucial role in this conflict and interrelate with other exacerbating factors. Firstly, socio-economic conditions prompt the adversaries to enter the conflict. The agricultural sector occupies a large share of Kyrgyzstan and Tajikistan's economies. In Kyrgyzstan, about 48% of the population works in the agricultural sector [9], and more than 65% of the population is rural [10]. At the same time, the Tajik agricultural sector provides more than 70% of job places [11]. Coupled with the poverty in rural areas, wide agricultural activities make water a life-critical resource for irrigation, consumption, and sanitation. The Kyrgyz region of Batken is also known for one of the highest poverty rates. Since poverty is widespread in rural areas across all Central Asia, Tajikistan faces the same issue as its neighbor. Furthermore, the Tajik population's rapid growth aggravates the water distribution. According to the World Bank, in 2021, the Tajik population's annual growth constituted 2.2%, which is the highest indicator among Central Asian states [12]. Climate change also poses a water stability at risk. Isfara river flows in the Batken region originate from mountain glaciers; hence, environmental degradation might cause economic-related violence in the long run. Tajikistan has already lost half of its 13 glaciers by this moment due to the changing climate conditions [13].

The absence of the demarcated border adds intractability to the conflict by hampering the construction of water infrastructure and other projects. Following the disintegration of the Soviet Union, Kyrgyzstan and Tajikistan did not manage to reach consent on shared borders, using maps of different periods. Nowadays, border territories and exclaves like Vorukh and Sokh are lands under dispute. Both

Kyrgyz and Tajik officials are eschewing construction projects since such actions embody the claim over the territory in dispute. For instance, on April 28, 2021, violence occurred over the “Golovnoi” water distribution point. The director of the Water Resources and Land Improvement Department Almazbek Sokeyev declared that the Golovnoi structure on the Ak-Suu River belongs legitimately to Kyrgyzstan since this infrastructure was built at the expense of the Kyrgyz Soviet Republic and administered by modern Kyrgyzstan [14]. In response, Rustam Shomirsaidov, head of water and land resources management in Tajikistan’s Isfara district, said that the project was not renovated in 12 years, and the attempt of Kyrgyz authorities to reconstruct Golovnoi provoked a skirmish [14], fearing that the unilateral repairment would make the water distribution point in full legitimate possession of Kyrgyzstan. Thus, in combination with strong nationalism and highly polarized media, adversaries are reluctant to modernize infrastructure and prevent each other from total capturing.

Water scarcity is another phenomenon taking place in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict. However, water scarcity is a result of inefficient and wasteful infrastructure, and poor governance rather than natural conditions [15]. As Toktomushev writes, the water resources are abundant in Kyrgyzstan and Tajikistan in comparison with China, the Czech Republic, Spain, and France, and these two Central Asian states are not under water stress [1]. The reason for water scarcity is weak governance in a form of corruption and mismanagement. Moreover, Central Asian states inherited Soviet-built infrastructure, which requires modernization to guarantee long-term security and stability. Due to the reluctance, the water infrastructure is old and overexploited and, as a result, loses about 50% of the water [15].

Rights-based vs. needs-based approach in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict

Water resources agreements between Kyrgyzstan and Tajikistan represent the old Soviet-time water allocation system. Actors of the conflict continue to utilize outdated documents, which cannot reflect the current utilization and economic demands for water. In 1992, Central Asian states signed the Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Joint Management on Utilization and Protection of Water Resources from Interstate Sources, having a fundamental role in water relations. The Agreement reflects the old Soviet water regime, rather than modern interstate water allocation regulation, and this is reflected in the Preamble of the Agreement, which calls for parties “respecting established structure and principles of water allocation and relying on regulatory documents on the allocation of water resources from interstate

sources currently in force” [16]. The Tortgul reservoir is one of the components of this water allocation system. The Kyrgyz Tortgul reservoir collects water from October 1 to April 1, and the rest of the water is distributed between Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan (78% share) [17]. Since the Tortgul is possessed by the Kyrgyz side, Kyrgyzstan has a right to collect water as much as needed in legal terms. Using the rights-need approach and facing public pressure from farmers, Kyrgyzstan, as the country of Isfara river origin, increases the water accumulation or even stops the flow, leaving other countries with fewer chances to collect the precious resource. Under the Soviet Integrated Energy System, the downstream states of Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan covered the energy deficits of Kyrgyzstan and Tajikistan [18]. With the disintegration of the Soviet Union, Central Asian states had to rely on domestic resources solely. The rights-based approach of water management in this case compromises the needs of downstream states like Uzbekistan and Tajikistan. In relation to this, in April 2021, Tajik border guards tried to install cameras on Golovnoi [19], demonstrating their suspicion of Kyrgyz water usage.

However, the needs for water in Kyrgyzstan and Tajikistan differ. Contrary to Kyrgyzstan, Tajikistan is predominantly involved in sedentary agriculture; thus, it demands more water for its industry than Kyrgyzstan’s cattle farming. While the water-consuming cotton, which is extensively cultivated in Sughd province, dominates Tajikistan’s export, Kyrgyzstan’s Batken region produces cow milk and other products of cattle farming. Moreover, while Tajikistan uses 11,496 m³/year, its neighboring Kyrgyzstan utilizes only 8,007 m³/year, which is almost twice less in comparison with its co-riparian [20]. It indicates a strong need for a new needs-based water allocation system, using Abukhater’s theoretical framework [2]. The current Central Asian transboundary water management system operates on rights-based principles. This threatens Tajikistan’s high need for water, which is vastly used for irrigation purposes. Indus Waters Treaty (IWT) is a successful example of an agreement, where the needs of states are considered. According to IWT, Pakistan as an agricultural country controls waters on its territories but receives financial compensation if upstream India leaves an insufficient amount of water. The participation of technical specialists, researchers, and local experts would contribute to the technical analysis and address the needs of the Kyrgyz and Tajik populations.

The analysis of the case allows us to conclude that water remains one of the key factors in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict. This factor intertwines with the socio-economic conditions of the agricultural economy, rapid population growth, and poverty. Adversaries are reluctant to foster border demarcation, and, as a result, abstain from water infrastructure modernization. The issues of poor governance, demonstrated in the water mismanagement, redound outdated water management

legal frameworks. The persistence of old Soviet water management systems should be transformed based on needs and with the inclusion of local knowledge and practices.

These corollaries have implications on the regional and global levels. The current transboundary water management system between Tajikistan and Kyrgyzstan demonstrates the lack of Central Asian regional cooperation. This indicates a demand for further integration to involve regional actors in information-sharing and exchange of visions to find a common ground for the joint water management system. Moreover, the state of conflict causes displacement and refugee movements to border countries of Uzbekistan and Kazakhstan, provoking instability in the region. On a global level, the instability hampers the construction of Chinese, Russian, and Pakistani infrastructural projects. Furthermore, the conflict discourages foreign direct investments in Kyrgyzstan and Tajikistan. Thus, the successful Kyrgyzstan-Tajikistan conflict resolution would not only contribute to the Central Asian regional stability but would also boost cooperation on the Eurasian and Asian levels.

References

1. *Toktomushev K.* Understanding Cross-Border Conflict in Post-Soviet Central Asia: The Case of Kyrgyzstan and Tajikistan // *Connections*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 21–41.
2. *Abukhater A.* Water as a Catalyst for Peace: transboundary water management and conflict resolution. London: Routledge, 2013. 320 p.
3. *Kurmanalieva G.* Kyrgyzstan and Tajikistan: Endless Border Conflicts // *L'Europe En Formation*. 2018. Vol. 385. No. 1. P. 121–130.
4. *Zonn I. S., Zhiltsov S. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V.* Water Resources Management in Central Asia. Cham: Springer Nature Switzerland, 2020. 197 p.
5. *Ormonaliev K.* Современные киргизско-таджикские погранично-территориальные проблемы [Modern Kyrgyz-Tajik Border Territorial Problems] // *Bulletin of Science and Practice*. 2022. Vol. 8. No. 9. P. 664–670.
6. *Sullivan C. J.* Battle at the Border: an Analysis of the 2021 Kyrgyzstan-Tajikistan Conflict // *Asian Affairs*. 2021. Vol. 52. No. 3. P. 529–535.
7. *Reeves M.* Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia. New York: Cornell University Press, 2014. 292 p.
8. *Peña-Ramos J.A., Bagus P., Fursova D.* Water Conflicts in Central Asia: Some Recommendations on the Non-Conflictual Use of Water // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. No. 3479. P. 1–24.
9. Kyrgyzstan // *The World Factbook*. 13.12.2022. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/kyrgyzstan/#economy> (accessed: 25.01.2023).
10. *Chi G., Gao J., Wang D., Hagedorn A., Kelgenbaeva K., Smith M.L., Geoffrey M., Henebry G.M.* Agricultural production at the oblast level in post-Soviet Kyrgyzstan, 1990–2014: Implications of demographic and climate changes // *Research in Globalization*. 2020. Vol. 2. No. 100027. P. 1–12.
11. Аграрная промышленность [Agrarian industry] // *Tajinvest*. URL: <https://tajinvest.tj/ru/priority-sectors/agrarnaya-promyshlennost> (accessed: 25.01.2023).

12. Population growth (annual%) — Tajikistan // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=TJ> (accessed: 25.01.2023).
13. Water deficiency in Central Asia: Countries need to rethink policies of water use // CABAR.asia. 06.07.2021. URL: <https://cabar.asia/en/water-deficiency-in-central-asia-countries-need-to-rethink-policies-of-water-use?ysclid=lbw4nl913f547245864> (accessed: 25.01.2023).
14. *Imanaliyeva A., Ibragimova K.* Kyrgyzstan, Tajikistan: Solving water puzzle key to preventing fresh fighting // Eurasianet. 19.05.2021. URL: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-tajikistan-solving-water-puzzle-key-to-preventing-fresh-fighting> (accessed: 25.01.2023).
15. *Arynova A., Schmeier S.* Conflicts over water and water infrastructure at the Tajik-Kyrgyz border. A looming threat for Central Asia? // Water, Peace and Security (WPS). 08.2022. URL: <https://waterpeacesecurity.org/files/68> (accessed: 25.01.2023).
16. Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Joint Management on Utilization and Protection of Water Resources from Interstate Sources, 1992. URL: <http://icwc-aral.uz/statute1.htm> (accessed: 25.01.2023).
17. *Avazbekov N.* Kyrgyz-Tajik border disputes: reasons and ways of solution // Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR.asia). 18.03.2021. URL: <https://cabar.asia/en/kyrgyz-tajik-border-disputes-reasons-and-ways-of-solution?ysclid=19uyw16gll838555109> (accessed: 25.01.2023).
18. *Suleimenova Z.* Water Security in Central Asia and the Caucasus — A Key to Peace and Sustainable Development // Macroeconomic Policy and Financing for Development Division of UNESCAP. Working Paper No. 18/01. 2018.
19. Что происходит на киргизско-таджикской границе и чем это грозит Центральной Азии? [What is happening on the Kyrgyz-Tajik border and how does this threaten Central Asia?] // BBC News Russian. 01.05.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56950457> (accessed: 25.01.2023).
20. *Russell M.* Water in Central Asia: An increasingly scarce resource // European Parliamentary Research Service (EPRS). 12.09.2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2018\)625181](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2018)625181) (accessed: 25.01.2023).

Фадина Яна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕСТАБИЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ИСПАНИИ И УГРОЗА ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

CATALAN SEPARATISM AS A RESULT OF THE UNSTABLE POLITICAL SITUATION IN SPAIN AND A THREAT TO THE EXISTENCE OF THE STATE

Аннотация. В статье названы основные причины возникновения и обострения сепаратистских движений в Испании, механизмы их влияния на стремление Каталонии обрести независимость, раскрывается сущность проблемы. Определены важные события, связанные с подготовкой и попыткой проведения референдума. Рассматриваются основные акторы конфликта, а также блоки, сформировавшиеся внутри государства, которые выступают за отделение и против. Кроме этого, продемонстрирован взгляд на будущее конфликта, обозначены некоторые пути развития ситуации.

Ключевые слова: сепаратизм, Испания, Каталония, конфликт, автономия, независимое государство.

Abstract. The article names the main reasons for the emergence and aggravation of separatist movements in Spain, the mechanisms of their influence on the desire of Catalonia to gain independence, reveals the essence of the problem. Important events related to the preparation and attempt to hold a referendum are identified. The main actors of the conflict are considered, as well as blocs formed within the state who are in favor of secession and against it. In addition, there is a view of the future of the conflict is demonstrated and some ways of developing the situation are indicated.

Keywords: separatism, Spain, Catalonia, conflict, autonomy, independent state.

В XXI веке продолжается процесс формирования государств-наций, одной из форм проявления этой тенденции является сепаратизм. Ученые определяют сепаратизм по-разному, однако смысл остается неизменным. Сепаратизм — это политика отделения части территории государства с целью создания нового независимого государства или получения статуса широкой автономии. Подобные политические движения чаще всего происходят во времена социальных противоречий, и их результатом является сецессия.

Испания — государство, в котором проблема сепаратизма наиболее ярко выражена по сравнению с другими европейскими странами. Большая часть испанских регионов имеет собственные исторические обычаи, традиции, родные язык и культуру, а также обладает особыми правилами ведения быта и религиозными взглядами. Такие регионы, как Каталония, Галисия и Страна Басков, сами по себе объединены определенным географическим положением. Этот фактор был определяющим в складывании отношений между землями, так как именно он позволял им формировать контакты с другими странами и, следовательно, с чужими, совершенно новыми для них культурами. В результате выхода отношений на новый уровень, упрочнения контактов регионы стали развиваться по-разному, формировать собственные взгляды и перспективы.

Актуальность конфликта между Испанией и Каталонией для современной мировой политики обусловлена тем, что начиная с 2006 года стали нарастать риски сепаратизма в автономных регионах Испанского Королевства, особенно в автономном сообществе Каталония. Кроме этого, в последнее время сепаратистские движения набирают обороты и проявляются более активно во многих регионах Европы, например, в Великобритании (Шотландия и Северная Ирландия), Франция (Корсика), Италия (Ломбардия, Южный Тироль и Венето), причиной этому может быть мировой экономический кризис. Проблемы и форма сепаратизма в Каталонии могут стать ролевой моделью для других государств, где только начинают зарождаться такие настроения.

Более того, исследование опыта Испании в борьбе с сепаратизмом актуально потому, что определяется сложившейся политико-экономической ситуацией, в которой кроме Испании находятся сегодня многие другие страны. Именно поэтому требуется изучение особенностей развития сепаратистских тенденций на территории отдельного региона Испании, разбор причин кризиса, сформировавшегося внутри такого, казалось бы, устойчивого во внутривнутриполитических делах государства, и истоков сепаратистских настроений.

Научная новизна исследуемой темы, связанной с проблемами сепаратизма в Королевстве Испания, заключается в том, что изучение сепаратистских тенденций в этом государстве дает возможность выявить конкретные аспекты наиболее ярко проявляющихся проблем, с которыми могут столкнуться многие страны Европы. Детальная проработка некоторых из них позволит определить наиболее эффективные механизмы, задействованные в решении проблем, и сформировать представление о перспективах развития сепаратистского движения в Испании и не только.

Этнический конфликт с националистическим подтекстом в Испании, связанный со стремлением Каталонии обрести независимость, является следствием отстаивания интересов каталонцев в их отношениях с государственной властью Испании. Безусловно, значительную роль в данном конфликте играет

идеология сепаратизма, которая способствует дальнейшему развитию деятельности выступающих за независимость Каталонии группировок и организаций.

Раньше на территории современного Испанского Королевства проживали четыре основных этноса: кастильский, каталонский, баскско-наваррский и галисийский. Все народы отличались между собой. Однако каталонский, баскско-наваррский и галисийский этносы были зависимы от центра государства — Мадрида и кастильской нации, которая являлась главенствующей в течение всей истории существования Королевства Испания. Именно поэтому стремление Каталонии, Страны Басков и Галисии к самоопределению и автономному существованию является естественным.

Большая часть испанских регионов имеет собственные исторические обычаи, традиции, родные язык и культуру, а также обладает особыми правилами ведения быта и религиозными взглядами. Географическое положение регионов позволило землям контактировать с другими странами и, следовательно, с чужими культурами. В результате регионы развивались по-разному.

Говоря об экономических предпосылках, стоит отметить, что на появление и распространение сепаратистских настроений повлияли низкий уровень жизни представителей национальных меньшинств по сравнению с жителями других регионов государства, а также нежелание более развитых регионов поддерживать более отсталые земли Испании. Более того, важную роль сыграла асимметричность экономического развития регионов.

Что касается политики, сюда относится политическая борьба между различными этническими группами, борьба этносов за политический статус. Одним из политических факторов появления сепаратизма в Испании является желание регионов создать собственные государства.

Важнейшей социальной причиной возникновения сепаратизма в Испании является протекание деятельности этносов в рамках географических территорий [1]. То есть население связывало себя с какой-то конкретной национальностью, и ему не важна была принадлежность к какому-либо региону. К социальным причинам можно отнести социальную дискриминацию этнической группы, то есть ущемление прав на образование и др.

Ключевую роль в формировании сепаратистских движений на территории Испанского Королевства сыграли исторические причины. Речь идет об исторической несправедливости: некоторые территории вошли в состав государства вследствие завоевания. В данном случае движение сепаратистов связано с желанием вернуть «первоначальные» границы и таким образом восстановить некую историческую справедливость.

В центре предметного поля конфликта находятся статус и суверенитет. Каталония стремится к признанию своего статуса в качестве независимого региона, то есть желает получить полный суверенитет. Каталония — бога-

тый и экономически независимый регион Испании, однако довольно часто центральная власть разными способами ограничивает права Каталонии. Например, право на самоопределение, а также право на распоряжение своими финансами — большая часть бюджета уходит в другие регионы Испании, являются довольно ограниченными, именно здесь и проявляется роль Каталонии в качестве донора.

Проведение референдума — один из законных способов достижения цели Каталонии, однако ей никак не удастся добиться своих прав даже таким путем, потому что центральная власть Испании всячески этому препятствует. В 2009 и 2010 годах были проведены неофициальные консультативные референдумы на уровне автономии, где были подняты вопросы об отделении Каталонии от Испанского Королевства [2]. Несмотря на то, что провозглашение парламентом Каталонии ее «суверенным политическим и правовым субъектом в составе Испании» является больше символическим, чем юридическим, такая ситуация создает прецедент, который может стать начальным этапом в отделении Барселоны от «метрополии».

11 сентября 2013 года, в Национальный день Каталонии, произошло создание «Каталонского пути» — акции за отделение региона от Испании. Больше полутора миллионов (по некоторым источникам — более 400 тысяч) человек образовали живую цепь, которая протянулась с севера на юг через 86 населенных пунктов автономной области Каталония на северо-востоке Испании [3]. Целью данного шествия организаторы ставили проведение в 2014 году референдума о независимости Каталонии.

Правительство Испании не могло провести непропорциональный референдум, который мог бы противоречить Конституции страны [4]. Поэтому члены испанского парламента большинством голосов отвергли предложение провести в ноябре референдум о независимости автономной области. Только 47 парламентариев из почти 300 поддержали проведение плебисцита. После голосования глава региона Артур Мас заявил, что будет искать другие законные методы для проведения референдума [4].

Мадрид назначил новые досрочные выборы на 21 декабря 2017 года, надеясь на победу оппозиционных сил Каталонии, однако победу одержала коалиция из трех партий, поддерживающая независимость Каталонии [5]. Можно сделать вывод, что сепаратистские тенденции в регионе сохраняются. Однако они не являются доминирующими в каталонском обществе. Например, сепаратистские настроения не поддержал каталонский бизнес. В октябре 2017 года в Каталонии было проведено два митинга в поддержку территориальной целостности страны.

Таким образом, можно определить внутренние и внешние последствия для Каталонии и Испании. Тенденций на спад сепаратизма нет, поскольку победу

на досрочных выборах одержала коалиция, выступающая за независимость региона. Важно отметить, что каких-то крупных столкновений между центром и автономным сообществом не произошло.

Референдум в Каталонии 2017 года только обострил вопрос сепаратизма и деления в Испании. Осенью 2020 года Верховный суд Испанского Королевства отстранил главу правительства Каталонии Кима Торра за отказ убрать баннеры с сепаратистскими лозунгами со здания правительства Каталонии [6]. На данный момент сепаратистские силы показывают достаточно неплохие результаты как на региональных, так и на общенациональных выборах. Каталонские националисты («Левые республиканцы Каталонии», «Вместе за Каталонию» и «Кандидатура народного единства») заняли большинство мест в парламенте на региональных выборах в 2021 году.

Возможно, следующие действия правительства Испанского Королевства будут направлены на изменение действующей конституции от 1978 года, а именно статей, которые связаны с полномочиями автономных сообществ, чтобы таким образом сохранить гарантии территориальной целостности страны.

Итоги референдума не были признаны в мире. Почти 90% стран — членов ООН не признали итоги референдума, раскритиковали происходящее внутри Испании, а также призвали к поиску взаимного компромисса. Нейтральную позицию заняли такие страны, как Колумбия, Пакистан, Антигуа и Барбуда, Нидерландские Антильские острова.

Сепаратисты рассчитывали добиться общественного признания результатов референдума и получить гарантию стран — членов Европейского союза на сохранение Каталонии в качестве независимого государства в рамках Европейского союза. Однако этого с самого начала не произошло, Европейская комиссия охарактеризовала события, происходящие в Каталонии, как сугубо внутреннее дело Испании. Признание референдума в Каталонии означало бы дать старт «параду суверенитетов» в других частях Европы.

Понятно, что главными участниками конфликта в Каталонии являются правительство Испании и региональные власти Каталонии. За независимость Каталонии выступают такие сепаратистские партии и движения, как «Вместе за Каталонию», «Левые республиканцы Каталонии», «Кандидатура народного единства». Недостаток блока каталонских партий и движений, которые являются сторонниками независимости Каталонии, заключается в том, что у них нет единого мнения на этот счет. То есть нет детально разработанного общего курса, который бы содержал в себе план действий и мог бы способствовать достижению их целей. Партии по-разному видят возможное развитие отношений Испании и Каталонии, а также сам процесс разрешения существующего конфликта. Так, например, «Вместе за Каталонию» — политическая партия,

образованная в 2017 г., лидером которой является Карлес Пучдемон, выступающая за независимость Каталонии, настроена резко против центральной власти и готова к жесткой борьбе с ней. При этом политическая партия «Левые республиканцы Каталонии» не так категорична в своих взглядах, она готова сотрудничать с правительством Испании, вести переговоры и согласна на проведение официального централизованного референдума о независимости, результаты которого могли бы быть грамотно оформлены и признавались бы мировым сообществом с последующим документальным регламентированием. Партия «Кандидатура народного единства» вообще хотела бы установить в Каталонии республику, где удалось бы объединить всех людей, которые говорят на каталанском языке. Хотя эта партия также выступает за проведение референдума [7]. С этой партией также связана молодежная организация «Arran», членами которой являются каталонские сторонники независимости, она проявляет себя достаточно активно в данном конфликте.

На данный момент сепаратистские силы показывают достаточно неплохие результаты как на региональных, так и на общенациональных выборах.

Желающих видеть Каталонию в составе Испании, можно разделить на несколько групп: сторонников федерализма, автономии и унитаризма. В этой связи представляется возможным спрогнозировать несколько вариантов развития и урегулирования данного конфликта. При первом варианте вполне реально сохранение статус-кво в отношениях Испании с Каталонией. В таком случае внесение поправок в Конституцию не потребуется, так как единство нации сохранится, и продолжат существовать автономии. Второй возможный вариант развития конфликта представляет из себя реформирование Конституции. Тогда Испания либо становится федерацией, либо позволяет своим автономиям проводить референдумы о независимости, определяющие их статус. И последний вариант связан с продолжающейся радикализацией каталонского сепаратизма, которая обострилась после проведения референдума о независимости в 2017 году. Важно отметить, что внешние силы в конфликте не вмешиваются, да и вероятность участия третьей стороны в данном конфликте очень низкая, потому что Испания обладает слишком сильным суверенитетом, чтобы международное сообщество как-то способствовало урегулированию этого вопроса.

Особенностью ныне существующей формы административно-территориального деления является то, что регионы обладают определенными полномочиями, и местное самоуправление достаточно обширно, поэтому наблюдается переходная стадия унитарного государства и федерации. Сохранение статус-кво будет говорить о том, что автономные субъекты так и не будут наделены правом участвовать в обсуждении и принятии каких-либо важных государственных решений. Однако нельзя с уверенностью сказать, что такое

развитие ситуации и внесение поправок в Конституцию приведут к разрешению конфликта, хотя его переход в менее острую фазу вполне возможен.

Если в результате такой возможности Каталония будет независимой, то это повлечет за собой ряд последствий. Испания будет лишена экономически выгодного региона, значительно уменьшится государственный бюджет, да и вообще будет утрачена часть ее территории. В случае отделения Каталонии от Испании страна лишится части своей экономической мощи, ее бюджет будет подорван. Позиция четвертой экономики Европейского союза будет потеряна Испанией. Каталония же при таком раскладе событий перестанет быть членом Европейского союза, и если у нее все-таки возникнет желание войти в Европейский союз, то ей придется пройти долгую и сложную процедуру по вступлению. Кроме этого, Каталонии будет крайне необходимо создать новые работоспособные государственные органы для самоуправления.

Решить проблему сепаратизма в Испании, а именно в Каталонии, сейчас невероятно сложно, потому что сепаратизм продолжает развиваться, поэтому надо способствовать организации переговоров центральных властей с властями Барселоны. Если обе стороны не захотят пойти на компромисс, то вполне вероятно, что Испания распадется. Именно поэтому Мадриду стоит предоставить политическую и полную экономическую независимость Каталонии, которые она так желает получить, сохраняя ее культурные особенности и не рушить существующий уклад жизни каталонцев, отличающийся от испанского ритма жизни. Следовательно, дальнейший ход событий этого конфликта зависит исключительно от его непосредственных участников.

Испанское Королевство показало, что сепаратистское движение возникает в абсолютно разных регионах, где наблюдаются высокие показатели роста в экономике, образовании и т.д., но и регионы с более низким уровнем жизни населения — не исключение.

Таким образом, тот сепаратизм в Каталонии, который мы можем сейчас наблюдать, был вызван воспоминаниями о независимости региона, его самостоятельности во всех сферах, наличием собственных и главенствующих органов власти. Нельзя отрицать тот факт, что желание стать независимым и быть отдельным регионом — результат масштабной и серьезной пропаганды местных властей, которые активно распространяют такие взгляды и настроения в обществе, из-за этого в большей степени показатели заинтересованности в идеологии сепаратизма с каждым годом только увеличиваются. Среди каталонцев достаточно много людей, выступающих против сепаратистов. Кроме этого, мнения среди населения насчет статуса Каталонии и ее будущего сильно разнятся: есть те, кто поддерживает власти Каталонии в отделении от Испании, но существуют и другие, которые выступают резко против таких действий. Безусловно, у испанцев из других регионов тоже нет единого мнения.

Европейский кризис вдохновил Каталонию пойти на такой серьезный шаг, как отделение от Испании, потому что социальное и экономическое пространство уже не представляют собой единое целое. Также существует целый ряд факторов, влияющих на решение Каталонии, среди них каталонский язык, но и он здесь играет роль лишь политического механизма. При этом отделение Каталонии от Испании повлечет немало последствий из-за зависимости региона от государства. Надо признать, что последствия в большей степени будут негативными и принесут проблемы для обеих сторон конфликта.

Таким образом, первый вариант в развитии отношений Каталонии и Испании — сохранение статус-кво, административно-территориальное деление не изменяется, а второй — реформирование Конституции, в которой был бы прописан независимый статус Каталонии.

Смена мирового порядка, которую мы можем наблюдать в настоящее время, может быть выделена как механизм, влияющий на развитие отношений двух сторон, и этот процесс также вносит свой вклад в продвижение сепаратистских настроений. В силу того, что экономика зависит от политики, Каталония может воспользоваться этим моментом, в этом и проявляется перспектива развития сепаратизма. Более того, на примере Испании можно говорить о необходимости создания конкретной, непротиворечивой юридической базы, которая формировала бы основы устройства любой страны, учитывая интересы регионов, тем самым не допуская каких-либо сепаратистских проявлений. Подобные события нужно освещать чаще и на примере других стран для нераспространения идей сепаратизма, а также для освещения основных вопросов, касающихся прав меньшинств.

Необходимо согласиться с тем, что тенденции на спад сепаратизма нет, поскольку сепаратистские движения продолжают продолжаться. Вероятно, в ближайшем будущем конфликт примет новую форму и начнутся более серьезные столкновения, или наоборот, стороны продолжат придерживаться своих позиций, но смогут совместно прийти к разумному решению, которое будет иметь положительный эффект для них обеих.

Библиография

1. Галаев А. С. Факторы возникновения сепаратизма в Испании // Научный аспект. 2020. № 2. С. 1238–1242.
2. Референдум о независимости проходит в испанской автономии Каталония // РИА Новости. 13.12.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20091213/198981153.html> (дата обращения: 04.06.2023)
3. Каталонский путь // Независимая народная газета Советская Россия. 14.09.2013. URL: <https://sovross.ru/articles/964/16381> (дата обращения: 29.03.2023).

4. *Новикова В. О.* Проблема сепаратизма в Каталонии: референдум о независимости // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2017. С. 270–275.
5. Пучдемон: результаты выборов в Каталонии — поражение Испании // BBC. 22.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-42450072> (дата обращения: 15.04.2023)
6. *Аникеева Н. Е.* Каталония: итоги выборов 2021 года // МГИМО университет. 17.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/kataloniya-itogi-vyborov-2021/> (дата обращения: 04.06.2023)
7. Специфика каталонского сепаратизма и перспективы развития конфликта — 2020 г. РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/spetsifika-katalonskogo-separatizma-i-perspektivy-razvitiya-konflikta/> (дата обращения: 10.06.2023).

СЕКЦИЯ «ВЕПОНИЗАЦИЯ НЕВОЕННЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ»

Абахтимова Дарья Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОЕКТА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

GERMANY'S POSITION ON THE "NORD STREAM" PROJECT IN HISTORICAL RETROSPECT

Аннотация. Проект «Северный поток» считался уникальным проектом, символизирующим как энергетический диалог России и Европейского союза в целом, так и РФ и ФРГ в частности. Несмотря на экономический характер данного проекта, еще на этапе его планирования ощущалось значимое политическое влияние различных акторов мировой арены. Начиная со статуса наибольшего благоприятствования и привлечения европейских компаний к строительству данного газопровода в начале 2000-х годов и заканчивая высоким уровнем политизации и секьюритизации данного проекта на современном этапе, мы можем проследить высокую динамику изменения позиции Германии в вопросе реализации «Северного потока».

Ключевые слова: «Северный поток», энергетическая безопасность, теория секьюритизации, политизация, дискурс, энергетическое сотрудничество.

Abstract. The "Nord Stream" project was considered as a symbol of the energy dialogue between Russia and the European Union, especially between Russia and Germany, it was a unique project in the energy sector. Despite the economic nature of this project, significant political influence of various actors in the world was noticed even at the stage of its planning. Starting with the most favored nation status and the involvement of European companies in the construction of this gas pipeline in the early 2000s and ending with a high level of politicization and securitization of this project nowadays, we can see the high dynamics of the change in Germany's position on the implementation of the Nord Stream.

Keywords: "Nord Stream", energy security, securitization theory, politicization, discourse, energy cooperation.

Введение

Проект «Северный поток» некогда считался символом энергетического диалога России и Европейского союза, а в особенности — РФ и ФРГ. «Северный поток» — уникальный проект в энергетической сфере. Во-первых, это самый длинный газопровод, проложенный по дну моря, во-вторых, до «Северного потока» никто в мире не строил газопроводов, по которым в бескомпрессорном режиме можно было бы транспортировать газ на расстояние 1224 км, в-третьих, данный газопровод успешно функционировал и поставлял природный газ в Европу на протяжении 10 лет. Несмотря на экономический характер данного проекта, еще на этапе его планирования ощущалось значимое политическое влияние различных акторов мировой арены. Начиная со статуса наибольшего благоприятствования и привлечения европейских компаний к строительству газопровода в начале 2000-х годов и заканчивая высоким уровнем политизации и секьюритизации данного проекта на современном этапе, мы можем проследить высокую динамику изменения позиции Германии в вопросе реализации «Северного потока». Исследование данной темы с точки зрения теорий международных отношений, ивент-анализа и контент-анализа представляет научную новизну, так как научные исследования, посвященные этой проблематике, не могут ответить на вопросы, почему произошла резкая смена позиции Германии и зачем Германия изначально пошла на широкое и «зависимое» сотрудничество в области энергетики с Россией.

Энергетический кризис Европы, взрывы обеих ниток газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2», а также провал реализации последнего из упомянутых трубопроводов объясняют высокую актуальность данной темы.

«Северный поток» — инновационность и особенность

«Северный поток» — некогда успешный энергетический проект, связывающий Россию и Европу. Реализация данного проекта с технической, экономической и политической точки зрения была мировым феноменом, так как впервые были задействованы и новые технологии, и новые политические инструменты.

«Северный поток» — экспортный газопровод протяженностью 1224 километра, проходящий по дну Балтийского моря, соединяющий российский Выборг, немецкий Грайфсвальд и терминал Любмин. «Северный поток» является составной частью системы газопроводов «Ямал — Европа», «Грязовец — Выборг» в России, также доступ газа на рынки Европы обеспечивают газопроводы-отводы OPAL и NEL в Германии. Газопровод способен поставлять около 55 млрд м³ газа в год, что позволяет обеспечивать природным газом 26 млн домохозяйств Европы в год [1].

С точки зрения технологий «Северный поток» был самым длинным морским газопроводом на этапе строительства и запуска. С применением новейших технологий удалось добиться минимизации обслуживания газопровода и ввести метод поставки энергоресурсов на большие расстояния по бескомпрессорному режиму. Также строительство данного газопровода привело к революции в трубной промышленности России.

Уникальность проекта «Северный поток» заключается в его трансграничном характере: газопровод проходит через исключительные экономические зоны России, Германии, Дании, Швеции и Финляндии. Для разрешения строительства трубопровода необходимо было получить согласие всех перечисленных выше стран. В этой связи страны морского транзита создавали препятствия. Так, Министерство обороны Швеции беспокоилось о военной безопасности своей акватории из-за строительства нового газопровода и возможности присутствия российских морских сил в исключительной экономической зоне. Также страны, через воды которых проходит газопровод, в частности, Финляндия и Швеция, особое внимание уделяли экологическому вопросу и вопросу боеприпасов на дне Балтийского моря. Согласно Конвенции Эспоо [2], подписанной в 1991 году, государства должны уведомлять друг друга и проводить взаимные консультации по крупным проектам, которые потенциально могут оказать трансграничное воздействие на окружающую среду. «Северный поток» попадал в категорию таких проектов, в результате компания Nord Stream AG провела масштабные экологические исследования 40 000 линейных километров дна Балтийского моря и предоставила Эспоо отчеты на 2855 страницах, которые на данный момент переведены на 10 языков [3].

Инновационность проекта заключается также в его правовом и политическом аспекте. Для реализации данного проекта в Швейцарии в 2005 году был учрежден международный консорциум пяти крупных европейских энергетических компаний — Nord Stream. Акционерами Nord Stream AG являются компании ООО «Газпром международные проекты» (дочерняя компания ПАО «Газпром»), которой принадлежит 51% акций, Wintershall Dea AG (панее Wintershall Holding GmbH), PEG Infrastruktur AG (E.ON), N. V. Nederlandse Gasunie и ENGIE. Таким образом, была создана отдельная компания для уменьшения проблем с антимонопольными регуляторами.

С точки зрения политического статуса проект «Северный поток» — символ энергетического сотрудничества России и Германии, так как именно благодаря канцлеру ФРГ Герхарду Шрёдеру и президенту РФ Владимиру Путину появилась идея данного газопровода. Проект строительства данного трубопровода был запущен в 2005 году, до 2009 года проводились исследования и проектная деятельность, проходила процедура получения разрешений на строительство, описанная выше, а в 2011 году, спустя 6 лет, газопровод был окончательно

введен в эксплуатацию. Он стал новым витком энергетического взаимодействия России и Европы, обеспечил последнюю необходимым для успешного экономического развития сырьем.

Однако за десятилетия строительства и успешного функционирования данного газопровода произошли значительные изменения, и первоначально экономический проект, который стал возможен благодаря техническому и экологическому сотрудничеству государств Европы с Россией, стал восприниматься как угроза национальной безопасности и рычаг влияния Кремля.

Проект «Северный поток» через призму теории секьюритизации

Проблема энергетики секьюритизировалась в международном дискурсе, согласно учению теоретиков секьюритизации Б. Бузану и О. Уэверу, в то время, когда угроза нехватки энергоресурсов стала экзистенциальной для государств. Тема энергетической секьюритизации сегодня — одна из актуальных в научном и политическом дискурсе.

Секьюритизация — экстремальная политизация, процесс представления определенного объекта как проблемы для безопасности, а следовательно, угрозы для выживания [4, р. 15]. В процессе секьюритизации выделяется два этапа: 1) заявление, что возникла угроза существования референтного объекта; 2) завершение процесса секьюритизации, которое будет успешным, если актор смог убедить аудиторию в заявленном [5].

Применительно к проекту «Северный поток» теорию секьюритизации можно рассмотреть следующим образом: долгосрочные контракты на поставки газа из России, приостановка поставок по «Северному потоку» в связи с ремонтом турбины летом 2022 г. в сочетании с обострением политической ситуации на Украине воспринимаются как экзистенциальная угроза для ЕС в целом и ФРГ в частности. Референтным объектом выступает энергетическая безопасность Германии и Европейского союза в целом. Секьюритизирующие акторы — представители ЕС, депутаты Бундестага, особенно от партии «Зеленые», политические деятели США.

Таким образом, экономическая и энергетическая сферы жизни общества попадают под политическое влияние, что позволяет нам анализировать ситуацию вокруг «Северного потока» с точки зрения теории секьюритизации, разработанной Б. Бузаном и Копенгагенской школой.

Позиция Германии относительно проекта «Северный поток» и первый этап секьюритизации

Еще в конце 1990-х годов появилась идея развития новой газовой инфраструктуры, связывающей Россию и Германию. Данная инициатива возникла в 2000 году благодаря дружеским отношениям Владимира Путина, президента

РФ, и Герхарда Шрёдера, канцлера ФРГ. Был разработан план морского газопровода, проходящего через Балтийское море. Германия выступала главным бенефициаром данной инициативы, так как именно во время «красно-зеленой коалиции» (1998–2005 гг.) в Германии начался энергетический переворот, в 2000 году также было принято решение о закрытии атомных электростанций. Таким образом, ФРГ со стремительно развивающейся экономикой нуждалась в новых источниках энергетических ресурсов. Канцлер Г. Шрёдер называл Россию «важнейшим энергетическим партнером Германии». Это подтверждалось и запуском газопровода «Ямал — Европа» в 1999 году, и подписанием соглашения о строительстве газопровода «Северный поток» в 2005 году, и широкими связями российских и немецких компаний и совместных предприятий («Газпром», RAG и WINGAS, WIEN, Ruhrgas). Причем тесные связи предприятий нефтегазового комплекса России и Германии считаются также фактором успеха проекта «Северный поток» и объясняют его значимость для Германии.

Положительная позиция Германии относительно проекта «Северный поток» была продемонстрирована в лоббировании ФРГ данного газопровода в Европейском союзе. Благодаря этому в декабре 2000 года решением Европейской комиссии проекту «Северный поток» был присвоен статус ТЕН (Трансьвропейские сети), обеспечивающий режим наибольшего благоприятствования. Также Германия активно защищала проект от критики со стороны Польши и стран Прибалтики, молодых членов ЕС, которые, будучи странами транзита для сухопутных газопроводов, не хотели терять транзитную прибыль из-за морского газопровода. В странах-критиках еще на этапе обсуждения проекта проявлялись политизация и начальный этап секьюритизации: Германию обвиняли в слабой оценке рисков энергетической зависимости от России. Несмотря на это, экономические интересы Германии и партнерство с Россией взяли верх, в 2005 году было подписано соглашение о строительстве газопровода и была учреждена компания-консорциум Nord Stream AG. Данное соглашение МИД Польши сравнило с пактом Молотова — Риббентропа, что еще раз подтверждает политизацию проекта для части Европы [6].

Критики ожидали изменения позиции Германии относительно газопровода «Северный поток» с приходом к власти Ангелы Меркель, недовольной энергетической политикой Шрёдера. В действительности позиция изменилась, но незначительно, проект все также оставался значимым и приоритетным для ФРГ. «Большая коалиция» (2005–2009 гг.) характеризовала Россию как «стратегического партнера» в сфере энергетики, но также делался акцент на необходимости устранить «одностороннюю зависимость». На формирование такого отношения к РФ оказали влияние российско-украинский газовый спор 2006 года и российско-белорусский нефтяной спор 2007 года. Тогда Германия

обвинила Россию в одностороннем решении о прекращении поставок и в неуважении к европейским потребителям российских энергоресурсов. Не стоит забывать, что после событий 2004 года и Оранжевой революции на Украине сухопутные поставки природного газа в Германию через газотранспортную систему Украины стали считаться в Германии ненадежными. Таким образом, требовалась диверсификация маршрутов поставок энергоресурсов в Европу, а морской газопровод «Северный поток» не затрагивал «проблемные страны» и был гарантом стабильных поставок по низким ценам. На первой встрече с президентом РФ Д. А. Медведевым Ангела Меркель подтвердила позитивную позицию и поддержку со своей стороны строительства газопровода [7, р. 33].

Однако на данном этапе стала наблюдаться политизация энергетических связей России и Германии со стороны Европейского союза. Воздействие на энергетическое партнерство РФ и ФРГ оказал вступивший в силу в 2009 году Третий энергетический пакет ЕС. Цель данной совокупности нормативно-правовых актов — либерализация энергетического рынка и повышение энергоэффективности путем ограничения монополии и отделения производителей энергоресурсов от поставщиков. Несмотря на то, что энергетическое законодательство направлено на внутренний рынок ЕС, его нормы оказывают влияние и на внешние энергетические связи. В рамках Третьего энергетического пакета действует оговорка о третьих странах: «Иностранные операторы систем транспортировки могут быть сертифицированы в том случае, если докажут, что их сертификация не повлечет риск для надежности поставок» [8, с. 64]. Относительно проекта «Северный поток» было ограничено использование мощностей газопровода-отвода от «Северного потока» OPAL, и, несмотря на все усилия немецкого регулятора Bundesnetzagentur, изъять OPAL из действия Третьего энергетического пакета так и не удалось. Факт борьбы с нормами Третьего энергетического пакета со стороны Германии, а также изъятие морской части газопровода из действия газового законодательства ЕС — факторы, доказывающие положительную позицию Германии по отношению к этому проекту.

Также наблюдалась политизация проекта «Северный поток» со стороны партии «Зеленые», находившейся тогда в оппозиции. Мотивы противодействия данной партии были обусловлены экологическими причинами — заботой об экосистеме Балтийского моря, а также вопросами энергетической безопасности в условиях зависимости от российского газа. На международном уровне партия «Зеленые» поддерживала Польшу и государства Прибалтики в критике российско-германского энергетического сотрудничества.

Позиция Германии оставалась положительной и в дальнейшем: «черно-желтая коалиция» (2009–2013 гг.), вдохновленная завершением строительства «Северного потока», обозначала энергетическое партнерство с Россией как

«исключительное». В 2013 году было заключено соглашение о строительстве «Северного потока — 2», экономическая выгода от морских газопроводов для Германии стимулировала на дальнейшее развитие данных инфраструктурных проектов. Реакция властей ФРГ на крымские события 2014 года не оказал влияние на функционирование и отношение правительства Германии к «Северному потоку». Противоречия затронули новый проект «Северный поток — 2», и Ангела Меркель как глава Германии была вынуждена балансировать между энергетическим партнерством с Россией и поддержкой Украины. Кроме того, события 2014 года на Украине еще раз поставили под сомнение надежность поставок природного газа через газотранспортную систему Украины. Таким образом, с 2011 года «Северный поток» воспринимался в Германии как успешный проект, возникший благодаря техническому, экологическому и экономическому сотрудничеству России и Европы, несмотря на политические разногласия.

Завершающий этап секьюритизации

2022 год стал переломным для Европы и России, это коснулось прежде всего энергетического сектора. В данный период наблюдалась высокая динамика изменения позиции Германии относительно проекта «Северный поток».

Это связано, во-первых, со сменой политической элиты в Германии: вместо Ангелы Меркель (ХДС/ХСС), позитивно настроенной в отношении энергетических связей с Россией, канцлером стал Олаф Шольц (СДПГ), позиция которого изначально была положительной как по отношению к России, так и к совместным энергетическим проектам с ней (это можно наблюдать в коалиционном договоре партий после выборов в Бундестаг), однако в 2022 году его риторика сменилась на совершенно противоположную. Министром иностранных дел в новом правительстве Германии стала лидер партии «Зеленые» Анналена Бербок. Дискурс партии «Зеленые» всегда был негативен и в отношении России, и в отношении угрозы энергетической зависимости.

Во-вторых, проведение Россией специальной военной операции на Украине спровоцировало демонизацию России среди политических кругов Европы. Данная демонизация, то есть, по И. Нойманну, представление субъекта врагом и чужаком на почве разной идентичности и разных ценностей [9, с. 45], спровоцировала обострение энергетического вопроса, в том числе в отношении «Северного потока». Поставки природного газа из России стали восприниматься как рычаг давления России на Европу, страдающую зависимостью от поставщиков энергетических ресурсов.

В-третьих, технические проблемы, связанные с эксплуатацией газопровода, спровоцировали Германию секьюритизировать вопрос энергетических связей с Россией. «Сегодня мы вынуждены констатировать: Россия использует

энергию как оружие. Никто ведь не верит в то, что Россия сокращает свои поставки газа исключительно по техническим причинам», — заявил 6 июля 2022 года канцлер ФРГ Олаф Шольц [10]. Оператор «Северного потока» сообщил о ремонте газоперерабатывающего агрегата 1 июля 2022 года. ПАО «Газпром» объявило, что июль — максимально приемлемый срок для амортизационных работ, так как еще не начат отопительный сезон. Однако развитие проекта «Северный поток» косвенно попало под влияние санкций: газовые турбины Siemens ремонтировались в Канаде и были арестованы как российская собственность. В результате данных событий прокачка по «Северному потоку» сократилась на 40%. На этом фоне начали звучать политические обвинения, доказывающие секьюритизацию данного проекта.

Таким образом, технические проблемы с турбиной «Северного потока» воспринимались правительством Германии как политический шаг Кремля, заставляющего сертифицировать другой газопровод, «Северный поток — 2», и смягчить санкционный режим в связи с конфликтом на Украине. Продолжалась демонизация России, пользующейся безвыходным положением Германии, в то время как для России остановка газопровода была лишь технической проблемой.

Даже после возвращения турбины из Канады в Германию благодаря двусторонним договоренностям Берлина и Оттавы, ситуация с работой «Северного потока» оставалась сложной. ПАО «Газпром» отказалось принимать турбину, сочтя изменение страны отправки нарушением контракта. Со 2 сентября 2022 года были остановлены все перекачивающие агрегаты газопровода. Официальная причина — критический износ и неисправности, несовместимые с эксплуатацией. В данной связи Германия предлагала использовать газопровод и его газопроводы-отводы для транспортировки сжиженного природного газа.

В сентябре 2022 года на трех нитках «Северного потока — 1» и «Северного потока — 2», заполненного техническим газом, было зафиксировано падение давления в магистрале. Россия и Германия тракуют данные события как диверсию, причем Россия отмечает, что главный бенефициар диверсии — США. Население Германии выступает за скорейший ремонт газопровода, этого же мнения придерживается партия «Альтернатива для Германии», совместно с партией «Левые» представляющая оппозицию, в то время как правительство Германии не видит будущего в энергетическом сотрудничестве с Россией. Таким образом, в Германии происходит поляризация мнений относительно данного газопровода. Тем временем правительство Германии рассматривает возможность отказа от сотрудничества с Россией и его замену поставками СПГ из Катара. Так, компания QatarEnergy заключила соглашение с американской фирмой ConocoPhillips о поставках СПГ в Германию в течение 15 лет, начиная с 2026 года [11].

События 2022 года показали изменение позиции Германии относительно проекта «Северный поток» с поддержки взаимовыгодного энергетического проекта до политизации газопровода и секьюритизации энергетических связей с Россией. Относительно взрыва газопровода позиции обеих стран совпали, однако проблемы расследования происшедшего и возможного ремонта объекта остаются нерешенными.

Заключение

Функционирование газопровода «Северный поток» на протяжении 10 лет, обеспечение с помощью него природным газом 26 млн европейских домохозяйств в год — признаки успеха реализации проекта, символ технического и экологического сотрудничества России и Европы на экономическом и энергетическом уровне несмотря на политические разногласия. Однако события 2022 года привели к секьюритизации данного проекта. Апогеем секьюритизации стал взрыв газопровода неизвестными лицами.

При исследовании проекта «Северный поток» можно наблюдать процесс секьюритизации вопроса энергетической безопасности Германии и Европы в целом как референтных объектов секьюритизирующими акторами, будь то представители ЕС, депутаты Бундестага, особенно от партии «Зеленые», политические деятели США. Долгосрочные контракты на поставки газа из России, приостановка поставок по «Северному потоку» в связи с ремонтом турбины летом 2022 г. в сочетании с обострением политической ситуации на Украине воспринимались перечисленными секьюритизирующими акторами как экзистенциальная угроза для Германии и Европы в целом.

Таким образом, на современном этапе мы наблюдаем переход позиции Германии относительно газопровода «Северный поток» из экономической плоскости в политическую, что подтверждает наши доводы о высокой секьюритизации данного вопроса в политическом дискурсе Германии. В то время как в российском дискурсе сохраняется тезис о сугубо экономическом и взаимовыгодном характере данного газопровода.

Библиография

1. Nord Stream — Energy to connect partners // Nord Stream AG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nord-stream.com/ru/> (дата обращения: 04.11.2022).
2. Конвенция ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. Принята 25 февраля 1991 года // Конвенции и соглашения ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 12.11.2022).
3. «Северный поток» в цифрах // Nord Stream AG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nord-stream.com/ru/proekt/stroitelstvo/> (дата обращения: 27.11.2022).

4. *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
5. *Якушина О.* Теория секьюритизации в международных отношениях. Часть 1 // Геополитика. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/teoriya-sekjuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1> (дата обращения: 27.11.2022).
6. В МИД Польши сравнили «Северный поток» с пактом Молотова — Риббентропа // РИА Новости. 27.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952488.html> (дата обращения: 02.12.2022).
7. *Jensen V. W.* Germany in the New Europe: German-Russian Relations in European and Transatlantic Perspective. Oslo: Norwegian Institute for International Affairs, 2013. 65 p.
8. *Гудков И. В.* Третий энергетический пакет Европейского союза // Нефть, газ и право. 2010. № 3. С. 58–66.
9. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
10. *Васильева М.* С газа на газ: в Германии опасаются полной остановки «Северного потока» // Известия. 12.07.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1363212/mariia-vasileva/s-gaza-na-gaz-v-germanii-opasaiutsia-polnoi-ostanovki-severnogo-potoka> (дата обращения: 27.11.2022).
11. Катар будет поставлять СПГ в Германию по долгосрочному контракту // ВФМ. ru. 29.11.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/514008> (дата обращения: 27.11.2022).

Карпушева Виктория Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИКЕ ИСЛАНДИИ КАК МАЛОГО ГОСУДАРСТВА

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL SECURITY IN ICELANDIC POLICY AS A SMALL STATE

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить роль экологической безопасности в политике Исландии на современном этапе. Отличительной чертой исследования является применение теории малых государств в сочетании с аналитическим подходом. Исландия, как удалось установить, является наглядным примером для рассмотрения влияния потребности в экологической безопасности на внутреннюю и внешнюю политику данного государства. В ходе исследования было установлено, что экологическая безопасность играет для Исландии исключительную роль с точки зрения национальных ценностей и специализации страны на мировой арене, что позволяет сделать более общий вывод о стремлении малых государств к признанию через формирование имиджа и специализации.

Ключевые слова: экологическая безопасность, политика Исландии, теория малых стран, аналитический подход, рамочная программа «Благосостояние будущего».

Abstract. This article aims at defining the role of environmental security in Icelandic policy at its present stage. A distinctive feature of the study is the application of the theory of small states in combination with an analytical approach. Iceland, as it was found, is a good example for considering the impact of the need for environmental security on the domestic and foreign policy of this state. The study shows that environmental security plays an exceptional role for Iceland in terms of national values and the country's specialization on the world stage, which allows us to draw a more general conclusion about the desire of small states to be recognized through image formation and specialization.

Keywords: environmental security, Icelandic policy, small states theory, analytical approach, "Welfare for the Future" framework.

Введение

С 70-х годов XX века изменение климата и возрастание числа экологических угроз все чаще являются предметом научных и общественных дискуссий. Экологические проблемы стали неотъемлемой частью современного

политического дискурса как на международной арене, так и в отдельно взятых государствах. В связи с этим все больше внимания уделяется вопросам не только «жесткой», но и «мягкой» безопасности, в которую входит понятие экологической безопасности. Устойчивое развитие как концепция обращается к данной проблематике и является возможным путем достижения экологической безопасности. Осознавая необходимость координации усилий по представленному вопросу, государства вынуждены проводить собственную политику и взаимодействовать на международных площадках.

Однако, будучи малым государством, Исландия не является системообразующим элементом системы международных отношений и не может влиять на нее полноценно. Тем не менее, с присущим малым государствам стремлением усилить свое положение за счет специализации или получения определенного статуса, Исландия глубоко интегрировала понятие экологической безопасности в собственную политику и сделала ее своим брендом на международной арене.

Изучение роли экологической безопасности в политике данного государства, следовательно, становится актуальным с точки зрения понимания стратегий малых государств в отношении их внутривнутриполитического развития и внешнеполитического влияния. Кроме того, опыт Исландии в сфере экологической безопасности является актуальным примером для повышения эффективности проведения собственных политик подобного типа другими государствами. Также в контексте новизны исследования можно сказать, что степень изученности роли экологической безопасности в политике Исландии как на государственном, так и на международном уровне минимальна: среди зарубежных исследований можно отметить лишь несколько статей на подобную тематику, среди которых работа Нокс-Хейза Джанелль, Шекхар Чандра, Чона Чжонву о роли ценностей в формировании устойчивого развития Исландии [1].

Таким образом, наше исследование посвящено определению роли экологической безопасности в политике современной Исландии как малого государства. Для достижения данной цели мы, во-первых, определяем внутривнутриполитические стратегии Исландии для достижения экологической безопасности и, во-вторых, оцениваем влияние внутривнутриполитических процессов на данном треке на внешнеполитическую активность Исландии как малого государства.

Теоретическая рамка исследования

Для решения поставленных задач мы опираемся на теорию малых государств, которым является Исландия по ряду факторов (сравнительно небольшие территории, население, экономика и военные ресурсы). Данная теория основывается на следующих базовых суждениях [2], которые будут использоваться в представленной работе.

Во-первых, малые государства являются более слабыми участниками асимметричных властных отношений, слабость их проявляется в невозможности существенно изменить эти отношения. Данная формулировка не поддается сомнению, так как по объективным причинам Исландия не является лидером ни в регионе, ни в мире, что во многом обуславливает ее зависимое положение в отношениях с партнерами и сравнительно малое влияние в региональных организациях.

Во-вторых, малые государства могут увеличить свое влияние на международной арене, выработывая внутреннюю специализацию и формируя положительный имидж — здесь ключевым для нас становится вопрос, насколько стратегии Исландии в отношении устойчивого развития и экологической безопасности формируют имидж страны на международной арене. Передовые работы, например, совместная статья У.К. Уолфорта, Б. де Карвалью, Х. Лейра, И.Б. Нейманна, по этой теории также представляют идею, что часть малых государств может стремиться к статусу и признанию через упомянутые инструменты [3].

В-третьих, для малых государств, как правило, свойственно больше внимания уделять «мягкой» безопасности и сотрудничать по данным вопросам в рамках региональных и международных организаций.

Кроме того, в данном исследовании используется аналитический подход к принятию внешнеполитических решений в международных отношениях. Последователи аналитического подхода говорят о первостепенном влиянии внутриполитического фактора, то есть утверждают, что источник принятия внешнеполитического решения находится внутри страны и определяется политической системой государства, характеристикой политического лидера и прочими внутренними факторами.

По нашему мнению, Исландия является примером страны, чья внутриполитическая и внешнеполитическая деятельность сформирована в результате работы правительственных организаций, которые, в свою очередь, базируются на нуждах и особенностях государства. Во многом политика устойчивого развития Исландии диктуется теми условиями и вопросами, которые наиболее важны для дальнейшего развития страны и поддержания экологической безопасности, и Исландия использует полученный в результате внутриполитической деятельности опыт на международном уровне. Д. А. Ланко в своей статье «Аналитический и системный подходы в исследовании международных отношений» утверждает, что «малые страны», какой и является Исландия, основывают свои внешнеполитические действия на внешних факторах, то есть подчиняются системному подходу [4]. Однако при рассмотрении кейса экологической безопасности и специализации подобный паттерн не работает. Достиже-

ние устойчивого развития возможно лишь при учетывании особенностей отдельной страны и проведении подобных политик под эгидой программ, разработанных на уровне государства (а не международных организаций, например, ООН), ввиду уже упомянутой специфики круга проблем, которые необходимо решить в данном государстве, и инструментов, которые имеются лишь у государственных структур. В рамках нашего исследования мы сконцентрируемся на аналитическом подходе и рассмотрим, каким образом внутренняя политика Исландии в рамках устойчивого развития и поддержания экологической безопасности определяет действия государства на международной арене.

Национальная стратегия «Благосостояние будущего»

В 1992 году после Саммита Земли странам-участницам было предложено разработать такие национальные и региональные политики или проекты по сотрудничеству в рамках концепции устойчивого развития, которые соответствовали бы особенностям ситуации и общества в отдельном случае. Предполагалось, что учетывание особенностей страны позволило бы обеспечить осуществление политики в данном направлении наиболее эффективно. В 1997 году на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН странам было предложено завершить разработку собственных стратегий к десятой годовщине Конференции в Рио, то есть к 2002 году.

Правительство Исландии, как и правительства многих других стран, приступило к разработке национальной стратегии устойчивого развития. В результате упорной работы в 2002 году Исландия представила собственную стратегию устойчивого развития «Благосостояние будущего» (*Welfare for the Future*). Широта вопросов, которые рассматриваются в концепции, создает трудности в измерении и внедрении в эксплуатацию представленных идей. Обусловлено это тем, что устойчивое развитие не может быть представлено как конкретная конечная точка или цель, это постоянно развивающийся процесс договоренностей внутри одного общества и между несколькими обществами [1].

Сив Фридлейфсдоттир, занимавшая тогда пост министра по окружающей среде, делала акцент на том факте, что стратегия должна быть гибкой и динамичной для того, чтобы успешно подстраиваться под изменения условий и настроений в обществе, именно поэтому данная стратегия должна стать основой не только для действий правительства, которому, несомненно, она и адресована в большей степени, но и примером для всего общества в целом [5]. Поэтому стратегия «Благосостояние будущего» должна рассматриваться как рамочная программа, но не четкий план действий с обозначенными временными рамками.

Рассмотрение стратегии мы начнем с обозначения круга проблем, с которыми сталкивается исландское общество и правительство. Это и овертуризм, и истощение природных ресурсов, например, геотермальных источников, и загрязнение моря, и угрозы стихийных бедствий, и многое другое. Обозначенные нами сферы имеют огромное влияние на благополучие страны и напрямую связаны с экологической безопасностью, ибо экономика Исландии опирается на туризм и рыболовство, которые в свою очередь обеспечиваются состоянием окружающей среды. Необходимость подобной стратегии объясняется тем фактом, что важность природы Исландии для ее экономики постоянно растет, что касается также и развивающегося туристического сектора. Конечно, термин «благополучие», используемый в названии стратегии, относится не только к экономической сфере, но и к более широкому понятию качества жизни. Человеческое вмешательство в экосистему может иметь непредсказуемые последствия и создать большие проблемы для будущих поколений. Поэтому крайние сроки реализации стратегии обозначили 2020 годом.

Анализ целей стратегии «Благополучие будущего» позволяет нам сделать вывод, что правительство Исландии делало большой упор на внедрение новых законодательств на территории страны, подробное изучение и мониторинг состояния среды, введение всевозможных новых технологий для совершенствования даже тех областей, проблем в которых не наблюдается [5]. Более того, важным аспектом во многих вопросах стало международное сотрудничество для достижения более высоких результатов, а также Исландия была намерена делиться достигнутыми результатами и опытом с другими странами.

Проектная деятельность на внутривластном уровне

Отслеживание результатов деятельности в рамках стратегии затрудняется отсутствием четких целей в самом документе. Тем не менее, считаем важным рассмотреть часть проектов, которые были реализованы в рамках «Благополучия будущего».

Рассмотрим для начала три национальных парка Исландии, поддержка которых осуществляется в целях поддержания экологического наследия страны. Национальный парк Тингведлир получил статус национального парка [6] и был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2004 году. В сентябре 2005 года было выпущено Положение о защите и управлении парком, где четко прописано, что при национальном парке должна быть создана Комиссия Тингведлира, которая отвечает за следующие функции: 1) сохранение облика национального парка и поддержание его первоначальных особенностей и дикой природы; 2) содействие сохранению озера Тингведлир

и его биоты; 3) руководство работами по развитию национального парка, и т.д. [7]. За несоблюдение правил предусмотрены санкции вплоть до тюремного заключения, что позволяет сохранять первозданный облик парка.

Еще одним примером является Национальный парк Ватнайёкюдль. Как и Тингведлир, парк Ватнайёкюдль находится в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО (внесен в 2019 году). Парк был основан в 2008 году. В организации его работы также соблюдаются особые принципы, заложенные стратегией «Благосостояние будущего». Администрация парка стремится минимизировать экологический след, руководствуясь следующими принципами: 1) переработка максимального объема мусора и отходов; 2) использование экологически чистого транспорта на территории парка; 3) использование только перерабатываемых ресурсов в работе; 4) застройка ведется только экологически чистыми методами; 5) следование стандартам экологии, включая качество воды и канализации, и т.д. [8].

Национальный парк Снайфедльсйёкюдль — третий национальный парк Исландии, был основан в 2001 году, также базируется на принципах, характерных для ранее упомянутых национальных парков. Целью его создания является защита и сохранение уникального ландшафта местности, местной флоры и фауны, а также важных исторических реликвий. Защита экологии и сохранение геологических особенностей парка стоит на первом месте, что коррелирует с целями национальной стратегии устойчивого развития. Подобный подход к сохранению уникальной биоты Исландии говорит об осознании важности подобных природных образований как для социальной, так и для экономической сферы жизни страны, так как туристическая сфера в последние годы активно развивается, что грозит разрушением биоты вследствие овертуризма.

Также в Исландии есть такое понятие, как охраняемые государством территории. Они могут быть признаны важными из-за ландшафта, флоры или фауны. Подобный статус территории накладывает ограничения на ее развитие и публичный доступ к ней [9]. Например, природный заповедник Сюртсей, который внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2008 году, закрыт для посещения туристами и тщательно охраняется государством. А природный заповедник Ходнстрандир открыт для посетителей с определенными ограничениями, но в нем существенно ограничена возможность строительства и развития территорий. Оба этих заповедника находятся под защитой от деятельности человека для сохранения первоначального облика, что отмечалось как одна из целей стратегии устойчивого развития.

Еще одним ярким успехом этой стратегии стала активизация использования возобновляемых источников энергии в Исландии. На 2002 год в Исландии около 70% источников энергии были возобновляемыми, к дека-

брю 2015 года Халла Хрюнд Логадоттир сообщает о почти 100% используемых возобновляемых источников [10]. Возобновляемые источники используются для совершенно разных нужд, от отопления и электроснабжения до целых отраслей промышленности. Единственным исключением является транспорт, который работает на ископаемом топливе [10]. Такой прогресс позволяет нам говорить о прорыве в этой области, к тому же за такой короткий промежуток времени. Опыт Исландии в энергетической сфере является уникальным, и его распространение также поощряется государством. Как отмечает Логадоттир, с 1979 года более 1000 специалистов из разных стран прошли обучение по геотермальной энергетике в Рейкьявикском университете [10]. В нынешних условиях вопросы центрального отопления стоят очень остро, а опыт Исландии является особенно важным для тех регионов Европы, где возможно отопление с помощью геотермальных систем.

Мы считаем, что несмотря на существующие в Исландии трудности и ошибки, динамика в сторону достижения устойчивого развития является положительной, обилие крупных и мелких проектов говорит о том, что все уровни власти интегрированы в достижение цели, дальнейшее внимание и мониторинг позволят Исландии наиболее эффективно вести политику на этом треке.

Деятельность в международных организациях

Говоря о внешней политике Исландии, рассмотрим ее участие в двух региональных организациях: Арктическом совете и Северном совете. Выбор именно этих организаций связан с тем, что в них Исландия может иметь большее влияние как член организации и имеет особые интересы из-за непосредственной связи с регионом.

В деятельности Арктического совета Исландия участвует с момента его основания в 1996 году. Страна занимала пост председателя организации дважды: в 2002–2004 и 2019–2021 годах. Первый срок председательства не обозначился особыми предложениями по программе председательства. Помимо традиционных элементов повестки дня (изменение климата, борьба с загрязнением окружающей среды, биоразнообразие, человеческий капитал), Исландия проводила работу по образовательному сотрудничеству стран Арктики, взаимодействию между Арктическим советом и ЕС [11].

С точки зрения устойчивого развития более интересно второе председательство Исландии, в 2019–2021 году. Министр иностранных дел Гудлаугур Тордсарсон в 2018 году заявил, что основой этого председательства станет устойчивое развитие. Программа председательства носила название «Вместе к устойчивой Арктике» и делала акцент на устойчивом развитии и кооперации между государствами и народами региона.

Как утверждает В. В. Дзюбан, Исландия очень серьезно относится к «личному» месту в Арктическом совете и старается как можно больше увеличить роль организации в развитии региона [12]. Достижением является принятие Стратегического плана Арктического совета на 2021–2030 гг. Однако ввиду пандемии COVID-19 председательство Исландии прошло менее успешно, чем могло бы. Несмотря на это, в Программе Исландии отчетливо прослеживается приверженность идеям устойчивого развития.

Сравнение идейных составляющих программ первого и второго председательства позволяют сделать вывод, что за период между двумя председательствами в Исландии начали придавать большее значение устойчивому развитию как одному из направлений внешней политики. Мы считаем, что подобная Программа 2019–2021 гг. сформировалась в результате внутривнутриполитических причин, а именно из-за большой сосредоточенности внутренней политики на устойчивом развитии, наличии множества программ, стратегий и законов, регулирующих эту область. Можно сказать, что это и повлияло на формулирование целей председательства Исландии 2019–2021 гг. в Арктическом совете, а так как Программа затрагивает различные аспекты, начиная от экологии и заканчивая экономическими возможностями, можно сделать вывод, что для ее формулирования привлекались различные министерства, совместная работа которых и отразилась на финальном варианте документа.

В качестве второго примера рассмотрим Северный совет. Северный совет является организацией, координирующей сотрудничество между парламентами стран Северной Европы. Исландия является одной из основательниц Совета, который был сформирован в 1952 году. В организации Исландия имеет 7 мест из 87, что говорит о не слишком сильной позиции страны в Совете. Интерес представляет деятельность Исландии в Совете министров северных стран, который является форумом для сотрудничества правительств скандинавских стран. Исландия возглавляла Совет министров северных стран в период с 2002 по 2020 гг. четыре раза: в 2004, 2009, 2014 и 2019 гг. Обзор трех доступных программ позволяет нам сделать вывод, что идеи устойчивого развития активно продвигаются Исландией в рамках Совета министров северных стран. Представительство в данной организации является важным для Исландии по причине исторической и географической близости к региону, поэтому Исландия стремится иметь достойные позиции в Северном совете. Продвижение целей устойчивого развития в организации говорит как о важности этого направления для самой Исландии, так и для всего региона в целом.

Также можно проанализировать программу председательства Исландии в 2023 году, которая, несмотря на то, что фокус мировой политики сосре-

точен на событиях украинского кризиса, концентрирует внимание в первую очередь на «зеленых» аспектах североευропейской политики [13]. Особенно примечательно данное выделение экологической повестки в связи с названием программы «Северный регион — сила мира», что очевидно отсылает к беспокойной обстановке в европейском регионе. Как нам представляется, подобное выдвижение на первый план именно «зеленого» Севера больше, чем конкурирующего и социально стабильного региона, позволяет говорить об исключительной ценностной важности «зеленых» идей для развития как Исландии, так и Северной Европы.

Заключение

В целом, можно сделать вывод о том, что с 2000-х гг., по мере внедрения политики устойчивого развития, роль этой концепции в Исландии только возрастала, что демонстрируется высокими показателями в международных рейтингах и большим количеством местных инициатив. Исландия — страна, глубоко интегрированная в культуру устойчивого развития и сделавшая ее своей визитной карточкой.

Однако важнейшим выводом является то, что экологическая безопасность имеет большое значение для политики Исландии как на локальном, так и на международном уровне. Успешное решение проблем экологической безопасности и противостояние угрозам для поддержания имеющегося уровня во внутренней политике Исландии становится специализацией страны, формирует ее имидж как передового государства в вопросах устойчивого развития. Решения во внешней политике на данном треке, таким образом, мотивируются внутренними нуждами государства по обеспечению «мягкой» безопасности и созданию статуса ролевой модели для других государств в отношении устойчивого развития. Можно прийти к общему выводу, что такое малое государство, как Исландия, может добиться большей субъектности на международной арене, развивая и реализуя передовые меры по обеспечению невоенной безопасности, что становится примером для других государств и, соответственно, повышает статус и признание малого государства как актора. Это, в свою очередь, побуждает малое государство умножать усилия для решения данных проблем, позволяя стране продолжать модернизацию в рамках собственной специализации и повышать свой статус.

Библиография

1. Knox-Hayes J., Chandra S., Chun J. The role of values in shaping sustainable development perspectives and outcomes: A case study of Iceland // Sustainable Development. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 363–377.

2. *Thorhallsson B.* Studying small states: A review // *Small States & Territories*. Vol. 1. No. 1. P. 17–34.
3. *Wohlforth W.C., Carvalho B. de, Leira H., Neumann I.B.* Moral authority and status in International Relations: Good states and the social dimension of status seeking // *Review of International Studies*. 2018. Vol. 44. No. 3. P. 526–546.
4. *Ланко Д. А.* Аналитический и системный подходы в исследовании международных отношений // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2011. № 4. С. 76–84.
5. *Welfare for the Future. Iceland's National Strategy for Sustainable Development // Government of Iceland*. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.is/publications/reports/report/2002/09/18/Welfare-for-the-Future/> (дата обращения: 26.01.2023).
6. *Act on the Thingvellir National Park No 47/2004 // Government of Iceland*. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.is/publications/legislation/lex/2018/11/19/Act-on-the-Thingvellir-National-Park-No-47-2004/> (дата обращения: 16.11.2022).
7. *Regulation on the Thingvellir National Park, its protection and management // Thingvellir National Park [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.thingvellir.is/en/administration/rules-and-regulations/> (дата обращения: 16.11.2022).
8. *Sustainability/Environment // Vatnajokull National Park [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.vatnajokulsthjodgardur.is/en/about-us/vatnajokull-national-park/sustainabilityenvironment> (дата обращения: 16.11.2022).
9. *Protected Areas // Umhverfisstofnun [Электронный ресурс]*. URL: <https://ust.is/english/visiting-iceland/protected-areas/> (дата обращения: 16.11.2022).
10. *Логadóуттир Х.Х.* История перехода к возобновляемым источникам энергии в Исландии: пример для всего мира? // *Хроника ООН [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22094> (дата обращения: 16.11.2022).
11. *Сахаров А. Г.* Развитие Арктического совета как «института регионального управления» // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10. № 4. С. 72–92.
12. *Дзюбан В. В.* Арктическая политика Исландии // *Архонт*. 2020. № 3(18). С. 4–9.
13. *The Nordic Region — A Force for Peace Programme for the Icelandic Presidency of the Nordic Council of Ministers 2023 // Nordic Council of Ministers [Электронный ресурс]*. URL: <https://pub.norden.org/politiknord2022-741/politiknord2022-741.pdf> (дата обращения: 26.01.2023).

Луценко Анастасия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ШОТЛАНДСКИЙ СЕПАРАТИЗМ КАК УГРОЗА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

SCOTTISH SEPARATISM AS A THREAT TO UK ENERGY SECURITY

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема энергетической безопасности в Великобритании и какую роль в ней играет шотландский сепаратизм. Целью настоящего исследования является оценка степени угрозы, которую представляет шотландский сепаратизм для энергетической сферы Великобритании. Влияние шотландского сепаратизма на энергетическую сферу еще мало изучено, в данной статье уделяется внимание именно этому вопросу. Изучив, как шотландский сепаратизм изменялся с 2014 года, автор делает вывод о том, что шотландский сепаратизм представляет собой большую угрозу энергетической безопасности Соединенного Королевства.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Шотландия, сепаратизм, Брексит, энергетический кризис.

Abstract. This article examines the problem of energy security in the UK, and what role Scottish separatism plays in it. The purpose of this study is to assess the degree of threat that Scottish separatism poses to the UK energy sector. The impact of Scottish separatism on the energy sector has not been studied much yet, this article pays special attention to this issue. Having studied how Scottish separatism has changed since 2014, the author draws conclusions about whether it poses a greater threat to the UK's energy security.

Keywords: energy security, Scotland, separatism, Brexit, energy crisis.

Введение

В последние годы становится все сложнее поддерживать энергетическую безопасность. Ресурсы истощаются, импортеры энергоносителей уходят с рынка, на фоне внешних причин возникают экономические кризисы — все это подрывает энергетическую безопасность государств. Иногда же источники угроз могут находиться и внутри страны. Нестабильность в обществе, рост национализма и сепаратизма, свойственные европейским государствам в последние несколько лет, угрожают не только целостности страны, но и ее стабильности и безопасности, в том числе энергетической. Все это обуславливает актуальность данного исследования.

Целью настоящего исследования является оценка уровня угрозы, которую шотландский сепаратизм представляет для энергетической безопасности Великобритании.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Оценить, насколько сильно британская энергетика пострадала от энергетического кризиса в Европе 2021–2022 годов.
2. Определить, сколько первичной энергии потребляется в Великобритании, а также сколько первичной энергии производится в Великобритании в общем и в Шотландии в частности, и высчитать, какой процент от всех объемов производства первичной энергии в Великобритании приходится на Шотландию.
3. Проанализировать, насколько высока угроза выхода Шотландии из состава Великобритании.

На тему шотландского сепаратизма было написано много статей, диссертаций и научных трудов, которые затрагивают различные аспекты данного вопроса: экономические, политические, культурные и т.д. Однако влияние сепаратизма на энергетику Великобритании исследуется очень мало. Данная проблема недостаточно разработана, комплексных исследований по ней ранее не проводилось. Научная новизна данной работы определяется тем, что ранее проблема шотландского сепаратизма не рассматривалась в контексте его влияния на энергетическую безопасность Великобритании.

Подходы к изучению проблемы энергетической безопасности

Современные исследования энергетической безопасности являются частью теорий международной безопасности. Можно выделить три основные теории, в рамках которых исследуется проблема энергетической безопасности: неореализм, неолиберализм и конструктивизм [1].

Неореализм является одной из самых влиятельных теорий в исследовании энергетической безопасности. Рассматривая международные отношения как хаос, в котором государства вынуждены постоянно наращивать свою мощь, неореалисты считают, что неизбежны конфликты между государствами за доступ к энергоресурсам, которые хотя и могут не перейти в открытую фазу, однако будут проявляться в постоянном наращивании военной мощи. Поэтому многие исследователи-неореалисты уверены, что борьба за энергоресурсы приведет к росту насилия: в первую очередь эскалация локальных конфликтов, регионального противостояния и, возможно, даже глобального. «Ресурсный национализм» можно считать доказательством идей неореализма, он представляет собой усиление контроля за добычей природных ресурсов со стороны государства, что, в свою оче-

редь, приводит к усилению его позиций на мировой арене [2]. В таком случае энергоресурсы могут выступать в качестве рычагов давления на другие государства со стороны добывающих стран.

Приверженцы неолиберализма же считают, что рыночные силы определяют расстановку сил и то, как будут дальше развиваться энергетические отношения. Они уверены, что с наличием мирового свободного рынка риск применения «нефтяного оружия» опускается почти до нуля, так как ни одно государство не сможет осуществлять контроль за ценообразованием, так что государства не смогут давить друг на друга различными экономическими ограничениями. Мирное сотрудничество стран может обеспечить, например, глобальный нефтяной рынок. По мнению неолибералов, глобальный рынок энергоносителей может также сдерживать вооруженные конфликты. Согласно неолиберальной теории большая роль отводится институтам, под которыми понимаются различные структуры, регулирующие взаимодействие акторов. Еще одним основным тезисом неолиберальной теории является заинтересованность в сотрудничестве стран-импортеров и стран-экспортеров энергоресурсов [2].

Помимо неореализма и неолиберализма набирает популярность конструктивистская теория. Она основывается на представлении политических процессов не объективной реальностью, а восприятием, которое появилось в определенных условиях под влиянием определенных факторов. Большую роль в конструктивистском представлении безопасности играет концепция «секьюритизации», которая утверждает, что идентификация чего-либо как угрозы дает правительству возможность принимать меры для защиты общества от этой угрозы. Конструктивизм в рамках энергетической безопасности изучает связь между восприятием определенных событий как энергетической угрозы и выстраиванием политики вокруг этого [3].

В нашем исследовании будет использоваться неореалистский подход, так как шотландский сепаратизм может рассматриваться как эскалация локального конфликта на фоне борьбы за энергоресурсы. Помимо этого, в связи с ростом националистических настроений в Шотландии можно наблюдать зарождение «ресурсного национализма», который может использоваться как рычаг давления на остальную Великобританию.

Влияние энергетического кризиса на Великобританию

Во второй половине 2021 года Европа столкнулась с энергетическим кризисом, который начался с резкого роста цен на газ. Падение предложения сжиженного газа, переход европейских стран на зеленую энергетику и последующее снижение добычи газа, восстановление экономики после пандемии привели к росту цен на газ более чем в три раза в период с января

по сентябрь 2021 года. Данная проблема ударила по таким странам Европейского союза, как Франция, Испания, Италия, Греция, Португалия, Германия и др., а также по Великобритании [4].

Также на энергетическую безопасность Европы повлияло начало специальной военной операции. Введя санкции против российских компаний, поставляющих энергоносители, европейские государства потеряли экспортеров доступного топлива. Отказ от запуска работы «Северного потока — 2», сокращение и последующее прекращение поступления газа по «Северному потоку — 1» привели к очередной волне роста цен на газ.

Помимо вышеперечисленных, еще одной причиной увеличения цен на газ можно назвать аварии на предприятиях по добыче и транспортировке энергии. С подобной проблемой Великобритания столкнулась в сентябре 2021 года, когда из-за пожара на подстанции вышел из строя один из энергомоств, передающий в Британию избыточную генерацию с континента.

Помимо этого, рост цен на газ привел к продовольственному кризису в Великобритании, подорожанию продуктов питания и росту недовольства среди населения. Таким образом, энергетический кризис повлиял на Великобританию сильнее, чем на страны Европейского союза.

Стоит рассмотреть, какое влияние оказало на Великобританию снижение предложения российских энергоносителей на рынке после начала специальной военной операции. В 2021 году доля российского газа составила 4% от всего потребляемого газа в Великобритании, доля российской нефти составила 9% от всей потребляемой нефти в стране, доля российского угля составила 27% от всего потребляемого угля в Соединенном Королевстве [5].

Чтобы понять, насколько сильно британская энергетика зависела от российских энергоносителей, стоит также рассмотреть, какую долю газ, нефть и уголь составляют от всего объема потребления различных видов первичной энергии в Великобритании. Согласно статистическому управлению Соединенного Королевства, в 2021 году потребление газа составило 43% от всей потребляемой первичной энергии в стране, потребление нефти — 32% от всей потребляемой первичной энергии, потребление угля — 3% от всей потребляемой первичной энергии. По 11% от всей потребляемой первичной энергии приходится на биоэнергетику и атомную энергию [6].

Теперь можно рассчитать, сколько процентов от всей потребляемой первичной энергии в Великобритании составляют российские газ, нефть и уголь. 4% российского газа от 43% всей потребляемой первичной энергии в стране составляет 2% от всей потребляемой первичной энергии в стране. 9% российской нефти от 32% всей потребляемой первичной энергии в стране составляет 3% от всей потребляемой первичной энергии в стране. 27% рос-

сийского угля от 3% всей потребляемой первичной энергии в стране составляет 1% от всей потребляемой первичной энергии в стране.

Таким образом, доля российских энергоносителей составляет лишь 6% от всей потребляемой в Великобритании первичной энергии. Из этого можно сделать вывод, что Великобритания была не сильно зависима от российских энергоносителей.

Чтобы определить, способна ли Великобритания сама обеспечивать себя энергией, стоит обратиться к данным о том, какую долю энергии страна импортирует. Так, в 2021 году 57% потребляемого газа было импортировано, в том же году государство импортировало 25% потребляемой нефти и 49% потребляемого угля [6]. Таким образом, 38% потребляемой энергии в Великобритании было импортировано из других стран [6]. Следовательно, Великобритания способна обеспечивать себя энергией более чем наполовину.

Добыча первичной энергии в Шотландии

Великобритания сама активно добывает и производит различные виды первичной энергии. Так, на 2021 год 42% от всего объема производства приходилось на нефть, 29% — на газ, 16% составили возобновляемые источники энергии и атомная энергия, 12% — биоэнергия и всего 1% от производства приходилось на уголь.

Шотландия вносит большой вклад в это производство. Так, например, в 2019 году доля нефти и газа, добытых в Шотландии, составляла 82% от общего объема добытых в стране нефти и газа [7]. Если учесть, что в 2019 году процент нефти и газа, добытых в Великобритании, составлял 73% от всей добычи первичной энергии в стране, то можно высчитать, сколько процентов от всей добытой энергии составляют нефть и газ, добытые в Шотландии [8]. Получается, что шотландские нефть и газ составляют 60% от энергогенерации в Великобритании.

Однако, помимо нефти и газа, в Шотландии активно вырабатывают возобновляемую энергию. В 2020 году 62% от всей произведенной в Шотландии энергии было добыто из возобновляемых источников [9]. В том же году Шотландия почти приблизилась к цели, которая была поставлена еще в 2011 году — добиться генерации электроэнергии из возобновляемых источников, которая бы покрывала потребности 100% электросетей. У Шотландии показатель достиг 98%.

Процент возобновляемой энергии, произведенной в Великобритании, составлял 26% от всей произведенной энергии в 2019 году [10]. В свою очередь, объем всей произведенной в Великобритании возобновляемой энергии в 2019 году составил 119,3 ТВт·ч [11], а объем всей произведенной в Шотландии возобновляемой энергии в 2019 году составил 30,5 ТВт·ч [11]. Из этого

можно подсчитать, что произведенная в Шотландии возобновляемая энергия составляет 26% от всей произведенной в Великобритании возобновляемой энергии. Таким образом, проведя расчеты, мы можем сказать, что доля шотландской возобновляемой энергии от числа общей произведенной энергии в стране составляет 6%. Следовательно, в 2019 году на долю Шотландии пришлось 66% от всей произведенной в Великобритании первичной энергии.

Если Шотландия решит провозгласить независимость и отделиться от Соединенного Королевства, это сильно повлияет на энергетику страны, так как она потеряет регион, на территории которого добывается больше половины первичной энергии. Вероятность такого развития событий крайне высока.

Сепаратизм в Шотландии после 2014 года

В сентябре 2014 года в Шотландии был проведен референдум по вопросу о независимости региона. Его результаты показали, что процент жителей Шотландии, выступающих за отделение от Великобритании, довольно высок — 45% избирателей проголосовали за независимость региона [12]. Разрыв между сторонниками и противниками независимости составил всего лишь 10%.

Ситуация обострилась после референдума о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза в июне 2016 года. По его результатам 52% избирателей проголосовали за выход из ЕС, после чего был запущен процесс Брекзита [13]. Шотландия оказалась единственным регионом, в котором во всех графствах большинство голосов было отдано за то, чтобы остаться в составе ЕС. На фоне Брекзита был замечен рост националистических и сепаратистских настроений в регионе.

Помимо того, что жители Шотландии были недовольны результатами референдума, неспособность Консервативной партии претворить в жизнь проект о выходе из Евросоюза лишь усугубляла ситуацию. Еще одним фактором, повлиявшим на рост сепаратистских настроений в регионе на фоне Брекзита, стоит указать экономический кризис, в котором оказалась страна. Из-за Брекзита пострадали экспорт и импорт из Евросоюза, было замечено падение ВВП, произошел отток рабочей силы, жители страны даже столкнулись с дефицитом продуктов — все это лишь ухудшало ситуацию в регионе и провоцировало волнения [14].

Экономический кризис на фоне Брекзита усугубился после начала пандемии COVID-19. Экономика всего мира пострадала от пандемии, и Великобритания не стала исключением. Среди экономических последствий периода пандемии можно выделить падение ВВП, а также рост инфляции и безработицы [15].

Однако помимо экономической сферы пандемия также повлияла на политическую жизнь и страны, и региона. Политика Бориса Джонсона,

направленная на борьбу с распространением коронавируса, оказалась неэффективной и непоследовательной. Особенно это было заметно на фоне успешного управления ситуацией в Шотландии Николой Стерджен — лидером Шотландской национальной партии (ШНП) и первым министром Шотландии. Шотландия продемонстрировала меньший уровень смертности, чем Англия, так как шотландское правительство не спешило смягчать противокоронавирусные меры. Помимо этого, правительство Шотландии поддерживало уязвимые слои населения в тяжелый период. Оно учредило Фонд помощи местным сообществам, из которого было выделено 350 миллионов фунтов стерлингов на помощь советам, благотворительным организациям, предприятиям и общественным группам, чтобы путем сокращения бюрократической нагрузки они могли эффективно заниматься своими обязанностями, помогая людям, которые стали нуждаться в этом в условиях коронавирусных ограничений [16].

Многочисленные ошибки Бориса Джонсона привели к падению его авторитета как во всей Великобритании, так и в Шотландии. С другой стороны, эффективная самостоятельная политика борьбы с распространением вируса COVID-19 под руководством Николы Стерджен показала, что Шотландия может справляться с кризисными ситуациями без опоры на Англию. Это лишь укрепило сепаратистские идеи среди шотландского населения.

Доказательство роста сепаратистских настроений в регионе мы можем заметить как в опросах населения, так и по результатам последних выборов в Шотландский парламент. Так, исходя из данных опросов What Scotland Thinks от ScotCen, сразу после Брексита большинство опрошенных отвечали, что в случае еще одного референдума о независимости проголосовали бы за независимую Шотландию.

После этого на протяжении нескольких лет большинство опрошенных отвечали, что выступают против отделения региона, а разница между проголосовавшими «за» и проголосовавшими «против» варьировалась от 20% до 1%, но в среднем держалась на уровне 7–8%. Сразу после избрания Бориса Джонсона на пост премьер-министра Соединенного Королевства снова был замечен рост числа сторонников независимости [17].

В период с июня 2020 г. по апрель 2021 г. среди опрошенных преобладает мнение о необходимости независимости региона. Именно летом 2020 года стало очевидно, что политика Бориса Джонсона по борьбе с коронавирусом не дает должных результатов, в отличие от стратегии Николы Стерджен.

Начиная с осени 2021 года и до ноября 2022 года наблюдается постоянная смена лидирующего мнения с разницей в процентах между ответами не более 5%, что говорит о том, что ситуация в шотландском обществе не стабильная. В опросах после ноября 2022 года, когда стало известно,

что Верховный суд Великобритании отказал Шотландии в праве провести новый референдум о независимости, с разрывом в среднем 7% большинство выступает за отделение от Соединенного Королевства.

Еще одним показателем роста сепаратистских идей в обществе могут служить последние выборы в Шотландский парламент в мае 2021 года. На них Шотландская национальная партия вместе с поддерживающей независимость Шотландской партией зеленых смогли получить 72 мандата (64 у ШНП и 8 у «Зеленых») из 129. Таким образом, большинство в парламенте принадлежит сторонникам независимости региона.

Первый министр Шотландии Никола Стерджен во время своего пребывания на посту предпринимала попытки добиться проведения еще одного референдума о независимости Шотландии. В избирательной кампании ШНП 2021 года, помимо акцента на борьбу с вирусом COVID-19, присутствовал акцент на необходимости проведения еще одного референдума о независимости. 28 июня 2022 года Никола Стерджен даже назначила дату референдума — он должен был пройти 19 октября 2023 года. Однако 23 ноября 2022 года стало известно, что Верховный суд Великобритании запретил проводить и этот референдум в Шотландии. В ответ на это население лишь больше стало поддерживать сепаратистские идеи.

Еще одним фактором распространения сепаратистских настроений стал энергетический кризис 2021–2022 годов. Как уже было упомянуто ранее, Великобритания с трудом справлялась с ним в 2021 году, население столкнулось с ростом цен на электроэнергию, а государство не оказывало ему финансовой поддержки. В такие моменты особенно важно стало иметь доступ к источникам энергии внутри государства. Шотландия, в свою очередь, имеет месторождения нефти, газа, производит много ветровой энергии и энергии приливов благодаря сильным ветрам и морю. В условиях борьбы за доступную энергию многие шотландские политики стали высказывать идеи «ресурсного национализма» вместе с сепаратистскими настроениями.

Выводы

Таким образом, мы пришли к выводу, что Великобритания пострадала от энергетического кризиса 2021–2022 годов сильнее, чем государства Европейского союза, но, в отличие от них, Соединенное Королевство меньше зависимо от российских энергоносителей и способно самостоятельно производить первичную энергию. Однако с нашей точки зрения, Великобритания сильно зависит от Шотландии в сфере добычи первичной энергии — более половины от числа всей добытой первичной энергии в Великобритании приходится на Шотландию. Сепаратистские настроения, которые были свойственны региону и раньше, обострились после референдума о выходе

Великобритании из Европейского союза, пандемии COVID-19, а также экономических и политических кризисов, которые имели место в Великобритании в последние годы. Можно сказать, что шотландский сепаратизм представляет собой большую угрозу энергетической безопасности Соединенного Королевства.

Библиография

1. *Игишева Е. А., Морий С. М.* Энергетическая безопасность в современном мире: основные подходы к изучению // Известия УрГЭУ. 2014. № 6(56). С. 114–118.
2. *Трачук К. В.* Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4(31). С. 219–225.
3. *Vizan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
4. *Калмыков А.* Газовый кризис в Европе. Кто виноват: ковид, погода или «Газпром»? // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-58585717> (дата обращения: 22.01.2023).
5. Imports of fossil fuels from Russia // House of Commons Library [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9523/CBP-9523.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
6. UK Energy in Brief 2022 // Department for Business, Energy and Industrial Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1130451/UK_Energy_in_Brief_2022.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
7. UK Energy in Brief 2020 // Department for Business, Energy and Industrial Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/904503/UK_Energy_in_Brief_2020.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
8. UK Energy Statistics, 2019 & Q4 2019 // Department for Business, Energy and Industrial Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/877047/Press_Notice_March_2020.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
9. Electricity generation and supply in Scotland, Wales, Northern Ireland and England, 2016 to 2020 // Department for Business, Energy and Industrial Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1043323/Regional_Electricity_Generation_and_Supply_2016-2020.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
10. UK Energy in Brief 2019 // Department for Business, Energy and Industrial Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/857027/UK_Energy_in_Brief_2019.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
11. Energy Statistics for Scotland Q4 2019 Figures // Scottish Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/statistics/2018/10/quarterly-energy-statistics-bulletins/documents/>

- energy-statistics-summary-march-2020/energy-statistics-summary-march-2020/govscot%3Adocument/Scotland%2BEnergy%2BStats%2BQ4%2B2019.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
12. Scottish Independence Referendum 2014 // House of Commons Library [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP14-50/RP14-50.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
 13. European Union Referendum 2016. House of Commons Library [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7639/CBP-7639.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
 14. *Пехтерева Е. А.* Феномен Брексита. Что изменилось для экономики Великобритании // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 2. С. 83–108.
 15. GDP and events in history: how the COVID-19 pandemic shocked the UK economy // Office for National Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/gdpandeventsinhistoryhowthecovid19pandemicshockedtheukeconomy/2022-05-24> (дата обращения: 23.01.2023).
 16. Helping communities affected by COVID-19 // The Scottish Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.scot/news/helping-communities-affected-by-covid-19/> (дата обращения: 23.01.2023).
 17. How would you vote in a Scottish independence referendum if held now? (asked after the EU referendum) // What Scotland Thinks [Электронный ресурс]. URL: <https://whatscotlandthinks.org/questions/how-would-you-vote-in-the-in-a-scottish-independence-referendum-if-held-now-ask/> (дата обращения: 23.01.2023).

Стрельцов Леонид Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ МЕКСИКАНСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

SECURITIZATION OF THE MEXICAN MIGRATION PROBLEM IN THE CONTEXT OF AMERICAN NATIONAL SECURITY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка изучить мексиканскую миграционную проблему и ее секьюритизацию в контексте американской национальной безопасности. Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена теория секьюритизации и ее применение в рамках мексиканской миграционной проблемы через призму межпартийных споров между республиканцами и демократами в США. Изучив данную проблему и сопоставив ее с другими, используя статистику американского института общественного мнения «GallUp», рассмотрев высказывания республиканцев в контексте данной проблемы, которые приводят к ее секьюритизации, автор делает выводы о том, как политики из республиканской партии используют миграционную проблему в своих целях и одновременно секьюритизируют ее, говоря об угрозе национальной безопасности США.

Ключевые слова: секьюритизация, национальная безопасность, США, Мексика, миграционная проблема.

Abstract. This article aims at formulating the Mexican migration problem and its securitization in the context of American national security. To achieve that, the author examined the theory of securitization and its application in the framework of the Mexican migration problem through the prism of inter-party disputes between Republicans and Democrats in the United States. Having studied this problem and compared it with others using the statistics of the American Institute of Public Opinion “GallUp”, having considered the statements of Republicans in the context of this problem, which lead to its securitization, the author draws conclusions about how politicians from the Republican Party use the migration problem for their own purposes and at the same time securitize it, talking about the threat to US national security.

Keywords: securitization, national security, USA, Mexico, migration problem.

Введение

На протяжении многих лет миграционная проблема на границе США с Мексикой является серьезным поводом для обсуждений политиками на североамериканском континенте. Огромное количество людей из Центральной Америки и Мексики ежегодно нелегально пересекают границу с США в поисках лучшей жизни. Так, в 2022 году, согласно статистическим данным погранично-таможенной службы США, были побиты все рекорды по количеству нелегальных пересечений юго-западной границы Соединенных Штатов за последние десятилетия. Официальные данные за этот год показывают, что 2 378 944 человека [1] так или иначе смогли незаконно переправиться через границу. Это почти в полтора раза больше по сравнению с 2021 годом, когда было задержано 1 734 686 нелегальных мигрантов [1].

Сегодня миграционная проблема на границе с Мексикой является одной из самых актуальных и важных для США, а ее обсуждение нередко приводит к ее секьюритизации в контексте американской национальной безопасности.

Цель настоящего исследования заключается в изучении миграционной проблемы, а также в ее анализе с точки зрения теории секьюритизации. Научная новизна состоит в том, что в работе данная теория впервые используется для анализа мексиканской миграционной проблемы в контексте национальной безопасности Соединенных Штатов и рассмотрение действенности секьюритизации данной темы в рамках промежуточных выборов в США, так как, апеллируя к американской национальной безопасности, республиканцы используют некое «политическое оружие» для победы на выборах.

Методологическая база исследования состоит из контент-анализа американо-мексиканской миграционной проблемы, выявления разногласий внутри США между представителями республиканской и демократической партий в рамках данной проблемы, анализа речевых актов американских политиков. Помимо этого, для демонстрации конструирования мексиканской миграционной проблемы в качестве угрозы для американской национальной безопасности автор использует теорию секьюритизации, разработанную представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузаном и О. Вейвером.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Ознакомиться со структурой миграционной проблемы и оценить ее важность в настоящее время.
2. Изучить статистику обеспокоенности американского населения исследуемой проблемой и сравнить ее со статистиками других проблем.

3. Выделить и сравнить обеспокоенность представителей республиканской и демократической партий США по ряду рассмотренных проблем.
4. Проанализировать влияние публичных высказываний и выступлений представителей республиканской партии на секьюритизацию мексиканской миграционной проблемы.

Значение нового федерального приказа и увеличение миграционных потоков

На фоне неутешительной статистики от погранично-таможенной службы США разгорелись споры и дискуссии между представителями республиканской и демократической партий. Одной из основных тем для обсуждения стал Раздел 42 (Title 42) — федеральный приказ о здравоохранении от Центра по контролю и профилактике заболеваний, в котором пандемия коронавируса упоминается как причина запрета на въезд в Соединенные Штаты. Данный раздел был введен еще Дональдом Трампом в марте 2020 года и использовался в качестве замены существующего федерального Раздела 8 Кодекса США, который регулирует иммиграционное законодательство. Согласно Разделу 42, правительство имеет полное право отправлять мигрантов обратно в их родные страны сразу же после задержания. Важно отметить, что до принятия Раздела 42 мигранты содержались в местах лишения свободы и могли запросить процедуру предоставления убежища. Несмотря на кажущуюся эффективность Раздела 42, количество нелегалов, пересекающих американо-мексиканскую границу, наоборот, увеличилось и продолжает расти с каждым месяцем, что также подтверждает статистика погранично-таможенной службы США [1]. Такая ситуация складывается из-за того, что мигрантов высылают обратно без отметки в их досье, что позволяет пересекать границу без последствий множество раз. Администрация Джо Байдена собиралась отменить Раздел 42 в конце мая 2022 года, однако окружной суд США западного округа Луизианы не позволил президенту отменить существующую политику высылки иммигрантов [2]. Позднее было объявлено, что 21 декабря 2022 года Раздел 42 все-таки приостановит свое действие. Но до отмены Раздела 42 вновь не дошло. Группа из 19 штатов с генеральными прокурорами-республиканцами 19 декабря 2022 г. обратилась в Верховный суд США для рассмотрения решения об отмене, а уже 20 декабря Верховный судья Джон Робертс в постановлении объявил о том, что Раздел 42 остается в силе до дальнейших распоряжений суда [3].

Как итог, Раздел 42 остается действующим и сегодня, провоцируя огромное количество дискуссий уже не только между республиканцами и демократами, но и между простыми американцами. Конечно, сильнее всего Раздел

42 обсуждается в приграничных южных штатах, ведь именно там республиканцам проще всего распространять мнение о миграционной проблеме как дестабилизаторе американской национальной безопасности.

Республиканцы и демократы: как происходит секьюритизация мексиканской миграционной проблемы

Для более детального изучения проблемы важно понимать позиции большинства республиканцев и некоторых демократов, повлекших за собой секьюритизацию мексиканской миграционной проблемы. Представители республиканской партии стремятся сохранить действие Раздела 42, ссылаясь на то, что у нынешней администрации нет миграционной политики, которая бы позволила успешно сдерживать волны нелегальных мигрантов. В свою очередь, такую же позицию имеет небольшое количество представителей демократической партии. Так, двое демократов, сенатор Джо Манчин из Западной Вирджинии и представитель Генри Куэльяр из Техаса присоединились к двум техасским республиканцам, сенатору Джону Корнину и представителю Тони Гонсалесу. В письме Джо Байдену от 13 декабря 2022 года они призвали администрацию продлить действие Раздела 42, называя эту меру «единственным эффективным инструментом борьбы с незаконной миграцией» [4]. По их мнению, действие Раздела 42 действительно несовершенно, однако его отмена приведет к полной потере оперативного контроля над южной границей. Но все же большинство демократов высказывают мнение о том, что Раздел 42 следует отменить. Например, лидер большинства в Сенате Чарльз Шумер резко высказался о том, что нынешняя миграционная политика Соединенных Штатов его разочаровывает. По его мнению, США должны приветствовать беженцев, которые ищут убежища, а не подвергать их дополнительной опасности на границах. Чарльза Шумера поддержал Роберт Менендес, председатель комитета Сената по международным отношениям [5]. По итогу, большинство демократов признает Раздел 42 опасным для жизни мигрантов.

Также стоит рассмотреть известный случай обсуждения Раздела 42 на Капитолийском холме. Министр внутренней безопасности Алехандро Майоркас на протяжении двух дней давал свои показания и комментарии по поводу современной американской миграционной политики, Раздела 42, а также новых мер, разработанных Министерством внутренней безопасности на случай отмены Раздела 42. Майоркас заявил, что министерство унаследовало «сломанную систему, которая уже находится в напряжении», а также уточнил, что все ведомственные силы эффективно справляются с ситуацией на границе, и решение о миграционной реформе может исходить только от Конгресса [6]. Следует также отметить, что на свою долж-

ность Майоркас был назначен Джо Байденом, соответственно, республиканцев данное назначение абсолютно не устраивает. Во время дачи показаний перед Судебным комитетом Алехандро Майоркас подвергся агрессивным допросам со стороны республиканцев, которые призывали Майоркаса уйти в отставку, а также неоднократно использовали слово «отказ» для описания действий администрации на границе. Так, республиканец Джим Джордан из Огайо, высокопоставленный член Судебного комитета, выразил недоверие Майоркасу и обвинил его в «оторванности от народа» [6]. Конгрессмен Стив Шабо из Огайо отметил, что «все штаты в современной ситуации являются пограничными», имея в виду то, что проблема распространения нелегальных мигрантов касается не только приграничных штатов США [6]. Республиканец Кен Бак из Колорадо заявил: «Мои избиратели считают, что Майоркас виновен в государственной измене и заслуживает импичмента» [6]. Бак использовал данную фразу для того, чтобы показать всеобъемлющую угрозу национальной безопасности США из-за действий Алехандро Майоркаса, чья миграционная политика, по его мнению, представляет опасность для американского народа.

Резюмируя рассмотренные заявления, можно отметить сильное нагнетание обстановки, которое явно не соответствует реальной ситуации. Республиканцы активно осуждают миграционную политику администрации, ссылаясь на то, что демократы не могут разработать качественную миграционную политику, которая бы не только не допустила огромного потока нелегальных мигрантов в страну, но и сохраняла права мигрантов на получение убежища. В свою очередь большинство демократов, в том числе и Алехандро Майоркас, стремятся отменить Раздел 42 для улучшения условий на границе, говоря о новой полноценной миграционной политике, план которой по разным причинам не могут предоставить до сих пор.

Статистика и цифры. Кому выгодна секьюритизация

Чтобы разобраться, кому же выгодна секьюритизация исследуемой проблемы, необходимо обратиться к статистике американского института общественного мнения «GallUp».

Во-первых, необходимо рассмотреть обеспокоенность простых американцев по поводу нелегальной миграции. Так, 60% опрошенных американцев обеспокоены данной проблемой [7]. Можно понять, что так или иначе более половины опрошенных жителей США уделяют пристальное внимание проблеме на границе с Мексикой. Если сравнивать данные опрошенных исходя из партийной принадлежности, то можно прийти к выводу, что миграционной проблемой обеспокоены 86% республиканцев и всего лишь 38% демократов.

Во-вторых, для объективности оценивания важности миграционной проблемы в США важно показать статистику озабоченности простых американцев другими проблемами [8]. Так, наибольшую обеспокоенность у американцев вызывает проблема инфляции — 83% опрошенных назвали инфляцию главной американской проблемой. Проблема преступности и насилия вызывает обеспокоенность у 80% опрошенных, и даже проблемы экологического характера для простых американцев на 11% важнее, чем миграционная проблема (71% против 60% соответственно). Согласно опросам, проведенным среди республиканцев и демократов, проблемой преступности и насилия озабочены 61% республиканцев и 43% демократов [9], а проблемами экологического характера — 24% и 56% членов соответствующих партий [10].

Подводя итоги рассмотренной статистики, можно сделать несколько важных выводов. В первую очередь, важно отметить то, что в США есть проблемы, которые по уровню обеспокоенности населения гораздо выше, чем миграционная проблема. Детальный разбор статистики позволяет увидеть, что позиции республиканцев и демократов больше всего расходятся именно в контексте миграционной проблемы, из чего можно сделать вывод о том, что в борьбе с демократами республиканцам выгоднее использовать именно эту проблему. Благодаря большой разнице в актуальности этой проблемы для разных групп населения, можно успешно конкурировать с демократами, тем самым привлекая новый электорат. Неудачная миграционная политика, которая проводится администрацией Джо Байдена, также побуждает республиканцев к активному обсуждению данной проблемы.

Выводы

На данный момент на границе США с Мексикой ситуация остается прежней. Раздел 42 по решению Верховного Суда все еще является действующим, из-за чего споры между республиканцами и демократами не утихают, а тема миграционной проблемы выходит на первый план в СМИ несмотря на то, что существует ряд других проблем, где уровень обеспокоенности простого электората намного выше. Исходя из статистических данных погранично-таможенной службы США, данных по опросам населения Соединенных Штатов, а также публичных высказываний представителей республиканской и демократической партий, можно прийти к ряду заключений.

Прежде всего, уровень обсуждения миграционной проблемы явно не соответствует действительным показателям, повышенный интерес к этой теме со стороны партийных представителей используется в первую очередь для привлечения электората. Как пример, стоит сказать о выборах в Конгресс США, которые проходили 8 ноября 2022 года. В тех штатах, где позиции республиканцев и демократов были очень близкими и конкурентными,

республиканцами поднималась именно тема о нелегальной миграции и неэффективной политике в этой области демократов. В качестве доказательства можно рассмотреть статистику опроса населения в штате Висконсин, который находится далеко от границы, но тем не менее, споры на тему влияния миграции на национальную безопасность США в этом штате увлекли более трети избирателей, которые высказали сильную обеспокоенность проблемой [11]. Администрация Джо Байдена и сам президент подвергаются давлению со стороны республиканцев, которые требуют проведения инновационной миграционной политики, при этом высказываясь против отмены Раздела 42, что позволяло оспаривать позиции демократов, особенно в преддверии прошедших выборов. Однако, по мнению автора, количество задержаний на границе пограничным патрулем как раз таки показывает эффективность существующих решений.

Также важно сказать об увеличении количества задержаний на границе. По мнению автора, наплыв мигрантов связан в первую очередь с ухудшением международной ситуации, которая происходит на фоне конфликта России с Украиной. В поиске спасения тысячи жителей из этих двух стран также прибывают на границу США со стороны Мексики [12].

В настоящее время, когда выборы в Конгресс уже прошли, тема нелегальной миграции стала менее оживленной, хотя вопрос все еще остается нерешенным. Стоит продолжать наблюдать за ситуацией на границе США и Мексики, которая, по мнению автора, в преддверии президентских выборов в 2024 году вновь станет актуальнее других проблем.

Библиография

1. Nationwide encounters // U.S. Customs and Border protection. 14.12.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/nationwide-encounters> (дата обращения: 25.12.2022).
2. US Court blocks Biden from easing border policy // RT. 26.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rt.com/news/554515-court-biden-border-title-42/> (дата обращения: 06.11.2022).
3. Supreme Court leaves in place Title 42 border policy for now // The Washington Post. 27.12.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/12/27/title-42-supreme-court-decision/> (дата обращения: 02.01.2023).
4. What is Title 42? Explaining the contentious Trump-era border policy // The Washington Post. 20.12.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/30/what-is-title-42/> (дата обращения: 08.11.2022).
5. Democratic lawmakers, civil liberties groups demand end to Title 42 border expulsions // The Washington Post. 10.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/03/10/title42-border-asylum-democrats-trump/> (дата обращения: 24.12.2022).

6. Republicans return to politics of immigration as midterm strategy // The Guardian. 01.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/may/01/republicans-politics-us-immigration-midterm-strategy> (дата обращения: 06.11.2022).
7. Four in 10 Americans still highly concerned about illegal immigration // Gallup. 19.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/391820/four-americans-highly-concerned-illegal-immigration.aspx> (дата обращения: 05.11.2022).
8. Inflation dominates americans economic concerns in march // Gallup. 29.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://news.gallup.com/poll/391220/inflation-dominates-americans-economic-concerns-march.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения: 05.11.2022).
9. What's going on at the border and why is it becoming a midterm issue? // The Washington Post. 01.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/04/25/us-mexico-border-crossings/> (дата обращения: 25.12.2022).
10. A seven-year stretch of elevated environmental concern // Gallup. 05.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/391547/seven-year-stretch-elevated-environmental-concern.aspx> (дата обращения: 05.11.2022).
11. New Marquette Law School Poll finds inflation fears up, pandemic fears down; marijuana legalization up, optimism about Wisconsin down; primary candidates not yet well known // The Marquette Law Poll. 02.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://law.marquette.edu/poll/wp-content/uploads/2022/03/MLSP68PressRelease.pdf> (дата обращения: 24.12.2022).
12. "We had no choice": over 8,000 Russians seek US refuge in six-month period // The Guardian. 15.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/mar/14/russia-us-asylum-mexico-border> (дата обращения: 25.12.2022).
13. *Косевич Е. Ю.* Приграничные стены: безопасность или угроза для мексикано-американских отношений / Е. Ю. Косевич // Латинская Америка. 2019. № 6. С. 39–48 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38162072_67092873.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
14. *Кудеярова Н. Ю.* Миграционная трансформация в Мексике: вызовы и новые возможности для правительства А. М. Лопеса Обрадора / Н. Ю. Кудеярова // Латинская Америка. 2021. № 7. С. 6–21 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46368550_11199929.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
15. *Хлопов О. А.* Сотрудничество США и Мексики по проблемам миграции: возможности и сложности / О. А. Хлопов // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 11–19 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38213679_73246590.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
16. *Цапенко И. П.* Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента / И. П. Цапенко // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 101–129 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47218558_46342446.pdf (дата обращения: 25.12.2022).

17. *Ramirez Lavalle V.H.* Seguridad nacional México-Estados Unidos de América. Entre la soberbia y la inoperancia / V.H. Ramirez Lavalle // Cuadernos Iberoamericanos. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 19–31 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47143096_44667031.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
18. DHS Preparations for a Potential Increase in Migration // Homeland Security USA. 30.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhs.gov/news/2022/03/30/fact-sheet-dhs-preparations-potential-increase-migration> (дата обращения: 05.11.2022).
19. Explainer: Title 42 and what comes next at the border // National Immigration Forum. 11.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://immigrationforum.org/article/explainer-title-42-and-what-comes-next-at-the-border/> (дата обращения: 25.12.2022).
20. Mexico y EE UU preparan un plan conjunto para la creacion de Empleo en Centroamerica // El Pais. 04.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/mexico/2022-05-04/mexico-y-ee-uu-preparan-un-plan-conjunto-para-la-creacion-de-empleo-en-centroamerica.html> (дата обращения: 07.11.2022).
21. Supreme Court leaves in place Title 42 border policy for now // The Washington Post. 27.12.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/12/27/title-42-supreme-court-decision/> (дата обращения: 02.01.2023).

Харламова Екатерина Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

ПОЛЬСКИЙ ВАРИАНТ РАЗРЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ И СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (2015–2022 ГГ.)

THE POLISH WAY OF THE MIGRATION CRISIS RESOLUTION IN EUROPE AND THE STRATEGY FOR THE IMPLEMENTATION OF MIGRATION POLICY (2015–2022)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена миграционная политика Республики Польша, а также позиция данного государства в контексте разрешения миграционного кризиса в Европе. Проведен анализ основных документов, выступлений и решений правительства, которые касаются миграционной политики в Польше. Автор выделяет ряд особенностей, которые свойственны этому государству и правящей партии. Сегодняшнее польское руководство выступает против общеевропейского курса и следует собственному пути в реализации миграционной политики. Изучение опыта Польши и актуализация миграционной повестки как внутри страны, так и на общеевропейских границах предстают примером для объяснения и понимания тенденции к вепонизации невоенных угроз.

Ключевые слова: миграционный кризис в Европе, миграционная политика Польши, угрозы национальной безопасности, нетрадиционные угрозы безопасности.

Abstract. This article examines the migration policy of the Republic of Poland, and position of this state in the context of resolving the migration crisis in Europe. The analysis of the main documents, speeches and decisions of the government concerning migration policy in Poland is carried out. The author highlights a number of features that are characteristic of this state and the ruling conservative party. Today's Polish government opposes the common European course and follows its own path in implementing migration policy. Studying the experience of Poland and updating the migration agenda both within the country and on the European borders in general, is an example for explaining and understanding the trend towards weaponization of non-military security threats.

Keywords: migration crisis in Europe, migration policy of Poland, national security threats, non-traditional security threats.

Введение

Глобализация и ее последствия кардинально сменили подход государств к проблемам обеспечения национальной безопасности. Помимо традиционных, преимущественно военных угроз, не менее важными становятся нетрадиционные угрозы безопасности. Среди них все чаще заявляют о себе вопросы миграции. Неконтролируемые потоки запрещенных товаров, террористические акты, криминальные группировки, напряжение и протесты внутри принимающего общества, рост преступности — прямые следствия миграции, которая все чаще стала приобретать стихийный характер. Разработка грамотной миграционной политики, создание программ по ассимиляции мигрантов и, главное, выбор приоритетных направлений для приема мигрантов — важнейшие вопросы, которые стоят перед национальными правительствами европейских стран. Ввиду разразившегося в 2015 г. миграционного кризиса консолидированная, как казалось, Европа столкнулась с резким сопротивлением общему курсу со стороны ряда стран. Одним из главных оппонентов является Республика Польша, которая решила следовать собственным курсом реализации миграционной политики.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей миграционной политики Польши в 2015–2022 гг. и возможной перспективы ее реализации в ближайшем будущем.

Для достижения цели автором поставлен ряд задач:

1. Проанализировать принятую правящей партией «Право и Справедливость» миграционную стратегию, а также изучить альтернативные мнения по поводу этой стратегии со стороны оппозиционных сил Польши.
2. Рассмотреть, как внутри Европейского союза продвигаются решения польского руководства и в чем они расходятся с общеевропейской стратегией.
3. Провести анализ уже принятых польским руководством решений относительно мигрантов и попробовать спрогнозировать дальнейшие действия правительства.

В настоящем исследовании рассмотрена политика Польши в отношении приема мигрантов и разрешения миграционного кризиса в Европе. Помимо системного метода применяется метод сравнительного анализа, позволяющий рассмотреть специфику польского варианта разрешения миграционного кризиса. Также используется метод политического прогнозирования, благодаря которому можно просчитать возможные варианты развития событий и политические шаги правительства в отношении мигрантов на приграничных территориях, а также внутри страны.

Политика Польши в контексте разрешения миграционного кризиса в Европе

Начало миграционного кризиса принято относить к 2015 г. и речами представителей ЕС о выработке единого миграционного курса, разработке общих мер, введении квот на принятие беженцев. В том же году в Польше к власти приходит консервативная партия «Право и Справедливость», которая кардинально меняет внешнеполитическую повестку в рамках данной проблемы. Собственная миграционная политика была также важным аспектом в продвижении партии в рамках предвыборной борьбы. Я. Качиньский уже тогда заявлял об исключительной роли Польши в контроле миграции и защите границ ЕС от незаконного, стихийного проникновения в страны ЕС [1]. С приходом к власти новое правительство во главе с Беатой Шидло выступило с острой критикой решений, принятых Европейской комиссией. Согласие на принятие 120 тысяч мигрантов (в соответствии с распределительными квотами ЕС), принятое предыдущим правительством Евы Копач, было отменено новой правящей партией. Новый министр внутренних дел Мариуш Блашчак выступил с заявлением, в котором сделал акцент на разграничение типов мигрантов: «нужно разделять беженцев и тех, кто едет в Европу для повышения уровня жизни и заработка». А также он отметил, что отсутствие контроля со стороны ЕС ставит под угрозу распространения терроризма на все страны континента [2].

Катализатором полного отрицания общеевропейской политики «открытых дверей» стали теракты в Брюсселе и Париже (2016 г.). Главы стран Вышеградской группы тогда приняли решение о проведении срочного саммита для обсуждения миграционной повестки. Инициативу проявила Польша, под председательством которой вопрос о границах стал первостепенным в обсуждениях. Лидеры стран после переговоров пришли к единому решению об охране внешних границ и координации работы национальных приграничных ведомств. В плане разрешения миграционного кризиса в Европе была выдвинута инициатива о создании служб по поддержке мигрантов вне границ ЕС, т.е. в странах Ближнего Востока и Африки (о конкретных мерах, которые помогли бы беженцам остаться внутри страны исхода, не сообщалось), и разрабатывать общие правила для регулирования миграционных потоков. Также важно налаживать совместную работу с приграничными странами, которые первыми встречаются на пути мигрантов в ЕС (прежде всего Греция и Турция) [3]. Вышеградская группа свое решение мотивировала опасением возникновения конфликтов внутри стран: культурные различия, разные религиозные идентичности и отсутствие единой истории, по мнению ее представителей, могут привести к напряженности внутри общества [3].

С приходом на пост главы правительства Матеуша Моравецкого кардинальных изменений относительно миграционной политики не произошло. В 2017 г. его указом был создан польский фонд гуманитарной помощи странам Африки и Ближнего Востока, в функционал которого входит инвестирование в институты поддержки демократии, прав человека, распространение предметов первой необходимости и медикаментов [2].

Миграционная политика партии «Право и Справедливость» и выбор приоритетных направлений для ее реализации

Важной особенностью миграционной политики Польши является ее ориентация на Восток. Этим руководство страны зачастую оправдывает несогласие с общеевропейскими решениями по приему беженцев. Будучи моноэтничным государством, где на момент последней переписи населения (данные 2011 г.) 94,8% респондентов отметили национальность «поляк/полька», 2,26% приравнивают себя к полякам и только 1,55% отметили иную национальность, польское правительство уделяет особое внимание данному фактору. Остаются высокими и показатели религиозности населения в стране [2]. По данным главного статистического управления, на 2021 г. к римским католикам себя относили 32 млн 440 тыс. граждан страны. Опасаясь распространения идей исламского фундаментализма и возможных конфликтов на почве религии или этноса, власти выбирают Восток и отдают предпочтение мигрантам из Украины и Белоруссии, реже — из России, Грузии и Армении. Для их привлечения была создана специальная программа по упрощенной схеме получения виз и разрешения на работу для граждан стран, которые ранее входили в состав Советского Союза. Общая история, схожая культурная «база», близость языковых групп позволяют рассматривать эти страны как «благоприятные» для приема и ассимиляции мигрантов. «Неблагоприятными» же странами польское руководство считает преимущественно страны африканские и исламские, рассматривая их как прямую угрозу национальной безопасности [4].

Способствует популяризации восточного направления миграционной политики и программа получения «карты поляка», по которой на облегченную процедуру получения польского гражданства могут рассчитывать граждане стран, предки которых были гражданами Польши. По понятным причинам этой программой также пользуются преимущественно граждане соседних Украины и Белоруссии, ассимиляция которых занимает гораздо меньше времени, нежели ассимиляция представителей совершенно другой культурной среды. Эти меры инициировала главным образом партия «Право и Справедливость», придерживаясь тем самым консервативной политической линии.

Остро критикуется миграционная политика правой партии оппозицией, которая ориентируется на европейские стандарты и выступает против подобных решений. «Эта политика не настроена на прием беженцев и мигрантов, она настроена на их принудительную ассимиляцию», — пишут на страницах либеральных газет [5]. Негативной оценке подвергаются не только последние меры польского руководства, но и отсутствие миграционной стратегии как таковой. В Польше отсутствует продуманная система приема мигрантов как во многих странах Западной Европы, с детскими садами, пунктами помощи, медицинской и психологической поддержкой. «Партия «Право и Справедливость» разбудила в поляках ксенофобские настроения», — пишут в газете «Polityka» [5]. Иностранцев, мигрантов и беженцев становится все больше, а правительство страны не предлагает адекватной системы интеграции, ограничивая их права. На этой почве оппозиционные партии критикуют современную миграционную политику, называя ее отстающей и непродуманной в сравнении со странами Западной Европы.

Обострение миграционного кризиса на восточных границах как фактор угрозы национальной безопасности

Проблема обеспечения национальной безопасности посредством охраны границ и контроля над миграционными потоками особенно обострилась в Польше в последние годы в связи с массовым наплывом беженцев. Поскольку Польша является тем самым «буфером» на пути мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки в Европу, польские приграничные службы усиленно контролируют восточные границы страны. После событий 2021 г. и концентрации более 39,7 тыс. человек на польско-белорусской границе правительством был введен режим чрезвычайного положения, увеличен контингент силовых структур, военных и техники. Сразу же было начато строительство заграждений [6]. Дискуссии о причинах сосредоточения беженцев не утихают до сих пор: власти Польши обвиняют А. Лукашенко в провокациях, в попытке дестабилизировать ситуацию внутри страны посредством обострения обстановки на границе. Беженцы из тех самых «неблагоприятных» стран, таким образом, видятся как предмет манипуляций и угрозы на внешнеполитической арене.

Строительство 170-километровой стены на восточной границе завершилось в июне 2022 г., когда на объект прибыл премьер-министр М. Моравецкий. Он выступил с речью перед СМИ и представителями общественности: «Строительство заграждений — необходимая мера, которая помогает нам обеспечить безопасность для нашего народа, защитить в будущем Польшу и Европейский союз. Безопасность внутренних и внешних границ — наша главная задача» [7]. С обострением ситуации на границе обострились

и споры в ЕС о регулировании миграционного вопроса и роли национального правительства в принятии решений. Кароль Карский, член президиума комитета по правам человека в Европарламенте выступил с речью, в которой выразил общее несогласие Польши с законами ЕС: «Я согласен с тем, что положения законодательства ЕС должны быть пересмотрены. Например, ввести запрет на подачу заявления о защите в одной из стран дружества, если беженец по пути уже находился в других безопасных странах» [8]. Общая риторика представителей страны сегодня не отличается от избранного в 2015 г. пути реализации миграционной политики: миграционный кризис в ЕС стоит решать вне непосредственных границ стран ЕС.

О том, какова правовая сторона миграционного вопроса в данной связи, сложно сказать однозначно. Так называемые «развороты» (pushback) на границе лиц, просящих о международной защите вне зависимости от их расы, религии и гражданства, недопустимы в соответствии с положениями Женевской конвенции. Однако в этом же документе есть исключение, согласно которому государство имеет полное право не пропускать через границу беженцев, которые потенциально могут представлять угрозу национальной безопасности (в случае нарушения законодательства или недопустимого поведения в отношении пограничных органов). Гайновским областным административным судом в Польше было принято несколько решений, по которым приграничные службы обвиняются в нарушении должностных полномочий. Рассмотрением подобных дел также занимались областные административные суды в Белостоке и Варшаве. Например, весной 2022 г. были признаны незаконными меры по отсылке граждан Сирии и Афганистана с территории Польши. Белоруссия в этом контексте рассматривается как небезопасное государство, которое не может обеспечить беженцам надлежащей защиты [9].

Беженцы из стран Африки и Ближнего Востока предпочитают средиземноморскому пути балтийский путь из-за относительной безопасности. На фоне приграничного кризиса развернулись полноценные маршруты по перевозке мигрантов в одну из стран ЕС. Разоблачением таких схем занимаются как польские министерства, так и органы ЕС. Однако из-за сложностей при контроле, отслеживании путей передвижения и случаев незаконного пересечения наземной границы в регионе до сих пор нет общей скоординированной работы по решению данной проблемы. Стоит отметить, что отслеживать статус приезжих граждан других стран можно только по регистрации, оформлению документов, прошению об убежище или постановке на учет в данном государстве. Чаще всего беженцы свободно перемещаются внутри государств ЕС, что усложняет процесс контроля. Этот аспект также становится чрезвычайно важным в контексте обсуждения угроз национальной безопасности.

Проблема укрепления границ актуальна не только в свете конфликта на польско-белорусской границе. В 2022 г. власти Польши также задумались об укреплениях на границе с Россией. О причинах, по которым было принято это решение, спорят до сих пор. Официальной причиной строительства глава министерства обороны Мариуш Блашчак обозначил открытие рейсов из стран Африканского континента и Ближнего Востока в Калининград [10]. Но есть и альтернативное мнение. Поскольку строительство стены началось после обострения конфликта на Украине, можно считать сооружение данного укрепления проявлением протеста и символом ухудшения российско-польских отношений. Планируется полномасштабное заграждение обозначенной территории, и работы по возведению 200-километровой стены вдоль границы Калининградской области уже начаты.

Новые вызовы для миграционной политики Польши и перспективы их разрешения

«Восточное направление» польской миграционной политики в 2022 г. столкнулось с новыми вызовами, стоящими как перед польской экономической системой, так и перед обществом в целом. По данным приграничной службы, в апреле 2022 г. польско-украинскую границу пересекло более трех миллионов человек [6]. С началом специальной военной операции для беженцев из Украины самым близким и доступным вариантом для переселения стала Польша. Руководство Польши многое сделало для облегчения их пребывания в стране: государственные и гражданские организации помощи, ускоренная система получения выплат, питания и предметов первой необходимости, а также возможность получить документы по упрощенной схеме. Таким образом, беженцы могут воспользоваться государственной программой «500+» (инициатива партии «Право и Справедливость» по выплатам молодым семьям дополнительных субсидий), получить регистрационный номер PESEL и находиться на территории страны до 18 месяцев.

Сложно определить, какой процент беженцев в итоге останется на территории Польши, учитывая нестабильную ситуацию и постоянные изменения в показателях пересечения границы. Однако какая-то их часть останется на территории принимающего государства с дальнейшим оформлением гражданства. На 2022–2023 учебный год в польские школы было зачислено более 200 000 детей. Власти создали гибкую схему с возможностью совмещать обучение на польском языке в польской школе и дистанционное обучение на украинском языке. Однако такая система сложна в плане обеспечения контроля над уровнем образования. Дополнительно местные власти, локальные организации и школьные советы организуют языковые курсы для детей и взрослых, которые помогут беженцам в повседневной жизни и учебе [6].

Непросто распределить и качественные услуги здравоохранения на все население, включая около 1 миллиона новых граждан (которые с февраля 2022 г. подали на гражданство и имеют равный доступ к государственным услугам). Медицинская сфера, ослабленная пандемией, потребовала больших вложений для обеспечения гарантий прибывшим новым гражданам [6]. Ситуация на рынке труда также осложняется несколькими факторами: не каждый приезжий может работать (по причине ухода за детьми, физического или психологического нездоровья); на некоторые должности есть конкурс и со стороны местного населения; рынок занятости рано или поздно будет полностью регулироваться со стороны государства, чтобы предотвратить эксплуатацию и конфликты внутри общества [6]. Для моноэтнического государства такие изменения редко проходят без последствий, разрешать которые придется правительству при помощи грамотной миграционной политики внутри страны. Возможная конкуренция за рабочие места, экономические затраты и увеличение выплат на обеспечение проживания беженцев может в долгосрочной перспективе ухудшить отношение к мигрантам в целом.

Обеспечение и содержание беженцев, особенно в таких колоссальных масштабах, становится испытанием для государства. На фоне этих событий с новой силой разгорелись споры в ЕС. Польша как государство, принявшее на своей территории явное большинство беженцев по сравнению с другими странами, теперь претендует на значительные выплаты со стороны организации и финансовую помощь на покрытие проживания и содержания прибывших. Согласно подсчетам, к концу 2022 г. Польша потратила на помощь украинским беженцам более 2,2 млрд евро, без включения в сумму расходов на транспорт и медицинскую помощь [6]. Часть этих расходов будет возмещена из средств европейского фонда развития и реконструкции.

Выводы

Правящая в Польше партия «Право и Справедливость» отличается собственным взглядом на разрешение миграционного кризиса. Иницилируя с 2015 г. проекты по помощи мигрантам вне ЕС, отказывая мигрантам из стран Ближнего Востока и Африки в выделении квот, польское руководство создало возможность для стран Вышеградской группы избежать общеевропейского плана. Государства выразили несогласие с общим курсом и стали следовать собственному курсу миграционной политики. Для Польши особенно важным стал «восточный вектор», благодаря чему страна смогла привлечь большое количество трудовых (преимущественно) мигрантов без очевидных издержек и конфликтов внутри принимаемого общества. Однако сейчас и ориентация на Восток влечет за собой множество вызовов для польской экономики, здравоохранения и настроений в обществе.

То, каким будет ответ на них со стороны правительства, насколько эффективными окажутся меры поддержки и как отреагирует население в целом, станет известно в ближайшем будущем.

Миграционный вопрос в последние годы для Европы стал принципиально важным, и не только из-за экономических, материальных потерь. Теперь проблемы интеграции, ассимиляции и приема мигрантов становятся объектом внимания для органов обеспечения национальной безопасности, а миграционная стратегия разрабатывается с учетом новых угроз в новом, глобализированном мире. Решения польского руководства в данном контексте особенно интересны для изучения тенденций противодействия общеевропейскому курсу и стратегии защиты национальной безопасности посредством регулирования миграционной политики.

Библиография

1. Jarosław Kaczyński — wystąpienie w sprawie imigrantów w Sejmie RP. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ko48eXBkTzA> (дата обращения: 03.11.2022).
2. Tutak G. Polityka migracyjna Polski wobec europejskiego kryzysu migracyjnego, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/siip/17/siip1723.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Współpraca wielostronna i zagadnienia horyzontalne. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://archiwum.mswia.gov.pl/pl/wspolpraca-miedzynarod/wspolpraca-wielostronn/10127>, Grupa-Wyszehradzka.html (дата обращения: 25.12.2022).
4. Горизонтов Л. Е. Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок // Современная Европа. 2019. № 7. С. 179–185.
5. Polityka migracyjna PiS to przepis na katastrofę // Polityka. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1789924,1,polityka-migracyjna-pis-to-przepis-na-katastrofe.read> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Pomędzy dwoma kryzysami migracyjnymi: Czego się nauczyliśmy, a co może nas czekać w przyszłości [Raport]. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8585718,migracje-duszczyk-raport-ukraincy-granica-polsko-bialoruska.html> (дата обращения: 21.12.2022).
7. 5,5 m wysokości, 170 km długości, 50 tys. tonstali. Stanął mur na granicy polsko-białoruskiej // Gazeta Wyborcza. 30.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/7,35241,28637521,stana-mur-na-granicy-polsko-bialoruskiej.html> (дата обращения: 07.11.2022).
8. Polityka migracyjna Polski — diagnoza stanu wyjściowego // Zespół do Spraw Migracji. 15.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski—diagnoza-stanu-wyjsciowego> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Ważnywy rok sądu: Straż Graniczna naruszyła prawowy dalając z Polski nieletniego Syryjczyka // Oko.press. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://oko.press/wyrok-sadu-straz-graniczna-naruszyła-prawo> (дата обращения: 07.11.2022).

СЕКЦИЯ «НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Иванов Глеб Иннокентьевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ИНСТРУМЕНТЫ ЕС В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

EU INSTRUMENTS IN THE FIELD OF CONFLICT MANAGEMENT AND THEIR APPLICATION

Аннотация. Цель данной статьи — определить, какими инструментами обладает Европейский союз в сфере управления конфликтами, как он их применяет, насколько они эффективны и какие проблемы возникают у Европейского союза в этой сфере. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены и проанализированы действия ЕС по предупреждению конфликтов, посредничество, финансовые инструменты и деятельность военных и гражданских миссий ЕС. В результате исследования делается вывод о том, насколько эффективны данные инструменты Европейского союза и о том, какие проблемы стоят перед ЕС в сфере управления конфликтами в современных реалиях.

Ключевые слова: управление конфликтами, Система раннего предупреждения конфликтов ЕС, посредничество ЕС, финансовые инструменты, военные и гражданские миссии.

Abstract. The purpose of this article is to determine what instruments the European Union has in the field of conflict management, how it applies them, how effective they are, and what problems the European Union has in this area. To achieve this goal, the author examined and analyzed the EU conflict prevention actions, mediation, financial instruments and the activities of the EU military and civilian missions. As a result of the study, a conclusion is drawn about how effective these instruments of the European Union are and about what problems the EU faces in the field of conflict management in current realities.

Keywords: conflict management, EU Conflict Early Warning System, EU mediation, financial instruments, military and civilian missions.

Введение

В последнее время в связи с тем, что система международных отношений переживает период нестабильности, в мире активизируются локальные конфликты — Украина, Косово, Карабах, ведется борьба с террористами в Африке и на Ближнем Востоке, растет напряженность на Корейском полуострове. Европейский союз принимает косвенное или прямое участие практически во всех этих конфликтах, реагирует на происходящие изменения и соответствующим образом меняет и подстраивает свою политику. Исходя из этого, ответы на вопросы, какими инструментами обладает ЕС в сфере управления конфликтами, как он их применяет, насколько они эффективны и какие проблемы возникают у Европейского союза в этой сфере, важны и актуальны.

Научная новизна исследования заключается в изучении новых концепций, программ и данных, имеющих отношение к теме, а также в анализе действий Европейского союза в сегодняшней ситуации, политики по урегулированию конфликтов. Исследование того, какие инструменты есть у ЕС и как он их применяет, помогает рассмотреть проблему в ином ракурсе, учитывая новые данные.

В качестве метода используется анализ политики ЕС в отношении конкретных конфликтов; выявление того, как инструменты и институты ЕС влияют на развитие конфликтов, их плюсы и минусы, достигается посредством изучения документов и концепций Европейского союза, деятельности конкретных миссий ЕС. Анализируется культурно-ценностный аспект политики ЕС, влияющий на ее практическую реализацию, а также предпринята попытка классифицировать инструменты Европейского союза в сфере управления и урегулирования конфликтов.

Согласно статье 21, пункт 2, подпункт С Договора о Европейском союзе, предотвращение конфликтов — одна из главных внешнеполитических целей ЕС [1, р. 16], известный исследователь ЕС Маннерс называет политику по предотвращению конфликтов одной из трех основных ценностей Союза [2]. Деятельность в этой сфере включает в себя все стадии, начиная от действий по недопущению конфликта, сбора информации и данных, заканчивая кризисным урегулированием и постконфликтной стабилизацией. Все инструменты ЕС в сфере управления конфликтами можно разделить на следующие группы: Система раннего предупреждения конфликтов ЕС (EU Conflict Early Warning System, EU EWS) — фактически система консолидированных усилий по анализу рисков и угроз конфликтов; посредничество; финансовые инструменты (включая прямое выделение средств

и гуманитарной помощи не через фонды и программы); военные и гражданские миссии. Однако, например, Лоуренс Коули включает в перечень внешнеполитических инструментов ЕС еще и экономические санкции, и политику «европеизации» (на примере действий в отношении Западных Балкан), не беря во внимание EU EWS [3, p. 14, 15]. Перечисленные Коули инструменты не рассматриваются в статье, так как их применение не носит такого системного и постоянного характера, как остальные. Используя свои инструменты, Европейский союз также активно взаимодействует с ООН, Африканским союзом и другими международными организациями, чтобы более комплексно решать вопросы по управлению и урегулированию конфликтов. Тем не менее, стоит отметить, что анализ их взаимодействия в случаях с Арменией, Мали, Косово показывает, что на местах эти организации продолжают работать в основном параллельно, сосредоточившись на своих компетенциях [4, p. 186].

Система раннего предупреждения конфликтов ЕС

Первым и одним из самых важных инструментов, который стоит рассмотреть, является Система раннего предупреждения конфликтов ЕС. От нее зависят осведомленность и своевременность действий Европейского союза. Процедуры и методология Системы были апробированы в ходе двух региональных учений в 2012 и 2013 годах, а в сентябре 2014 года ее распространили на все страны, не входящие в ЕС. Согласно официальным документам, это инструмент управления рисками, который выявляет, оценивает и приоритезирует ситуации, связанные с риском насильственного конфликта для стран, не входящих в Европейский союз. При этом делается акцент на том, что EU EWS — не инструмент прогнозирования, а система, которая выявляет структурные факторы и индикаторы, связанные с повышением риска конфликта, чтобы помочь предотвратить или смягчить его [5, p. 3]. Существует изначальное понимание, что это не панацея, которая позволит предотвращать все конфликты, а достаточно гибкая система, в рамках которой взаимодействует огромное число действующих лиц.

В Системе есть 4 стадии: «сканирование рисков» (подготовительный этап), приоритизация, совместная оценка, последующие действия и мониторинг. Весь цикл для отдельной страны занимает до 4 лет. Важнейшее место на первой стадии занимает Global Conflict Risk Index (GCRI), с помощью которого прогнозируется вероятность и интенсивность конфликтов с использованием структурных показателей. В эти показатели входят следующие сферы: политическая, социальная, экономическая, географическая демографическая, сфера безопасности. Для каждой сферы есть свой набор индикаторов (политическая — вид режима, социальная — коррупция

и т.д.). Использование именно таких показателей объясняется, во-первых, доступностью данных для всех стран, а во-вторых, научной доказанностью их связи с риском конфликта [5, р. 11]. Тем не менее, отмечается, что набор индикаторов может быть изменен, и в 2020 году это было сделано впервые. На этой стадии составляется единый документ, который служит основой для последующей приоритизации и оценки риска конфликта. Использование большого набора структурных показателей помогает ЕС иметь более комплексный взгляд на ситуацию в конкретной стране, однако главным минусом GCRI является то, что он не охватывает недавние события или триггеры конфликтов. Учитывая, что Индекс используется на первой стадии, это достаточно серьезный недостаток, так как на основе этих данных строится вся дальнейшая работа Системы.

Дальнейшая приоритизация на второй стадии происходит исходя из стратегических интересов ЕС и наличия рычагов давления. Учитывается и возможность предотвращения конфликта, потому что бывают ситуации, где действовать на упреждение уже поздно, а нужно предпринимать другие меры.

На стадии совместной оценки и последующих действий цель состоит в том, чтобы определить согласованные варианты превентивных действий, которые способны предотвратить возможный конфликт, на основе совместной оценки рисков и динамики конфликта. Составляется индивидуальный график действий для каждой страны, затем на место направляется межведомственная комиссия для подтверждения оценки рисков. На основе ее работы подготавливается отчет о предотвращении конфликта, цель которого связать проведенный анализ и варианты реагирования, а также указать точные сроки для действий.

Завершается цикл стадией мониторинга, фактически оценкой результатов. Главный отчет с анализом того, как предпринятые действия способствовали решению проблем, рассматривается Комитетом по вопросам политики и безопасности.

После подготовительного этапа в работе принимают участие самые разные структуры ЕС — делегации ЕС и другие лица, присутствующие на местах; руководство Еврокомиссии и ЕСВД (EEAS); территориальные и функциональные отделы ЕСВД; Совет ЕС; государства-члены; Direktorat по комплексному подходу к безопасности и миру (ISP); Комитет по политике и безопасности (PSC). С одной стороны, чем больше вовлечено институтов, тем лучше для такой системы, которая занимается оценкой ситуации и выработкой подходов, так как удастся получить разносторонний анализ, разные варианты решений. С другой стороны, существует проблема пересечения полномочий и дублирования функций, а различия подходов и взглядов гражданских и военных структур не только порождают конфликт интересов,

но и ведут к излишней напряженности. Вдобавок даже в документах ЕС отмечается проблема отсутствия единой стратегической культуры в рамках институтов Союза, но в них же ставится задача ее выработки в ближайшие годы [6, р. 1, 3]. В целом, эффективность деятельности EU EWS оценивать достаточно сложно, потому что все материалы и данные находятся в закрытом доступе, однако учитывая, что Система уже реформировалась после 2014 года (обновление индикаторов Индекса, введение повторного отчета о предотвращении конфликта через 1,5 года на 3 стадии), можно сделать вывод, что в ЕС есть понимание несовершенства Системы и что работа над ее улучшением ведется постоянно. Само наличие такого серьезного и многостороннего аналитического инструмента позитивно влияет на политику управления конфликтами, вопрос лишь в том, удастся ли Европейскому союзу решить вышеперечисленные проблемы, чтобы повысить свою эффективность.

Посредничество

Не менее важным является посредничество Европейского союза, которое стало частью превентивной дипломатии ЕС с 2009 года. Оно охватывает широкий спектр деятельности — содействие диалогу между сообществами, поддержку переговоров о прекращении огня и посредничество между лидерами конфликтующих сторон, а также поддержку посреднических усилий третьих сторон путем обучения, материально-технической поддержки и экспертизы. Интересно, что в обновленной Концепции посредничества 2020 года подчеркивается роль ЕС как актора, действующего на основе определенных ценностей (демократия, права человека, инклюзивность, гендерное равенство и т.д.) [7, р. 2]. Таким образом, ЕС не позиционирует себя как полностью нейтрального актора (примерно в 20 случаях ЕС переставал выделять помощь стране после военного переворота в ней, начала репрессий, ущемления прав какой-либо социальной группы и т.д. [8, р. 37]), поэтому в своей посреднической деятельности он всегда будет пытаться добиться таких результатов, которые соотносятся с этими ценностями. Это достаточно существенно сокращает пространство для маневра, так как некоторые опции будут отвергаться или не будут даже рассматриваться ЕС, что в каких-то случаях затруднит урегулирование, а в каких-то — поможет создать более благоприятную среду, например, для перемирия. Однако несмотря на противоречивость такого подхода в плане эффективности, эта оговорка дает участникам конфликта понимание, как будет действовать Европейский союз в качестве посредника, соответственно, у сторон будет понимание, подойдет им такой медиатор или нет.

Группа поддержки посредничества ЕСВД (The EEAS Mediation Support Team) предоставляет консультации и помощь по вопросам посредничества

и техническую экспертизу институтам ЕС [9, р. 31]. Эта группа представляет собой некий хаб экспертов в области посредничества [10], такая особенность позволяет более гибко реагировать на потребности и запросы других акторов и делает ее работу более эффективной, чем если бы это была строго централизованная структура. В июне 2020 года ЕСВД создала внутренний пул из 20 посредников для усиления переговорных возможностей и оперативного потенциала ЕС, а также целевую группу политического надзора за посреднической деятельностью. Тем не менее, в Концепции отмечается, что основную роль в посредничестве играют специальные представители, послы ЕС, а также усилия государств — членов Союза [7, р. 12]. Это разумно и соответствует текущим запросам, потому что эти должностные лица ведут ежедневную работу на местах и лучше осведомлены обо всех деталях, а в случае начала конфликта будут не только иметь больше данных и доступ к ним, но и возможность формально и неформально сразу контактировать со сторонами конфликта. Описанная структура посреднических институтов и используемых кадров представляется достаточно эффективной, с квалифицированными внешнеполитическими специалистами на местах и профильными экспертами и профессионалами, знаниями и умениями которых можно воспользоваться при необходимости.

В целом, посреднические усилия институтов ЕС и стран-членов скорее успешны, если мы говорим о создании переговорной площадки, выработки общих принципов будущего урегулирования, деэскалации (Украина, Грузия, Косово, ЦАР и т.д.). Однако если мы берем в качестве критерия эффективности прекращение огня, то деятельность ЕС не представляется такой успешной. В Северной Африке и на Ближнем Востоке (Мали, Сирия, Йемен, ЦАР) вооруженные столкновения продолжают, посредничество ЕС во время конфликтов в Грузии и на Украине не являлось основной причиной прекращения огня. Чтобы посреднические усилия имели успех в плане приостановки военных действий, обе стороны конфликта должны желать этого исхода. В вышеперечисленных конфликтах как минимум одна из сторон была убеждена, что сможет добиться поставленных целей и что перемирие ей не требуется, оно может стать помехой. В такой ситуации они даже могли участвовать в переговорном процессе, где посредником являлся ЕС или государство — член Союза, однако это делалось лишь с пропагандистскими целями.

Финансовые инструменты

Финансирование инициатив по урегулированию конфликтов и выделение помощи — сильный инструмент в руках ЕС, так как его ВВП составляет одну шестую мировой экономики. Стоит выделить такие основные программы и фонды, как Instrument contributing to Stability and Peace (IcSP),

Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument — Global Europe (NDICI) и The European Peace Facility (Европейский фонд мира). IcSP в основном финансирует специальные проекты, например, «Социальные медиа для мира» (Босния и Герцеговина, Индонезия, Кения), «Поддержка общественного оздоровления и примирения» [11] и др.

В рамках NDICI, вынося за скобки географическое направление с бюджетом более 60 миллиардов евро, на деятельность в сфере предотвращения конфликтов выделено 910 миллионов евро, на сферу быстрого реагирования — 3,18 миллиарда евро [12, р. 1, 2]. Эта программа может устранить искусственные барьеры между другими финансовыми инструментами, снизить административную нагрузку и упростить структуру управления, что уменьшит издержки и повысит эффективность такого рода деятельности.

Европейский фонд мира — это внебюджетный инструмент, созданный в 2021 году для финансирования военных миссий и операций и различных мер помощи. Общая сумма Фонда на 2021–2027 гг. составляла 5,7 миллиардов евро, но поскольку 86% всех финансов было потрачено в 2022 году на поддержку Украины, было решено увеличить финансовый потолок на 2 миллиарда евро в 2023 году [13], что будет не последним повышением. Главное преимущество Европейского фонда мира — его создание устраняет текущие ограничения на выделение помощи странам, не входящим в ЕС, и международным организациям для укрепления их способностей в военной и оборонной сферах.

Таким образом, добавив сюда прямую помощь ЕС другим странам, вырисовывается мощный финансовый инструмент, который используется Европейским союзом для гуманитарной, экономической, финансовой помощи стране, для финансирования нужд во время конфликта, для внутренней стабилизации и т.д. Финансы помогают справиться с агрессивными настроениями населения на какое-то время, особенно если их экономическое и финансовое положение пострадало из-за конфликта. Однако с помощью этого инструмента можно воздействовать не только на сообщества и на государство — реципиента помощи, но и на другую сторону конфликта, если он уже начался, — условный противник будет усилен этой помощью и по совокупной силе (экономической, военной и т.д.) сравняется с другой стороной конфликта, что может сделать стороны стороны более склонными к началу переговоров и прекращению огня. Тем не менее, сейчас на примере Украины мы можем наблюдать обратный эффект этой помощи, когда государство, почувствовав поддержку и силу, готово сражаться решительнее и не готово идти на те уступки, на которые оно могло бы согласиться раньше. Поэтому грамотное использование такого финансового инструмента может быть очень эффективным, но результата в краткосрочной перспективе добиться будет достаточно сложно.

Военные и гражданские миссии

Последнее, но не по значимости — 20 гражданских и военных миссий Европейского союза, которые сейчас проводятся на трех континентах [14]. Их задачи варьируются от предотвращения конфликтов и поддержания мира, управления конфликтами, совместных операций по разоружению и задач военного консультирования и помощи до гуманитарных и спасательных задач и постконфликтной стабилизации. С 2003 года ЕС инициировал более 37 операций и миссий [14], что позволяет сказать, что этот инструмент применяется не только в исключительных ситуациях, Союз использует его наравне с другими и довольно часто. Операции во многих случаях дополняют уже развернутые миссии ООН или НАТО.

Анализируя операции ЕС в целом, стоит сказать, что, во-первых, ЕС далеко не всегда удается добиться своих целей за пределами Европы, так как существуют объективные культурные, политические, экономические, социальные и другие различия между Европой и другими регионами. Мягкая сила ЕС имеет свои ограничения, и если она эффективна на Украине, в Грузии, то в Мали и ЦАР, например, ситуация иная. Население может воспринимать действия ЕС не как помощь, а как проявление неокOLONиальной политики, что, естественно, вызывает отторжение и даже сопротивление. В итоге Европейский союз может восприниматься как большее зло, чем кто-либо еще.

Во-вторых, в документах ЕС отмечается, что неудачи в неевропейских странах (Мали, Афганистан) вызваны, в том числе, недостатками демократической модели, продвигаемой ЕС, и не лучшим управлением операциями [8, р. 35]. То есть простой перенос демократических норм, традиций и культуры на неевропейские страны ведет к тому, что эти нормы и политическую культуру отвергают, так как она не подстроена под местные реалии. Тем не менее, в исследованиях Европейского союза упоминается теория демократического мира, объясняются ее преимущества, поэтому можно сделать вывод, что построение демократий в других странах желательно для ЕС и является одной из целей его деятельности.

В-третьих, ЕС необходимо действовать более автономно в контексте внешних кризисов. Вывод войск США из Афганистана продемонстрировал, насколько это важно, и что на данном этапе Европейский союз не обладает такой возможностью. Однако украинский кризис показывает, что ЕС движется в этом направлении: была начата миссия по обучению украинских солдат, активно поставляется амуниция и вооружение, в том числе летальное, что было сделано ЕС впервые. Европейские страны также начинают наращивать темпы военного сотрудничества и увеличивать оборонные бюджеты, однако на этом фоне общая роль НАТО повышается сильнее, чем роль ЕС.

Критерии эффективности для миссий и операций имеет смысл устанавливать исходя из целей и задач, которые Евросоюз сам определяет для каждой миссии. Эффективность гражданских миссий оценивать сложнее, так как их цели обычно долгосрочные — помощь в государственном управлении, борьба с коррупцией, мониторинг, помощь на границе, в поддержании порядка и т.д. Отслеживать эффективность военных миссий несколько проще, потому что их задачами в основном являются обеспечение безопасности в стране и регионе (Босния и Герцеговина), тренировка военного персонала, борьба с террористическими группировками и т.п. Каждую миссию и операцию стоит оценивать отдельно, однако если попытаться обобщить, то ЕС применяет этот инструмент достаточно эффективно и старается не ставить перед собой невыполнимые задачи. Тем не менее, проблема заключается в том, что цели и задачи могут быть поставлены так, что само их выполнение не приведет к значительному улучшению ситуации в стране или регионе. Это позволяет делать более сдержанные выводы об эффективности миссии.

Заключение

Таким образом, ЕС имеет широкий спектр инструментов в различных сферах для реализации политики по управлению и урегулированию конфликтов. Они применяются комплексно и на разных этапах, начиная от прогнозирования и заканчивая постконфликтной стабилизацией, что повышает их эффективность. Однако практически невозможно разработать общий для всех инструментов критерий эффективности. Работу Системы раннего предупреждения оценивать сложнее всего, но то, насколько ЕС оказывается готов к конфликту, готовы ли у него ответные действия или действия по деэскалации и урегулированию, предупреждает ли он об опасности начала или обострения конфликта — все это может служить критериями оценки. Учитывая, что прогнозирование — это всегда комплексный и сложный процесс, потому что присутствует очень много неизвестных переменных, этот инструмент Евросоюз использует достаточно эффективно. Основным критерием для других инструментов должен быть факт прекращения огня, так как это главная промежуточная задача, которая достигается путем посредничества, финансовой помощи и военных и частично гражданских миссий. Здесь можно констатировать неоднозначный успех — благодаря посредничеству часто заключались перемирия, но многие из них нарушались (ЦАР, Украина). Влияние финансовой помощи на настроения населения отследить сложно, так как для появления эффекта должно пройти много времени. Самые успешные миссии исходя из этого критерия (который не отменяет вывод, что операции и миссии следует оценивать исходя из поставленных перед ними целей) — миссии на Балканах (Босния и Герцеговина, Косово).

Еще один возможный критерий эффективности — создание переговорной площадки. В этой сфере у ЕС больше всего успехов. ЦАР, Косово, Грузия, Нагорный Карабах — во время этих конфликтов Европейскому союзу удавалось усадить стороны за стол переговоров. Другой вопрос в том, что не всегда это приводило к какому-либо существенному или исчерпывающему соглашению. Конфликт на Украине, несмотря на активное содействие и помощь стран и институтов ЕС, привел к тому, что роль НАТО стала возрастать на этом направлении. Однако это совсем не значит, что НАТО играет теперь большую роль во всех регионах деятельности ЕС. В итоге, данные критерии являются одними из возможных для оценки деятельности Евросоюза в исследуемой сфере. Только краткосрочные и среднесрочные результаты ЕС можно назвать успешными, поэтому выводы в статье ECDPM об успехах Союза соответствуют действительности [15].

Библиография

1. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.11.2022).
2. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
3. *Cooley L.* The European Union's approach to conflict resolution: Transformation or regulation in the Western Balkans // Routledge Studies in European Foreign Policy. London, 2018. 240 p.
4. *Dijkstra H., Mahr E., Petrov P., Đokić K., Zartsdahl P.H.* The EU's partners in crisis response and peacebuilding: complementarities and synergies with the UN and OSCE // Global Affairs. 2018. Vol. 4. No. 2–3. P. 185–196.
5. Joint staff working document EU conflict Early Warning System: Objectives, Process and Guidance for Implementation — 2020 // Council of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6978-2021-INIT/en/pdf> (дата обращения: 17.10.2022).
6. Strategic Culture: an elusive but necessary foundation for EU security and defence? // EU Institute for Security Studies. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Final%20Report%20-%20Strategic%20Culture.pdf> (дата обращения: 06.11.2022).
7. Concept on EU Peace Mediation // Council of the European Union. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/st13951.en20.pdf> (дата обращения: 23.10.2022).
8. Paix et sécurité en 2022. Panorama de l'action de l'Union européenne et perspectives pour l'avenir // Parlement européen. 2022 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/733605/EPRS_STU\(2022\)733605_FR.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/733605/EPRS_STU(2022)733605_FR.pdf) (дата обращения: 14.10.2022).

9. Peace Mediation Guidelines // European Union External Action Service. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas_mediation_guidelines_14122020.pdf (дата обращения: 07.11.2022).
10. ISP — Integrated Approach for Security and Peace Directorate // European Union External Action Service. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/isp2_mediation_factsheet_for_publication_20022021.pdf (дата обращения: 09.11.2022).
11. FPI projects. European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://fpi.ec.europa.eu/fpi-projects_en (дата обращения: 24.10.2022).
12. Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument (NDICI) — “Global Europe” // European Commission. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/system/files/2021-07/factsheet-global-europe-ndici-june-2021_en.pdf (дата обращения: 24.10.2022).
13. European Peace Facility: EU support to Ukraine increased to €2.5 billion // Council of the European Union. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/07/22/european-peace-facility-eu-support-to-ukraine-increased-to-2-5-billion/> (дата обращения: 21.01.2023).
14. Missions and Operations // European Union External Action Service [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/missions-and-operations_en (дата обращения: 26.10.2022).
15. How the EU can step up its support to conflict prevention and peacebuilding // ECDPM. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ecdpm.org/work/how-the-eu-can-step-up-its-support-to-conflict-prevention-and-peacebuilding> (дата обращения: 17.02.2023).

Килунов Илья Константинович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ОПЫТ БЕНИЛЮКСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИМЕР ДЛЯ ВОЗМОЖНОГО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЕКТА

EXPERIENCE OF BENELUX IN MILITARY SECURITY MANAGEMENT AS AN EXAMPLE FOR POSSIBLE PAN- EUROPEAN PROJECT

Аннотация. В данной статье рассматривается возможное применение опыта военной кооперации стран Бенилюкса для создания схожих механизмов, но уже на уровне Европейского союза. С этой целью автор рассмотрел историю взаимодействия Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, чтобы вывести предпосылки глубокого взаимодействия этих стран в военной сфере, понять ключевые цели этой кооперации и выделить этапы развития сотрудничества. На основе этих данных была концептуализирована система сотрудничества стран, а также проведено сравнение общеевропейской ситуации с локальной ситуацией в Бенилюксе для понимания возможных препятствий в реализации такого сотрудничества. Используя полученные данные, автор приходит к выводу о возможности применения концепции Бенилюкса на уровне Европы.

Ключевые слова: военная безопасность, Бенилюкс, европейская безопасность, военная кооперация, принципы военного взаимодействия.

Abstract. This article considers the possible implementation of the experience of military cooperation of the Benelux countries to create similar mechanism on the level of the European Union. For this goal, the author carefully examines the history of cooperation between Belgium, the Netherlands and Luxembourg in order to deduce the prerequisites for deep cooperation between these countries in the military sphere, to understand the key goals of this cooperation and to highlight in some way the stages of development of cooperation. Based on these data, the system of cooperation between the countries was conceptualized, as well as a comparison of the pan-European situation with the local situation in the Benelux was carried out to understand possible obstacles in the implementation of such cooperation. Using the obtained data, the author comes to the conclusion about the possibility of applying the Benelux concept at the European level.

Keywords: military security, Benelux, European security, military cooperation, principles of military cooperation.

Введение

Вопрос создания и дальнейшего развития европейских военных структур постоянно поднимается на разных уровнях, от политического руководства стран Европейского союза до исследователей международных отношений, причем по большей части существует консенсус в пользу создания полноценной европейской армии, но камнем преткновения оказывается финансирование данной инициативы, даже несмотря на нынешнюю ситуацию, связанную с конфликтом на востоке Украины. Таким образом, оборонные инициативы Евросоюза по сей день имеют очень ограниченный характер, что может говорить о том, что используемый подход не дает должного результата. В то же время странам Бенилюкса удастся сильнее углублять сотрудничество в военной сфере, по сути, приближаясь к созданию единой армии, несмотря на все кризисы, с которыми пришлось сталкиваться в последние десятилетия.

Таким образом, можно заметить явную разницу в успехах двух проектов, единых в цели достижения военной безопасности, что говорит о концептуальной разнице в природе процессов.

Цель настоящего исследования заключается в оценке применимости опыта военного сотрудничества стран Бенилюкса на уровне всего Европейского союза с учетом сходства и различия в обстоятельствах, задачах и возможностях.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ исторического развития военного сотрудничества Бельгии, Нидерландов и Люксембурга между собой, дабы выделить основные этапы этого партнерства и условия, которые привели к его развитию.
2. Концептуализировать данные для создания четкой модели данного сотрудничества, оценить полученные результаты.
3. Провести анализ концепции и установить, насколько принципы военного сотрудничества могут быть применены на уровне всего Евросоюза, с учетом разницы условий и масштабов.

Исследования на тему непосредственно оборонительных инициатив Бенилюкса уже проводились, особенно активно — в странах Западной Европы, но в основном это были исследования, рассматривающие узкие темы ограниченного характера. В данной работе будет проведена систематизация и концептуализация этих данных.

Из существующих материалов на тему, использованных в данном исследовании, особенно хотелось бы отметить Георга Штейна, его исследование, несмотря на некоторую потерю актуальности, в целом дает хорошую историческую сводку и описывает формат сотрудничества стран. Были также использованы источники в виде научных работ из журналов, посвященных тематике Европейского союза и ситуации в сфере вооруженных сил стран Европы.

Начало оборонительного сотрудничества Бенилюкса

Вопрос сотрудничества трех стран поднимался еще в начале двадцатого века. Идея о том, что эти три страны могут играть значительную роль в европейской политике лишь сообщила, появилась именно тогда, но общая обстановка в мире и дух времени (*Zeitgeist*) не позволили реализовать эти планы. Первым шагом к партнерству стран можно считать создание Бельгийско-Люксембургского экономического союза в 1921 году [1], в 1932 году к этому экономическому союзу должны были присоединиться Нидерланды, была даже подписана соответствующая конвенция, но с началом кризиса был нанесен удар по экономическому аспекту взаимодействия, а давление со стороны Великобритании, которая опасалась появления в регионе единой силы, нивелировало желание стран объединиться. Непокойное время и угроза со всех сторон заставляли опираться на свои силы, поэтому вплоть до начала Второй мировой войны у стран фактически не было никакой совместной координации войск, даже не были отправлены военные атташе.

Полноценное сотрудничество началось после Второй мировой войны. Георг Штейн пишет: «После окончания Второй мировой войны три страны Бенилюкса — Бельгия, Нидерланды и Люксембург — были одними из наиболее активных участников движения за европейское единство. Действительно, в 1944 году, еще до окончания военных действий, три страны сделали шаг в сторону приверженности европейскому единству, создав Таможенный союз Бенилюкса. Этот Таможенный союз Бенилюкса сформировал основу и модель первоначального Европейского экономического сообщества, когда в 1958 году к трем странам Бенилюкса присоединились Франция, Италия и Западная Германия, чтобы продолжить эволюцию объединенной Европы. И хотя до Второй мировой войны у трех стран была очень различная политика национальной безопасности, сотрудничество во время войны снова побудило их действовать согласованно в послевоенные годы» [2]. Стоит, впрочем, заметить, что военная сфера осталась за рамками созданной организации. Вместо этого были заключены оборонительные соглашения между странами и несколько коллективных союзов, вопреки господствовавшей тогда тенденции к заключению единичного двустороннего партнерства, к чему стремились Франция и Великобритания, два главных полюса силы непосредственно в Европе. Таким образом, уже в начале своего пути Бенилюкс некоторым образом предсказал развитие интеграционных отношений в Европе.

Реалии холодной войны сделали НАТО более важным инструментом обеспечения безопасности, все три страны делали значительные вложения в альянс и готовились действовать в его орбите. Вооруженные силы трех стран находились в составе единого командования субрегиона НАТО на территории Бенилюкса, армии форматировались в соответствии с общей

доктриной НАТО, требуя значительных вложений и создания многих родов войск по требованиям стратегии. Взаимодействие между странами мало отличалось от взаимодействия стран в иных субрегионах, структуры Бенилюкса никак в вопросе задействованы не были. Впрочем, первые шаги были сделаны уже тогда, под эгидой НАТО началось сотрудничество ВМС Бельгии и Нидерландов, которое постепенно укреплялось и приобрело в 1975 году уже более явную форму. Морское командование стало проводить регулярные встречи для обсуждения целей и задач, начали вырабатываться общие подходы к обучению личного состава, пусть это и происходило под эгидой программы НАТО. В 1987 г. к сотрудничеству присоединился Люксембург, была создана совместная тактическая группа в Персидском заливе, тем самым страны региона впервые действительно начинают взаимодействовать на более глубоком стратегическом уровне.

Конец холодной войны и новый взгляд на проблему

С окончанием холодной войны началась трансформация как всего НАТО, так и вооруженных сил стран Бенилюкса, что привело к ряду подвижек. Страны сократили свои военные бюджеты, для Нидерландов, например, расходы упали с 3,2% ВВП до 2,2%, в остальных странах региона ситуация была схожая, произошел отказ от танков, тяжелой артиллерии и многих иных видов вооружения в связи со сменой стратегии — от потенциальной глобальной войны с Варшавским блоком к мобильному реагированию для обеспечения безопасности. Таким образом, нужда в весьма громоздких проектах НАТО, который изначально планировал свои стратегии в глобальном масштабе, значительно ослабла, как и усилия стран Бенилюкса в таком глобальном взаимодействии. При этом важно заметить, что непосредственных шагов против НАТО не предпринималось, как и не было заявлений о бесполезности этой организации. Бенилюксу для дальнейшего развития кооперации совсем не мешало взаимодействие стран в Североатлантическом альянсе.

Другим важным фактором стоит отметить размывание различий между военной сферой и иными — экономической, социальной, это прослеживается на примере эволюции организации ОБСЕ, где прямо отметили связь между разными аспектами: «взаимосвязанный характер этих измерений [военно-политических, экономических и экологических, а также человеческих], а не измерений самих по себе, что составляет главную конкурентную силу ОБСЕ и что должно быть отражено в [ее] деятельности» [3, с. 125]. Эта взаимосвязь становилась отчетливо видна и для стран Бенилюкса. Общество стремительно усложнялось, появлялись проблемы бандитизма, международного терроризма, политическая нестабильность в других странах вызвала рост кризисных явлений по всему миру, что так или иначе создавало условия

для того, чтобы вопросы военной безопасности вошли в повестку дня наднациональной организации, которая ранее занималась только политическими консультациями и экономическими связями.

Основным фактором, который в полную силу запустил процесс расширения военной кооперации, стало быстрое сокращение средств, выделяемых на армию, которое привело к сложностям в обеспечении собственной безопасности каждой отдельно взятой страны. Именно из-за желания найти способ сэкономить были заключены соглашения в сфере военно-воздушных сил между странами Бенилюкса, которые договорились о совместном использовании авиации и близких контактах. Авиация является одним из самых дорогостоящих родом войск. Содержание авиапарка, подготовка квалифицированных кадров для управления и обслуживания техники, постройка и модернизация аэропортов, а также закупка самолетов — все это тяжелым бременем лежит на бюджете любой страны, поэтому именно в этой сфере была предпринята попытка сократить расходы. Главной совместной задачей поначалу стало обеспечение постоянного патрулирования воздушного пространства стран Бенилюкса. Результатом взаимодействия стало продление этих договоренностей, так как экономия от сокращения авиапарка за счет более эффективно разделенных денежных обязательств значительно превысила ожидания, к тому же боевая эффективность от постоянного взаимодействия не сильно пострадала. Доказательством этого послужил момент, когда эти силы впервые были использованы в конфликте в Боснии, где продемонстрировали достаточную эффективность, сохраняя сравнительно низкие затраты для каждой из стран [4].

Прогресс продолжался и в ВМФ, так как флот также требовал значительных средств на содержание, следовательно, при снижении расходов на армию было необходимо пойти на уменьшение количества активных судов в составе ВМФ, а значит, эффективность необходимо получить из иных источников. ВМФ начинает работать по схожей системе с ВВС, но ввиду более высокой степени интеграции были сделаны и дальнейшие шаги, вплоть до создания официальной должности адмирала Бенилюкса и Оперативного управления, объединения военно-морских штабов. Бенилюкс как организационная структура региона впервые появляется непосредственно в военном вопросе, что указывает на дальнейшее направление сотрудничества стран. Хотя данная организация формально не имела никакой связи с Бенилюксом, но первый шаг так или иначе был сделан.

Финальный толчок

Долгое время, несмотря на развивающееся сотрудничество в этом вопросе, военная сфера оставалась для стран на втором плане, и лишь с очередным финансовым кризисом ситуация переменялась. То есть дальнейшие шаги

в расширении военной кооперации были продиктованы не необходимостью военной кооперации как самоцели, а именно с целью избежать потери боевой эффективности в условиях сокращения финансирования, таким образом, вопрос военного сотрудничества стал рассматриваться с точки зрения экономии средств, а не как причина для увеличения расходов. Следовательно, общее сокращение выделяемых на НАТО средств всеми странами-участницами, необходимость достичь повышения эффективности при сокращении расходов и дальнейшее развитие интеграционных объединений послужили причинами для подписания декларации Бенилюкса в 2012 году. В ней были поставлены следующие цели для углубления сотрудничества: логистика и эксплуатация, обучение и подготовка, выполнение боевых задач и закупка военной техники и вооружения. Для контроля над реализацией этих целей была создана специальная Управляющая группа во главе с высшим офицерским составом, военные министры трех стран также могут проводить консультации при необходимости [5].

Подписание декларации Бенилюкса можно назвать моментом, когда, по сути, у Бенилюкса действительно появились механизмы обеспечения военной безопасности, так как ранее на официальном уровне Бенилюкс никоим образом не занимался вопросами интеграции вооруженных сил и их взаимодействия. Другой стороной взаимодействия на уровне Бенилюкса стало сотрудничество полицейских сил, которые добились значительных результатов при сокращении бюджета, личного состава и административного аппарата в том числе за счет постоянного качественного взаимодействия на наднациональном уровне [6, с. 90–91].

Итоговая концепция и результаты

Таким образом, можно вывести следующие особенности структуры интеграции вооруженных сил Бенилюкса: формально межгосударственный характер сотрудничества при фактическом построении наднациональных органов сотрудничества, основная цель — эффективность при меньших затратах, длительный характер взаимодействия. Как показывает практика, данная структура достаточно эффективна, из четырех целей на данный период значительные успехи были достигнуты в трех из них.

Причина успеха в вопросах логистики и эксплуатации в целом достаточно очевидна, при сокращении количества боевой техники и уменьшении численности личного состава в каждой отдельной стране снижается логистическая нагрузка на общую систему, а в армии остаются в значительной степени специалисты, которые успешно используют военную технику. Так же обстоит дело с выполнением боевых задач, за счет концентрации только на высококлассных войсках и технике значительно возрастает потенциал армии, при этом проблема количества компенсируется кооперацией сразу трех стран на этом направлении.

Более впечатляющий успех достигнут при решении задачи по подготовке и обучению, обычно именно проблема подготовки становится камнем преткновения в вопросе интеграции связи со множеством условий, которые необходимо учесть. В случае с Бенилюксом разница постепенно преодолевается, особенно большое продвижение было достигнуто в обучении сил специального назначения, где личный состав может взаимозаменять друг друга вне зависимости от страны. Проблемой стала сложность с закупкой техники и вооружений, что является в большей мере вопросом проблем с системой военных закупок в современном мире, а не структурным изъяном [7].

Делая промежуточные выводы относительно модели военного сотрудничества стран Бенилюкса, можно отметить значительные успехи, особенно в сфере обучения и подготовки личного состава, где процесс дошел до унификации определенных аспектов в обучении. Такой прогресс произошел, по сути, за несколько десятилетий, что говорит о высоком потенциале этой системы, который до сих пор не достиг своего предела и лишь набирает обороты. Общие результаты также вполне удовлетворительные, данная модель способна эффективно обеспечивать безопасность всех трех стран и дает значительные возможности для реагирования на появляющиеся кризисы при достаточно невысоких затратах, дальнейшая институционализация лишь повысит возможности системы, о чем будет сказано в дальнейшем.

Оценка применимости концепции

Главными факторами, которые явились предпосылками к реализации данной концепции безопасности, стали стремление к экономии средств и желание обеспечить при этом безопасность. Такие условия, в целом, подойдут любой стране, поэтому стоит сосредоточить внимание на вторичных факторах, которые в такой ситуации могут сыграть решающую роль.

Первым из них можно назвать географическое положение стран Бенилюкса, они зажаты с трех сторон — Великобританией с моря, Францией с запада и Германией с востока. Такое положение вкупе с историческим опытом подталкивает эти страны к тому, чтобы попытаться балансировать, а это намного проще делать, представляя из себя единую силу. Следующим фактором можно отметить схожую экономическую ситуацию в странах Бенилюкса, что несколько раз сыграло свою роль, когда кризис одинаково влиял на все три страны и побуждал к дальнейшему сотрудничеству, причем тяжесть ситуации также была одинаковая. Последним моментом стоит отметить дружелюбное отношение стран друг к другу, по сути, между ними не существует никаких значительных взаимных претензий на данный момент, а плодотворное сотрудничество продолжается уже без малого сто лет.

Выводя данные факторы на уровень Европейского союза, можно заметить значительное различие. Даже ситуация с экономической стороной вопроса в Европе отличается от региона к региону, например, Греция страдает от экономических кризисов куда сильнее Германии и вынуждена обращаться к ней за помощью. Ситуация с претензиями тоже до сих пор не решена на всей территории Европейского союза, некоторые страны до сих пор относятся с некоторым недоверием друг к другу.

Тем не менее, этот проект может быть использован на общеевропейском уровне, с другой стороны, не стоит видеть в нем готовый вариант. Скорее, применение системы безопасности Бенилюкса может быть частичным, лишь в плане основных концепций, либо в виде окончательного оформления оборонительных кластеров на основе существующих в Европе объединений. Идея оборонительных кластеров давно рассматривалась в среде исследователей, многие видели в этом выход из тупика, в котором находится идея европейской армии, отмечая наличие уже готовых структур безопасности во многих регионах Европы, при этом желая совместить их работу с деятельностью НАТО [8]. Модель Бенилюкса могла бы стать тем недостающим кирпичиком, что позволило бы направить работу в эффективное русло и обеспечить полноценный базис для создания европейской армии.

Впрочем, стоит учитывать, что даже такие кластеры отличны друг от друга. Так, Вышеградская группа далека от своего аналога в виде Бенилюкса, и связь между ними достаточно обрывочна, а сами они сильно различаются во многих аспектах [9]. Таким образом, нужно правильно оценить возможности по применению опыта Бельгии, Нидерландов и Люксембурга к иным кластерам, хотя очевидно, что кластерная система до сих пор более предпочтительна [10].

Выводы

После тщательного исследования было выделено несколько основных моментов касательно опыта Бенилюкса в построении коллективной структуры безопасности с применением наднациональных органов. Прежде всего это, конечно, значительная эффективность этой системы из-за решения основной проблемы идеи европейской армии, а именно решение вопроса финансирования, так как армия фактически не создается с нуля, скорее, появляется из интеграционного процесса. Таким образом расходы для каждой отдельной страны уменьшаются, а у Бенилюкса как единого целого появляются инструменты для обеспечения безопасности.

Самым важным является возможность внедрения этого опыта для ЕС, хотя его скорее всего не получится внедрить сразу для преодоления всех проблемных моментов, но зато с большей вероятностью он может быть применен для полноценной реализации потенциала кластерной концепции, где

опыт Бенилюкса окажется наиболее полезен, а уже в дальнейшем можно будет говорить о формировании из этих структур настоящей европейской армии. Тем более, что сам Бенилюкс еще не завершил этот процесс, как минимум, еще не произошло слияние в единую систему трех разных соглашений по разным частям вооруженных сил, поэтому пространство для улучшения остается, и в ближайшем будущем нужно проследить, сможет ли данная модель достичь своей цели и смогут ли европейские политики использовать ее для воплощения в реальность идеи европейской армии.

Библиография

1. Convention for the establishment of economic union between two countries, signed at Brussels. League of Nations Treaty Series. Brussels, 1921. Vol. 9. P. 224–245.
2. *Stein G. J.* Benelux Security Cooperation. New York, 1990. P. 4–11.
3. *Freire M. R.* The evolving role of the OSCE in the shaping of European security // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. № 15(2). С. 123–137.
4. *Orr D. L.* The Benelux Deployable Air Task Force: A model for EU/NATO defense force integration // Air & Space Power Journal. 2003. Vol. 17. Issue 3. P. 93–98.
5. *Biscop S., Coelmont J., Drent M., Zandee D.* The Future of the Benelux Defence Cooperation. Brussels, 2013. P. 3–8.
6. *Кислухин В. А.* Экономизация полицейской деятельности в государствах Союза Бенилюкс // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 87–91.
7. *Klinkert W.* Benelux Countries. The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces // Mayer H., Wyss M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 247–262.
8. *Drent M., Zandee D., Casteleijn L.* Defence Cooperation in Clusters: Identifying the Next Steps. Hague, 2014. P. 16.
9. *Дрыночкин А., Сергеев Е.* Бенилюкс и Вишеградская группа: опыт сопоставления // Современная Европа. 2016. № 6. С. 58–61.
10. *Blockmans S., Crosson D. M.* Differentiated integration within PESCO — clusters and convergence in EU defense. Edinburgh, 2019. P. 5–22.

Смирнова Анастасия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

SECURITIZATION OF MIGRATION IN THE EUROPEAN UNION'S POLICY

Аннотация. Данная статья анализирует, какую роль в процессе секьюритизации миграции в Евросоюзе играет фактор наднациональности и, наоборот, какую роль в развитии наднациональности играет секьюритизация вообще и миграции в частности. С помощью теории (ин)секьюритизации автор анализирует, как именно конструируется миграционная угроза наднациональными акторами, как изменился их подход во время пандемии COVID-19 и кризиса с украинскими беженцами 2022 г. На основе данного анализа автор делает выводы о целях такой секьюритизации, которые ставили перед собой наднациональные акторы, и о том, удалось ли их достичь.

Ключевые слова: секьюритизация миграции, Европейский союз, экстернализация миграции, «европейская крепость», пандемия, украинский кризис.

Abstract. This article analyzes which role the supranationality factor has in the process of securitization of migration in the European Union, and, conversely, what role securitization in general and of migration in particular has in the development of supranationality. Through the theory of (in)securitization the author analyzes how the migration threat is constructed by supranational actors, how their approach has changed during the COVID-19 pandemic and the crisis with Ukrainian refugees in 2022. Based on this analysis, the author draws conclusions about the goals of such securitization that supranational actors set for themselves, and whether they were achieved.

Keywords: securitization of migration, European Union, externalization of migration, “Fortress Europe”, pandemic, Ukrainian crisis.

Введение

Миграционные потоки в XXI веке продолжают возрастать; сегодня можно с уверенностью говорить о миграции как о глобальном процессе, оказывающем влияние на государственных и негосударственных акторов, различные сферы их деятельности — экономику, социогуманитарную сферу, культуру и т.д. В то же время, в современных международных отношениях продолжается

переосмысление концепции безопасности, ее расширение за счет невоенных аспектов, в число которых включается и миграционный фактор. Включение миграции в сферу безопасности особенно актуально для Европейского союза, в последние десятилетия являющегося пунктом назначения для миллионов мигрантов. Подход к миграционной проблеме именно с этой точки зрения стал еще более распространен в ЕС в ходе миграционного кризиса 2015 г., когда иммиграция связывалась с рядом угроз, в первую очередь с терроризмом и ростом преступности. Сегодня актуализация связи миграции с политикой безопасности Евросоюза обусловлена влиянием пандемии COVID-19 и связанных с ней вызовов, а также наплывом в Европу украинских беженцев в связи с военными действиями.

Надо сказать, что данная тема достаточно популярна у исследователей, в основном зарубежных — много написано как про реальные угрозы безопасности, связанные с миграцией, так и про включение миграционного фактора в повестку политики безопасности Евросоюза. Исследования посвящены т.н. «секьюритизации миграции» как в дискурсе ЕС, так и в политических практиках Союза. Однако большинство работ фокусируется на периоде миграционного кризиса середины 2010-х гг., не принимая во внимание дальнейшее развитие данного процесса в связи с пандемией и украинским кризисом, поэтому целесообразным представляется актуализировать накопленные исследовательские материалы в связи с новыми вызовами. Кроме того, в данной работе предлагается взглянуть на секьюритизацию миграции с точки зрения инструмента, который применяется на уровне ЕС для решения определенных задач, связанных с внутренней динамикой интеграции и наднациональности.

Таким образом, цель данного исследования — оценить взаимовлияние фактора наднациональности и процесса секьюритизации миграции в ЕС. Для достижения данной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Рассмотреть с точки зрения развития наднациональности характерные для ЕС секьюритизирующие практики.
2. Проанализировать видоизменение этих практик и всего процесса секьюритизации в связи с пандемией COVID-19.
3. Оценить через призму секьюритизации ответ Евросоюза на современный кризис, связанный с беспрецедентным потоком беженцев из Украины.

Теория секьюритизации и (ин)секьюритизации

Теоретико-методологическую базу исследования составляет, в первую очередь, теория секьюритизации Копенгагенской школы, разработанная Б. Бузаном и О. Вэйвером [1]. В основу теории легла идея о том, что объективных угроз безопасности вообще не существует, есть лишь явления, социально конструи-

ируемые как таковые. Акторы, которые конструируют угрозы безопасности, делают это, чтобы, представив определенную проблему экзистенциальной угрозой, получить чрезвычайные полномочия для ее решения, не будучи более ограниченным в методах. Теория секьюритизации, в духе лингвистического поворота в теории международных отношений, фокусируется на понятии дискурса, а конструирование угрозы происходит с помощью «речевого акта». Для целей нашего исследования, однако, представляется более подходящей теория (ин)секьюритизации Парижской школы, которая развивалась на рубеже XX и XXI вв. именно как ответ на новые вызовы миграции и терроризма в условиях размывания государственного суверенитета. Согласно данной теории, социальное конструирование угрозы может происходить не только и не столько в дискурсе, но также через социально-политические практики [2]. В частности, Д. Биго указывает, что ограничительные меры в отношении миграции только укрепляют представления о ней как об угрозе. Именно с такой точки зрения мы будем рассматривать миграционную политику ЕС. Кроме того, у Биго (ин)секьюритизация представлена в качестве политической технологии, которую используют различные институты, манипулируя общественными страхами ради своих политических целей. Эту логику мы с некоторой долей условности можем перенести на Европейский союз как единый наднациональный субъект и актор секьюритизации.

Источниковую базу исследования составили официальные документы Брюсселя, такие как Европейская повестка дня по миграции (2015), Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности (2016), Новый пакт по миграции и убежищу (2020), отчет о влиянии COVID-19 на миграционные процессы (2021) и др.

Секьюритизирующие практики Евросоюза

1. «Экстернализация» миграции

В качестве секьюритизирующей практики в первую очередь необходимо рассматривать т.н. «экстернализацию» миграции в ЕС, то есть перенос этой проблемы в повестку внешней политики Союза. Наиболее важным здесь кажется изменение восприятия процесса — миграция в таком случае становится не столько проблемой отдельных государств, которую они могут решать по-разному, сколько внешним вызовом для всего Евросоюза, ответ на который предполагает совместные действия стран-членов. Начинается этот процесс еще с заседания Европейского совета в Тампере в 1999 г., где была провозглашена стратегия сдерживания нелегальных миграционных потоков через развитие сотрудничества со странами происхождения мигрантов, а также повышенное внимание к защите внешней границы ЕС [3, р. 306–307]. В 2016 г., в разгар миграционного кризиса, была принята новая Глобальная

стратегия по внешней политике и политике безопасности, в которой упор был сделан на переориентацию Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) на противодействие «новым угрозам», в числе которых была и миграция [4]. Некоторые исследователи считают, что такое включение миграции во внешнюю политику и политику безопасности связано с тем, что в этой области уровень солидарности стран-членов достаточно высокий, и интеграция в нее такого противоречивого и разделяющего сюжета может повысить шансы на выработку общего решения и укрепления солидарности в этой сфере [5, с. 318]. Можно сказать, что в какой-то степени это конструирует образ миграции как «общего врага» на подступах к Европе, который должен сплотить государства-члены.

Экстернализация контроля над миграцией заключается, в первую очередь, в управлении этим процессом на расстоянии, за пределами территории ЕС. Именно такую цель преследует сотрудничество Брюсселя со странами происхождения и транзита мигрантов. «Новый пакт по миграции и убежищу», принятый в 2020 г., также фокусируется на внешнем измерении миграционной политики ЕС, подчеркивая необходимость устранения первопричин миграции путем повышения стабильности и безопасности в странах происхождения [6]. Фактически, такая политика направлена на снижение миграционных притоков как таковых и недопуск мигрантов на территорию ЕС. В рамках сотрудничества со странами Африки и Ближнего Востока Брюссель осуществляет, в первую очередь, меры по предотвращению и разрешению конфликтов в этих странах — именно миграционная проблематика часто лежит в обосновании европейских военных операций (например, в Мали). Кроме прямого военного участия, ЕС также фактически проецирует свои территориальные границы и «экспортирует» свою миграционную стратегию контроля над границами и сдерживания миграционных потоков на эти страны, часто обуславливая помощь в сфере развития успехами в управлении миграцией (как это происходило с Ливией). Большое внимание также уделяется сотрудничеству с этими странами в вопросах возвращения и реадмиссии мигрантов. Кроме того, в целях недопуска мигрантов на свою территорию ЕС также использует концепт безопасной третьей страны, в которую могут быть направлены мигранты вместо стран — членов Евросоюза. Примером применения данного концепта может служить соглашение ЕС с Турцией 2016 г., когда Брюссель рекомендовал странам-членам считать Турцию безопасной третьей страной и выдворять туда нелегальных мигрантов с целью сокращения заявлений на подачу убежища в ЕС. Такой же цели служат и т.н. «региональные платформы высадки», организованные в третьих странах для проверки и дальнейшего распределения нелегальных мигрантов, пытавшихся проникнуть в ЕС по морю.

2. Укрепление внешней границы ЕС

С тенденцией к экстернализации миграционной политики ЕС тесно связаны меры, направленные на укрепление внешней границы Союза. Во-первых, это использование сложных технологий надзора и пограничного контроля, таких как базы данных (напр., European Visa Information System, EU Passenger Name Record и др.) для обмена информацией о «нежелательных» мигрантах, системы скрининга и т.д. Во-вторых, на защиту внешней границы также направлены такие меры, как визовый режим, соглашения о реадмиссии, патрулирование границы, операции на море по предотвращению нелегальной миграции и т.д. Необходимо отметить, что такое повышенное внимание к пограничному контролю на внешней границе Союза способствовало тому, что он в значительной степени был переведен на наднациональный уровень, повышая роль общих подходов, согласованных на уровне Брюсселя.

Отдельно необходимо рассмотреть деятельность агентства FRONTEX как одного из наиболее ярких примеров секьюритизирующих практик. Еще в 2010 г. С. Леонард написал статью, посвященную вкладу этой организации в секьюритизацию миграции [7]. Он отмечал, что все ключевые задачи агентства, а именно: координация действий стран-членов по управлению границей, обучение национальной береговой охраны, анализ рисков, внедрение достижений в области контроля и надзора за границей, техническая и оперативная помощь государствам-членам, организация совместных операций по возвращению мигрантов, так или иначе связаны с безопасностью. Однако исследователи отмечают, что в связи с миграционным кризисом FRONTEX прошел значительную трансформацию, еще больше связывая миграцию с аспектами безопасности [8, р. 1425]. Так, Агентство получило более широкими полномочиями в области внешнего контроля границы, все больше напоминая правоохранительное ведомство. В частности, агентство получило право обрабатывать персональные данные и передавать их государствам-членам для анализа рисков, заниматься оперативной деятельностью, в том числе совместно с последними (ранее оно могло лишь оказывать помощь государствам-членам): пограничные интервенции, высылка мигрантов и их реинтеграция на родине. Оно также проводит систематические проверки граждан ЕС на внешних сухопутных, морских и воздушных границах, используя Шенгенскую информационную систему и базу данных о похищенных и утраченных проездных документах Интерпола. В своих операциях FRONTEX также сотрудничает с НАТО и Европоллом, которые традиционно ассоциируются с «жесткой безопасностью».

Парадоксально, но такое повышенное внимание к внешней границе Евросоюза может рассматриваться как противовес свободе передвижения внутри ЕС и, более того, как ее залог. Вообще же перенос жесткой миграционной политики на внешний рубеж ЕС как безусловно секьюритизирующая

практика может быть связана с концепцией «европейской крепости», согласно которой хорошо защищенные внешние рубежи Европы дают возможность для дальнейшего объединения и устранения барьеров внутри «крепости» [9, р. 26]. В этом смысле секьюритизация миграции и перенос ее за пределы Союза призваны предотвратить появление разделительных линий в Европе и раскол среди государств-членов, повысить солидарность и способствовать дальнейшей интеграции. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что все вышеперечисленные меры де факто связаны с утверждением контроля над границей и тем, кому разрешено или не разрешено ее пересекать, как частью суверенитета государства. Евросоюз, безусловно, государственным образованием не является и суверенитетом в прямом смысле этого слова обладать не может, однако такое стремление наднациональных институтов трактовать границы именно как внешние рубежи ЕС, а не суверенных государств-членов, может свидетельствовать о стремлении установить над странами-членами «суверенитет», де-факто с целью дальнейшей передачи полномочий на наднациональный уровень.

Новые подходы в связи с пандемией COVID-19 и украинским кризисом

1. Пандемия коронавируса

Защита внешней границы Европейского союза была в центре внимания и во время пандемии. С одной стороны, эпидемия первоначально способствовала дальнейшей секьюритизации миграционных процессов — теперь они были напрямую связаны со здоровьем и жизнью европейских граждан. В этой связи мы можем отметить действия акторов национального уровня, в первую очередь, крайне правых политических партий и движений. Будучи акторами, традиционно конструирующими миграцию как угрозу, они продолжали заниматься этим во время пандемии. Ярким примером является лидер итальянских правых М. Сальвини, который в надежде актуализовать «миграционную карту» возлагал на мигрантов основную ответственность за распространение вируса и требовал принятия решительных мер [11, с. 131]. Мы также можем указать на действия национальных правительств, «перехватывающих» эту повестку для возвращения контроля над своими границами.

С другой стороны, несмотря на эти усилия, мейнстримом стал все же отход миграционной тематики на второй план в политическом поле Евросоюза. Происходит некая рационализация европейской миграционной политики, вырабатывается более сбалансированный подход. Во-первых, стало понятно, что миграционные процессы необратимы даже в таких жестких условиях — так, после падения уровня иммиграции в 2020 году в связи с закрытием границ уже в первой половине 2021 года нелегальная миграция в ЕС выросла на 64%

по данным FRONTEX [9, p. 32]. Во-вторых, пандемия показала, что мигранты являются не «абсолютным злом» и экзистенциальной угрозой, а важным элементом европейского рынка труда. Поэтому если в годы миграционного кризиса фокус был де-факто на недопуск мигрантов в ЕС, то во время пандемии акцент в еще большей степени сместился именно на управление миграцией — ключевым стало решение о том, кто может легально въехать в ЕС. Так, государства-члены, вводя ограничения на прием мигрантов, делали исключение для трудовых мигрантов, занятых в таких ключевых областях, как здравоохранение, сельское хозяйство и транспорт [10, p. 2].

В целом кажется целесообразным говорить о том, что на уровне ЕС секьюритизация миграции во время пандемии была заменена секьюритизацией коронавируса. Новый «невидимый враг» выполнял на наднациональном уровне те же функции — укрепление солидарности для выработки общего ответа на новый вызов. Поэтому секьюритизирующие практики, связанные с контролем над внешней границей, в этот период, на наш взгляд, имели значение не сами по себе, а именно в связи с секьюритизацией инфекции. Это позволяет говорить о функциональном характере процесса секьюритизации как такового на уровне ЕС, когда угроза конструируется для получения полномочий по борьбе с ней, при этом сам характер угрозы имеет второстепенное значение — по сути, любой объект может быть секьюритизирован.

2. Украинские беженцы в Евросоюзе

Что касается нынешнего наплыва беженцев в Европу, мы отмечаем снижение и даже маргинализацию секьюритизации этого процесса. Это проявляется и в дискурсе евробюрократии (а также национальных правительств и других политических сил национального уровня), и в таких мерах, как снятие ограничений на въезд, упрощение пограничного контроля, отмена визового режима и т.д. Особо необходимо отметить возвращение ЕС к Директиве о временной защите, принятой после югославских войн; данная директива предполагает в случае массового притока перемещенных лиц предоставление им временной защиты на срок до 3 лет, которая предполагает вид на жительство, право на работу, социально-финансовую помощь, доступ к системе образования и медицинского обслуживания и т.д. Единственным моментом, связывающим миграционный поток и вопросы безопасности, в данной ситуации оказывается трансграничная преступность и опасность роста торговли людьми, но для решения данных проблем оперативно вырабатываются механизмы, в частности, на уровне Еврокомиссии [12, с. 13].

Вообще же исследователи фиксируют беспрецедентный уровень солидарности государств — членов ЕС перед лицом этой новой волны беженцев (хотя проблемы с их справедливым распределением внутри Союза все еще

сохраняются). Нам кажется, это еще раз подчеркивает, что ЕС использует секьюритизирующие практики функционально, а основной целью является противодействие дезинтеграции стран-членов и расширение полномочий наднационального уровня. Сегодняшняя ситуация не требует искусственного конструирования какого-либо явления как угрозы — в условиях усиления международной напряженности, особенно на европейском континенте, и увеличения масштабов противостояния Запада с Россией на передний план возвращается «жесткая», военная безопасность.

В то же время нельзя не упомянуть о глубинных причинах секьюритизации миграции в Европе. Речь идет об объективно существующих в определенных слоях европейского общества культурных и социально-экономических страхах, связанных с наплывом мигрантов, которые активно эксплуатируются националистически настроенными акторами — особенно на этом поле преуспели правые популисты. Поэтому уместно будет подчеркнуть, что на данный момент украинские беженцы не конструируются как угроза не потому, что Евросоюз перестал применять к ним секьюритизирующие практики, напротив, по нашему мнению, связь является обратной — эти практики не применяются, т.к. для них нет основы в европейском обществе. Во-первых, украинцы не воспринимаются как угроза европейской идентичности, т.к. являются культурно близким народом, в отличие от мигрантов с Ближнего Востока и из Африки. Во-вторых, портрет мигранта сейчас серьезно отличается от кризиса середины 2010-х гг. Если тогда приезжали в основном молодые мужчины, то сейчас основную часть составляют женщины и дети; кроме того, довольно большая часть беженцев сейчас — высококвалифицированные образованные люди, готовые занять место на европейском рынке труда, а не жить на пособия [13]. Из данной ситуации мы можем сделать вывод, что Евросоюз и его институты не являются главными акторами секьюритизации миграции, задающими тренд, а лишь используют для своих целей мигрантофобские настроения в обществе, культивируемые другими, националистически настроенными акторами.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать довольно противоречивые выводы. С одной стороны, кажется очевидным, что ЕС участвовал в секьюритизации миграции наряду с другими акторами, особенно в годы миграционного кризиса, несмотря на декларируемые им мультикультурализм, приверженность правам человека и политику открытых дверей. Можно установить цели, которые наднациональные институты преследовали посредством участия в этом процессе. Во-первых, это попытка противостоять кризису солидарности стран-членов и их недовольству общеевропейской политикой через конструирование «общего врага» или, как минимум, «чужого».

Во-вторых, характер секьюритизирующих практик, связанных с акцентом на охране внешней границы ЕС, также позволяет предположить усиление наднациональности и расширение полномочий евробюрократии в качестве целей такой политики. Наконец, делая акцент на внешнем измерении миграционной проблематики, европейцы использовали это как повод для активизации общеевропейской внешней политики и усиления субъектности ЕС на международной арене.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что роль наднационального фактора в процессе секьюритизации миграции не является ведущей. Главная роль в этом процессе все же принадлежала националистически настроенным акторам, таким как правые популисты и подобные им политические фигуры и силы. Можно сказать, что они выступали первичными акторами секьюритизации, тогда как Евросоюз уже впоследствии, на волне популярности мигрантофобских настроений, попытался сыграть на них для достижения своих целей.

Однако здесь возникает парадокс: разные акторы, таким образом, использовали один и тот же инструмент с противоположными целями. В то время как ЕС преследовал усиление интеграционных тенденций и наднациональности, другие акторы стремились этому противостоять. По сути, Европейский союз попытался играть на чужом поле — будучи продуктом либеральной парадигмы, он втягивался в процесс секьюритизации, анти-либеральный по своей природе. Результат предсказуем — если судить об успешности усилий евроинститутов на миграционном направлении, они, мягко говоря, неоднозначны, и секьюритизация здесь не помогла. Так, если об усилении наднационального аспекта во внешней политике Союза через рассмотренные практики еще можно говорить, то во внутренней политике ЕС наблюдается скорее обратная ситуация. Таким образом, вовлечение в процесс секьюритизации миграции не принесло желаемых политических результатов, зато вызвало политические издержки, связанные со справедливым обвинением в расхождении между словами и делами, декларациями и практикой.

Библиография

1. *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 239.*
2. *Bigo D. When Two Become One: Internal and External Securitisations in Europe / Kelstrup M., Williams M. (eds) // International Relations Theory and the Politics of European Integration. London: Routledge, 2001. P. 320–360.*
3. *Salvati P. The “inward-looking” securitization of the EU external migration policy in the New Pact on Migration and Asylum: a critical appraisal from a perspective of international law with reference to migration from Africa // Freedom, Security & Justice: European Legal Studies. 2021. No. 2. P. 305–323.*

4. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
5. *Кравчицкая Е.* Экстернализация миграционной политики ЕС как решение проблемы солидарности // Международные отношения в XX–XXI вв.: сборник научных статей и сообщений. Екатеринбург, 2020. С. 314–332.
6. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions on a New Pact on Migration and Asylum, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0609> (дата обращения: 23.01.2023).
7. *Leonard S.* EU Border Security and Migration into the European Union: FRONTEX and Securitization through Practices // *European Security*. 2010. No. 19(2). P. 231–254.
8. *Leonard S., Kaunert Ch.* The Securitization of Migration in the European Union: Frontex and its Evolving Security Practices // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. No. 48(6). P. 1417–1429.
9. *Sinha S.* Migration and Terrorism in Europe: A Nexus of Two Crises // *International Journal on Responsibility*. 2022. Vol. 5. No. 1.1. P. 25–36.
10. The impact of COVID-19 in the migration area in EU and OECD countries // *European Migration Network OECD Umbrella Inform*. Brussels, 2021. P. 38.
11. *Гусева Ю. Р., Пономаренко А. А.* Особенности стратегии правого популизма в период пандемии SARS-CoV-2 (на примере Италии) // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 12. С. 128–132.
12. *Потемкина О. Ю.* Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2022. № 2. С. 7–15.
13. The potential contribution of Ukrainian refugees to the labour force in European host countries // *OECD*. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/ukraine-hub/policy-responses/the-potential-contribution-of-ukrainian-refugees-to-the-labour-force-in-european-host-countries-e88a6a55/> (дата обращения: 23.01.2023).

Христов Симеон Веселинов

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет политологии
Бакалавриат

МИНИЛАТЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ ИНИЦИАТИВЫ «ТРЕХ МОРЕЙ»

THE MINILATERAL APPROACH AND THE ENERGY SECURITY OF THE PARTICIPATING COUNTRIES IN THE THREE SEAS INITIATIVE

Аннотация. В настоящей статье прослеживается применение минилатерального подхода в международных отношениях и его специфики на примере инициативы «Трех морей». Автором дана общая формулировка минилатеральной концепции, а также предпринята попытка определить ее преимущества и недостатки. Проанализировав основные институциональные механизмы функционирования инициативы «Трех морей», а также финансовых механизмов Европейского союза, выполняющих комплементарную функцию, автор оценивает подход в обеспечении энергетической безопасности стран-участниц минилатерального института.

Ключевые слова: минилатерализм, инициатива «Трех морей», энергетическая безопасность, комплементарность.

Abstract. The purpose of this article is to inquire about the minilateral concept and its specific features as in the case of the Three Seas Initiative. The author gives a general definition of the minilateral concept, as well as, defines its advantages and disadvantages. Having analyzed the main institutional mechanisms of functioning of the Three Seas Initiative, in addition to the ones of the European Union, the author claims that they can play a complementary role and synergise the effect in terms of energy security.

Keywords: minilateralism, Three Seas Initiative, energy security, complementarity.

Введение

Учрежденная в 2015 году инициатива «Трех морей» представляет собой региональную организацию, имеющую своей целью способствовать когезии в трех ключевых сферах (энергетике, транспорте и коммуникации) между 12 странами-участниками: Австрией, Болгарией, Венгрией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Словакией, Словенией, Хорватией и Чехией. С принятием общей декларации Седьмого саммита инициативы «Трех морей»

2022 года в Латвии, Украине предоставляется статус «участвующего партнера», отличающегося от статуса «стратегического партнера» [1]. Несмотря на такое расширение, инициатива «Трех морей» остается наднациональным проектом, связанным напрямую с Европейским союзом.

Причину зарождения и институционализации инициативы «Трех морей» можно увидеть в потребности выравнивания экономического диспаритета между государствами внутри Европейского союза, конкретнее, между странами Западной и Восточной Европы. Инструментом для уменьшения этого дефицита является минилатеральный подход [2]. Минилатерализм предполагает участие уменьшенного количества государств в наднациональном формате для более эффективного разрешения относящихся к ним проблем.

Одной из сфер, для анализа которой может применяться минилатеральная концепция, является энергетика. Сфере энергетики, являющейся одним из трех столпов развития инициативы «Трех морей» наряду с транспортом и коммуникацией, необходимо уделить особое внимание в контексте политики энергетической безопасности. Под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности государства, его граждан, общества и экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению. Эти угрозы могут определяться как внешними (геополитическими, макроэкономическими и конъюнктурными) факторами, так и состоянием и функционированием энергетического сектора страны [3].

Минилатерализм

Реализация минилатеральной концепции на примере инициативы «Трех морей» должна рассматриваться в рамках мультилатерального Европейского союза, как усиливающий элемент согласно принятой на первом саммите в Дубровнике общей декларации стран-учредительниц [4]. Таким образом, под минилатерализмом мы понимаем концепцию оптимального количества государств, участвующих в наднациональном проекте, как эффективный способ достижения целей. Из этого краткого определения следует выделить преимущества и недостатки минилатерального подхода в международных отношениях.

Преимущества:

- 1) Эффективность;
- 2) Скорость принятия и имплементации решений;
- 3) Гибкость.

Недостатки:

- 1) Проблема легитимации наднациональных проектов;
- 2) Меньшая инклюзивность в отношении других стран;
- 3) Проводимые минилатеральными организациями политики могут быть менее предсказуемыми.

Благодаря количеству участников в минилатеральных проектах диалог между субъектами внутри наднационального института приобретает импульс, и процесс имплементации решений становится более эффективным. Следовательно, сокращается время для достижения консенсуса по определенным секторным политикам. Вдобавок минилатеральные организации обладают высокой степенью гибкости, позволяющей им оперативно реагировать на возникающие кризисы в ситуациях неопределенности.

В противовес вышеупомянутым преимуществам, самым явным недостатком выступает момент легитимности минилатеральных организаций при условии, что они не существуют внутри мультилатерального института [5]. Более того, оптимальное количество участников, предполагаемое в минилатеральной концепции, означает меньшую инклюзивность в отношении потенциально заинтересованных в участии стран. Ввиду меньшего количества участников, что приводит к более быстрому достижению консенсуса, политики, проводимые наднациональным органом, могут быть трудно предсказуемыми.

В случае с инициативой «Трех морей», действующей в рамках Европейского союза, проблему легитимности можно считать актуальной только в том случае, если принципы функционирования минилатерального институционального образования противоречат принципам построения мультилатерального института. На наш взгляд, такую гипотезу можно легко отвергнуть при последующем анализе механизмов комплементарности Европейского союза и инициативы «Трех морей». Являясь минилатеральным институтом внутри мультилатеральной организации, инициатива «Трех морей», наоборот, легитимирует свое существование [6].

Обеспечение энергетической безопасности в инициативе «Трех морей»

Ситуация с поставками энергоресурсов в Европу, преимущественно из Российской Федерации, сильно изменилась в феврале 2022 года. Непосредственно до обострения энергетического кризиса, возникшего в результате военного конфликта на Украине, Россия поставляла в страны Европейского союза до половины всего импортированного природного газа [7]. Согласно статистическим данным, в 15 европейских странах, преимущественно в Центральной и Восточной Европе, Российская Федерация являлась основным торговым партнером и поставщиком природного газа [8]. Европейским политикам давно известны позиции некоторых исследователей, заявляющих об опасности в принятой политике в сфере энергетики сотрудничества с Российской Федерацией, в частности — растущая доля на рынке, которую РФ занимает [9]. Исходя из факта, что Российская Федерация поставляла половину из всего импортируемого природного газа, можно сделать следующие выводы. Во-пер-

вых, огромная доля на рынке означает, что Российская Федерация обладает рычагом воздействия в отношении отдельных стран Европы. Во-вторых, зависимость Европы от российского газа предполагает эрозию европейского суверенитета, что, собственно, влияет на свободу действий некоторых европейских стран, в которые Российская Федерация поставляет энергоресурсы.

Кай-Олаф Ланг, сотрудник Немецкого института международной политики и безопасности, проанализировав позицию Польши в инициативе «Трех морей», считает растущую роль США противовесом немецкому влиянию в регионе [10]. Политические линии Польши и США преследуют задачу ограничения влияния России не только в Центральной и Восточной Европе, но и Европе в целом. Об этом свидетельствует позиция Соединенных Штатов Америки и Польши в отношении «Северного потока — 2», который обходит страны Прибалтики и Польшу, традиционно считающие политику РФ враждебной. «Северный поток — 2», соединяющий напрямую Россию и Германию, занижает роль Польши, которая ищет в лице США гаранта для противодействия влиянию Российской Федерации в регионе. Следуя логике, можно заключить, что инфраструктурный дефицит в Восточной Европе приводит к ослаблению роли не только Польши, но и соседних стран.

Другой насущной проблемой является консолидация позиций стран-участниц в инициативе «Трех морей», об этом предупреждает Пламен Ралчев, заведующий кафедрой международных отношений Университета национального и мирового хозяйства в Софии [11]. По его мнению, Болгария не занимает активной позиции в инициативе «Трех морей» из-за конфликта двух дискурсов в гражданском обществе. Первая группа, выражающая довольно скептическое отношение к инициативе «Трех морей», считающая ее даже антироссийской, с потенциалом превратиться в военную организацию, направленную против России, не способствует принятию правительством Болгарии более активных действий в отношении развития инициативы, в том числе развития инфраструктуры. Аргументами противников инициативы часто служат восприятие инфраструктуры как потенциального оружия против Российской Федерации и мнение о необходимости в сотрудничестве с Россией в сфере энергетики. Вторая группа, которая имеет меньше представителей в гражданском обществе, считает инициативу возможностью для страны, позволяющей ей преследовать свой специфический интерес. В качестве такого интереса чаще всего указывается энергетическая диверсификация. Доминирование скептиков в отношении инициативы «Трех морей» в Болгарии во многом и определяет неактивное участие страны.

Подобное расхождение в позициях, занимаемых отдельными странами — участницами инициативы «Трех морей» касаясь оценивания рынка энергоресурсов, препятствует формированию единой политики в отношении

всех государств, поставляющих энергоносители. Следовательно, развитие инфраструктуры остается той нейтральной политикой, объединяющей всех участников.

Для объективного анализа и оценки предпринятых мер государств — участников инициативы «Трех морей» в сфере обеспечения энергетической безопасности необходимо выделить несколько элементов инфраструктуры, способствующих данной цели. Это:

- 1) Терминалы для регазификации сжиженного природного газа;
- 2) Интерконнекторы, соединяющие системы (электрические, газораспределительные) стран Центральной и Восточной Европы;
- 3) Объекты ПХГ (подземное хранилище газа);
- 4) Объекты ВИЭ (возобновляемые источники энергии).

Подойдя к анализу механизмов обеспечения безопасности в сфере энергетики в странах инициативы «Трех морей», необходимо еще раз акцентировать внимание на дефиците в данном секторе. Будучи одним из трех главных столпов институционализации инициативы «Трех морей», энергетическая инфраструктура напрямую связана с политикой безопасности участвующих стран. Из 91 зарегистрированного проекта 36 относятся к сфере энергетики и находятся на разных этапах развития [12].

Примером успешно реализованного проекта является GIPL (Gas Interconnection Poland — Lithuania) — газопровод, соединяющий газораспределительные системы Польши и Литвы, а также других стран Балтики и Финляндии с системой Европейского союза [13]. Только в странах Балтики осуществляется реализация трех проектов, связанных с процедурами импорта и последующей регазификации сжиженного природного газа — строительство терминалов для импорта СПГ в Скулте (Латвия) и Палдиски (Эстония) [14, 15]. Подобное увеличение емкости для импорта природного газа будет способствовать существенной диверсификации рынка, позволив странам быть независимыми от трубной инфраструктуры, идущей из России. Эти проекты в дополнение к уже действующим регазификационным терминалам, расположенным в городе Свиноуйсьце (Польша), значительно расширят возможности стран — участниц инициативы «Трех морей» диверсифицировать поставщиков СПГ и изменить структуру рынка с олигополистической на более совершенную модель. Результатом такого подхода стран Европы должен стать совершенный рынок без крупных игроков, обладающих весом, позволяющим им использовать тот или иной ресурс как инструмент давления.

Главную роль в системе перераспределения энергоресурсов на территории «Трех морей» играют интерконнекторы, соединяющие газораспределительные сети стран Центральной и Восточной Европы. Среди этой классификации инфраструктурных проектов можем перечислить HUSIIT (Hungary —

Slovenia — Italy natural gas corridor), IAP (Ionic Adriatic Pipeline), North — South Gas Corridor. Подобного рода проекты позволяют странам получить доступ к существующей инфраструктуре в соседних государствах, что уменьшает риски и угрозы энергетической безопасности. Что касается политики когезионности Европейского союза, то интерконнекторы являются ключевыми объектами инфраструктуры, способствующими выравниванию диспаритета в развитии между регионами.

Политика строительства новых терминалов для регазификации сжиженного газа, а также интегрирования системы стран Центральной и Восточной Европы, а не только стран — участниц инициативы «Трех морей», предоставляет государствам возможность действовать в кризисных ситуациях касаясь поставок энергоресурсов. Инвестируя в инфраструктуру (энергетическую, транспортную и коммуникационную), улучшающую когезию между регионами в Центральной и Восточной Европе, государства — участники инициативы «Трех морей» дополнительно стимулируют рост своих экономик.

Механизмы комплементарности минилатеральной инициативы «Трех морей» с мультилатеральным Европейским союзом

Рассматривая Европейский союз как наднациональный институт на мультилатеральном уровне, вместе с идеями, отраженными в его учредительных документах, выделяются следующие сферы взаимодействия между государствами: валютный союз, общий рынок товаров и услуг, общая внешняя политика и политика безопасности. В последнюю сферу входит аспект энергетической безопасности.

Особенностями больших бюрократических институтов, таких, как Европейский союз, являются медлительность и отсутствие инноваций в процессе имплементации решений. Несмотря на то, что основным механизмом в политике ЕС является интеграция стран, участвующих в нем, в том числе и как способ обеспечения общей безопасности в разных сферах, на мультилатеральном уровне выявляются дефициты, замедляющие достижение поставленных целей.

Для возникновения и дальнейшей институционализации проекта «Трех морей» целью считается сокращение возникающих дефицитов у ЕС. Реализация минилатеральной инициативы имеет больше шансов на успех, если ее усилия поддержит мультилатеральный институт, каким является Европейский союз, в рамках которого она осуществляется. Такая синергия наблюдается в основных институциональных механизмах осуществления политики.

С точки зрения значимости в процессе институционализации инициативы «Трех морей» главным инструментом является инвестиционный фонд «Трех морей», учрежденный на третьем саммите в Бухаресте 2018 года [16]. Основной целью этого финансового механизма является финансирование будущих

инфраструктурных проектов в трех ключевых для инициативы направлениях, стимулирующих экономическое развитие стран-участниц. Сама структура фонда разделена на два совета — Управительный и Контрольный, в которые входят представители конкретного банковского учреждения из каждого участвующего государства. Более того, в сотрудничестве с инвестиционным фондом «Трех морей» работает Amber Infrastructure Fund, выполняющий функцию инвестиционного советника. Инвестиционный фонд выполняет комплементирующую функцию вместе с финансовыми инструментами Европейского союза. Структура инвестиционного фонда «Трех морей» свидетельствует о демократичности и прозрачности инвестиционного инструмента.

К другим финансовым инструментам, способствующим взаимодополняемости «Трех морей» и Европейского союза, можно отнести Европейский инвестиционный банк (European Investment Bank, EIB), Европейский банк реконструкции и развития (European bank for Reconstruction and Development EBRD), которые являются банковскими институтами, предоставляющими кредитные продукты публичным и частным предприятиям. Таким образом, EBRD и EIB расширяют портфолио финансовых инструментов для инвестирования в стратегическую инфраструктуру в странах — участницах инициативы «Трех морей», а также стимулируют процесс внедрения рыночных механизмов в управление проектами для достижения высокой эффективности.

Существенным значением для реализации проектов в рамках инициативы «Трех морей» обладает и Европейский фонд регионального развития (ЕФРР, European Regional Development Fund), основной целью которого является усиление территориальной когезии внутри Европейского союза через уменьшение диспаратета в степени развития между европейскими регионами [17]. ЕФРР выполняет важную функцию поощрения политики устойчивого развития.

Таким образом, Европейский фонд регионального развития используется государствами — участниками инициативы «Трех морей» для финансирования инфраструктурных проектов, тем самым усиливая взаимодополняемость с Европейским союзом.

Главным механизмом, с точки зрения принципа комплементарности, является фонд Connecting Europe Facility (CEF). Подобно идее инициативы «Трех морей», CEF дублирует цели, а именно: инвестирование в три ключевых направления — энергетику, транспорт и коммуникации [18]. В отличие от «Трех морей», объектами имплементации CEF являются все проекты на территории ЕС, в том числе и третьи страны. Комплементарность при этом механизме исходит от общих целей и объектов воздействия, которые совпадают с теми, которые есть у инициативы «Трех морей». На примере механизмов инициативы «Трех морей» и CEF наглядно демонстрируется потребность в минилатеральном подходе при сокращении инфраструктурных дефицитов между

регионами Европейского союза. Подобная дубликация механизмов только усиливает принятые меры и проводимые политики по развитию ключевой инфраструктуры, способствующей когезии ЕС.

Выводы

В рамках изучения применения минилатеральной концепции на примере инициативы «Трех морей» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, минилатеральная инициатива «Трех морей», осуществляясь в рамках такого мультилатерального института, как Европейский союз, выполняющего попечительскую функцию, легитимирует свое существование.

Во-вторых, в статье была доказана эффективность минилатерального подхода на примере инициативы «Трех морей» со своими институционализированными механизмами для обеспечения энергетической безопасности.

В-третьих, автором в статье был выявлен принцип комплементарности Европейского союза и инициативы «Трех морей».

В-четвертых, минилатеральные наднациональные организации более эффективны для разрешения региональных, а не глобальных проблем.

Библиография

1. *Krzysztozek A.* Ukraine becomes “participating partner” of Three Seas Initiative // Euractiv. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/ukraine-becomes-participating-partner-of-three-seas-initiative/ (дата обращения: 23.01.2023).
2. *Moises N.* Minilateralism: The Magic Number to Get Real International Action // Foreign Policy. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/> (дата обращения: 23.01.2023).
3. *Пяткова Н. И., Рабчук В. И., Сендеров С. М., Славин Г. Б., Чельцов М. Б.* Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения. Новосибирск: СО РАН, 2011. 198 с.
4. The Joint Statement on the Three Seas Initiative (The Dubrovnik Statement). 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/DUBROVNIK_deklaratsioon_2016.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
5. *Moret E.* Effective minilateralism for the EU: What, when and how // European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep06804> (дата обращения: 23.01.2023).
6. Where does the EU's gas come from? 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eu-gas-supply/> (дата обращения: 23.01.2023).
7. Dependence on Russian gas by European country. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1201743/russian-gas-dependence-in-europe-by-country/> (дата обращения: 23.01.2023).
8. *Anderson R. J.* Europe's Dependence on Russian Natural Gas: Perspectives and Recommendations for a Long-term Strategy. 2008 [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/europes-dependence-russian-natural-gas-perspectives-and-recommendations-long-term-strategy-0#toc-chapter-1-russia-and-the-european-natural-gas-market> (дата обращения: 23.01.2023).

9. Lang K. O. Die Drei-Meere-Initiative: wirtschaftliche Zusammenarbeit in geostrategischem Kontext. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/die-drei-meere-initiative-wirtschaftliche-zusammenarbeit-in-geostrategischem-kontext> (дата обращения: 16.02.2023).
10. Commissioning of the regional LNG terminal in Paldiski, Estonia // Three Seas Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/commissioning-of-the-regional-lng-terminal-in-paldiski-estonia> (дата обращения: 23.01.2023).
11. Interconnector Republic of Poland-Republic of Lithuania // Three Seas Initiative [Электронный ресурс]. URL: [https://projects.3seas.eu/projects/gipl-interconnector-republic-of-poland-republic-of-lithuania-\(submitted-by-lithuania\)](https://projects.3seas.eu/projects/gipl-interconnector-republic-of-poland-republic-of-lithuania-(submitted-by-lithuania)) (дата обращения: 23.01.2023).
12. Joint Declaration of the Third Summit of the Three Seas Initiative, Bucharest. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/BUCHAREST-SUMMIT-JOINT-DECLARATION_2018.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
13. Purchase and Expanding of the FSRU Independence // Three Seas Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/purchase-and-expanding-of-the-fru-independence-klaipeda-lng-terminal> (дата обращения: 23.01.2023).
14. Regulation (EU) 2021/1058 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 on the European Regional Development Fund and on the Cohesion Fund. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1058> (дата обращения: 23.01.2023).
15. Regulation (EU) 2021/1153 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 establishing the Connecting Europe Facility and repealing Regulations (EU) No. 1316/2013 and (EU) No. 283/2014. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1153> (дата обращения: 23.01.2023).
16. Spruds A., Vargulis M. Three Seas Initiative: Mapping National Perspectives. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://liia.lv/en/publications/three-seas-initiative-mapping-national-perspectives-1002?get_file=1 (дата обращения: 16.02.2023).
17. The Joint Statement on the Three Seas Initiative (The Dubrovnik Statement). 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/DUBROVNIK_deklaratsioon_2016.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
18. Three Seas Initiative (3SI) [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.3seas.eu/> (дата обращения: 23.01.2023).

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

Безотосова Анастасия Руслановна

Дальневосточный федеральный университет
Направление подготовки «Международные отношения»
Бакалавриат

ПРОБЛЕМА СНИЖЕНИЯ ЯДЕРНЫХ РИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЯДЕРНОЙ ПЯТЕРКИ»

STRATEGIC RISK REDUCTION AND THE P5 PROCESS

Аннотация. Ключевым многосторонним форматом для возвращения к разговору о ядерных рисках и возможностях их снижения может стать процесс «ядерной пятерки». В настоящей статье автор рассматривает историю создания формата, а также его значение для режима нераспространения ядерного оружия. Особое внимание отведено анализу мер, принятых в Рабочем документе по уменьшению стратегического риска, который был опубликован странами «пятерки» в декабре 2021 г. Автор приходит к выводу, что несмотря на скорее декларативный характер документа, «ядерной пятерке» удалось создать предпосылки для дальнейшего обсуждения ряда вопросов, связанных с повышением транспарентности и укреплением доверия между государствами, обладающими ядерным оружием.

Ключевые слова: процесс «ядерной пятерки», ядерное оружие, ядерные риски, режим нераспространения, безопасность, ДНЯО.

Abstract. The key multilateral platform for returning to the dialogue about strategic risk reduction is the P5 process. In the article the author explores the history of the P5 process and its significance for the international nuclear non-proliferation regime. Particular attention is focused on the analysis of the measures listed in the working paper on strategic risk reduction, published by the P5 in December 2021. The author concludes that despite the symbolic nature of the document, the P5 managed to create prerequisites for a broader discussion of issues related to transparency and confidence-building between the nuclear-weapon states.

Keywords: P5 process, nuclear weapons, strategic risk reduction, non-proliferation, security, NPT.

Введение

Вместе с ростом международной напряженности возникает необходимость поиска дипломатических подходов к укреплению доверия между государствами, обладающими ядерным оружием. Ключевым многосторонним форматом для возвращения к разговору о ядерных рисках и возможностях их снижения может стать процесс «ядерной пятерки». По этой причине необходимо проанализировать современное состояние формата и определить, может ли «пятерка» на данном этапе добиться успехов в обсуждении практических мер, которые могли бы снизить вероятность применения ядерного оружия и свести к минимуму риск недопонимания и непреднамеренной эскалации в отношениях государств, обладающих ядерным оружием.

Роль «ядерной пятерки» в рамках переговорного процесса ДНЯО

Сегодня процесс «ядерной пятерки» является единственным форматом, в рамках которого государства, обладающие ядерным оружием, обсуждают комплекс вопросов, связанных с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Впервые инициатива создания процесса была озвучена министром обороны Великобритании Д. Брауном в 2008 г. на Конференции по разоружению в Женеве. Он заявил, что «шансы на ликвидацию ядерного оружия неизмеримо упрочатся, если государства, не обладающие ядерным оружием, смогут увидеть перспективное планирование, приверженность и деятельность в русле многостороннего ядерного разоружения со стороны государств, обладающих ядерным оружием» [1]. В противном случае страны «ядерной пятерки» могут подвергнуться критике за невыполнение своих «разоруженческих обязательств».

Важно отметить, что, согласно преамбуле к ДНЯО, все государства — участницы Договора должны содействовать смягчению международной напряженности и укреплению доверия с целью прекращения производства ядерного оружия, уничтожения всех существующих его запасов, а также исключения ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов [2]. Из этого следует, что подписавшие его стороны в первую очередь согласились добиваться мер, которые бы обеспечивали ядерным державам условия для ликвидации своих запасов. Поэтому в качестве первого шага Великобритания выступила с инициативой о проведении технической конференции ядерных лабораторий по проверке ядерного разоружения до следующей Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. с целью укрепления доверия между государствами, обладающими ядерным оружием [1].

Первая официальная встреча стран «ядерной пятерки» состоялась в Лондоне в сентябре 2009 г. В ходе широкого обсуждения были рассмотрены меры по повышению транспарентности и укреплению доверия: были представ-

лены ключевые ядерные термины, отчеты о ядерных доктринах, доклады по укреплению стратегической стабильности. Кроме того, по итогам первой встречи было опубликовано Совместное заявление [3], в котором «пятерка» подтвердила приверженность выполнению своих обязательств по статье VI ДНЯО. В ней указано, что подписавшие стороны обязались «в духе доброй воли» вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению [2]. Формат, сроки и этапы данного процесса не предусмотрены, потому деятельность «пятерки» в первую очередь сконцентрировалась на обсуждении мер по укреплению взаимопонимания между ядерными державами, но не самом практическом процессе разоружения.

Впоследствии встречи процесса «ядерной пятерки», главной целью которых стала подготовка к Обзорным конференциям ДНЯО, проводились под председательством одного из государств-участников. Неоднократно подчеркивалась важность реализации Действия 5 Заключительного документа Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., согласно которому государства, обладающие ядерным оружием, обязались ускорить достижение конкретных успехов в осуществлении шагов, ведущих к ядерному разоружению [4]. Однако страны «пятерки» направили усилия на то, чтобы «еще более повысить уровень транспарентности и взаимное доверие» [5]. Например, в 2011 г. была создана специальная Рабочая группа по разработке Глоссария ключевых ядерных терминов, первое издание которого было приурочено к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. В повестку дня процесса «ядерной пятерки» входили и другие вопросы, но официальный план работы был согласован только в 2019 г. под председательством Китая, он включал:

1. Продолжение работы над Глоссарием ключевых ядерных терминов;
2. Обсуждение ядерных доктрин;
3. Консультации по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов;
4. Обсуждение Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии;
5. Мирное использование атома.

Таким образом, создание процесса «ядерной пятерки» стало важным шагом для режима нераспространения, так как впервые в истории был создан механизм многостороннего взаимодействия государств, обладающих ядерным оружием. Несмотря на то, что формат подвергается критике за отсутствие прогресса в области разоружения, странам «пятерки» все же удалось наладить диалог друг с другом и расширить сотрудничество по контролю над различными направлениями ядерной деятельности, что позволило им перейти к обсуждению мер по снижению ядерных рисков.

Меры «ядерной пятерки» по снижению ядерных рисков

В декабре 2021 г. «пятерка» представила Рабочий документ, в котором признала свою ответственность за приложение совместных усилий для уменьшения риска вооруженного конфликта между ядерными державами и содействия обеспечению стратегической стабильности и предсказуемости [6]. Под «уменьшением стратегического риска» в документе подразумеваются возможные практические меры, которые могли бы снизить вероятность применения ядерного оружия. Среди них, например, создание рабочей группы по ядерным доктринам и политике и уменьшению стратегического риска с целью изучения дополнительных практических мер, которые в будущем могли бы быть приняты на рассмотрение странами — участницами процесса. Данный шаг демонстрирует, что «ядерная пятерка» принимает во внимание озабоченность государств, не обладающих ядерным оружием, по поводу роста ядерных рисков. До этого уже велось обсуждение ядерных доктрин, что само по себе является мерой по снижению ядерных рисков. Поэтому можно констатировать, что процесс «ядерной пятерки» оказался удобным форматом для расширения обсуждения этих «отдельных, но связанных тем» [6].

Важно отметить, что в апреле 2019 г. лидеры «Группы семи», в состав которой также входят Великобритания, Соединенные Штаты и Франция, опубликовали Заявление по нераспространению и разоружению [7]. В документе подчеркивается важность совместных усилий по снижению ядерных рисков для международной безопасности. Среди них — меры по повышению транспарентности, обсуждение ядерных доктрин, контакты между военными, соглашения об экстренных линиях и уведомлениях о пуске баллистических ракет, которые могут предотвратить или уменьшить риск недопониманий и просчетов. Что касается Рабочего документа процесса «ядерной пятерки», то проведенный анализ показывает, что многие из вышеперечисленных мер были также приняты на рассмотрение.

В качестве трех основных элементов для уменьшения рисков, связанных с неправильным толкованием намерений, возможностей и действий государств, обладающих ядерным оружием, были определены:

1. Укрепление доверия и повышение предсказуемости посредством диалога;
2. Повышение ясности, расширение взаимодействия и улучшение взаимопонимания;
3. Эффективные инструменты предотвращения кризисов и кризисного регулирования.

Кроме того, в документе особое внимание отведено многочисленным официальным и неофициальным мерам по снижению ядерных рисков.

Официальные соглашения и договоренности об уменьшении риска. В рабочем документе отмечается, что между странами «ядерной пятерки» уже существуют некоторые двусторонние соглашения и договоренности об уменьшении риска. К ним относятся линии экстренной связи и каналы связи между военными, соглашения и договоренности об уведомлении о пуске баллистических ракет. Они помогают создать рамочную основу для укрепления доверия, а также придать официальный характер механизмам предотвращения кризисов.

Регулярные двусторонние переговоры по вопросам стратегической стабильности. Термин «стратегическая стабильность» впервые был согласован в 1990 г. как соотношение советских и американских стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого ядерного удара [8]. Пока между странами «пятерки» отсутствует общепризнанное определение, поэтому есть основания полагать, что данная мера относится к ныне приостановленному российско-американскому диалогу. Следовательно, заявленная мера на данный момент не может быть в полной степени реализована, о чем, например, свидетельствует перенос двусторонней консультативной комиссии на неопределенный срок.

Продолжение процесса «пятерки». В рабочем документе страны «ядерной пятерки» признают, что процесс является основой для постоянного многостороннего взаимодействия государств, обладающих ядерным оружием, и дает возможность повысить уровень взаимопонимания. Тем не менее, встречи «пятерки», в том числе официальные конференции, несколько раз прерывались по разным причинам из-за отсутствия конкретной процедуры проведения. Не менее важно, что «пятерке» не удалось продемонстрировать единство на Обзорной конференции ДНЯО 2022 г., что свидетельствует о серьезных разногласиях между странами и отсутствии определенного уровня доверия.

Публикация Глоссария «пятерки». Продолжение работы над Глоссарием ключевых ядерных терминов является одним из главных практических достижений «пятерки». Как упоминалось ранее, первое издание было опубликовано в 2015 г. В 2019 г. на конференции «пятерки» было принято решение о начале второго этапа деятельности Рабочей группы, которая успешно подготовила второе издание Глоссария и представила его на Обзорной конференции ДНЯО 2022 г. [9]. Глоссарий был расширен на одну главу, и страны «пятерки» выразили намерение продолжить обсуждение тем и вопросов, содержащихся в нем. Важно отметить, что работа над глоссарием способствует обсуждениям не только между странами «пятерки», но и государствами, не обладающими ядерным оружием, поэтому можно сделать вывод, что эта мера по укреплению взаимопонимания на данный момент является наиболее реализованной.

Обсуждение доктрин и стратегий государствами, обладающими ядерным оружием. В рабочем документе отмечается, что упорядоченное обсуждение ядерных доктрин и стратегий позволяет «сделать политику государств, обладающих ядерным оружием, более понятной для других». По итогам Обзорной конференции ДНЯО 2022 г. заместитель постоянного представителя России при отделении Организации Объединенных Наций в Женеве А. Белоусов заявил, что в рамках процесса «до последнего времени велся достаточно откровенный разговор по ядерным доктринам» [10]. Есть основания полагать, что обсуждение ядерных доктрин является одним из приоритетных направлений деятельности «ядерной пятерки», поскольку страны имеют возможность устранить какие-либо неверные представления о ядерных доктринах друг друга, что в перспективе может позволить найти точки соприкосновения при обсуждении конкретных мер по снижению ядерных рисков.

Политические заявления, содержащие призывы к сдержанности и обеспечению гарантий. Наиболее важным достижением «пятерки» стало «Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений», опубликованное в январе 2022 г. Впервые государства, обладающие ядерным оружием, заявили, что «в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана» [11], тем самым подтвердив формулу Горбачева — Рейгана. Важно, что основа для этого заявления была заложена по итогам двусторонних контактов: до этого в июне 2021 г. на саммите в Женеве президенты В. Путин и Дж. Байден заявили о приверженности вышеизложенному принципу [12], впоследствии ее подтвердили президент В. Путин и председатель Си Цзиньпин в Совместном заявлении к 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между странами [13]. Следовательно, политические заявления, как и другие меры «пятерки» по снижению ядерных рисков, скорее являются результатом усилий с обеих сторон, которые создают предпосылки для работы в многостороннем формате. Не менее важно, что в рабочем документе также отведено внимание односторонним заявлениям. В ноябре 2022 г. было опубликовано «Заявление Российской Федерации о предотвращении ядерной войны», в котором Москва призвала другие страны «пятерки» показать свою готовность работать над недопущением любого военного столкновения ядерных держав [14], тем самым подтвердив важность снижения ядерных рисков.

Ненацеливание ядерных средств. В рабочем документе говорится, что ядерные державы «не нацеливают свое ядерное оружие друг на друга или на территорию любого другого государства». Тем не менее, очевидно, что каждое государство, обладающее ядерным оружием, ставит перед своими

стратегическими ядерными силами конкретные военные и политические задачи. Среди них, в том числе, предоставление гарантий безопасности своим союзникам, некоторые из которых в ответ отказываются от стремления к созданию ядерного оружия. В рамках процесса «пятерки» Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Франция, напротив, сотрудничают по укреплению своих стратегических ядерных сил, так как являются политическими и военными союзниками. Следовательно, у них отсутствуют отношения взаимного ядерного сдерживания, чего нельзя сказать, например, о российско-американских отношениях. Об этом свидетельствует продление Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений на пять лет без предварительных условий в 2021 г. Стороны осознавали опасность возможной гонки вооружений после окончания действия последнего соглашения в области контроля над вооружениями. Кроме того, в американской стратегии национальной обороны 2022 г. говорится о том, что Соединенные Штаты «будут все чаще сталкиваться с проблемой сдерживания двух крупных держав, обладающих современным и разнообразным ядерным потенциалом — Китая и России, что создает новые вызовы для стратегической стабильности» [15]. Таким образом, заявление стран «пятерки» о ненацеливании ядерных средств является символическим.

Создание и поддержка двусторонних каналов связи в кризисных ситуациях. Важность существующих двусторонних соглашений и договоренностей об установлении линий экстренной связи ранее была подчеркнута в документе. Данная мера дополняет, что надежные механизмы связи являются одним из ключевых элементов кризисного регулирования. Есть основания полагать, что страны «пятерки» могут рассмотреть создание новых двусторонних каналов связи при обсуждении новых мер по снижению ядерных рисков.

Таким образом, в первом Рабочем документе по уменьшению стратегического риска большое внимание уделено скорее символическим мерам, которые тем не менее создают основу для того, чтобы страны «пятерки» продолжили обсуждение дополнительных практических мер, которые могли бы снизить вероятность применения ядерного оружия. В обратном случае их усилия подвергнутся критике со стороны государств, не обладающих ядерным оружием, которые и без того убеждены, что «пятерка» не выполняет своих «разоруженческих обязательств». Однако важно, что обсуждение мер по снижению ядерных рисков не ставит целью достижение всеобщего и полного разоружения, а направлено в первую очередь на то, чтобы отношения сдерживания между некоторыми странами «пятерки» были более предсказуемыми и безопасными.

Выводы

В результате проведенного анализа мер процесса «ядерной пятерки» по снижению ядерных рисков можно сделать вывод, что страны признают его важность и готовы вести обсуждение по вопросам, связанным с повышением транспарентности и укреплением доверия. На данном этапе многие меры связаны больше с определением подходов к снижению ядерных рисков, чем с выработкой конкретных предложений, но странам «ядерной пятерки» удалось найти точки соприкосновения по многим вопросам, поднятым в рабочем документе. Тем не менее, успех процесса во многом зависит от состояния двусторонних отношений между странами «ядерной пятерки», которые могут как создать предпосылки для принятия совместных заявлений, планов и мер, так и приостановить работу по некоторым направлениям и формата в целом. В условиях все более сложной обстановки в плане безопасности восстановление и продолжение диалога процесса «ядерной пятерки» по снижению ядерных рисков может стать основой для восстановления доверия и обсуждения практических мер, которые могли бы предотвратить непреднамеренное применение ядерных вооружений.

Библиография

1. Окончательный отчет об 1087 пленарном заседании: Конференция по разоружению // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/603/67/PDF/G0860367.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.02.2023).
2. Договор о нераспространении ядерного оружия // Конвенции и соглашения ООН. 1968 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 18.02.2023).
3. P5 statement on disarmament and non-proliferation issues. 4 September 2009 // British Foreign and Commonwealth Office. 2009. URL: <http://www.acronym.org.uk/old/archive/docs/0909/doc02.htm> (дата обращения: 18.02.2023).
4. Заключительный документ: Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
5. P5 Glossary of Key Nuclear Terms // China Atomic Energy Press. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/243293.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
6. Уменьшение стратегического риска: рабочий документ, представленный Китаем, Российской Федерацией, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, Соединенными Штатами Америки и Францией // Конференция 2020 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // Система официальной документации Организа-

- ции Объединенных Наций. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/376/59/pdf/N2137659.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
7. 2019 G7 Statement on Non-Proliferation and Disarmament // Ministry for Europe and Foreign Affairs. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/2019_g7_statement_on_non-proliferation_and_disarmament_cle881416.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
 8. Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability // The American Presidency Project. 1990 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucs.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (дата обращения: 18.02.2023).
 9. P5 Glossary of Key Nuclear Terms // China Atomic Energy Press. 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://un.china-mission.gov.cn/eng/chinaandun/disarmament_armscontrol/npt/202112/P020211229399493527828.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
 10. Зампостпреда РФ в Женеве призвал активизировать диалог между странами ядерной «пятерки» // ТАСС. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/15564545> (дата обращения: 18.02.2023).
 11. Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений // Сайт Администрации Президента России. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 18.02.2023).
 12. Совместное заявление президентов России и США по стратегической стабильности // Сайт Администрации Президента России. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения: 18.02.2023).
 13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сайт Администрации Президента России. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
 14. Заявление Российской Федерации о предотвращении ядерной войны // МИД РФ. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836575/ (дата обращения: 18.02.2023).
 15. 2022 National Defense Strategy, the 2022 Nuclear Posture Review and 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 18.02.2023).
 16. Арбатов А. Г. Стратегическая стабильность — оружие и дипломатия. М.: Весь мир, 2021. 432 с.

SECTION “SECURITY DISCOURSES IN CONTEMPORARY POLITICAL THEORY AND PRACTICE”

Gabrielian Maksim Olegovich

Saint Petersburg State University
Department of international relations
Graduate student

HISTORICAL MEMORY AS THE POSSIBLE SUBJECT OF SECURITIZATION CASE OF THE “MNEMONIC SECURITY DILEMMA” IN THE CONTEMPORARY US-CHINESE RIVALRY

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕДМЕТ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ КЕЙС «МНЕМОНИЧЕСКОЙ ДИЛЕММЫ БЕЗОПАСНОСТИ» В ТЕКУЩЕМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ США И КИТАЯ

Abstract. This paper attempts to identify a possible appeal to the past as a tool in rivalry between the United States and China. The theoretical framework is based on the concept of “Mnemonic security dilemma”, developed by D. Efremenko. This model assumes the aggravation of relations between the two powers, when the building of mutual historical narratives operates according to the “challenge — response” principle, influencing the identity of the state and understanding of its own ontological security. The analysis is based on a list of speech acts of the American and Chinese leadership, which were a reaction to the sources of contradictions between the two powers (mainly the period of the “trade war” and protests in Hong Kong in 2019–2020).

Keywords: USA, China, mnemonic security dilemma, national rejuvenation, triumph, mourning, “century of humiliation”, securitization of memory, discursive power.

Аннотация. В рамках данной работы предпринимается попытка определить возможное обращение к прошлому как инструменту противостояния США и КНР. В основе теоретической рамки используется концепция «Мнемониче-

ской дилеммы безопасности», разработанная Д. Ефременко. Данная модель предполагает обострение отношений двух держав, когда выстраивание взаимных исторических нарративов действует по принципу «вызов — ответ», влияя на идентичность государства и понимание собственной онтологической безопасности. В основу анализа лег перечень речевых актов американского и китайского руководства, являвшихся реакцией на источники противоречий двух держав (преимущественно периода «торговой войны» и протестов в Гонконге 2019–2020 гг.).

Ключевые слова: США, Китай, мнемоническая дилемма безопасности, национальное возрождение, триумф, траур, «столетие унижений», секьюритизация памяти, дискурсивная сила.

Theoretical aspects of the securitization of history

The construction of macropolitical identity is one of the central topics of debate within the constructivist paradigm of international relations. In addition to addressing the problem of preserving and increasing material resources (within the framework of a realistic paradigm), security can be used as one of the tools for streamlining and comprehending one's own existential essence [2]. In this case, the phenomenon of “ontological security” arises. The term implies a complex of emotional and cognitive approaches to understanding what is perceived as an identity through the processes of “routinization” [2]. Thus, security also appears as a space for thinking about what constitutes a threat to national identity.

The concept of “securitization” implemented with the Copenhagen School of International Relations (first of all, B. Buzan and O. Wæver) made it possible to categorize the practices used by politicians as a subject of a threat to “ontological security” [17]. Using the interpretation of this approach by M. Mälksoo, “securitization” is identified as a way of selecting “useful” and “useless” narratives [2]. This selection occurs to select those cases that may be presented as requiring reflection in terms of security in order to protect one's own identity.

In this context, one of the key issues is the problem of turning to the past as a source of framework for nation-building and further positioning in the international arena. The problem of selection of facts and narratives for constituting identity has been noted by researchers of nations and nationalism [17]. For example, E. Renan noted the pattern of more frequent reference to “mourning” than to “triumphs” as more emotionally effective “material” for the national narrative [5]. Similar ideas were developed by B. Anderson, who popularized the term “forgetting” as a problem of selectivity in the choice of past plots for identity constitution [5].

Thus, the past can be comprehended in terms of ontological security in a collision with the interests of another power. The securitization of certain aspects of the past can be used as a tool for mobilizing national identity in the confrontation

on the international arena. In addition, the past can become a space for “memory wars” when state “A” contests the historical narrative of state “B” [17]. This situation contributes to the formation of a “spiral”. This phenomenon Russian political scientist D. Efremenko called “mnemonic security dilemma”, which is distinguished by a situation of mutual distrust and regarding the interpretation of history as an encroachment on national identity [17]. Moreover, the author identifies two possible models of the articulation of memory in the states. The first he defines as the system characteristic of democracies. National memory is the result of “selection” carried out through public debate and discussion [2]. In the second model approval of the narrative based on the methods of political, ideological and state coercion. The key goal of the “selection” is the confirmation of the official ideology and adaptation to the interests of the authoritarian regime (this system is characterized by the perception of the historical past through the prism of a “besieged fortress”). Therefore, historical memory can become the subject of securitization.

The *aim of this paper* is to identify the opportunities and specifics of securitization of historical memory in the modern rivalry between the United States and China. The theoretical basis of the report combines the approaches of the previously mentioned authors.

The choice of this issue is due to the system-forming factor of relations between the two states for the modern world order. The contesting of the American hegemony, stresses the problem of the identity of the two states and fundamental narratives. It could be testified with the polarization of the American society and continuing debates (including historical) on the foundations of domestic and foreign policy escalated during the Donald Trump administration [4]. Xi Jinping’s presidency is also actively developing the trend of constructing a “new Chinese nationalism” based on historical memory around the events of the 19th century (known as the “age of humiliation”) and World War II [3]. Thus, the problem of ontological security is one of the structural factors of competition between the US and China.

The key empirical basis of this report is two episodes of the clash of interests between the United States and China during the presidency of Donald Trump: “trade wars” and protests in Hong Kong in 2019–2020. These episodes were chosen for several reasons. Firstly, these events can be interpreted as finished or temporarily finished (in contrast to the issues of the status of the South China Sea and the human rights violations in Uyghur region), which allows us to analyze the general patterns of the application of the past. Secondly, the beginning of the presidency of Donald Trump significantly actualized the basis of macropolitical identity in foreign policy and became a period of greater escalation of relations with China [4]. Thirdly, the problem of “trade wars” and protests in Hong Kong has become a factor in a more active appeal to the past by the authorities of the PRC [11]. This is evidenced by

the growth of nationalist rhetoric, emphasizing the negative factors of US history, as well as the active comparison of Washington's actions with the colonial practices of the 19th century [18].

The source basis consists of speech acts of American and Chinese authorities during the 2019–2022. Predominantly speeches of Donald Trump, Xi Jinping.

Key specifics of the Chinese securitization of memory

Due to the geographical proximity to the territory of China of many sources of US-Chinese contradictions, the PRC is more drawn to historical memory. Therefore, it is necessary to briefly outline the main characteristics of the Chinese regime of memory [8]:

1. The construction of the “New Chinese nationalism” as the reaction on Tiananmen Square protests in 1989;
2. The PRC regime of memory was based on the narrative of “Century of humiliation” (1840–1945);
3. Securitization of the period of “Opium wars” and World War II as mourning and Civil war as triumph;
4. Japan as the key “Other” for China — Mnemonic Security Dilemma between Beijing and Tokyo;
5. During the Xi Jinping's presidency happens the “**patriotic pivot**” — transformation from the **victimization** to the **rejuvenation**.

These features of the Chinese type of memory securitization demonstrate the image of Japan as the key “Other” for Beijing [3]. Thus, the US wasn't represented in historical narrative. Nevertheless, the rise of rivalry between two powers leads to “reorientation” Chinese regime of memory towards the “inclusion” of the American history [1]. This trend happens in the established approach to transform the Chinese historical narrative from the victimization toward the ancient civilization that restoring it's great power status [3]. Based on this framework we can identify five key theses of the reference to the past in the US-Chinese rivalry.

US as the new “Other” accelerated current trends in the internal Chinese politics of memory

The aggravation of relations between the US and China on trade issues initially affected Beijing's rhetoric. Xi Jinping's speech at the opening ceremony of a training program at the Central Party School in 2019 is mostly seen as the first major statement on the “trade war” with the United States [16]. During the speech, he mentioned “China's realization of a great national rejuvenation” and claimed about “great struggles” to achieve the ““Chinese dream”” of national rejuvenation” [16]. These ideas were supplemented in the speech at the centenary of Communist Party of China in 2021. Except of the “rejuvenation of the Chinese nation”, Xi Jinping “glorious journey the Party has traveled over 100 years of struggle” [13]. Also, he

appealed to the “history of more than 5,000 years” and “Opium War of 1840” when “country endured intense humiliation” [13]. Xi Jinping address at “the meeting celebrating the 25th anniversary of Hong Kong’s return to the motherland” repeated all these theses and added the “historical inevitability” [9].

Due to the fact that these statements were largely a reaction to the actions and position of the United States on trade issues and protests in Hong Kong in 2019–2020, we can talk about US securitization as a threat in historical terms. Especially it happens through the using of the terms “rejuvenation”, “struggle”, “5000-year history”, “respecting of different histories”. The using of these terms demonstrates the construction of the Chinese identity as the totally different to American. This identity has the unique cultural background and specifics (“5000-year history” and “different histories”) which was questioned in the 19th century (“age of humiliation”). Thus, Japan is presented as an existential threat of the past, and the US as an existential threat that prevents the “rejuvenation”. This was especially evident during the “trade war” and the frequent appeals of the PRC authorities to the period of the opium wars [4, 18].

This trend may be demonstrated through the process of the securitization of the forgotten historical “raw materials” of the Chinese history. For instance, Xi Jinping started using Chinese word “douzheng” in the meaning of “struggle” (this word was only used by Mao Zedong during the Cultural Revolution) [16]. Moreover, over the past 7 years there is an active introduction of the history of the Korean War into a single complex of memory [1]. Officially, Beijing calls the Korean war as the “War to Resist US Aggression and Aid Korea” and during each commemoration, focuses on the fact of a military clash with the US army. During the Speech Commemorating the 70th Anniversary of the Start of the Korean War, Xi Jinping mentioned that the “Sino-Korean troops destroyed the myth of the invincibility of the American army” [1].

Thus, the negative memory of the United States is “supplemented” into the current Chinese regime of memory. It happens through the triumph priority (appealing to the Chinese Civil war, Cultural revolution), using new historical narratives (the Korean war) and the construction of “besieged fortress” identity (because of the using of narrative of the US as the imperialist power that wanted historically restrain Chinese revival).

US internal counter-memory regime is mostly based on the Chinese history

The using of historical narratives in current political issues leads to the reaction of the American authorities. The US counter-narrative based on the official denial and the deconstruction of the “Age of Humiliation”. For instance, during the congressional hearings in July 2020, Dr. C. A. Ford presented the report about the technological competition with China [10]. Despite the centrality of issues of

technology and economic rivalry, the author talked about the connection of these aspects with the historical narrative of China [10]. C. A. Ford used such speech acts as “Maoist atrocity within living memory”, “continuing and worsening police state oppressions today”, “the Western powers who pushed their “unequal treaties””, “CCP has worked very hard over the years to stoke nationalist flames, cultivating and reinforcing feelings of grievance against the West as part of its efforts to retain authoritarian power” [10].

The reactions of the Donald Trump administration toward the politics of PRC in Hong Kong crisis prolong these narratives. In May 2020 during the speech about Hong Kong protests, Donald Trump identified the city as the “formerly a bastion of Liberty”, mentioned the “sense of optimism that Hong Kong was a glimpse into China’s future”, the existence of “unique Hong Kong identity” and the “reflection of China’s past” [7]. Also, when the US State Secretary M. Pompeo held meeting with the participants in the events on Tiananmen Square, he claimed that “while the Tiananmen protests inspired the oppressed in the Soviet Union and Eastern Europe to demand and achieve democratic change, the Chinese communist government survived” and “the United States calls on China to honor the memory to provide a full accounting of those who were killed, detained, or remain missing” (this critics was devoted to the attempts of the Chinese authorities to interfere commemorations of Tiananmen events in Hong Kong) [12].

According to the Donald Trump administration approach, Chinese past is the history of dictatorship. This image is the result of American disappointment in perception of China’s democratization. The construction of counter-narrative happens through the securitization of historical identity of repressed groups and their “sites of remembering” [12]. This approach demonstrates the priority of Chinese repressed groups mourning and American triumph (because of the US promotion of democracy) and the projection of image on the Chinese history as the country which “didn’t pass the democratization test” and cultivates anti-western imperial resentment. Thus, the American narrative is mostly based on the controversial parts of Chinese history and the belief in the historical messianism of the United States.

China adopts US methods and uses American history in securitization

American strategy of the securitization of the history of oppressed groups in China leads to an answer. The Chinese authorities try to adopt the US approach and use the “raw material” of American history to construct counter-narrative. Over the past few years, there has been an increase in rhetoric about the genocide of indigenous people in the United States.

In February 2022 Ministry of Foreign Affairs of PRC published communique “The American Genocide of the Indians — Historical Facts and Real Evidence”

[14]. Based on the R. Lemkin definition, the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide the US was accused in the ethnic cleansing of indigenous people and the assimilation [14]. It is used such speech acts as “the indigenous culture was fundamentally crushed”, “cultural assimilation and unjust treatment the United States committed against American Indians have constituted de facto genocides” and “U.S. government drop its hypocrisy and double standards” [14].

In September 2022 China repeated this attempt at the level of an international organization. Minister of the Chinese mission to the UN in Geneva Jiang Duan claimed that “countries in question have oppressed and exploited indigenous people, violating their human rights and fundamental freedoms and eliminating their culture” and “the truth has been covered up to this day” [6]. These accusations were also devoted to the US allies, especially Canada (China tried to give the widest information publicity to the scandal with the discovery of Canadian Indian residential school grave sites) [6].

Thus, as the reaction on US policy towards Hong Kong crisis and appealing to the history, PRC implements genocide discourse to deconstruct the image of the Washington as the human rights protector. This counter-narrative also aimed to the key American allies for imagining the West and the hypocrisy of its values. Consequently, US and China both appeal to normative and discursive power based on the historical memory. The rises of polarization and the crises of American identity becomes another reason for China to turn to the controversial subjects of the ethno-racial history of the United States.

Is it possible to avoid the Mnemonic Thucydides Trap?

Despite different systems of commemoration, the US and China borrow each other's tactics and form a “spiral” of mnemonic disputes. According to the mentioned trends and theses, mutual appeal to the history of the United States and China can be defined as a spiral, acting on the principle of “challenge — response”: Using rhetoric about Chinese rejuvenation — US deconstruction of “Age of Humiliation” — Implementation of Korean war into historical memory of PRC — Narrative of dictatorship and defense of Hong Kong's history — Transforming Hong Kong History Textbooks and memory transfer on US Genocide narrative. This sequence, in the context of growing contradictions between the US and China, allows us to speak about the securitization of history and the emergence of the Mnemonic Security Dilemma.

This system of referring to the past is characterized by the factor of the authoritarian system of the PRC and the democratic one in the USA. As a consequence, much of the Chinese historical memory reinforces the “fortress under siege” identity, while in the United States historical analogies become the subject of public debate. However, memory in both cases is selective and emphasizes separate attention to different aspects of Chinese and American history. In many ways, by turning to the past, they seek to achieve the same goal — strengthening discursive power, turning

to the past as a source of legitimacy for their own policies and identity. In this regard, special attention is paid to mutual attempts to address the “mourning” of various minorities. The recent appointment of Qin Gang as the new head of the Chinese Foreign Ministry indicates a possible increase in historical memory in the future (since the diplomat, being the US ambassador to China, also turned to the rhetoric about the genocide of the indigenous population in the US).

Nevertheless, despite the mentioned processes and their interdependence, Japan still retains the status as the key “other” for PRC (debates about WWII still more relevant in China). As D. Efremenko mentioned, securitization of memory has secondary importance behind the material aspects of power relations — nowadays, the context of political and economic disputes determines the appeal to the past (rather than identity sets the framework and logic of thinking). Moreover, the US and China still have positive “raw historical material”. For instance, both powers appeal to the period of 1970’s as the best time of bilateral relations (for instance, after the election of Donald Trump) [15]. Xi Jinping had a meeting with Henry Kissinger. Thus, the continuation of dilemma can be avoided but the “spiral” was formed as the result of securitization of history.

References

1. *Лексютина Я. В.* Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография. Глава 1. Китай / Под ред. А. И. Миллера, А. В. Соловьёва. СПб: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2022. С. 13–27. [Leksyutina Y. Memory of World War II outside Europe: a collective monograph. Chapter 1. China / Ed. A. I. Miller, A. V. Solovyov. St. Petersburg: Publishing House of Europe. University in St. Petersburg, 2022, pp. 13–27.]
2. *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86. [Sevastyanova Y., Efremenko D. Memory Securitization and the Dilemma of Mnemonic Security // Political Science. 2020. No. 2. pp. 66–86.]
3. *Цветков И. А.* Память о Второй мировой войне как фактор современных американо-китайских отношений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 55–66. [Tsvetkov I. Memory of the Second World War as a factor in modern American-Chinese relations // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations. 2021. No. 2. pp. 55–66.]
4. 19th-Century “Humiliation” Haunts China-U.S. Trade Talks // The New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/27/us/politics/china-opium-wars-trade-talks.html> (accessed: 06.01.2023).
5. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso Books, 2006. 254 p.
6. China and like-minded countries call for attention to human rights violations of indigenous people in some countries // Global Times. 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1256489.shtml> (accessed: 06.11.2022).

7. Donald J. Trump Press Statement on U.S.-China Relations and Departure from the World Health Organization // American Rhetoric. 2020. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/donaldtrumpworldhealthorganizationdeparture.htm> (accessed: 06.11.2022).
8. *Fitzgerald J.* The nationless state: The search for a nation in modern Chinese nationalism // Chinese nationalism. The Australian Journal of Chinese Affairs, No. 33. P. 56–85.
9. Full text of Xi Jinping's address at the meeting celebrating the 25th anniversary of Hong Kong's return to the motherland and the inaugural ceremony of the sixth-term government of the Hong Kong Special Administrative Region // CPC Central Committee. 2022. URL: http://en.qstheory.cn/2022-07/02/c_786009.htm (accessed: 06.11.2022).
10. History, Ambition, and Technology: The CCP'S Challenges to U.S. Export Control Policy // U.S. Embassy & Consulates in China. 2020. URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/history-ambition-and-technology-the-ccps-challenges-to-u-s-export-control-policy/> (accessed: 06.11.2022).
11. How China's century of humiliation guides its reaction to Hong Kong protests // SCMP. 2021. URL: <https://www.scmp.com/comment/letters/article/3123134/how-chinas-century-humiliation-guides-its-reaction-hong-kong> (accessed: 06.01.2023).
12. Pompeo says China is trying to muzzle Hong Kong by preventing Tiananmen massacre vigil // Hong Kong Free Press. 2020. URL: <https://hongkongfp.com/2020/06/03/pompeo-says-china-is-trying-to-muzzle-hong-kong-by-preventing-tiananmen-massacre-vigil/> (accessed: 06.11.2022).
13. Speech by Xi Jinping at a Ceremony Marking the Centenary of the Communist Party of China // USC U.S.–China Institute — University of Southern California. 2021. URL: <https://china.usc.edu/xi-jinping-speech-ceremony-marking-centenary-communist-party-china-july-1-2021> (accessed: 06.11.2022).
14. The American Genocide of the Indians — Historical Facts and Real Evidence // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202203/t20220302_10647120.html (accessed: 06.11.2022).
15. Xi Jinping Meets with Former US Secretary of State Henry Kissinger // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/3376_665447/3432_664920/3435_664926/201612/t20161206_590317.html (accessed: 06.11.2022).
16. Xi Jinping rallies China for decades-long “struggle” to rise in global order, amid escalating US trade war // SCMP. 2019. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3025725/xi-jinping-rallies-china-decades-long-struggle-rise-global> (accessed: 06.11.2022).
17. *Yefremenko D. V.* Mnemonic Security Dilemma. Memory as Casus Belli // Russia in Global Affairs. 2022. No. 20(4). P. 142–164.
18. *Zhou M.* For China, the history that matters is still the “century of humiliation” // SCMP. 2021. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3150233/china-history-matters-still-century-humiliation> (accessed: 06.11.2022).

Kondrin Maksim Dmitrievich

Saint Petersburg State University
Department of political science
Graduate student

SECURITIZATION OF SEPARATISM: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND SPANISH CASES

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ СЕПАРАТИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЕВ РОССИИ И ИСПАНИИ

Abstract. In the presented work, a comprehensive comparative study of the political practice of Russia and Spain is carried out. The purpose of the report is to identify the most significant aspects of the securitization of separatism in Russia and Spain. As a time period, the events since the publication of declaration of independence of Kosovo (2008) are mainly considered. Key cases considered in the research are Kosovo independence, Catalan separatism attempts (2014 and 2017), terrorism of ETA, declarations of independence of Abkhazia and South Ossetia. Based on the results of the study, it is concluded that there are common and different features in the Russian and Spanish approaches to the issue of separatism securitization.

Keywords: securitization, separatism, speech acts, Russia, Spain, Kosovo, Catalonia.

Аннотация. В представленной работе проводится комплексное сравнительное исследование политической практики России и Испании. Целью работы является выявление наиболее значимых аспектов вопроса секьюритизации сепаратизма в России и Испании. В качестве временного периода преимущественно рассматриваются события после провозглашения независимости Косово (2008 г.). Ключевые случаи, рассмотренные в исследовании — независимость Косово, попытки каталонского сепаратизма (2014 и 2017 гг.), терроризм ЭТА, провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии. По итогам проведенного исследования делается вывод о наличии общих и различных черт в российском и испанском подходе к вопросу секьюритизации сепаратизма.

Ключевые слова: секьюритизация, сепаратизм, речевые акты, Россия, Испания, Косово, Каталония.

Introduction

The problem of separatism with varying degrees of importance is on the agenda in many countries of the world (Scotland, Kosovo, Kurdistan, and Xinjiang Uygur Autonomous Region are some examples of these processes). The Russian Federation and the Kingdom of Spain also have such issues as part of its current political life.

Complicated ethno-political conflicts took place in Russia, up to armed ones (for instance, Chechen wars). In Spain, the threat of ethno-political conflicts remains due to the 2017 Catalan independence referendum.

Based on the foregoing, the relevance of the topic of this study is determined by the presence of the problem of separatism in the states of the world and on the international agenda. In addition, the influence of this problem on the political system of countries, the formation and implementation of both domestic and foreign policies cannot be denied.

The goal of this work is to identify key similarities and differences of Russian and Spanish approaches to the issue of separatism securitization.

Followed tasks should be completed to reach mentioned above goal:

- To observe reaction of Russian and Spain to main contemporary cases of internal and external separatism;
- To determine patterns of Russian and Spanish attitudes towards securitization of secessionism.

The research novelty of the presented study is connected to the comprehensive comparison of approaches to solving the problem of separatism in Russia and Spain and the application of the concept of securitization in this comparison.

The concept of securitization was developed within the framework of the Copenhagen school of international relations theory. The term “securitization” itself was first introduced by the representative of this school Ole Wæver in 1993 in his work “Securitization and Desecuritization” [9]. Subsequently, the considered approach was developed in more detail in the Barry Buzan, Ole Wæver and Jaap de Wilde’s joint works, for example, “Security: a new approach to analysis” [3].

This research method is one of the fundamental in the constructivist paradigm of international relations. Its key provisions are as follows. A political actor (party, institution, leader, etc.) through a speech act makes an attempt to remove a certain issue from the area of ordinary political practice, giving it the importance of an urgent security problem that requires a speedy solution and the adoption of appropriate measures for this [9, p. 34].

In the work “Security: a new approach to analysis” mentioned above, the concept of securitization was theoretically developed. The authors introduced the concept in more detail, identifying five areas (military, political, social, economic, and environmental) in which securitization is carried out [3, p. 178].

The proposed concept seems to be the most appropriate because securitization involves an attempt to transfer security threats of various phenomena from the area of ordinary politics to the area of problems requiring urgent measures, and manifestations of separatism are a direct threat to the territorial integrity of states. In view of the foregoing, we suppose that the chosen approach most fully corresponds to the objectives of this research.

The presented study involves an analysis of the change in the status of the issue of separatism in the Russian Federation and the Kingdom of Spain and the identification of the relationship between manifestations of separatism and attempts to securitize this issue in the political sphere of Russia and Spain.

The issues of separatism securitization in Russia and Spain will be primarily considered for examples of cases of internal and external secessionism: Catalonia, Basque Country, Chechnya, South Ossetia, Abkhazia, and Kosovo.

Speech acts of separatism securitization made by Russian and Spanish political actors

The issue of separatism is discussed in Russia and Spain because it retains its own importance. For the Kingdom, this aspect is connected with the Catalan independence referendum in 2017. For the Russian Federation, the problem of separatism is not so acute, but it has potential. For example, in 2017, Ramzan Akhmatovich Kadyrov, the head of the Chechen Republic, said in connection with the events in Myanmar that he was ready to go against Russia's course if the government supported the leadership of Myanmar [11]. This event demonstrates the possibility of manifestation of ethno-political conflicts on the territory of the Russian Federation.

First of all, it is possible to consider the references to separatism in the political field of the Russian Federation. First, it is worth noting that Russia is a party to the 2001 Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, which defines separatism as "any act aimed at violating the territorial integrity of a state, including separation from it part of its territory, or the disintegration of the state by force, as well as the planning and preparation of such an act, complicity in its commission, incitement to it" [26]. References to this convention are not widely used in Russian debates about the phenomenon of separatism, but it is important in recognition of the mentioned phenomenon as a violation of the territorial integrity of the state, so any speech acts made by political actors about threats to the territorial integrity of the state can be equated with statements about separatism.

Russian President Vladimir Vladimirovich Putin with a certain frequency declares the need to preserve the territorial integrity of a state. In 2008, Vladimir Putin called the recognition of Kosovo's sovereignty by a number of countries "a terrible precedent" [21]. In 2014, the President, in his address on the admission of Crimea to Russia, made a statement about respect for the territorial integrity of Ukraine [25]. In 2017, Putin stated that the Russian Federation stands for the territorial integrity of Moldova [12]. In the same year, the Russian leader declared that the referendum on the independence of Catalonia was an "internal affair of Spain" [12]. In 2020, during a conversation with Emmanuel Macron and Angela Merkel, Vladimir Putin spoke about the need to preserve the territorial integrity of Syria [20].

In addition to the President, statements about threats to territorial integrity are made by state authorities of the Russian Federation, for example, the Ministry of Foreign Affairs. In 2014, the Russian Foreign Ministry made a statement on the Scottish independence referendum. This statement calls for national dialogue and constitutional reforms “within the framework of a single state” [15], which can be regarded as a statement for the preservation of the territorial integrity of the UK. In 2017, Maria Vladimirovna Zakharova, an official representative of the Russian Foreign Ministry, said about the Catalan referendum: “In our relations with Spain, we proceed from the unconditional principle of respect for the sovereignty and territorial integrity of this country” [24]. In 2018, Russian Foreign Minister Sergei Viktorovich Lavrov stated that the Russian Federation “respects the territorial integrity of Ukraine, which has developed after the reunification of Crimea with the Russian Federation” [22]. In 2020, in a joint statement by Iran, Russia and Turkey, following a meeting in Geneva, they reaffirmed their commitment to the territorial integrity of Syria [16].

In Spanish public discourse, the issue of separatism is in the area of active political discussion. In 2009, the Prime Minister of Spain, Jose Luis Rodriguez Zapatero, announced the withdrawal of Spanish troops from Kosovo in connection with the declaration of independence by this region, and specifically noted that Spain does not recognize the independence of Kosovo [7]. Five years later, a poll was held in Catalonia about the political future of the region. According to Artur Mas, who was the President of the Generalitat from 2010 to 2016, 2 million people spoke out for the independence of Catalonia [2]. Spanish Prime Minister Mariano Rajoy, a few months before the events described above, opposed this poll because it is contrary to Spanish law [4]. In September of the same year, Rajoy congratulated the Scots on their decision to remain part of the United Kingdom following a referendum held on September 18, 2014, thus speaking in favor of maintaining the territorial integrity of Great Britain [1]. Three years later, an independence referendum was held in Catalonia, unrecognized by either the judicial, executive or legislative authorities of Spain. Mariano Rajoy called the event “an illegal and very dangerous attack against the Constitution [of Spain]” [19].

However, not only the head of the Spanish government spoke out about separatism. The Ministry of Foreign Affairs, European Union Affairs and Cooperation of Spain also indicated its position on issues of separatism and territorial integrity. In the information sheet about Serbia, prepared by the Information Support Department of the Spanish Ministry of Foreign Affairs, it is separately noted that Spain does not recognize the independence of Kosovo and when describing the situation in this area, Kosovo is called “province” (la provincia de Kosovo) [17]. In addition, a few months before the referendum in Catalonia, the Minister of Foreign Affairs, European Union and Cooperation of Spain, Alfonso Maria Dastis Quecedo, gave an

interview in which he stated that the situation in Catalonia had nothing to do with the situation in Scotland on the following grounds: the referendum in Scotland was held in accordance with British law, while the referendum in Catalonia was held contrary to the Spanish constitution [18].

Russian and Spanish securitization attitudes to separatism

There are two approaches to securitization of the issue of separatism in Russian policy. The first approach is to securitize threats to the territorial integrity of states and refuse to recognize the claims of certain territories to independence. The second approach is to securitize the security problems of the people in a certain territory and recognize the independence of these regions.

In Spain, only one approach is used, similar to the first approach in Russia. Securitization of exclusively territorial integrity is determined by the presence of active internal secessionist movements.

From 1975 to the present, the separatist factor in Spanish foreign policy has undergone a significant transformation. During the period of the first post-Franco governments of the Union of the Democratic Centre, foreign policy discourse was dominated by the problem of establishing cooperation with France in the fight against Basque terrorism. Under the governments of F. Gonzalez, the main reason of external activity on the issue of separatism was the preservation and deepening of Franco-Spanish cooperation in confronting ETA. During the governments of the PP headed by J. Aznar, foreign policy continued the line of the previous leadership of Spain, but Aznar sought to establish cooperation in the antiterrorist direction with the United States and EU structures [6]. The subsequent governments of the PSOE have somewhat shifted the focus of international cooperation against Basque extremism from Euro-Atlantic cooperation to traditional Franco-Spanish cooperation. In addition, under J. Zapatero, a new element emerged in the external discourse — a reaction to the problems of separatism in other states. During the leadership of Spain by M. Rajoy, ETA terrorism lost its former significance, but a new factor came to replace it — the Catalan movement for independence. In addition, during these legislatures of the PP, important events took place in the international arena related to the problem of separatism, and the government had to respond to them [5]. At this stage, we can summarize that the problem of Basque terrorism has finally been removed from the Spanish foreign policy discourse due to the dissolution of ETA, and although the problem of Catalan separatism has not been removed from the agenda, its level of severity has decreased [14, p. 115].

In Russia, from 1991 to 2021, the influence of separatism has also undergone certain changes. While B. N. Yeltsin as President of the Russian Federation, separatist manifestations (armed conflicts in Chechnya) [8, p. 123] had the greatest impact on Russia's foreign policy. In the first two presidential terms, V. V. Putin, the Chechen

factor in the mechanism of making foreign policy decisions has practically disappeared. Under President D. A. Medvedev, the Counterterrorist operation regime in Chechnya was lifted and the independence of Kosovo was declared. That is, the factor of internal separatism finally lost its significance, and it was replaced by issues of separatism in the external environment [13, 23]. After Putin's return to the post of President of Russia, two approaches to the problem of separatism were finally established in Russian foreign policy: the protection of territorial integrity and the protection of the security of the population.

The degree of influence of the factors of separatism changed over time, and in addition, the priority of internal or external changed in the implementation of the foreign policy of Russia and Spain. New challenges emerged and policy makers quickly adapted approaches to specific situations.

References

1. España: Mariano Rajoy pone plazos a Puigdemont para que aclare si declaró la independencia de Cataluña y califica el referéndum de "ataque desleal y peligroso" // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-41582644> (accessed: 24.01.2022).
2. La opción independentista se impone en la consulta soberanista de Cataluña // BBC News. 10.11.2014. URL: https://www.bbc.com/mundo/ultimas_noticias/2014/11/141109_ultnot_cataluna_consulta_resultados_jg (accessed: 24.01.2022).
3. *Buzan B., Wæver O., De Wilde J.* Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
4. Sólido alegato de Rajoy y Rubalcaba contra la vía independentista de Artur Mas // El Mundo. 09.04.2014. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2014/04/08/534406fe22601dda5b8b4576.html> (accessed: 24.01.2022).
5. Estrategia de acción exterior de 2014 modificada en 2015. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR.pdf (accessed: 24.01.2022).
6. Lucha contra ETA: Aznar, Zapatero, Rajoy // GEES. 03.03.2014. URL: <http://www.gees.org/articulos/lucha-contra-eta-aznar-zapatero-rajoy> (accessed: 24.01.2022).
7. Zapatero: "Nuestro papel en Kosovo perdía sentido tras una independencia que no reconocemos" // RTVE. 20.03.2009. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20090320/zapatero-nuestro-papel-kosovo-perdia-sentido-tras-independencia-no-reconocemos/250346.shtml> (accessed: 24.01.2022).
8. *Smith H.* Russian greatpowerness: foreign policy, the two Chechen wars and international organisations. Helsinki: University of Helsinki, Faculty of Social Sciences, 2014. 244 p.
9. *Wæver O.* Securitization and desecuritization. Copenhagen: Centre for Peace and Conflict Research, 1993. 48 p.
10. Путин рассказал о переживаниях за Испанию после референдума в Каталонии // Интерфакс. 03.10.2017. URL: <https://www.interfax.ru/russia/581599> [Putin spoke about his feelings for Spain after the referendum in Catalonia // Interfax. 03.10.2017. URL: <https://www.interfax.ru/russia/581599>] (accessed: 24.01.2022).

11. Кадыров заявил о готовности пойти против курса РФ ради мусульман в Мьянме // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/577624> [Kadyrov announced his readiness to go against the course of the Russian Federation for the sake of Muslims in Myanmar // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/russia/577624>] (accessed: 24.01.2022).
12. Владимир Путин: «Россия выступает за территориальную целостность Молдавии» // Коммерсантъ. 17.01.2017. URL: kommersant.ru/doc/3194774 [Vladimir Putin: “Russia stands for the territorial integrity of Moldova” // Kommersant. 01/17/2017. URL: kommersant.ru/doc/3194774] (accessed: 24.01.2022).
13. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // Сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>. [The concept of foreign policy of the Russian Federation in 2016 // Website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>.] (accessed: 24.01.2022).
14. Косяк Е. В. Внешняя политика Испании в XXI веке. Концептуальные основы. М., 2015. 174 с. [Kosyak E. V. Foreign policy of Spain in the XXI century. Conceptual foundations. M., 2015. 174 p.]
15. Комментарий Департамента информации и печати МИД России о референдуме о независимости Шотландии // Сайт МИД РФ. 20.09.2014. URL: https://www.mid.ru/ru/audio/-/asset_publisher/OKaclawz2ZSh/content/id/669999 [Commentary by the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry on the referendum on Scottish independence // Website of the Russian Foreign Ministry. 09/20/2014. URL: https://www.mid.ru/ru/audio/-/asset_publisher/OKaclawz2ZSh/content/id/669999] (accessed: 24.01.2022).
16. Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам консультаций «на полях» третьего заседания Конституционного комитета. Женева, 25 августа 2020 г. // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4299320 [Joint statement by Iran, Russia and Turkey on the results of consultations “on the sidelines” of the third meeting of the Constitutional Committee. Geneva, August 25, 2020 // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4299320] (accessed: 24.01.2022).
17. Ficha Pais: Serbia // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. URL: http://www.exteriores.gob.es/Documents/FichasPais/SERBIA_FICHA%20PAIS.pdf (accessed: 24.01.2022).
18. La situación de Escocia no tiene nada que ver con la de Cataluña // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Entrevistas/Paginas/ENTREVISTAS/20170508_ENTREVISTA2.aspx (accessed: 24.01.2022).
19. Rajoy celebra resultado del referéndum de Escocia // Сайт правительства Испании. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2014/190914-rajoypescocia.aspx> (accessed: 24.01.2022).
20. Путин заявил о необходимости «эффективных мер» из-за конфликтов в Идлибе // РБК. 20.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2020/5e4eeab19a79477ea96c2a9f> [Putin announced the need for “effective measures” because of the conflicts in

- Idlib // RBC. 02/20/2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2020/5e4eeab19a79477ea96c2a9f>] (accessed: 24.01.2022).
21. Путин: «Независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия» // РИА Новости. 22.02.2008. URL: <https://ria.ru/20080222/99907461.html> [Putin: “Independence of Kosovo will entail unpredictable consequences” // RIA Novosti. 02/22/2008. URL: <https://ria.ru/20080222/99907461.html>] (accessed: 24.01.2022).
 22. Россия уважает территориальную целостность Украины // Российская газета. 15.01.2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/15/lavrov-rossiia-uvazhaet-territorialnuii-celostnost-ukrainy.html> [Russia respects the territorial integrity of Ukraine // Rossiyskaya Gazeta. 01/15/2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/15/lavrov-rossiia-uvazhaet-territorialnuii-celostnost-ukrainy.html>] (accessed: 24.01.2022).
 23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> [National Security Strategy of the Russian Federation until 2020 // Website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>] (accessed: 24.01.2022).
 24. Захарова: «Москва считает ситуацию в Каталонии внутренним делом Испании» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/4600611> [Zakharova: “Moscow considers the situation in Catalonia an internal affair of Spain” // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/4600611>] (accessed: 23.03.2021).
 25. Путин: «Россия не хочет раздела Украины, уважает ее территориальную целостность» // ТАСС. 14.05.2014. URL: <https://tass.ru/politika/1056197> [Putin: “Russia does not want the division of Ukraine, respects its territorial integrity” // TASS. May 14, 2014. URL: <https://tass.ru/politika/1056197>] (accessed: 24.01.2022).
 26. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. // Сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism 2001 // Website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>] (accessed: 24.01.2022).

Novolodskaya Alisa Alekseevna

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Department of International Relations
Graduate student

THE CONCEPT OF HUMAN SECURITY IN INDIA

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНДИИ

Abstract. In this article the author attempted to identify the particularities of the concept of human security in India. To do this, a general characteristic of the concept of human security, which was formulated in the UNDP report of 1994, was given, then the factors that influence the formation of the concept of human security in India were considered, and also the possibility of applying the concept of human security in India in practice was considered on the example of the territorial dispute between India and Pakistan. The current practice of applying the concept of human security in India was examined and its peculiarities were highlighted. The author concludes that the development of the concept of human security in India is undeservedly low.

Keywords: human security, India, Jammu and Kashmir conflict, threats to security, human development.

Аннотация. В данной статье автором была предпринята попытка выявить особенности концепции личностной безопасности в Индии. Для этого была дана общая характеристика концепции личностной безопасности, которая сформулирована в докладе ПРООН 1994 года, были рассмотрены факторы, которые влияют на становление концепции личностной безопасности в Индии, а также возможность применения концепции личностной безопасности в Индии на примере территориального спора между Индией и Пакистаном. Была рассмотрена современная практика по применению концепции личностной безопасности в Индии и выделены ее особенности. Автор приходит к выводу о том, что развитие концепции личностной безопасности в Индии находится на незаслуженно низком уровне.

Ключевые слова: личностная безопасность, Индия, Кашмирский конфликт, угрозы безопасности, развитие человеческого потенциала.

Introduction

The concept of human security is particularly relevant to the Indo-Pacific region, which is undergoing tremendous structural change. Serious challenges to security can negatively affect the capabilities of Asian states. India, as the world's second most populous country with the sixth largest economy in the world in terms of GDP,

is a curious case study in the concept of human security [29]. The elimination of threats specific to India could be a watershed moment in India's development and improve its standing in the international arena.

The purpose of the research is to identify the peculiarities of the concept of human security in India.

The research problem is the following question: why is it that despite the importance of implementing the concept of human security, India has not fully put the concept into practice. The importance of human security for the population in Jammu and Kashmir in resolving Indo-Pakistani conflict will be analysed in this report.

Level of scientific development. The concept of human security was analyzed in the works of both Russian and foreign researchers. Attention to theoretical aspects of the concept of human security was paid by such researchers as Konyshv N. V. [6], Bokeria S. A. [3], Baluev D. S. [1]. The last of which also analyzed and compared in his works the concept of human security of Canada and Japan. A. Singh devoted part of his work to the classification of threats to the concept of human security [24]. Acharya's work has contributed to the scholarly debate about the difference in the concept of human security between the West and the East [8]. The geopolitical factor of the formation of the concept in India was studied by Lahiri S. [19]. As for the concept of human security in India, the implementation of the concept in this country is less studied. Threats to human security in India, as well as the possibility of implementing the concept in domestic politics on the example of the North-Eastern states of India were considered by the following Indian researchers: A. Acharya, as well as other scholars — S. Banerjee [9], D. Narendra [21]. Zeleneva I. V. [5] in her work also studied the implementation of the concept of human security in Asia, the researcher paid special attention to the implementation of the concept in India. The possibility of implementing the concept of human security in foreign policy on the example of Indo-Pakistani relations were revealed in the works of Belov A. [2].

In order to achieve this goal, the first part of the paper will characterize the concept of human security, and the second part of the paper will examine the situation of human security in India from geopolitical perspective. The third part of the paper will focus on the practical application of the concept of human security to the case of the territorial conflict of Jammu and Kashmir.

Characteristics of the concept of human security

Security, broadly understood, is an essential component of the international system. For a long time, state security was perceived solely as the absence of threats to state borders. In international relations, a realistic approach to its understanding prevailed. Military power as a guarantee of state security was brought to the forefront. With the end of the Cold War a different discourse emerged — the concept

of human security appeared. Everything that affects the security of individual and collective existence could fall under the definition of human security.

The concept of security was expanded to include more general problems and threats related to education, health care, and income levels.

Addressing the growing problems of human security requires a new development paradigm that places people at the center of attention, views economic growth as a means rather than an end of the state, protects the potentialities of future generations as well as present generations, and takes into account the natural systems on which people's lives depend. This concept of security enables all individuals to empower themselves as human beings. The concept of human security implies a person's confidence that tomorrow they will not lose what they have today. One of the most important aspects of human security is that people should be able to live in a society that respects their basic rights.

In 1994, the United Nations Development Program published a report. In this document, a complete description of the concept of human security is given [16].

The UN report of 1994 specifies that this concept is too multifaceted. Its definition is easier to build through its absence than its presence. The UN report defines human security as freedom from fear and want. This UN definition encapsulates two approaches to human security: human security as freedom from fear and human security as freedom from want [16].

Freedom from fear involves protecting people from problems that threaten their safety and physical integrity. Freedom from fear also implies the absence of various forms of violence that can come from outside states, no state action against its citizens, no action by one group against another, and no action by an individual against another [16].

Freedom from want implies that people can have their basic needs met. Freedom from want affects the economic and social aspects of people's lives.

The 1994 UN report identifies 7 components of human security. Let us list them: economic security, food security, health security.

Geopolitical factor influencing the formation of the concept of human security in India

The level of human development reflects the level of development of human security in the country. According to the Human Development Index, in 2021 India ranked 132 out of 189 [15]. It shows that a person is exposed to a significant number of threats in the country. India is a country characterized by permanent threats to human security: discrimination inherent in the varno-caste system, lack of competent management of the society, high incidence of corruption, and socio-economic problems. However, in this part of the article the author focuses on the geopolitical factor as it is the main factor to analyse the interaction of human security

concept and international relations. The more turbulent the geopolitical situation in the region, the more attention the authorities pay to resolving the situation on the external borders of the state. In this case, human security takes second place, giving way to the traditional understanding of security. The permanence of threats from the outside world makes (and in some cases helps) to forget about internal threats.

There is a need to analyse how the situation in the South Asian region influences the formation of the concept of human security in India.

The ambiguous geopolitical situation associated with territorial, ethnic and religious conflicts, the struggle for resources, the activity of separatist movements, leads to constant tension on the external borders of India.

South Asia is characterized by a range of human security issues. In this region, different cultures, religions, languages, communities, and ethnic identities exist side by side. According to the SIPRI 2020 Yearbook, India is a territory characterized by high-intensity interstate, border and local conflicts [25].

The partition of British India into two states, the Union of India and Pakistan, was the cause of a conflict that entailed a series of threats to human security that still affect the region today. The situation in Kashmir, an area that has been the subject of confrontation between the two countries, remains unpredictable and risky for the entire region. Kashmir is an important security area for both Pakistan and India. In India's case Kashmir counterbalances the threat that may come from Afghanistan and China, in Pakistan's case it helps to defend itself against India. Kashmir's geographic location is a security dilemma not only for Pakistan and India, but also for other Asian states. India's occupation of the whole of Kashmir would separate Pakistan from China, while Pakistan's entire occupation would separate India from the Central Asian states [18].

The distribution of water resources plays an important role in the conflict. In Asia, their number is becoming smaller every year. Along the Indus River, the main waterway in the region, India is located higher than Pakistan and therefore can take control of water resources, which is a serious problem for Islamabad. The threat of water scarcity has become a reality for Pakistan in the last few years [18].

The rise in military spending, according to a 1994 UN report, is an indicator that human security in the country is under threat [16]. Despite a slight increase in social spending by the Indian government, the country has increased military spending for the fifth consecutive year and is ranked fourth in the SIPRI ranking of military spending [7]. The prerequisite for this is instability on its external borders. The strategic environment in the region has also changed with Pakistan's acquisition of nuclear weapons. India's neighbors' military capabilities are growing and modernizing rapidly (especially in Pakistan and China). As bilateral relations between Islamabad and Beijing are growing, India is being forced to rebuild its military might in order to cope with possible threats from its neighbors and maintain a military

balance [23]. At the same time, history knows examples when a single build-up of weapons and preparations for military clashes provoked a war (the example of the Six Day War), which threatens the security of both state and individual.

Ethnic and religious conflicts in the region have certainly been key factors in shaping India's perceptions of security. India, like Pakistan, Sri Lanka or Bangladesh, are multi-ethnic societies characterized by separatist movements. The authorities of these states are in no hurry to grant independence to separatists, lest it set off a chain reaction in which an ethnic group that has not previously demanded independence begins to fight for it. But neighboring governments support the separatist movements of others, increasing the threat of war. Proxy wars, which frequently erupt in the region, can escalate into full-scale conflict at any time. Pakistan's support for Kashmiri separatists is an example of this situation [20].

Arms buildup, territorial disputes, struggle for control of water resources, ethnic and religious conflicts — all of these not only threaten the outbreak of hostilities, but often lead to them. Both the threat of war and armed conflict are, according to a 1994 UN report, challenges to the development of the concept of human security. According to Lahiri S., the inability of South Asian governments to protect the nation-state leads to insecurity for their citizens, and undemocratic neighboring countries prevent the focus from shifting to the security of the individual, not just state borders [19].

To sun up, challenges from neighboring countries related to territorial, ethnic and religious conflicts, resource struggles, and separatist movements lead to constant tension on India's external borders, require increased military spending, and threaten not only national but also human security.

Indo-Pakistani relations as an opportunity for human security in indian foreign policy

Indo-Pakistani relations, as noted in the previous paragraph, are one of the factors of instability in the South Asian region. It is impossible to achieve security in the region if the Indo-Pakistani conflict is not resolved. The consequences of the Kashmir issue are an increase in the number of threats to human security that India and Pakistan could deal with through joint cooperation.

One of the threats is terrorism. For example, in the international terrorism index in 2020, Pakistan and India are ranked 7th and 8th respectively, indicating that the impact of terrorism in this region is high [14].

Moreover, threats to human security come from state inefficiencies. The February 2021 report of the Jammu and Kashmir Human Rights Forum concludes that counter-insurgency remains a priority over public, civil and human security [13]. Thus, the Indian authorities in counter-insurgency in Kashmir, do not pay attention to human security, seeking to secure influence in the region and not to lose

ground. This also reveals the commitment of the country's leadership to traditional approaches to security in foreign policy. This fact reflects the difficulties in redefining security by states today.

In 2019, India revoked the special status of Jammu and Kashmir and allowed Indians to settle the land [11]. Jammu and Kashmir lost its autonomy. The implementation of this step required preventive measures of a forceful nature to quell local discontent: introducing additional troops, arresting local opposition politicians, imposing curfews with school closures, cutting off the Internet and mobile communications. All these measures are justified by security concerns: separatist activity of the local population and attempts of physical infiltration and information influence by terrorist groups based in Pakistan, but the local population suffers in the process [4].

The Jammu and Kashmir Human Rights Forum report also states that the number of detentions and deaths in 2019–2020 is indicative of poor security [17]. In addition, it predicts that the number of deaths and detentions will only increase. Traditional counterinsurgency measures continue to take precedence over human security [13].

A number of Indian laws still in use in Jammu and Kashmir have been criticized. The Public Safety Act of 1978, which allows a person to be imprisoned for 2 years without trial, has been heavily criticized [22]. The Act has been criticized for allowing authorities to imprison citizens whom they regard as a threat, often without cause. It interferes with political security, which is one of the seven components of human security. In addition, there is the Unlawful Activities Act of 1967, which can also be used against politicians, journalists and activists [27]. The Central Government Act of 1973 also expands the power of the government in cases of emergencies and allows it to order imprisonment without the necessary investigation [12].

The problem is also understood by those involved in the conflict. In 2021, Pakistan's Chief of Army Staff stated that it is an almost universally accepted fact that the modern concept of national security is not only about protecting the country from internal and external threats, but also about creating an enabling environment in which aspirations for human security, progress and development can be realized [26]. Even the military has noted the need to shift attention from traditional security threats, to threats to human security. However, according to the UN, there are no steps taken by India or Pakistan to improve human security [28].

Another problem is the distribution of water resources. Water availability is an important indicator of human security. This threat can manifest itself both at the national and interstate level. If there is a shortage of water within one country, the consequence is a conflict with neighboring countries that have this water. This shows the interdependence of threats that “feed” into each other.

A number of proposals, consistent with the concept of human security, for resolving the conflict situation between India and Pakistan are put forward. Peo-

ple need to be engaged to eliminate the conflict as well as to prevent it. The active involvement of people would help create a number of NGOs, which are some of the actors of the concept of human security. Revision of laws such as Central Government Act 1973, Unlawful Activities Act 1967, Public Safety Act 1978 are also needed. These acts prevent the formation of an active civil society, which is the basis for the implementation of the concept of human security. It is also worthwhile to apply criminal articles against the police and the military, which violate human rights. Moreover, it is important to make publicly available the documents on the basis of which Internet restrictions are imposed. It is important to develop clearer criteria for imposing further bans. In addition, ensuring free passage through medical transport checkpoints would improve the health security situation in the region, which is also a component of human security.

Conclusions

Returning to the purpose of this research, the concept of human security has not received the attention it deserves from the authorities in India. In foreign policy documents, more attention is paid to traditional security. The concept of human security and its active incorporation into Indian law presents a number of problems: ineffective laws, weak governance in the state, and the government's focus on violent conflict resolution in both foreign and domestic policies. The instability of the South Asian region and the proximity to two nuclear weapon states hamper India's shift in approach to security in its foreign policy. However, a gradual shift in the perception of security and an awareness of the possibility of preventing and resolving conflicts through the concept of human security is possible. This requires the formulation of a unified strategy to implement the concept of human security in domestic and foreign policy.

The limitations of the paper are following. It seems unlikely that the application of the concept of human security will be the decisive factor in resolving the territorial conflict on the Indo-Pakistani border, given the indivisibility of the subject matter of the dispute. Even if the necessary application of the concept of human security were to reduce the level of social problems, the issue would not be resolved. Besides, it seems difficult to analyze the concept of human security because of the low level of systematization of the terminological base. Nevertheless, human security plays an important role on the way to resolving disputes and improving the social situation in the region.

References

1. Балувев Д. Понятие humansecurity в современной политологии / Д. Балувев // Международные процессы. 2015. № 1(40). URL: <http://intertrends.ru/old/one/008.htm> [Baluev D. The concept of humansecurity in modern political science / D. Baluev //

- International processes. 2015. No. 1(40). URL: <http://intertrends.ru/old/one/008.htm> (accessed 24.01.2022).
2. Белов А. Foreign Policy: Индия и Пакистан оказались на грани нового конфликта. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2580369.html> [Belov A. Foreign Policy: India and Pakistan are on the verge of a new conflict. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2580369.html>] (accessed 24.01.2022).
 3. Бокерия С. А. Концепция личностной безопасности в практике ООН / С. А. Бокерия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptsiya-lichnostnoy-bezopasnosti-v-praktike-oon> [Bokeria S.A. The concept of personal security in UN practice / S.A. Bokeria. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptsiya-lichnostnoy-bezopasnosti-v-praktike-oon>] (accessed 24.01.2022).
 4. Захаров А. Второй срок правительства Нарендры Моди: от интеграции Кашмира к «самодостаточной» Индии. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-srok-pravitelstva-narendry-modi-ot-integratsii-kashmira-k-samodostatochnoy-indii/> [Zakharov A. The second term of the government of Narendra Modi: from the integration of Kashmir to “self-sufficient” India. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-srok-pravitelstva-narendry-modi-ot-integratsii-kashmira-k-samodostatochnoy-indii/>] (accessed 24.01.2022).
 5. Зеленева И. В. Современные подходы к преподаванию безопасности: концепция безопасности личности / И. В. Зеленева. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41770590> [Zeleneva I. V. Modern approaches to teaching security: the concept of personal security / I. V. Zeleneva. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41770590>] (accessed 24.01.2022).
 6. Конышев В. Н. Постпозитивизм о личности как новом референте безопасности: критический анализ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24151319> [Konyshev V.N. Post-positivism about personality as a new referent of security: a critical analysis. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24151319>] (accessed 24.01.2022).
 7. Хенрик Б., Кропман В., Дельфинов А. SIPRI: Расходы на вооружения в мире достигли рекордного уровня / Б. Хенрик, В. Кропман, А. Дельфинов. URL: <https://clck.ru/T2gMk> [Henrik B., Kropman V., Delfinov A. SIPRI: Armament spending in the world reached a record level / B. Henrik, V. Kropman, A. Delfinov. URL: <https://clck.ru/T2gMk>] (accessed 26.01.2022).
 8. Acharja A. Human Security. East versus West / A. Acharja. URL: https://www.academia.edu/35904102/Human_security_East_versus_West (accessed 26.01.2022).
 9. Banerjee S. Draft EIA 2020: How it may impact North East / S. Banerjee. URL: <https://www.downtoearth.org.in/blog/environment/draft-eia-2020-how-it-may-impact-north-east-72742> (accessed 26.01.2022).
 10. Bosold D., Werhes S. Human Security in Practice: Canadian and Japanese Experiences. URL: https://www.researchgate.net/publication/237671115_Human_Security_in_Practice_Canadian_and_Japanese_Experiences (accessed 26.01.2022).
 11. Burke J. India's cancellation of Kashmir's special status will have consequences. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/aug/05/india-cancellation-of-kashmir-special-status-will-have-consequences> (accessed 26.01.2022).

12. Central Government Act. 1973. URL: <https://clck.ru/UhUy2> (accessed 26.01.2022).
13. Counter-insurgency a priority over human security in J&K: Report. URL: <https://indianexpress.com/article/india/counter-insurgency-a-priority-over-human-security-in-jk-report-7187755/> (accessed 26.01.2022).
14. Global Terrorism Index. 2020. URL: <https://visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (accessed 26.01.2022).
15. Human Development Index. 2022. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 26.01.2022).
16. Human Development Report. 1994. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed 26.01.2022).
17. Human rights in Jammu and Kashmir. 2021. URL: <https://indianculturalforum.in/2021/02/15/human-rights-in-jammu-and-kashmir/> (accessed 26.01.2022).
18. Hussain S., Usman A., Tariq J., Amjad A. The Pakistan-India Security Dilemma — Contemporary Challenges. URL: https://www.researchgate.net/publication/319141050_The_Pakistan-India_Security_Dilemma_-_Contemporary_Challenges (accessed 26.01.2022).
19. Lahiry S. India's Relationship with Its South Asian Neighbours: Contemporary Trends. URL: www.jstor.org/stable/48505095 (accessed 26.01.2022).
20. Lahiry S. The Changing Narrative of Security Discourse: From State Security to Human Security in South Asia? URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0043820020921153> (accessed 26.01.2022).
21. Narendra J. Northeast India: India's Greatest Asset, With Severest Challenges. URL: <https://finsindia.org/northeast-india-indias-greatest-asset-with-severest-challenges/> (accessed 26.01.2022).
22. Public Safety Act. 1978. URL: <https://www.drishtiiias.com/daily-updates/daily-news-editorials/public-safety-act-1> (accessed 26.01.2022).
23. Pant Harsh V., Bommakanti K. India's National Security: Challenges and Dilemmas. URL: https://www.researchgate.net/publication/333440572_India's_national_security_challenges_and_dilemmas (accessed 26.01.2022).
24. Singh A. Why can't we just get along? Synthesising human and traditional security: A South Asian case study. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2345/pqdtglobal/docview/305346818/36A5932BA301403CPQ/?accountid=28393> (accessed 26.01.2022).
25. SIPRI Yearbook 2020. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2020> (accessed 26.01.2022).
26. The welcome thaw in India-Pakistan relations is backed by Pakistan's army too. URL: <https://countercurrents.org/2021/03/the-welcome-thaw-in-india-pakistan-relations-is-backed-by-pakistans-army-too/> (accessed 26.01.2022).
27. Unlawful Activities Act. 1967. URL: <https://nia.gov.in/index.htm> (accessed 26.01.2022).
28. Update of the Situation of Human Rights in Indian-Administered Kashmir and Pakistan-Administered Kashmir. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights 2019. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Countries/IN/KashmirUpdateReport_8July2019.pdf (accessed 26.01.2022).
29. World Bank. GDP. 2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/Ny.Gdp.Mktp.Cd?most_recent_value_desc=true (accessed 26.01.2022).

Smirnov Egor Vladimirovich

HSE University Moscow
Faculty of Social Science
Graduate student

MIGRATION-RELATED SECURITIZATION IN THE DISCOURSES OF THE LEFT AND THE RIGHT: ITALIAN GENERAL ELECTIONS — 2022

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ В ДИСКУРСАХ ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ НА ИТАЛЬЯНСКИХ ВСЕОБЩИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В 2022 ГОДУ

Abstract. This article is dedicated to the research question how public support of Italian parties correlate with the migration-related statistics and how this statistical relation could be affected by the securitization discourse of Italy or migrants. To assess the correlation linear regression models in Python are built with migration-related data as independent variables, economic statistics as control variables, and right and left parties' polls and elections results as dependent variable. To frame the securitization, discourse the manifestos for Italian general elections in 2022 were analyzed. As a result of the research migration-related statistics proved to be statistically significant and to correlate with right and left coalition polls share, with securitization discourse explaining the connection.

Keywords: linear regression analysis, securitization, Italian parliamentary elections 2022, Italian political parties, migration, discourse analysis, Italian migration-related and economic statistics.

Аннотация. Статья отвечает на вопрос, как общественная популярность итальянских партий соотносится с миграционной статистикой и как с этой статистической взаимосвязью соотносится дискурс секьюритизации Италии или мигрантов. Для оценки корреляции строятся линейные регрессионные модели в Python с использованием миграционных данных в качестве независимых переменных, экономической статистики в качестве контрольных показателей и опросов правых и левых партий и их результатов на выборах в качестве зависимой. Чтобы сформулировать дискурс секьюритизации, были проанализированы манифесты в Италии в 2022 году. В результате статистика, связанная с миграцией, оказалась репрезентативной источниковой базой, которая коррелировала с результатами опросов за правую и левую коалицию, а дискурс секьюритизации позволил объяснить эту связь.

Ключевые слова: линейный регрессионный анализ, секьюритизация, итальянские парламентские выборы в 2022 году, политические партии Италии, миграция, дискурс-анализ, итальянская миграционная и экономическая статистика.

Introduction

This study is aimed at finding a correlation between party vote share or party public opinion share with migration-related statistics in Italy that is provided by the Eurostat and the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) because this data is more accessible than official Italian statistics from Istat, and at explaining this connection with the securitization theory. Although there are important concerns regarding the quality of European statistical data on migration and miscalculations, especially as for illegal flows, it is impossible to rely on other sources of information because there is an obvious lack of them [1]. To provide evidence that it is possible to establish the link between party popularity and migration-related statistics, discourse analysis of electoral manifestos is provided under the template of the securitization theory. To calculate correlation the linear regression analysis in Python is employed.

Many political scholars pay attention to the issues which parties voters choose within party systems during electoral campaigns and why do they make these choices [2, p. 789]. And economic theory is only one dimension of societal divisions that were reflected by American political scientist A. Lijphart [3, p. 79], and among them is also the migration issue. In this paper the focus is on scrutinizing the rational choice model from the perspective that voters could change their party preferences from one electoral campaign to another and they could make decisions and analyze alternatives whether a party would match one's ideological preferences and political views on how to resolve relevant challenges and would address only those issues that considered to be necessary for a voter. The focus would be on Italian electoral processes because the Italian parliamentary elections occurred recently and little attention has so far been paid to this campaign and because the Italian case is quite typical in the EU from the point of that this country has accepted a lot legal and illegal immigrants, and it gained momentum to the right-wing parties in Italy.

Analysis of securitization discourse

There is much academic research that reflect the problem of securitization of migration in the European Union and in Italy, but little attention has been paid to its impact on creating voting patterns [4, p. 168]. The securitization theory is employed regarding theoretical implications of the work of B. Buzan, O. Waever and J. de Wilde "Security: A New Framework for Analysis" [5] and the Copenhagen School theory. The point is that elections with regard to migration issues are generally studied by scholars without the securitization pattern [6].

Securitization is a sample of speeches and texts that are aimed at creating an image that something is in danger because of a novel serious threat, and the audience that is under pressure of these securitization acts should believe that this existential menace really exists [7, p. 439]. Migration issue from the point of this theory could

be regarded as a source for identity conflicts because migration affects social relations in the society and could replace dominant local culture, with immigration is growing. In fact, it is implied that right-wing bloc in Italy securitizes the migration issue to be elected and to hold power.

The Italian electoral agenda in 2022 was influenced by important divisions into establishment parties and anti-establishment parties and into left-wing parties and right-wing parties. This is only the second distribution that is presented in the table 1 since anti-establishment parties did not receive enough popular votes to enter the parliament. However, the point is that the first division reflects the fact that establishment parties and their adversaries facilitated different from each other political, socio-economic, and cultural cleavages for their different from each other voters. Establishment parties focused on issues such as family issues and post-materialist values, economic crisis and taxation system, energy crisis and possible energy sources, migration issues, and restrictions of personal freedom and privacy during pandemic [8]. Whereas anti-establishment parties unsuccessfully tried to break pan-European and Transatlantic consensus in the society and to distance themselves from the establishment parties in the foreign policy agenda [8].

Table 1.

Italian main parties that are under scrutiny in this study

Party group	Parties in any order		
Left establishment moderates	Greens and Left Alliance (left coalition) — AVS		
Left establishment centre	Democratic Party (left coalition) — PD	More Europe (left coalition) — +EU	Five Star Movement — M5S
Right establishment centre	Forza Italia (right coalition) — FI		
Right establishment moderates	Brothers of Italy (right coalition) — FdI	League (right coalition) — L	

That is why migration issue was not central point of anti-establishment party agenda; however, it is possible to say that migration crisis divided left and right establishment parties. With analyzing party manifestos as well as the right-wing coalition manifesto, different positions of left-wing and right-wing parties regarding the resolution of migration issue become clear. In the Table 2 the migration-related cues are united within four thematic groups.

Table 2.

Party cues of Italian main parties concerning migration-related issues in their manifestos [8]

	PD (left)	+EU (left)	AVS (left)	M5S (left ind.)	FdI (right)	L (right)	FI (right)
European integration	++	++	+	+	+	No	++
EU common foreign policy	++	++	++	No	-	--	++
Preventing migrant landings	--	--	--	-	++	+	+
Granting Italian citizenship	++	++	++	++	+	--	+

Note: “++” — strongly support, “+” — support, “-” — oppose, “--” — strongly oppose, “No” — no opinion, “left ind.” — independent from the left coalition.

Right-wing and left-wing parties agree generally that European integration process has positive consequences for Italy and children that were born in Italy to foreign nationals could receive Italian citizenship. However, there is a clear division in treatment of migrant landings and prospects of introducing of EU common foreign policy. Left-wing parties advocate for immigrant integration and assistance to those who are trying to enter Italy illegally by sea, whereas right-wing parties are striving to restrict immigration and remain the sphere of foreign policy and border control under the national competence. Information regarding party cues of the Five Star Movement is also included in the Table 2 since it is one of major Italian political parties; however, its political stance on migration and European integration issues coincides with the left one, though it is independent.

The right-wing bloc securitized a state or the Fatherland because illegal migration ostensibly threatens national culture and existence of the nation-state, and a government should be “serious” to accept this challenge and deal with it [9]. Thus, left parties also ostensibly threatens Italy because they assumably neglect this issue. Right-wing parties support possible naval blockade that could be regarded as a populist proposal [9]. Moreover, right-wing politicians apply to the concept of the interest of peoples to strengthen the image of threat both to Italy and Europe, and this way the migration issue is also united with the problem of European integration reform [10]. Additionally, uncontrolled immigration is perceived as a main issue that does not allow to resolve other important challenges [11].

On the other hand, the left-wing bloc securitized people who decided to migrate even illegally, with risking their lives. It aimed at mobilizing European-perceived resources and electorate, rather than Italian [12]. Left-wing parties address the threat that is posed by populist initiatives of right-wing opponents [13]. Moreover, they advocate for establishment of new European institutional solutions to the problem, rather than on the national level [13].

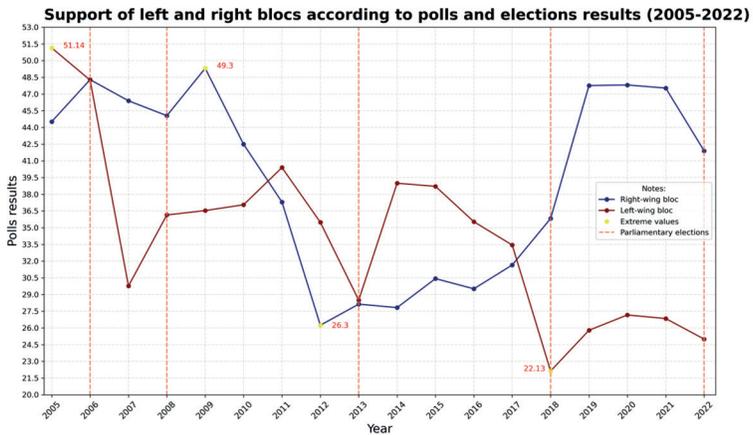
M5S is also fostering European and Transatlantic integration, but it agrees with right-wing parties that Italy should be an proactive and independent actor in these alliances [14]. As for the immigration issue, M5S suggests that national immigration reception system should be transformed in order to facilitate cultural integration of immigrants in Italy or their redistribution among the EU members; however, in the M5S electoral manifesto neither Italian nation nor miserable immigrants are securitized because the party strives to take more pragmatic stance in order to be considered as a technocratic one [14].

That is why right-wing and left-wing migration-related discourses are in contradiction. Right-wing parties oppose uncontrolled irregular immigration, whereas left-wing parties (with exclusion of M5S) are striving to save those who are suffering from the repercussions of armed conflicts or poverty in their countries of birth or citizenship outside the EU and to integrate immigrants in the Italian society. Interesting question is whether Italian citizens perceive migration issue as a threat or a necessity to express national gratitude and generally support right-wing parties in line of national interests or left-wing parties in line of European values.

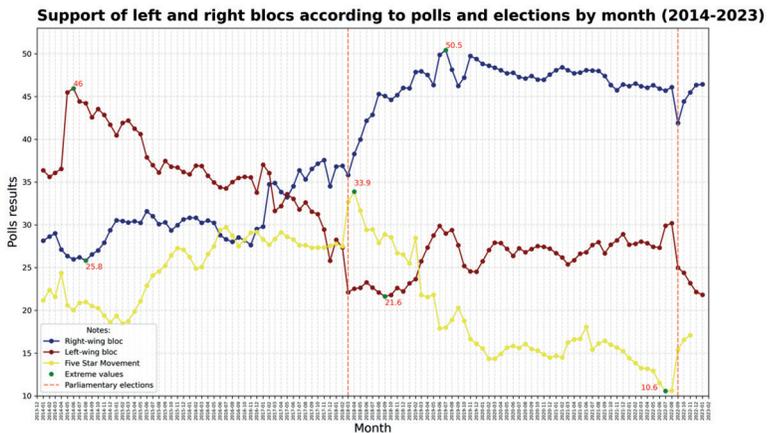
Regression analysis

In this paper Italian voters are treated as rational players who deal with consequences of uncontrolled immigration flows that are registered by the statistical agencies and assess them. Linear regression analysis will demonstrate how strong the linear correlation between party vote share and migration-related statistics is. Dependent variables will be results of public polls and national parliamentary elections. Dependent variable is a variable that is potentially influenced by the independent variable. In the model it could be only one dependent variable.

Dependent variable comprises of aggregated results of all public opinion polls that is online accessible on an annual (Graph 1; for demonstration) or a monthly basis (Graph 2; for research), apart from years or months when the parliamentary elections were held. Although the research is focused on the national campaign in 2022, the method of regression analysis implies huge number of observations to demonstrate the strong correlation that could be potentially extrapolated to other cases. Actual sample and time of chosen polls and parliamentary elections is based on the accessibility of the migration-related and economic statistics that are employed as independent variables.

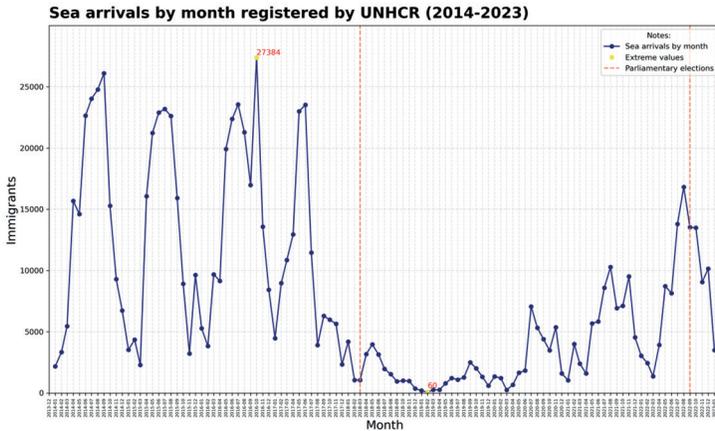
Graph 1. Results of parliamentary elections and aggregated polls from 2005 to 2022 for right-wing and left-wing blocs [15]

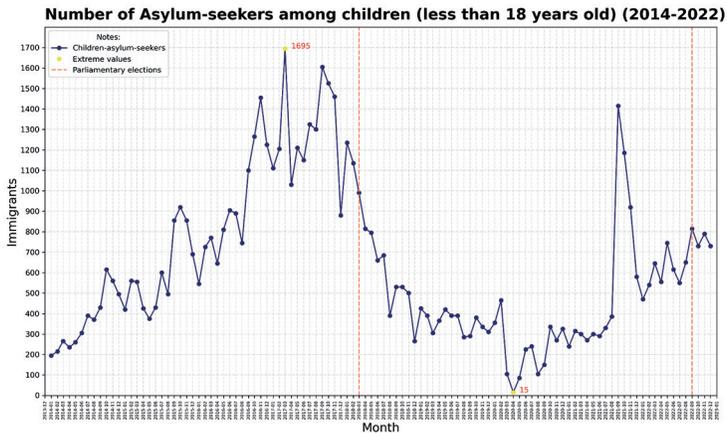
Graph 2. Results of parliamentary elections and aggregated polls for every month from January 2014 to January 2023 for right-wing and left-wing blocs (it is possible to increase the size of page to look through monthly data) [15]

The choice of independent variables was also based on the accessibility of data. It was hardly possible to analyze national Italian statistics on the official portal Istat, therefore, EU and UNHCR data was chosen. Important indicators that could reflect

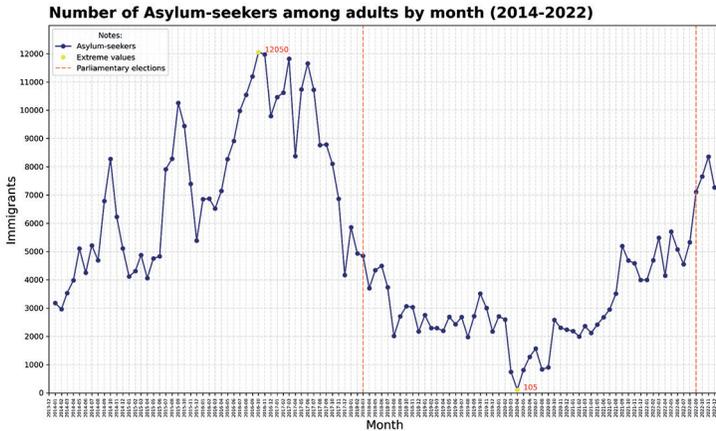
actual monthly migration flows to Italy are the number of registered sea arrivals (UNHCR), registered asylum-seekers among adults and children (below 18 years old). The data is presented in Graphs 3, 4, and 5. The number of children asylum-seekers was included separately because it could potentially reflect the number of families that enter the country.

Graph 3. Number of sea arrivals to Italy registered by UNHCR by month from January 2014 to January 2023 [18]

Graph 4. Number of registered asylum-applications to Italy from children, the EU data from January 2014 to December 2022 by month [19]

Graph 5. Number of registered asylum-applications to Italy from adults, the EU data from January 2014 to December 2022 by month [19]

Moreover, it is important to include control variables in the regression model because it will allow to avoid endogeneity and heteroscedasticity issues. It means that with omittance of important independent variables that exercise huge impact on a dependent variable this influence will be mathematically transferred to those independent variables that are presented in the model, and it will bias interpretation of the results. It means that, since the control variable is included, the model knows its weight, rather than it treats it as unobserved. Many economic voting theories give enough evidence to believe that economic factors affect electoral behaviour. That is why economic statistics in Italy was included as control variables. These indicators usually are unemployment rate, level of income, alterations in GDP level, and harmonized index of consumer prices (HICP). This data could be employed generally on annual basis, except for unemployment level [16] and HICP [17] that were included in the model as data on monthly basis, presented by Eurostat.

The results of regression analysis are included in the Table 3. This table presents three linear regression models with different dependent variables: poll shares of right-wing bloc, left-wing bloc and M5S. Coefficients are standardized in Python because every variable is presented on a different scale. Standardized coefficients can be treated in terms of direct comparison. The higher positive value is, or the lower negative value is, the stronger is correlation between this independent variable and the dependent variable. P-value demonstrates that a variable is statistically significant because it could explain more than 95% or close to 100% of observed cases of dependent variable with the coefficient of this variable. One or two stars demonstrate statistical significance.

R-squared coefficients (from 0 to 1) demonstrate how many observations the model could statistically explain. Low probability of F-statistic (less than 0.01) shows that the model is not useless to explain the dependent variable. Breusch-Pagan test in Python demonstrates that the model does not suffer from heteroscedasticity problem (arises from omitted variables) since the value is higher than 0.05. With interpreting Breusch-Pagan test results and R-squared values, the most beneficial model is the first one.

In the first model (right-wing bloc) statistically significant variables are registered asylum-seekers among adults and children, registered sea arrivals, and unemployment rate. The strongest negative coefficient among migration-related statistics is asylum-seekers among adults, and the strongest positive one is asylum-seekers among children. Then in the second model (left-wing bloc) statistically significant variables are the same. However, the strongest coefficients change their places. Moreover, although asylum-seekers coefficient is stronger than sea arrivals, the latter is more statistically significant. Finally, in the third model (M5S) statistically significant variables are asylum-seekers among children, sea arrivals, and unemployment rate. The strongest negative coefficient among migration-related statistics is sea arrivals, and the strongest positive one is asylum-seekers among children.

Table 3.

Results of linear regression analysis. Dependent variables: poll shares of right-wing bloc (1), left-wing bloc (2), and M5S (3). Coefficients are standardized, standard errors (in brackets) are heteroscedasticity robust (Calculations were run in Python).

	Model 1 (right)	Model 2 (left)	Model 3 (M5S)
Asylum-seekers	-0.3675** (0.069)	0.3029* (0.132)	0.1054 (0.163)
Children asylum-seekers	0.1164* (0.056)	-0.3362** (0.106)	0.4159** (0.151)
Sea arrivals	-0.1593** (0.047)	0.2765** (0.085)	-0.1967* (0.082)
Unemployment rate	-0.6911** (0.042)	0.5862** (0.070)	0.5476** (0.077)
HICP	-0.0521 (0.037)	0.0272 (0.059)	-0.0424 (0.068)
Constant	<0.01 (0.035)	<0.01 (0.056)	<0.01 (0.066)
R-squared	0.885	0.702	0.575
Adjusted R-squared	0.879	0.688	0.554
Prob (F-statistic)	<0.01	<0.01	<0.01
Breusch-Pagan test	0.38	0.15	0.012
Number of observations	108	108	108

Note: * — p -value < 0.05; ** — p -value < 0.01.

Conclusion

The interpretation of the first model results implies that public support for right-wing parties increase when unemployment rate decreases and number of registered asylum-seekers among children grows. However, with growth of registered asylum-seekers among adults and registered sea arrivals right-wing bloc loses its momentum. It has been already proved for European countries that generally, when unemployment rate rises, people tend to support left-wing parties (and other two models also demonstrate this notion).

As for the migration-related statistics, in this paper it was discovered that Italian voters are influenced by the left-wing securitization discourse of miserable immigrants. In fact, voters sympathize those immigrants who are risking their lives to enter the EU, and to help them Italian voters foster the traditional left-wing coalition that securitizes immigrants. It is supported by the interpretation of three presented linear regression models because number of registered sea arrivals positively correlates with the left-wing bloc popular support. This effect could be linked with heart-breaking media coverage of sea arrivals attempts.

Moreover, the variable of registered asylum-seekers among children demonstrates that voters support M5S because they worry that growing number of immigrants won't be redistributed otherwise, whereas they are dissatisfied with right-wing parties which promise to prevent migrant landings and fail. However, Italian voters believe that their nation is under threat from immigrants with other social and cultural background, and this challenge is addressed only by right-wing bloc. The variable of asylum-seekers among children shows that Italian citizens are presumably concerned with the oscillations in monthly arrivals to Italy of foreign families with their children who intend to stay under asylum status, and these voters support the right-wing coalition. That is why it was proved that migration-related statistics correlate with public support of right-wing and left-wing parties, and the results of securitization discourse analysis explain this connection.

With considering the results of general elections in 2022, it is crucial to conclude that securitization discourse of right-wing parties proved to be more successful since they gained almost 42% of popular vote and secured the absolute majority in the Chamber of Deputies, whereas left-wing parties (with exclusion of independent M5S — about 15%) obtained less than 25% of votes. Nevertheless, it does not necessarily mean that the immigration issue was essential in defining the winner of elections since included control variable of unemployment rate also proved to be statistically significant.

Further discussion concerning the elections results could include policy analysis of right-wing coalition, since it is important to scrutinize whether new prime-minister Giorgia Meloni is adhering to pre-electoral promises. It is believed that Italian immigration policy will be restricted, and new Italian government will defend its

competence to operate the external borders [20]. However, Meloni cabinet is also advocating for European investments in African failed states, and it resembles the left stance on the issue, and the government also suggests new relocation plan that resembles M5S proposals.

References

1. *Parkes R., Pauwels A.* The EU migration crisis: Getting the numbers right // European Union Institute for Security Studies. 2017. 5 p. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep06899> (accessed: 15.01.2023).
2. *Arnesen S.* Forecasting Norwegian elections: Out of work and out of office // International Journal of Forecasting. 2012. No. 28. P. 789–796.
3. *Lijphart A.* Democracies: patterns of majoritarian and consensus government in twenty-one countries. New Haven: Yale University Press, 1984. 232 p.
4. *Sibel Y.A.* Securitization of Migration in the EU and Africa: A Case Study // Insight Turkey. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 153–172.
5. *Buzan B., Waever O., de Witte J.* Security: A New Framework for Analysis. London, 1998. 239 p.
6. *Winders J.* Immigration and the 2016 Election // Southeastern Geographer. 2016. Vol. 56. No. 3. P. 291–296.
7. *Baker-Beall C.* The threat of the “returning foreign fighter”: The securitization of EU migration and border control policy // Security Dialogue. 2019. Vol. 50. No. 5. P. 437–453.
8. Navigatore Politico 2022. Quale partito politico è il TUO partito? URL: <https://euandi2019.eu.eu/survey/it/navigatorepolitico2022.html> (accessed: 10.11.2022).
9. Migranti, Meloni: Il Blocco Navale Unico Modo Per Fermare L’Immigrazione Clandestina // Fratelli Italia. 2022. URL: <https://www.fratelli-italia.it/2022/08/29/migranti-meloni-il-blocco-navale-unico-modo-per-fermare-limmigrazione-clandestina/> (accessed: 12.11.2022).
10. Il Programma. Elezioni 2022 // Fratelli d’Italia. URL: https://www.fratelli-italia.it/wp-content/uploads/2022/08/Brochure_programma_FdI_qr_def.pdf (accessed: 18.11.2022).
11. Programma di Governo // Lega. 2022. URL: https://static.legaonline.it/files/Programma_Lega_2022.pdf (accessed: 20.11.2022).
12. Programma Alleanza // Verdi e Sinistra. 2022. URL: <https://verdisinistra.it/programma-alleanza-verdi-e-sinistra/> (accessed: 21.11.2022).
13. Programma Elettorale 2022 Insieme Per Un’Italia Democratica e Progressista 2022. URL: https://www.partitodemocratico.it/wp-content/uploads/AGGIORNAMENTO-PROGRAMMA_INSIEMEPERUNITALIADEMOCRATICAEPROGRESSI STA_180822-1.pdf (accessed: 10.01.2023).
14. Movimento 5 Stelle. Programma 2022. URL: [https://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/POLITICHE_20220925/Documenti/74/\(74_progr_2_-\)programma_m5s_2022-cuore_e_coraggio.pdf](https://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/POLITICHE_20220925/Documenti/74/(74_progr_2_-)programma_m5s_2022-cuore_e_coraggio.pdf) (accessed: 10.01.2023).
15. Aggregation of results of opinion polls in Italy prior to general elections from 2005 to 2023. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Opinion_polling_in_Italy (accessed: 25.12.2022).

16. Eurostat. Unemployment by sex and age: monthly data. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/UNE_RT_M__custom_4687854/default/table?lang=en (accessed: 10.01.2023).
17. Eurostat. HICP: monthly data (monthly rate of change). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/PRC_HICP_MMOR__custom_4687683/default/table?lang=en (accessed: 10.01.2023).
18. UNHCR. Italy Sea Arrivals Dashboard December 2022. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/98376> (accessed: 18.01.2023).
19. Eurostat. Asylum applicants by type of applicant, citizenship, age and sex: monthly data. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_ASYAPPCTZM__custom_4688143/default/table?lang=en (accessed: 09.01.2023).
20. EU summit: Italy's Giorgia Meloni pushes for stricter migration laws // Euronews. URL: <https://www.euronews.com/2023/02/09/eu-summit-italys-giorgia-meloni-pushes-for-stricter-migration-laws> (accessed: 18.02.2023).

Khamatdinova Alina Olegovna

Higher School of Economics (NRU HSE)
Faculty of Social Sciences
Undergraduate student

EMPATHY AND FEAR: THE ROLE OF THE EMOTIONAL ASPECT OF MORAL REASONING IN THE CONSTRUCTION OF SECURITY DISCOURSES

ЭМПАТИЯ И СТРАХ: РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА ВЫНЕСЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ ДИСКУРСОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Abstract. Mutual criticism of (neo)realism and liberalism, combined with their declining explanatory power in the context of fragmentation of sovereignty and aggravation of national security problems, gives special relevance to alternative approaches — Critical Security Studies (CSS) and psychological approach to IR. This study is devoted to the issue of how the appeal to empathy and fear affects the moral legitimacy of foreign policy and the construction of security discourses. A discourse analysis of the US national security doctrines from 1987 to 2017 was done to explore this issue. It was discovered that the appeal to fear/confidence seeks to legitimize a defensive/proactive security strategy, while the empathy/apathy mediates this influence through the moral justification of (non)violent foreign policy tools.

Keywords: fear, empathy, legitimation strategies, political psychology, security discourse, US National Security Strategy.

Аннотация. Обоюдная критика (нео)реализма и либерализма в сочетании с их снижающейся объяснительной способностью в условиях фрагментации суверенитета и обострения проблем национальной безопасности придает особую актуальность альтернативным подходам — Критическим исследованиям безопасности (CSS) и психологическому анализу международных отношений. Данное исследование посвящено вопросу о том, как апелляция к эмпатии и страху влияет на моральную легитимацию внешнеполитического курса и конструирование дискурсов безопасности. Для ответа на этот вопрос был проведен дискурс-анализ доктрин национальной безопасности США с 1987 по 2017 гг. Было выявлено, что апелляция к страху/уверенности нацелена на легитимацию оборонительной/проактивной стратегии безопасности, в то время как уровень эмпатии/апатии опосредует это влияние через моральное оправдание (не)насильственных внешнеполитических инструментов.

Ключевые слова: страх, эмпатия, стратегии легитимации, политическая психология, дискурс безопасности, стратегии национальной безопасности США.

Introduction

The primary focus in national security studies in general and IR theory in particular has traditionally been centered on the conflict between two paradigms: realism and liberalism. The (neo)realistic approach to a greater extent claimed to be normative neutral and proceeded from a set of ontological assumptions, according to which states, as reference agents of international relations, assume the worst-case scenario in the environment of self-help and seek to maximize their influence to ensure survival. This fatalistic logic implies the inevitability of States' competitive behavior and the imminence of the collision with a security dilemma. The liberal approach, in contrast, provided a normative project in which each State has a duty to respect and treat others as "ethical subjects", which assumes the precedence of reciprocal obligations to uphold international law and the rejection of the use of force beyond the case of *ultima ratio*. Based on this, human rights, human security, and democratic peace are introduced as fundamental categories in the security discourse.

Nowadays, the limitations of these two traditions are becoming more and more apparent because of their reciprocal critique as well as a decline in their explanatory ability in light of the fragmentation of sovereignty and concurrent aggravation of national security challenges. Critical Security Studies (CSS) are particularly pertinent in this context. This paradigm challenges the assumption of universal instrumental rationality (the *homo economicus* model), shared by both realism and liberalism, and seeks to reveal the ontological and epistemological foundations of classical methods. At the practical level, the applicability of such an approach is demonstrated by the observed coexistence of several security discourses both in the interregional perspective and in the temporal perspective, which might serve as a trigger for international destabilization. Therefore, it makes sense to inquire: what variables affect the construction of specific types of security discourses?

One of the most promising and gaining popularity approach to this issue is the use of political psychology techniques. For a long time, it was believed that emotions are something ephemeral, unstable, and significant only at the individual level. Recent studies show that, firstly, emotions can be institutionalized and have a lasting impact on global processes [1]; secondly, emotions might to be an intergroup phenomenon that determines collective political and ethical perceptions [2]. Nevertheless, the previous research on emotions in security studies was limited either to the consideration of the micro-level (i.e., face-to-face diplomacy), or to the study of the effect of a single isolated emotion on global processes (i.e., the impact of empathy on the desire for de-escalation within the security dilemma). The novelty of this research lies in that it considers the joint effect of two basic intergroup emotions (fear and empathy) on the construction security concepts institutionalized at the level of state policy. To accomplish this aim, an Emotion Discourse Analysis [3] was used to investigate the US national security doctrines from 1987 to 2017 as one of the empirical cases.

Moral justification, emotions, and security discourses

Security discourses are founded on basic moral judgements: How should we respond to global changes? What ought to be our highest priority? When do we have the moral rights to use force? The answers to these questions not only form a framework for developing justified goals and means of ensuring security, but also turn out to be a key tool for legitimizing the foreign policy course, on which the effectiveness of its implementation depends in the long term. On the one hand, moral justification is one of the conditions for ensuring public support for the security strategy, which is required to mobilize resources and eliminate the factor of internal destabilization. The construction of moral identity shapes citizens' ethical standards of political behavior and contributes to societal value integration by forming a unified moral community, which reduces the costs of coordination and control in foreign policy implementation [4]. On the other hand, transnational moral authority can be used as a power resource. States strive to become "good powers" in order to elevate their status in the international system, to create universally accepted norms, to form coalitions, and to discredit cooperation with "enemies" [5]. Thus, moral justification is an important component of international positioning and ensuring domestic stability not only in value-oriented IR theories (e.g., just war theory), but also from a realistic standpoint.

Appeal to emotions can be a powerful tool for moral justification and, as a result, the creation of initial assumptions in security discourses. According to Moral Foundations Theory, on the fundamental level our moral judgments have emotional underpinnings (e.g., aversion to the subject causes its moral condemnation) [6]. Furthermore, within the framework of Intergroup Emotions Theory, collectively shared affective reactions to political events, in conjunction with socially conditioned modes of feeling, are the core of group solidarity and serve as a catalyst for active protection of identity at the level of political preferences and behavior [7]. In the context of security studies, the most significant group-level emotions are fear and empathy. Previous research has considered these variables to be extremes of the same scale: whereas fear prompts the choice of an aggressive preventative policy against the source of threat, empathy contributes to the preference for a more peaceful strategy aimed at conflict de-escalation [8]. Nevertheless, recent empirical studies demonstrate that fear and empathy are not mutually exclusive, indicating the need for more precise conceptualization and collaborative analysis.

Fear is intensely emotion in response to perceiving threat of existential security, harm, symbolic or material loss. Essentially, there is always a sense of an extreme uncertainty lurking behind fear. The ambiguity of the potential outcome implies the possibility of a fatal ending, which motivates the individual to invest in the rapid elimination of the threat and instability (*fight-or-flight response*). Consequently, fear can strengthen group cohesion and provoke Rally "round the flag effect as the growth of the leader's support during international conflicts and crises. For instance,

the institutionalization of fear in the context of the terrorist threat is manifested in people's willingness to give up some of their freedom to achieve a higher level of security, as manifested in justifying state surveillance and increased military spending. More broadly, fear evokes a request for protection, activates the "authoritarian reflex", and makes people more sensitive to everything unknown and alien, which can manifest itself in reactionary political preferences and conservatism as motivated social cognition [9]. Thus, the opposite of fear is confidence in the stability of the current state-of-affairs. Feeling of assurance in status and resources alters one's attitude toward risk and makes society more open to the outside world, which can reflect as a desire for both integration and expansion of influence.

Empathy is not a feeling of one's own standing, but an emotional ability to "perceive ourselves through the eyes of others and see others as our ontological equals" [10, p. 39]. In other words, empathy both sharpens our sensitivity to external evaluation and motivates us to consider the sentiments of others while determining the most appropriate behavior strategy. Empathy is not the same as compassion; it indicates that members of external groups have the same moral status as we do, which limits the range of ethically justifiable actions while increasing basic trust in others and faith in mutual compliance with agreements. This encourages political actors to de-escalate conflicts (since, unlike in the security dilemma, trust between the players is presumed here) and reduces tolerance for violence at the international level. The opposite of empathy is emotional apathy, which is the exclusion of others from the circle of ontological agents equal to us. Just as Aristotle excludes barbarians from the area of ethical judgments by referring to the war with them as "hunting", an actor who lacks empathy excludes members of the out-group from the field of value motivations. In its most extreme manifestations, this can take the shape of dehumanization (projection of disgust), which leads to the justification of war crimes and the denial of the significance of freedom and life for those "not like us" [11].

Thus, fear and empathy are not mutually exclusive feelings, but rather reflect parallel emotional processes. It can be assumed that fear influences the degree of reactivity/proactivity of foreign policy strategy, while empathy determines the proclivity for transnational cooperation and the permissibility of violent means of impact. For verification of this assumption, a discourse analysis of US security doctrines since 1987 will be done, which will include the reconstruction of historical context and the identification of speech forms appealing to the emotional side of moral reasoning. The dominance of markers of uncertainty, danger, existential threat, and imminent catastrophe indicates the appeal to fear, while confidence is reflected in the assertion of stability, power, and resource supremacy. The indicators of empathy are egalitarianism, international connectivity, diversity, and universality of human rights. Emotional apathy can be conveyed both in the form of explicit contempt and distrust, and in the intense delineation on "we" and "they", as well as demonization of the "enemy".

Fear and empathy: national security and last resort principle

The discourse analysis has revealed that the predominance of fear and empathy in the formation of the security discourse is associated with the prioritization of national interests, the demand for de-escalation, and the refusal to deploy high-risk violent scenarios unless extreme need. The Powell Doctrine, embodied in the US National Military Strategy 1992, is the most demonstrative example of such a configuration of a foreign policy tactic. The Powell Doctrine stems from the traumatic experience of the Vietnam War. For several decades, the protracted conflict, the asymmetry of political costs and benefits, as well as the value crises within the county, set the tone for “never again vs limited war” policy debates. The “Vietnam syndrome” stood in stark contrast to the Gulf War’s rapidity and “purity”, which proved the significance of transnational cooperation in legitimizing military actions. At the same time, the collapse of the USSR and the end of the Cold War were initially linked with high levels of uncertainty as well as the threat of illicit proliferation of weapons and destabilization in Eastern Europe.

In this context, Powell’s Military Strategy is structurally focused on strategic defense issues and is saturated with indicators of the mounting threat connected with fundamental changes in the international order: “The real threat we now face is the threat of the unknown, the uncertain. The threat is instability and being unprepared to handle a crisis or war that no one predicted or expected” [12, p. 4]. The threat in this case is depersonalized, is not associated with a specific enemy, and is positioned as a reason for further cooperation. Other political actors are considered as equal ethical subjects capable of dialogue in a common conceptual language and pursuing identical long-term objectives: “The new international order will be characterized by a growing consensus that force cannot be used to settle disputes’ and when the consensus is broken, the burdens and responsibilities are shared by many nations” [12, p. 8]. Such emotionally charged statements provide the moral underpinning for justifying a security policy geared at defending the national interest in the least risky possible way, with a focus on nonviolence and collaboration. More specifically, the Powell Doctrine argues that the US ought to use military force only when its vital national interests are threatened, there are clear and achievable objectives approved by citizens, diplomatic options have been exhausted, and an “exit strategy” is clear.

Fear and apathy: military security and cult of offensive

Fear indicators with the shift from empathy to emotional apathy contribute to the radicalization of foreign policy strategy, the transformation of the last resort principle into a cult of offensive. This kind of discourse is especially prominent in the Bush doctrine (the US National Security Strategy 2002). The well-known escalation of the terrorist danger from Islamic extremists, symbolized by the 9/11 attacks, prompted the reactionary political turn. These events not only resulted in

the reversal of a large-scale military company in the Middle East (War on Terror), but also in the onset of the domestic securitization process.

The Security Strategy's text is filled with vocabulary denoting an existential threat ("danger", "attacks", "catastrophe", "suffering", "horror"), as well as a thorough description of apocalyptic scenarios: "The gravest danger to freedom lies at the crossroads of radicalism and technology. When the spread of chemical and biological and nuclear weapons, along with ballistic missile technology — when that occurs, even weak states and small groups could attain a catastrophic power to strike great nations" [13, p. 13]. Unlike in the previous case, the threat in this situation has a physical expression, which is reinforced by observable signs of emotional apathy. The narrative emphasizes the tight distinction and opposition between "us" and "them", "friends" and "enemies": "Our **enemies** have declared this very intention and have been caught seeking these terrible weapons. **They** want the capability to blackmail us, or to harm us, or to harm our friends — and we will **oppose them** with all our power" [13, p. 13]. Moreover, if the strategy of relations with NATO members, African countries, Russia, and China are described in terms of "agreements and obligations", then in the case of extremist organizations and hostile Middle Eastern countries, only the generalized label "terrorists" is used, denoting the threat to human dignity that must be eliminated. Such rhetoric leads to a moral justification, first, of pre-emptive strikes against enemies ("confront threats before they fully materialize"), second, of promoting democratic regime changes, which might assume unilateralism as ignoring the pluralism of perspectives in international relations.

Confidence and empathy: human security and responsibility to protect

The feeling of confidence provides a conducive environment for legitimizing proactive expansion of influence. Combined with a high level of empathy, this results in an enlargement of the state's moral obligation up to ensuring the security of mankind as a whole. The Obama doctrine, which is most clearly embodied in the US National Security Strategy 2010, is one of the illustrations of this type of security discourses.

In contrast to the Bush doctrine, Obama's security strategy focuses on a positive vision of the future and the country's previous accomplishments. The attention shifted from threats to America's messianic role as a "great power": "yet as we fight the wars in front of us, we must see the horizon beyond of them — a world in which America is stronger, more secure, and is able to overcome our challenges while appealing to the inspirations for people around the world" [14, p. 4]. The appeal to "they-as-we perception" plays an essential role in the text's argumentation line: "As a Nation made up of people from every race, region, faith, and culture, America will persist in promoting peace among different peoples" [14, p. 22]. The appeal to

empathy is used to enhance the justification for collaboration and to legitimize the shift from preemptive defense to assuring human security (in the limit, this idea is expressed in the “responsibility to protect” norm and moral justification of humanitarian interventions). The combination of these emotions contributes to conflict de-escalation, the primacy of “soft power”, and a shift from the logic of domination to the logic of transnational solidarity. The Clinton doctrine exhibits the construction of a similar security discourse, although in a less prominent form (less sharply articulated empathy indicators).

Confidence and apathy: global containment and peace through strength

In the lack of empathy, a sense of confidence contributes to the moral justification of power expansion, although in more violent and aggressive forms. Reagan Doctrine is one example of this setup (US National Security Strategy 1987). The Cold War and the intensification of conflict with the Soviet Union in the context of indirect warfare on the territory of third nations (e.g., Afghanistan, Angola, Nicaragua) hold an important place on the foreign policy agenda of this period.

The appeal to confidence is represented in statements about comparative superiority, which are intended to foster a sense of national exceptionalism (including as the “greatest power”) and high international status: “The US must be a beacon for democracy <...> The US has an exceptionally diverse array of tools for protecting its international interests. It is possible that no other nation has ever been comparably endowed” [15, p. 9]. Self-affirmation against “enemy” triggers the activation of confidence. The USSR operates as a significant “other”, which is the existential opposite of the in-group: “The Soviet Union respect strength and takes advantages of weakness <...> In contrast, we seek to deter further Soviet direct or indirect aggression, and achieved a lessened Soviet reliance on the use or threat of force” [15, p. 16]. The rejection of a fundamental consensus with the “enemy” is supported by the fact that the building of one’s own, particularly moral, identity is founded on rhetorical strategies of counterposing. This leads to a moral justification of violent methods of promoting one’s own political will (“peace through strength” and “rollback” policy), but, unlike the Bush doctrine, establishes a different logic of motivations: force is applied not to the source of the greatest threat, but to the destination of the most effective expansion of hegemony.

Conclusion

To sum up, the appeal to fear/confidence influences the process of constructing a moral assessment of reactionary/proactive security strategies, while empathy/apathy mediates these effects to a greater extent (de)legitimizing the violent methods of implementing foreign policy strategy and forming ethical prerequisites for

(de)escalation of current conflicts. The classification of the conceptual elements of security discourses depending on the combination of emotions brought to the fore is reflected in the scheme below (Fig. 1).

	FEAR	CONFIDENCE
EMPATHY	De-escalation, priority of national interest, reasonable assurance (e.g., <i>Powell Doctrine</i>)	Human security, responsibility to protect, transnational solidarity (e.g., <i>Obama Doctrine</i>)
APATHY	Military security, pre-emptive strikes, cult of the offensive (e.g., <i>Bush Doctrine</i>)	Containment, neutralizing the enemy (rollback), peace through strength (e.g., <i>Reagan Doctrine</i>)

Figure 1

Certainly, this theoretical model must be validated against a larger body of empirical data. Nonetheless, the preliminary research of Russian security media discourse in the light of the ongoing conflict in Ukraine allows us to assume that this theoretical framework is applicable not only to the American context. The Russian Federation's President's pleas are characterized by an appeal to confidence ("No one should have any doubt that a direct attack on our country will lead to defeat and terrible consequences for any potential aggressor") [16] and apathy (the use of the dehumanizing label neo-Nazis). Theoretical assumptions about the conceptual content of security discourse are consistent with the current standing of foreign policy strategy: enemy neutralization (demilitarization) and containment rhetoric.

At a more fundamental level, the findings of this study point to a research field that requires more investigation: how is the conceptual content of the discourse related to the actual implementation of the foreign policy course? How does the state security discourse relate to public opinion? What does come first: a foreign policy strategy or an emotional attitude?

References

1. Crawford N. C. The passion of world politics: Propositions on emotion and emotional relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
2. Koschut S. Emotional (security) communities: The significance of emotion norms in inter-allied conflict management // *Review of International Studies*. 2014. Vol. 40. No. 3. P. 533–558.
3. Koschut S. Speaking from the Heart: Emotion Discourse Analysis in International Relations / M. Clément, E. Sangar (eds) // *Researching Emotions in International Relations*. Palgrave Studies in International Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

4. *Harbour V.F.* Collective Moral Agency and the Political Process / Ed. by T. Erskine // Can institutions have responsibilities? Collective moral agency and international relations. London: Springer, 2003.
5. *Wohlforth W. C., De Carvalho B., Leira H., Neumann I. B.* Moral Authority and Status in International Relations: Good States and the Social Dimension of Status Seeking // Review of International Studies. 2018. Vol. 44. No. 3. P. 526–546.
6. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // Psychological review. 2001. Vol. 108. No. 4. P. 814–834.
7. *Atwell Seate A., Ma R., Chien H. Y., Mastro D.* Cultivating intergroup emotions: An intergroup threat theory approach // Mass Communication and Society. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 178–197.
8. *Crawford N. C.* Institutionalizing passion in world politics: Fear and empathy // International Theory. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 535–557.
9. *Jost J. T., Glaser J., Sulloway F. J., Kruglanski A. W.* Political conservatism as motivated social cognition. Routledge, 2018.
10. *Head N.* Transforming conflict: Trust, empathy, and dialogue // International Journal of Peace Studies. 2012. Vol. 17. No. 2. P. 33–55.
11. *Michel T.* Assaulting “diversity as such”: The ontology of dehumanisation in mass violence // European Journal of International Security. T. 8. № 3. 2022. P. 1–18.
12. 1992 National Military Strategy of the U.S. OSD Historical Office. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf> (accessed: 28.02.2023).
13. 2002 National Security Strategy of the U.S. OSD Historical Office. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> - (accessed: 28.02.2023).
14. 2010 National Security Strategy of the U.S. OSD Historical Office. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt71eSPX2uNQ00_7wq6Hg%3d%3d (accessed: 28.02.2023).
15. 1987 National Security Strategy of the U.S. OSD Historical Office. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1987.pdf?ver=FUZbPLy3ZDfa4UTDpMkNzw%3d%3d> (accessed: 28.02.2023).
16. Transcript: Vladimir Putin’s Televised Address on Ukraine // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-24/full-transcript-vladimir-putin-s-televised-address-to-russia-on-ukraine-feb-24> (accessed: 28.02.2023).

Chepurnaeva Olga Yurievna

Saint Petersburg State University
Faculty of International Relations
Undergraduate student

THE ROLE OF THE SMALL STATES' POLITICS OF NEUTRALITY IN ENSURING MODERN INTERNATIONAL SECURITY ON THE EXAMPLE OF AUSTRIA AND SWITZERLAND

РОЛЬ ПОЛИТИКИ НЕЙТРАЛИТЕТА МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ

Abstract. This article analyzes the influence of small neutral states on the international security system. The article reveals the content of the policy of neutrality, analyzing it with the help of the main theories of international relations: realism, liberalism and constructivism. The author analyzes the changes in the policy of neutrality of Austria and Switzerland against the background of the Ukrainian crisis and highlights its most distinctive features. The study comes to a conclusion that that both states do not fully follow the politics of neutrality. However, Switzerland is more committed to a neutral status than Austria, because the country is not a member of the European Union and forms its foreign policy independently of other states.

Keywords: neutrality, Austria, Switzerland, theory of international relations, international security.

Аннотация. В данной статье анализируется влияние малых нейтральных государств на систему международной безопасности. В работе раскрывается содержание политики нейтралитета. Анализируется политика нейтралитета с помощью основных теорий международных отношений: реализма, либерализма и конструктивизма. Автор рассматривает изменения в политике нейтралитета Австрии и Швейцарии на фоне украинского кризиса и выделяет ее наиболее отличительные черты. В заключении автор приходит к выводу, что оба государства не в полной мере придерживаются политики нейтралитета. Однако Швейцария более привержена нейтральному статусу, чем Австрия, поскольку страна не является членом Евросоюза и формирует свою внешнюю политику независимо от других государств.

Ключевые слова: нейтралитет, Австрия, Швейцария, теория международных отношений, международная безопасность.

Introduction

The European region plays a key role on the modern political map, having economic, military and political potential. In the current situation for 2022, it was on the territory of Europe where the direct line of confrontation between Russia and the West took place. In this region, most countries are small- or medium-sized states which build their policies based primarily on diplomatic, rather than military instruments to strengthen their influence. This topic is relevant due to the fact that the role of neutral states during conflicts increases, because they, as impartial and therefore objective actors, can contribute to reconciliation of conflicting parties. Any crisis is an opportunity for such countries, because an armed conflict leads to an inevitable problem about its settlement. To overcome the rejection of rivaling parties, an arbitrator is needed so that the opposing parties can start a dialogue. The arbitrator may propose some decisions or give approval to the developed proposals. If the arbitrator openly takes sides, the negotiations will not be able to achieve their goal. In such cases the policy of neutrality — one of the oldest institutions of foreign policy strategy — is actively applied, and it is still in demand among small states. Despite this, not all small countries adhere to it. For example, the Baltic countries have a pronounced position — commitment to the pro-Atlantic course.

The studying of the role of the small states' politics of neutrality in ensuring modern international security can be conducted with the help of three main schools of thoughts, which are different fundamentally on their view on the small states' foreign policies: realism, liberalism, constructivism.

Theoretical aspects of the small states' neutrality

The realistic approach

From the realists' point of view, the state is the main actor of international relations. The interest of the great powers, defined in terms of force, plays a decisive role in foreign policy. The highest goal of any state's policy is to ensure the survival of its country, relying solely on its own strength. The struggle for national interests is inevitable, and in extreme cases it takes the form of war. This is how the "security dilemma" arises — the constant need for the state to increase its forces in order to ensure the security of its borders and its sovereignty [1]. Ultimately, this leads to an arms race and competitive relations between actors. According to realism, such situation of anarchy in international relations does not lead to a continuous "war of all against all", since in order to stabilize the system, countries somehow take into account the interests of other actors through the formation of alliances and blocs. The realpolitik of defending interests is based on the balance of power between the largest states and coalitions, which ensures a state of stability.

From the realists' perspective small states in general do not deserve any special attention, since such countries are forced to join an alliance or union in order to protect their sovereignty. There are no alternative options for such countries, since the lack of considerable military and economic resources excludes the possibility of defending their interests, expressed in terms of power [2]. Due to this, realists do not consider small states as important actors in international relations, since their foreign policy is impossible without interaction with a larger and more influential state. From the standpoint of realism, small states have no critical influence on the system of international relations or on global security.

Nevertheless, it is impossible to study modern international relations only in the light of the superpower politics. With the emergence of international organizations and the development of interstate economic, political and cultural relations, the role of small countries has become significant, at least at the regional level. If we turn to the political map, we can identify only a few major players claiming really broad international influence (the United States, China, Russia, India, partly Turkey, the European Union as a whole), while all other actors are medium and small states. In the European region, which is one of the most economically and politically developed, there are no superpowers at all, but European influence is global. Nevertheless, with the help of realism, it is possible to effectively study the behavior of small states in the political arena, especially in the light of the Ukrainian crisis, in order to establish the possibility of their influence on the international security system.

The school of liberalism

The theory of liberalism (neoliberalism) makes it possible to study small states more fruitfully, as it recognizes the presence of a larger number of actors, for instance, international and terrorist organizations, and also takes into account the role of informal interstate contacts between political elites [3]. Thus, small powers receive a greater range of tools for influencing world politics. Lacking resource potential, they are able to use international institutions to defend their sovereignty and defend their interests in the international arena.

The neoliberal theory explains this by the fact that despite the inevitability of international conflicts and wars requiring an increase in armaments (and such opportunities for small countries are very limited), there is another way to solve this issue — international law. International organizations play a leading role in this issue within the framework of liberalism. Firstly, it is they who develop and establish the principles of international law, thereby seriously competing with the state — the traditional actor of world politics among realists. Secondly, it is necessary to take into account such a feature of the neoliberalism paradigm as the recognition of international cooperation as absolutely beneficial for any subject of international relations. Hence, the ideas of pacifism characteristic of liberals, formulated by J. Schumpeter

[4]. The main idea of the author is that war is unprofitable for capitalist society. Any armed conflict is a strain on economic, political and human resources, and these costs exceed the benefits for both sides: both the winner and the loser. It is more profitable for states to adhere to a certain “balance of power”. As proof of this thesis, Schumpeter cites the fact of the emergence of international organizations to prevent wars (League of Nations, UN). However, many researchers of neoliberal theory consider the idea of a “balance of power” outdated [5]. Instead, collective security projects appear, which may run counter to the full sovereignty of the state, but they justify themselves as a tool for preventing war and suppressing the aggressor by the great powers. For small states, the opportunity to participate in these blocs and coalitions was relevant during the Cold War, when in a bipolar world there was a real threat of losing their sovereignty due to an arms race and the division of the world into two spheres of influence.

In the 21st century, the collective security system does not meet the needs of small states due to the fact that their interests are no longer simply in protecting their national borders, but also in getting maximum benefits from partnership with other actors. This can be explained by the theory of complex interdependence of R. Keohane and J. Nye, according to which non-military aspects play an increasingly important role due to the interest of states in mutually beneficial cooperation [6]. It is worth noting that the complete disappearance of collisions is not implied. The authors mention that there will probably be more conflicts, but the methods of influence will be different, mainly non-military. R. Keohane and J. Nye explain this by stating that in the event of an armed conflict, it is a large state that will suffer more, since cooperation is extremely important for a small country, and it would protect it at almost any cost, while for a stronger state these are unjustified expenses. Thus, liberal theory offers tools of “soft power” (cultural influence, decisions of international organizations, etc.), to which states in modern international relations are turning more and more often. Even though the power factor does not completely lose its significance, it still fades into the background because of the benefits of a potential partnership.

Constructivists' point of view

The other way to study the foreign policy of European small states is on the basis of a constructivist approach, in which the identity, according to Wendt, of the state forms its foreign policy course [7]. The identity of the state is formed from two components: the perception of the state itself and the perception of it by other powers. Identity arises empirically, that is, through interaction with other states, as well as a result of constant social interactions within the country itself, in society. Interests, according to constructivism, are not static, but constantly changing with regard to conditions of the system or the state, such as political and economic. The interests of small states and their identity are directly interdependent.

Constructivist theory assumes that both of these concepts are formed by the state on the basis of its historical experience. It is known that the interests of small countries were not taken seriously until the end of the Cold War. In the bipolar system of international relations, when two superpowers, provided with a powerful military-industrial complex, shared spheres of influence among themselves, all other actors without military potential had no opportunity to compete and position themselves on a par with the leaders [8]. During this historical period, the small states adhered to one main goal — to save their independence, integrity and defend their sovereignty. And the first step towards the inclusion of such states in world politics was the creation of the UN, an organization in which all participating countries for the first time formed a dialogue on equal terms. Nevertheless, the evolution of the international system and the gradual disintegration of the bipolar system have expanded the possibilities of small powers to influence world politics. The problem with the lack of a relatively large territory and resource base has not disappeared, but there are more vectors of foreign policy development, for example, the “policy of neutrality” [9].

The politics of neutrality of some European small states in modern security system

Neutral status has been used by small states as an effective method to guard against possible threats from their neighbors and, lately, to influence the global security system, increasing their own power. Identity, which is a set of two components: the perception of the state by itself and the perception of it by other states, plays a key role in defining the political actions of such small states. So, Austria and Switzerland, identifying themselves as neutral states, have to maintain their image in the eyes of others. These states attach great importance to their identity, which is expressed in a commitment to neutrality. Despite the fact that in modern conditions these states are interested in expanding their influence in various regions of the world, neutrality is a public request. Switzerland has maintained a neutral status for more than 200 years, in Austria neutrality has been enshrined in the constitution since 1955. However, in modern circumstances politics of neutrality is being questioned due to several problems.

Firstly, permanent neutrality is rather a concept in which state remains neutral both in wartime and in peacetime [10]. At the same time, there are no clear definitions of the rights and obligations of a permanently neutral state [11]. This why close cooperation between the European Union and Austria in the field of military security challenges its politics of neutrality. Austria, as the EU member, is also a part of the Permanent Structured Cooperation (PESCO), where the state coordinates the Chemical, Biological, Radiological and Nuclear Surveillance as a Service (CBRN SaaS). This project will establish a persistent and distributed manned-unmanned

sensor network consisting of Unmanned Aerial System and Unmanned Ground Systems that will be interoperable with legacy systems to provide a Recognized CBRN Picture to augment existing Common Operational Pictures used for EU missions and operations [12].

Secondly, according to the foreign policy strategies of Austria and Switzerland, these countries, within the framework of neutrality, participating in international armed missions to maintain peace and security in the world under the aegis of the UN. A program of the Austrian Government aimed at supporting countries in Africa, Asia, South-Eastern and Eastern Europe and the Caribbean [13]. The Swiss Armed Forces are involved in peace support operations within the framework of the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), the United Nations (UN) and the European Union (EU) [14]. On the account of their neutrality, the Swiss servicemen and women engaged in these operations are highly valued by all sides, especially by government authorities, local communities and international organizations. Another positive factor is that Switzerland does not have a colonialist history. Swiss peacekeepers are therefore ideally equipped for international peace support operations.

Thirdly, Austria and Switzerland, as the UN member states, use their neutrality as a benefit. For instance, this is achieved through their cities — Vienna and Geneva, as negotiating platforms for the conflicting parties. In early January 2022: the Russian-American meeting was held in Geneva, while the meeting in the OSCE took place in Vienna. The image of neutral states, as reliable negotiating partners, strengthen their credibility and thereby fully correspond to their interests. The most striking example is the election of Switzerland to the UN Security Council as a non-permanent member for the term from 2023 to 2024, since it is Switzerland that considered as a state which is capable to build bridges in the current volatile international environment [15]. This task is also fixed in Switzerland's foreign policy strategy for 2020–2023 [16].

Austrian and Swiss politics of neutrality during the Ukrainian crisis

The Ukrainian conflict is a new challenge not only for the international security system, but also for the Austrian and Swiss neutrality. As the Ukrainian conflict escalated, these states sided with the European Union, strengthening relations with European partners to preserve their own security. For example, Austria supported the training of Ukrainian soldiers by EU member states, but refused to take part in it itself. According to Austrian Foreign Minister A. Schellenberg, Austria will continue to support Kiev, but does not plan to participate in the mission for the Ukrainian military. The head of the Ministry noted that Austria's participation in this mission cannot be ruled out for the future [17]. The Russian-Austrian public forum “Sochi Dialogue” has now been suspended. The Austrian co-chairman of

this forum Christoph Leidl said that “while the weapons are talking, the dialogue is silent” [18]. The Russian side views the situation with the Sochi dialogue in a different way. According to the director of the Sochi Dialogue, Maria Matveeva, the dialogue cannot come to an end, because during its work direct contacts between representatives of civil society have been formed [19].

Switzerland, on the one hand joined the sanctions against Russia, claiming that there is nothing against the principles of neutrality. The state followed a neutral status in matters of transporting weapons to Ukraine through Switzerland (Germany and Italy were refused to their request). The Swiss president indicated his country’s position on the Paris Peace Forum. And on the other hand, from the 14th of November, Switzerland restricted any transportation of weapons through its territory [20]. Earlier Switzerland has also sent humanitarian aid to the Donetsk (130 trucks) [21].

Conclusion

The neutrality of Austria and Switzerland is transforming, as even small states have big experience in the system of international security and their ambitions on the political arena have changed. While the need to care about safety of the national borders has become not so vital, there are some other goals, such as strengthening of the economic and cultural partnerships with other states from different parts of the world.

A remarkable indicator of the change in the discourse of Austria is the words of the Minister of Foreign Affairs about the support of the Ukrainian side. Austria has external restrictions in the form of EU membership, because of which the country is forced to correlate its discourse with the pan-European one.

In Switzerland, the discourse remains unchanged, the state still forms its policy based on neutrality in the first place. Nevertheless, it is also impossible to say that Switzerland adheres to the policy of neutrality as strictly as possible, because Bern nevertheless joined the anti-Russian sanctions.

The neutrality of the 21st century is going through serious changes, especially in times of conflict on the territory of Europe. Taking into account such facts as the dependence of countries’ interests on political and economic factors, and the absence of a definition of the concept of permanent neutrality in any doctrines or documents, it still continues to play a key role in making foreign policy decisions. The example of Austria and Switzerland shows that states build their policies in such a way that the principle of neutrality works in favor of the interests of countries on the world stage. Such a policy is widely supported by the citizens of Austria and Switzerland, which means that it is necessary to develop clear rights and obligations of the state with a neutral status in order to preserve and strengthen it in the future.

The Ukrainian crisis is an endurance test for the neutrality policy in the modern world. Under the current circumstances the policy of permanent neutrality is coming

to the vanishing point, partly due to the interests of the countries are determined by both political and economic factors, but also because of the concept of permanent neutrality is not enshrined in any doctrines or documents. Hence, in the interests of observing the policy of neutrality, which is received broad support from the Austrian and Swiss citizens, it is significant to develop explicit rights and obligations of a state that maintains the status of a permanent neutral power. It can be noticed that Austria and Switzerland are adapting the meaning of neutrality on their own, taking into account their own benefits, but they still make political decisions guided by neutrality, as it is their identity and their permanent interest.

References

1. Современные теории международных отношений: учебник / Под ред. В. Н. Конышева, А. А. Сергунина. М.: ПГ-Пресс, 2013. 368 с. [Modern Theory of International Relations: Textbook Ed. V.N. Konysheva, A. A. Sergunin. M.: RG-Press, 2013. 368 p.]
2. Politics Among Nations: the struggle for power and peace / H. J. Morgenthau, K. W. Thompson. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
3. Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organisation. 1969. Т. 23. № . 2. P. 291–310.
4. Schumpeter J. The Sociology of Imperialism // Imperialism and social classes. Cleveland: World Publishing Co., 1955.
5. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little Brown and Company, 1977. P. 326.
6. Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International organization. 1992. Т. 46.— № . 2. pp. 391–425.
7. Корунова Е. В. Программа курса «Дефиниция» нейтралитет». Теория и практика политики нейтралитета в системе международных отношений» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика.— 2009.— № . 1.— С. 148–162. [Korunova E. V. The program of the course “Definition of “neutrality”. Theory and practice of the policy of neutrality in the system of international relations” // Bulletin of the Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2009. № . 1. pp. 148–162.]
8. Ковалев А. А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. 2021. № 2. С. 28–40. [Kovalev A. A. Topical Issues of the Security Strategy of Small States // Security Issues. 2021. № . 2. pp. 28–40.]
9. Сета П. Нейтральность Швейцарии: миф или реальность? // Российский совет по международным делам. 08.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/p-seta/> [Seta P. Switzerland's Neutrality: Myth or Reality? // Russian International Affairs Council. 08/08/2022. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/p-seta/>] (accessed: 07.11.2022).
10. Русанов М. С., Шаранова Н. В. Нейтралитет Австрии в контексте сотрудничества с международными организациями // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. [Rusanov M. S., Sharapova N. V. Neutrality of Austria in the context of cooperation with international organizations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № . 11.]

11. Permanent Structured Cooperation (PESCO). URL: <https://www.pesco.europa.eu/> (accessed: 20.01.2023).
12. Österreich: 60 Jahre Teilnahme an internationalen Einsätzen // Official publications of the Republic of Austria. Federal Minister for National Defense. 2020. URL: <https://www.bundesheer.at/ausle/index.shtml> (accessed: 20.01.2023).
13. Switzerland's Foreign Policy Strategy 2020–23 // Schweizerische Eidgenossenschaft. 26.01.2022. URL: <https://www.fdfa.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/implementing-foreign-policy/aussenpolitischestrategie.html> (accessed: 27.09.2022).
14. Switzerland on the UN Security Council // Federal Department of Foreign Affairs (FDFA). URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/international-organizations/un/switzerland-commitment/UNO-Sicherheitsrat.html> (accessed: 25.01.2023).
15. Switzerland's Foreign Policy Strategy 2020–23 // Schweizerische Eidgenossenschaft. 26.01.2022. URL: <https://www.fdfa.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/implementing-foreign-policy/aussenpolitischestrategie.html> (accessed: 25.01.2023).
16. Австрия поддерживает миссию ЕС для украинских военных // ТАСС. 17.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16073651> (accessed: 11.12.2022).
17. Ukraine: Die Schweiz setzt das achte Sanktionspaket der EU um // Eidgenössisches Department für Wirtschaft, Bildung und Forschung. 23.11.2022. URL: https://www.wbf.admin.ch/wbf/de/home/dokumentation/nsb-news_list.msg-id-91875.html (accessed: 25.01.2023).
18. Форум России и Австрии заявил, что «диалог не может распасться» // РБК. 08.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/629f59c89a7947227e88a91a> [Forum of Russia and Austria said that “the dialogue cannot fall apart” // RBC. 06/08/2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/629f59c89a7947227e88a91a>] (accessed: 02.12.2022).
19. Швейцария ввела эмбарго на поставки России и Украине военных товаров // РИА Новости. 23.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221123/shveytsariya-1833704220.html> [Switzerland imposed an embargo on the supply of military goods to Russia and Ukraine // RIA Novosti. 11/23/2022. URL: <https://ria.ru/20221123/shveytsariya-1833704220.html>] (accessed: 02.12.2022).
20. Швейцария отправила 130 грузовиков с гуманитарной помощью в Донбасс // ТАСС. 05.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12306273> [Switzerland sent 130 trucks with humanitarian aid to Donbas // TASS. 09/05/2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12306273>] (accessed: 25.01.2022).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Иванов Глеб Иннокентьевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СФЕРЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ И КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

UNITED KINGDOM'S POLICY IN THE FIELD OF NUCLEAR WEAPONS, NON-PROLIFERATION AND CONTROL OF NUCLEAR WEAPONS AT THE CURRENT STAGE

Аннотация. Цель данной статьи — охарактеризовать политику Великобритании в сфере ядерного оружия, нераспространения и контроля над ядерным оружием, а также определить причины проведения такой политики и ее последствия. Изучению вопросов ядерного оружия и нераспространения Великобритании уделяют меньше внимания по сравнению с Россией и США. В работе рассматривается национальная стратегия страны в этой сфере, участие в международных инициативах и организациях, проблема AUKUS. В результате делается вывод, что политика Великобритании является многоплановой и в основном конструктивной, хотя некоторые решения имеют негативное влияние на международную систему и, в частности, на режим нераспространения.

Ключевые слова: Великобритания, ядерное оружие, нераспространение, контроль над вооружениями, AUKUS, ДНЯО.

Abstract. The aim of this article is to characterize the UK's policy in the field of nuclear weapons, non-proliferation and control of nuclear weapons, as well as to determine the reasons for such a policy and its consequences. The UK is given little attention compared to Russia and the United States, when studying the issues of nuclear weapons and non-proliferation. The article considers the country's national strategy in this field, participation in international initiatives and organizations, the

problem of AUKUS. As a result, it is concluded that the policy of the UK is multifaceted and mostly constructive, although some decisions have a negative effect on the international system and, in particular, on the nonproliferation regime.

Keywords: United Kingdom, nuclear weapons, non-proliferation, arms control, AUKUS, NPT.

Введение

Актуальность работы заключается в том, что ядерное оружие и связанные с ним темы снова появились в международной повестке. Запорожская АЭС, угроза применения ядерного оружия на Украине, ядерная программа КНДР, проблема AUKUS заставили снова говорить на такую важную тему. Сотрудничество РФ и США в сфере контроля над вооружениями оставляет желать лучшего, КНР и Великобритания наращивают свой ядерный потенциал. Соединенное Королевство имеет отношение ко всем этим процессам, от него, как от члена «ядерного клуба», многое зависит, поэтому изучение и анализ его политики представляется очень важным в данной ситуации.

Исходя из этого ставится соответствующая цель исследования — охарактеризовать политику в сфере ядерного оружия, нераспространения и контроля над ядерным оружием, а также определить причины проведения такой политики и ее последствия. Данная цель может быть достигнута при выполнении определенных задач, а именно:

1. Рассмотреть национальную политику Великобритании в этой сфере.
2. Оценить участие Соединенного Королевства в международных инициативах, организациях, связанных с проблематикой ядерного оружия, а также изучить его позицию по вопросу принятия договорно-правовых обязательств наподобие соглашений между РФ и США.
3. Проанализировать опасности сотрудничества стран в рамках AUKUS для режима нераспространения.

Поскольку в контексте ядерного оружия, нераспространения и контроля над ядерным оружием в фокусе обычно находятся Россия и США, то работа, посвященная Великобритании, содержит научную новизну. Существуют объективные причины повышенного исследовательского интереса к США и России в связи с чем другим государствам уделяется меньше внимания. К тому же Соединенное Королевство выпустило новые документы, например, Национальный отчет к Обзорной конференции ДНЯО 2021 года, а также обновило стратегию «Глобальная Британия» в марте 2023 года. Вдобавок, в анализе политики учитываются не только решения на национальном уровне, но и международное взаимодействие и сотрудничество. Комплексное изучение данного вопроса с учетом новых реалий поможет прийти к более точным и актуальным выводам.

Новизна работы непосредственно влияет на ее практическую значимость, заключающуюся в том, что исследование поможет лучше понимать положение Великобритании в контексте ядерных сил, причины и возможные последствия ее политики. В будущем это может позволить делать более точные прогнозы по поводу дальнейших шагов Соединенного Королевства в данной сфере.

Для повышения качества работы использовались следующие источники и литература, которые можно разделить на несколько категорий. Первая — официальные документы британского правительства и парламента. Такие документы крайне важны, так как помогают увидеть, какие цели ставит перед собой страна, как собирается их достичь, как она объясняет свою политику на официальном уровне. Также по вопросу AUKUS были использованы официальные источники других стран, позволяя проанализировать вопрос более объективно. Вторая — данные и отчеты международных организаций и проектов. Преимущество такого типа источников заключается в том, что организации и проекты предоставляют более объективную и неангажированную информацию о стране. К тому же они обладают данными, которые позволяют быстро сравнить показатели и позиции разных стран. Третья — доклады аналитических центров. Экспертная оценка позволяет рассмотреть проблему в разных ракурсах, обеспечивая нейтральный характер экспертизы. Такая литература позволяет провести всесторонний анализ. В данном случае использовались доклады как российских, так и зарубежных аналитических центров.

Национальная политика Великобритании в сфере ядерного оружия

Для начала стоит сказать, что Великобритания является ядерной державой с 1952 года. В настоящее время стратегия Соединенного Королевства подразумевает минимальный уровень ядерного сдерживания, то есть оно не придерживается политики «неприменения первым», так как считает такую политику несовместимой с доктриной сдерживания НАТО [1, р. 7]. Применение ядерного оружия возможно только в случае чрезвычайных обстоятельств для самозащиты и защиты союзников по НАТО. Вдобавок, согласно обзору «Глобальная Британия в эпоху конкуренции», Великобритания придерживается политики «преднамеренной двусмысленности», которая заключается в том, что государство больше не предоставляет публичные данные о ядерных запасах, количестве развернутых боеголовок и ракет и о том, когда и как Соединенное Королевство будет рассматривать возможность применения ядерного оружия [2, р. 76]. Далее говорится, что Великобритания не будет применять или угрожать

применением ядерного оружия против любого неядерного государства — участника ДНЯО (Договор о нераспространения ядерного оружия). Тем не менее, делается намеренная оговорка, что эта гарантия не распространяется на государства, нарушившие обязательства по ДНЯО, и что это положение может быть пересмотрено в будущем, если возникнет угроза оружия массового поражения (биологического, химического, «новые технологии»), которое будет иметь сопоставимое с ядерным оружием воздействие [2, p. 77].

Пунктов, связанных с сокрытием публичных данных и возможностью пересмотра положения о неприменении ядерного оружия против государств — подписантов ДНЯО, не было в концепции 2015 года. Такие изменения связаны с тем, что Великобритания воспринимает современные международные отношения как нестабильную среду, эпоху конкуренции демократий и автократий, в которой риски для безопасности страны возросли. Однако в этом ключе политика «преднамеренной двусмысленности» не является чем-то необычным, например, формулировка «угроза существованию государства» в российских документах [3] тоже оставляет пространство для интерпретаций и создает двусмысленность.

В настоящий момент ядерные запасы Великобритании оцениваются в 225 боеголовок, а силы ядерного сдерживания представлены только морской компонентой, основа которой — 4 подводные лодки класса «Vanguard» (ПЛАРБ), обеспечивающие непрерывное сдерживание на море, с баллистическими ракетами Trident II D5 (которые обслуживаются совместно с США), оснащенными боеголовками Mk4/A. Каждая подводная лодка может быть вооружена максимум 16 ракетами, несущими до 8 боеголовок каждая. Их местом базирования является военно-морская база Клайд, расположенная в Шотландии.

Стоит отметить, что в стратегиях 2010 и 2015 гг. предполагалось, что количество боеголовок будет снижено до 180 штук к середине 2020-х, однако в связи с вышеупомянутыми причинами эта планка наоборот была поднята до 260 [2, p. 2, 3]. Таким образом, Великобритания и Китай — это единственные страны — постоянные члены СБ ООН, которые решили увеличить свои ядерные запасы, но количество боеголовок Великобритании все равно остается наименьшим в «ядерной пятерке». Тем не менее, начиная с 1995 года Великобритания не производит расщепляющиеся материалы для создания оружия, однако сохраняет запасы в 22 тонны высокообогащенного урана и 3,2 тонны плутония, применимых в оборонных целях [4].

С 2006 года Соединенное Королевство модернизирует свое ядерное вооружение. Это включает в себя замену подлодок класса «Vanguard» на класс «Dreadnought» (первая должна быть готова к началу 2030-х), потенциальное

продление срока службы Trident до 2060-х, переход на новые боеголовки начиная с конца 2030-х и другие программы, подразумевающие инвестиции и выделение средств [1, р. 15, 16]. Стоит упомянуть, что и обслуживание, и модернизация ядерных сил осуществляется при разноплановой поддержке США, но это не делает британские вооруженные силы полностью зависимыми, так как Соединенное Королевство сохраняет полный контроль над ними в вопросе применения.

Оценивая стратегию Великобритании и ее ядерное вооружение, можно отметить, что изменение подходов к использованию ядерного оружия и публикации открытых данных о ядерном арсенале объясняется изменившейся мировой обстановкой. С 2014 года уровень напряженности в отношениях России и стран Запада значительно возрос, Великобритания открыто называла Россию угрозой своей безопасности, а также включила в список виноватых в дестабилизации Иран и Северную Корею. Этот объективный фактор наложился на субъективный — восприятие угроз британским руководством. Вдобавок, после выхода из ЕС Соединенное Королевство находится в поиске своего места в мире, поэтому и появилась концепция «Глобальная Британия». Мощный ядерный арсенал должен помочь Великобритании занять то место в мировой системе, которое, по мнению руководства страны и элит, она заслуживает. В совокупности это и привело к решению об увеличении ядерного арсенала, а модернизация ядерного вооружения, идущая с 2006 года, отлично сочетается с таким решением и делает ядерные силы Соединенного Королевства сильнее. Конечно, если сравнивать с другими ядерными государствами, Великобритания не является лидером, однако членство в НАТО дополнительно укрепляет ее потенциал, так как у альянса есть мощное ядерное оружие США.

Необходимо также остановиться чуть подробнее на политике ядерного сдерживания НАТО, раз Великобритания является членом этого альянса. Официально ядерное оружие — высшая гарантия безопасности НАТО, а сам альянс может решить применить его только в самых крайних случаях [5, р. 8]. Такое применение может быть произведено только после консультаций Группы ядерного планирования, но окончательное решение принимают лидеры государств с ядерным оружием. Этот подход, с одной стороны, накладывает дополнительное ограничение на Великобританию, потому что с большой долей вероятности она будет обсуждать вопрос применения ядерного оружия с союзниками по НАТО и вряд ли применит его без согласия всех членов. С другой стороны, при экзистенциальной угрозе Соединенное Королевство может применить его и без консультаций вовсе, получив при этом поддержку ядерных сил Франции и Соединенных Штатов.

Британское участие в международных инициативах

Великобритания является участником ДНЯО. В своей стратегии она выражает приверженность полной реализации этого договора, включая ядерное разоружение, нераспространение и использование атомной энергии в мирных целях [2, р. 78]. На практике мы видим, что решение увеличить потолок ядерного арсенала противоречит заявлениям. Это, конечно, не подрывает основы ДНЯО, но, скорее, приводит к тому, что другие страны могут начать сомневаться в реальных намерениях Великобритании. Тем не менее, такая критика неконструктивна, ведь Королевство подписало и ратифицировало Договор по открытому небу, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), является участником Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом [6]. Великобритания — один из крупнейших спонсоров Организации ДВЗЯИ (Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний), предоставляет ей ежегодно 4,5 миллиона фунтов стерлингов, а также предоставляет свою территорию для функционирования 13 объектов, которые поддерживают работу Международной системы мониторинга [7, р. 12].

Согласно Национальному отчету, посвященному выполнению обязательств по ДНЯО, Великобритания предприняла серьезные шаги в вопросе верификации, провела многочисленные исследования и даже первые в истории учения в рамках Четырехстороннего партнерства по верификации (Великобритания, Норвегия, США, Швеция); что касается транспарентности, Соединенное Королевство финансировало исследования в этой сфере, консультировалось с гражданским обществом, парламентом, НПО, а также провело в 2020 году так называем «процесс Р5» (пяти ядерных держав), где вместе с Китаем, Россией, США и Францией обсуждались все ключевые вопросы ядерного разоружения [7, р. 13–15]. МАГАТЭ отводится одна из ключевых ролей в поддержке нераспространения, и Великобритания всячески содействует организации по вопросам гарантий, выделяет значительные средства, а также подчеркивает важность сотрудничества государств в сфере использования науки и технологий в мирных целях [8]. Исходя из этого, можно сделать вывод — Великобритания привержена международным обязательствам, и работает над успешной реализацией всех главных принципов и целей ДНЯО несмотря на увеличение планки ядерного арсенала.

По вопросу предлагаемого Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов Великобритания занимает достаточно благоприятную позицию, отдавая приоритет договоренностям по верификации исполнения пунктов будущего договора без каких-либо предварительных условий [9]. Такая позиция вполне логична, ведь с 1995 года Великобритания

не производит эти материалы для создания оружия, а их запасы подлежат инспекциям МАГАТЭ [7, р. 11], поэтому и относится к возможности заключения такого договора положительно.

Из всех договоров Великобритания не подписала только Договор о запрещении ядерного оружия, но стоит заметить, что его не подписала ни одна ядерная держава. Правительство обосновывает подобный подход отсутствием в договоре детальных шагов для глобального ядерного разоружения, поэтому и подписывать договор страна не будет [10]. Этот аргумент отражает существующую реальность, ведь если даже система договоров между США и Россией по вопросу ядерного разоружения и контроля сильно пострадала в последнее время (Договор по открытому небу, ДРСМД (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), недавний срыв переговоров по возобновлению инспекций в рамках ДСНВ и последовавшее за этим решение РФ приостановить свое участие в СНВ-3), а договоров между другими ядерными державами и вовсе не существует, то консенсуса по поводу полного запрета явно нет. Поэтому Великобритания отводит ключевую роль ДНЯО, а также ссылается на непредсказуемую международную обстановку в области безопасности [10].

Соединенное Королевство являлось одной из стран, участвовавших в подписании соглашения по иранской ядерной программе, а также всегда выступало за его имплементацию, даже не одобрив выход из соглашения США при администрации Трампа. В связи с постепенной эрозией соглашения, наращиванием Ираном темпов ядерной программы и провалом переговоров по возобновлению договоренностей Великобритания очень озабочена сложившейся ситуацией. В совместном с Францией и Германией заявлении, адресованном Совету управляющих МАГАТЭ, выражается серьезная обеспокоенность тем, что Иран уже обогатил уран до 83,7%, нарушает свои обязательства перед МАГАТЭ и отказался от новых условий сделки в марте и августе 2022 года [20]. Позиция британского руководства не нова, в стратегических документах Иран фигурирует в качестве угрозы международной безопасности и стабильности, поэтому и ставится цель — не дать Ирану создать собственная ядерное оружие.

Говоря о ядерном разоружении, нужно отметить, что Великобритания хоть и участвует в запрещении различных видов ядерной деятельности, но договорно-правовые ограничения ядерных вооружений, как в случае с РФ и США, британцев не связывают. На соглашение с Россией Великобритании нет смысла идти, ведь разница в их ядерных арсеналах слишком большая, а фиксировать свое отстающее положение Великобритания не намерена. Учитывая решение об увеличении потолка ядерных сил, Великобритания вряд ли пойдет на подписание таких договоров в ближайшем будущем, пока

система международных отношений не стабилизируется, приобретая новую форму. Можно было бы рассматривать возможность заключения договора в формате Великобритания, Франция — Россия, но огромная асимметрия сил, а также нежелание просто так согласиться на меры транспарентности и инспекционной деятельности Великобритании и Франции на территории России сильно понижает такую вероятность [18, с. 7]. Однако Россия считает, что в связи с нынешней ситуацией в будущих договоренностях необходимо учитывать ядерный потенциал Соединенного Королевства и Франции [19]. Поэтому для возможности подписания такого договора нужно добавлять какие-либо новые вводные. Великобритания могла бы заключить двустороннее соглашение по ядерным вооружениям с КНР, ведь они обладают примерно равным количеством боезарядов. Однако преградой является разный состав ядерных сил и малая заинтересованность Китая в таком соглашении, учитывая постепенное наращивание им своей ядерной мощи.

Таким образом, можно сказать, что Соединенное Королевство глубоко интегрировано в систему многосторонних договоров по вопросам ядерного оружия и связанных с этим тем. Не стремясь к полному запрету ядерного оружия без создания благоприятной для этого конъюнктуры, Великобритания вносит огромный вклад в международное сотрудничество по всем ключевым вопросам, выполняет свои обязательства и старается поддерживать существующий международный режим в отношении оружия массового поражения, так как это в полной мере соответствует ее интересам.

AUKUS и режим нераспространения

Создание в сентябре 2021 года AUKUS поставило вопрос: как сотрудничество в рамках альянса повлияет на режим контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия? Государствами участниками объединения подразумевается, что благодаря помощи США и Великобритании, которые будут поставлять реакторы, высокообогащенное топливо и другие компоненты, Австралия к 2040 году будет обладать 8-ю атомными подводными лодками. США официально заявили, что они вместе с партнерами по AUKUS привержены своим международным обязательствам и будут продолжать взаимодействовать и консультироваться с МАГАТЭ, руководствуясь Соглашением о всеобъемлющих гарантиях и обеспечивая надежную верификацию [11]. До марта 2023 года будут предполагались технические консультации стран с МАГАТЭ по вопросу того, как будет реализовано сотрудничество в рамках AUKUS. По заявлению Австралии, помимо консультаций с МАГАТЭ и отказа от создания ядерного оружия, подход страны основан на том, что, во-первых, им будут поставляться комплектные силовые установки сварной конструкции, что крайне затруднит возможность

извлечения ядерного материала, а при извлечении выйдет из строя и реактор, и подводная лодка [12, р. 5]. Во-вторых, этот ядерный материал будет находиться в форме, не позволяющей использовать его в ядерном оружии непосредственно, без химической переработки, для чего потребуется обогащение, которого у Австралии нет [12, р. 5]. Подтверждается и приверженность Австралии к соблюдению Договора Раротонга, устанавливающего безъядерную зону в южной части Тихого океана [11]. В целом, на данном этапе этих заявлений и действий оказалось достаточно, чтобы снизить уровень беспокойства МАГАТЭ, однако представители Китая и России думают иначе. Китай рассматривает действия AUKUS как прямое нарушение режима нераспространения и считает, что МАГАТЭ выходит за рамки своего мандата, а рассматривать этот вопрос нужно в рамках межправительственного процесса [13, р. 3, 4]. Более того, звучат обвинения, что страны своими действиями «берут в заложники» Секретариат организации [13, р. 5, 6]. Позиция Китая в этом вопросе понятна, ведь альянс имеет антикитайскую направленность, и КНР болезненно реагирует на партнерство AUKUS. Появление атомных подводных лодок в относительной близости от границ КНР, а также более активная деятельность Великобритании и США в регионе воспринимаются как прямая угроза безопасности Китая. Критиками заключенного пакта также являются Сирия, Малайзия и особенно Иран, представители которого обвинили МАГАТЭ в двойных стандартах [21] в связи с ситуацией с иранской ядерной программой.

Обеспокоены соглашением Великобритании, США и Австралии также представители научных кругов и гражданского общества некоторых стран. В нем видят угрозу того, что, например, в Японии и Австралии могут затронуть вопрос, почему они не могут иметь те же возможности, что и США с Великобританией [14]. В реальности такая ситуация представляется маловероятной, так как в той же Японии такие идеи скорее могут появиться под влиянием роста напряженности на Корейском полуострове, в Восточно-Китайском море и на Тайване. Ограниченный доступ к технологиям вряд ли изменит общественное мнение и мнение руководства в пользу развития собственного ядерного потенциала, для этого нужна серьезная угроза безопасности.

Большинство зарубежных аналитиков считают, что эта сделка не нарушает ДНЯО напрямую, однако повышает опасность подрыва режима нераспространения [15, с. 15]. Одна из главных проблем — Австралия создает прецедент. МАГАТЭ не сможет инспектировать ядерные материалы под водой, Австралия станет первым неядерным государством, обладающим атомными подводными лодками, что в будущем позволит другим государствам, которые будут действовать менее добросовестно, использовать прецедент Австралии в качестве прикрытия для разработки собственного ядерного оружия [16].

Решение Великобритании участвовать в этом проекте, использование ею лазеек в международных договорах не совсем стыкуется с достаточно ответственной политикой в сфере нераспространения, контроля за ядерным вооружением. Однако решение слегка изменить свою позицию связано с тем, что Австралия является ее союзником. К тому же в рамках соперничества с Китаем для Соединенных Штатов это очень важный шаг по сдерживанию КНР в регионе, а так как Великобритания считает США своим главным союзником и партнером, она готова была пойти на это ради «особых отношений». Вдобавок, Соединенное Королевство разделяет опасения США насчет Китая, признавая конец «золотой эпохи» отношений с КНР [17].

Заключение

Таким образом, политика Великобритании в сфере ядерного вооружения, контроля и нераспространения является многоплановой. С одной стороны, государство, в целом, действует конструктивно, выполняя свои международные обязательства и поддерживая различные международные инициативы. С другой стороны, изменения в национальной стратегии, сотрудничество в рамках AUKUS в определенной мере негативно влияют на международный режим контроля над ядерными вооружениями и их нераспространения. В ближайшее время изменений в политике Великобритании по этим вопросам, включая новые двусторонние договорно-правовые обязательства, ждать не приходится в связи с дестабилизацией ситуации в международных отношениях из-за конфликта на Украине. Определенный отход от решений по потолку ядерного арсенала и публикации данных по нему возможен только в случае снижения градуса конфронтации с Россией, чего скорее всего в ближайшее время не произойдет.

Библиография

1. Nuclear weapons at a glance: United Kingdom // House of Commons [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9077/CBP-9077.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).
2. Integrated Review 2021: Increasing the cap on the UK's nuclear stockpile // House of Commons [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9175/CBP-9175.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).
3. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента Российской Федерации № 355 от 02.06.2020. // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Fissile material stocks // International Panel on Fissile Materials [Электронный ресурс]. URL: <https://fissilematerials.org/#:%7E:text=Fissile%20material%20stocks,310%20tons%20was%20civilian%20plutonium> (дата обращения: 02.12.2022).

5. NATO 2022 Strategic Concept // NATO [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 03.12.2022).
6. Treaties and Regimes // Nuclear Threat Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/> (дата обращения: 04.12.2022).
7. National Report of the United Kingdom on the NPT // UK Government [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1029703/UK-national-report-non-proliferation-of-nuclear-weapons-10th-review-conference.pdf (дата обращения: 04.12.2022).
8. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Review Conference // UK Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2022-10-12/debates/22101294000011/TreatyOnTheNon-ProliferationOfNuclearWeaponsReviewConference> (дата обращения: 05.12.2022).
9. Nuclear Disarmament United Kingdom // Nuclear Threat Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/united-kingdom-nuclear-disarmament/> (дата обращения: 05.12.2022).
10. UK statement on treaty prohibiting nuclear weapons // UK Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-statement-on-treaty-prohibiting-nuclear-weapons> (дата обращения: 06.12.2022).
11. Non-paper on Nuclear proliferation cooperation under AUKUS // U.S. Mission to International Organizations in Vienna [Электронный ресурс]. URL: <https://vienna.usmission.gov/non-paper-nuclear-propulsion-cooperation-aucus-sept-2022/> (дата обращения: 06.12.2022).
12. Гарантии МАГАТЭ в связи с AUKUS // Совет управляющих [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/22/09/govinf2022-20_rus.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
13. China's Working Paper on the Nuclear Submarine Cooperation under AUKUS // The People's Republic of China Permanent Mission in Vienna [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infcircs/2022/infcirc1034.pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
14. Peace Movements' Perspectives on the AUKUS Military Pact // Campaign for Peace, Disarmament and Common Security [Электронный ресурс]. URL: <https://cpdcs.org/peace-movements-perspectives-on-the-aucus-military-pact-2/> (дата обращения: 08.12.2022).
15. Ермаков С. М. Влияние AUKUS на систему международной безопасности // РИСИ [Электронный ресурс]. URL: https://riss.ru/documents/1790/journal_221_70_06.pdf (дата обращения: 09.12.2022).
16. *Acton J.* Why the AUKUS Submarine Deal Is Bad for Nonproliferation — And What to Do About It // Carnegie Endowment for International Peace [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/09/21/why-aucus-submarine-deal-is-bad-for-nonproliferation-and-what-to-do-about-it-pub-85399> (дата обращения: 10.12.2022).
17. Сунак признал конец золотой эпохи отношений между Великобританией и Китаем // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2022/11/29/end_of_good_relations/ (дата обращения: 10.12.2022).

18. *Арбатов А. Г.* Глобальная стабильность в ядерном мире // ИМЭМО РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2021/VestnikRAS-062021-Arbatov.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).
19. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Сайт Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 26.03.2023).
20. E3 statement to the IAEA Board of Governors on the Joint Comprehensive Plan of Action, March 2023 // UK Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/e3-statement-to-the-iaea-board-of-governors-on-the-joint-comprehensive-plan-of-action-march-2023> (дата обращения: 26.03.2023).
21. *Карнаухова Е. А.* Эрозия режима ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка (на примере X обзорной конференции договора о нераспространении ядерного оружия) // ПИР-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://pircenter.org/2023/01/10/jerozija-rezhima-jadernogo-nerasprostraneniya-v-uslovijah-transformacii-mirovogo-porjadka-na-primere-x-obzornoj-konferencii-dnjao/> (дата обращения: 26.03.2023).

Подписано к публикации 12.09.2023.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,75.
Заказ № 14490

Издательство Скифия-принт.
Адрес: 197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10
тел.: (812) 982 83 94,
эл. почта: skifa-print@mail.ru